

ISSN: 2229-7146

Jawaharlal Nehru University

CRITIC

No. 24, 2025

© Centre of Russian Studies, SLL&CS, JNU

ISSN: 2229-7146

EDITORS

Chief Editor: Prof Kiran Singh Verma

Editors: Dr Ajoy Kumar Karnati

Dr Sonu Saini

Dr Suman Beniwal

Our Reviewers:

Prof Indira Gazieva, Professor, Russian State University for Humanities, Russia

Prof Larisa Khoreva, Professor, Russian State University for Humanities, Russia

Prof Andrei Potemkin, Director, Russian House, Kuala Lumpur

Prof Ekaterina Pokholkova, Professor, MSLU, Moscow, Russia

Prof Alexandra Matrusova, Professor, Pushkin State Institute of Russian Language, Moscow

Prof Alexander Vitalievich Pashkov, Professor, MSLU, Moscow, Russia

Prof Anna Ponamoreva, Professor, University College, London

Prof Irina Poplavskaia, Professor, Tomsk State University

Prof Aziza Mirzanazarova, Professor, Ibrat Namangan State Institute of Foreign Languages, Uzbekistan

Prof Tatyana Kostyukova, Professor, Tomsk State University

Dr Maria Bregman, Russian-British art and literary critic, writer, and cultural producer, London

Dr Kunwar Kant, Assistant Professor, EFL University, Hyderabad, India

Mr Kaushal Kishore, Assistant Professor, MS University, Baroda, India

Dr Sushant Saini, Assistant Professor, MS University, Baroda, India

Dr Hawa Singh Yadav, Assistant Professor, EFL University, Hyderabad, India

Dr Monika Pandey, Assistant Professor, EFL University, Hyderabad, India

Dr Upendra Kumar, Assistant Professor, BHU, U.P.

Dr Neeraj Dhankar, Associate Professor, Mahatma Gandhi Kashi Vidyapith, U.P.

Dr Kiran Bandra, Assistant Professor, Panjab University, Chandigarh

Published by:

Centre of Russian Studies

School of Language, Literature & Culture Studies

Jawaharlal Nehru University

New Delhi - 110067

ISSN: 2229-7146

Printed by:

VK Global Publications Pvt. Ltd.

4323, 3, Ansari Road, Daryaganj, Delhi

Critic is a blind, peer-reviewed journal published annually by the Centre of Russian Studies. It publishes articles in the field of the Russian language, translation, literature, culture, society and comparative studies. Articles in the journal reflect the views of the authors only. All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, without the prior written permission of the publishers.

Messages

(i)	Message from the Ambassador of Russia to India H.E. Denis Alipov	10
(ii)	Message from the Vice-Chancellor, JNU Prof Santishree Dhulipudi Pandit	11
(iii)	Message from the Dean, SLL&CS, JNU Prof Shoba Sivasankaran	12
(iv)	Message from the Director, Russian House, New Delhi Dr Elena Remizova	13
(v)	Message from the Director, Russian House, Kuala Lumpur, Malaysia Dr Andrey Potemkin	15
(vi)	Message from the Chairperson, CRS, SLL&CS, JNU Prof Kiran Singh Verma	16
(vii)	Editors' Note	18

Language

1.	Dr Shraddha Sharma Modern World, AI and Russian Language	27
2.	Dr Rajkumar Yadav Artificial Intelligence and Mobile-Assisted Foreign Language Learning: A Literature Review	35

3.	Mr Chandan Kumar Использования антитезы в пословицах в русском языке и на языке хинди	50
4.	Dr Chandan Suman A Pedagogical Study: Beyond "Good Job"- Cultivating A Growth Mindset in The Classroom through Appropriate Praise for Effective Foreign Language Learning	64
5.	Ms Nandani Dixit Сопоставительный анализ словосочетаний, выражающих «Радость» в русском языке и на языке хинди	81
6.	Dr Krishna Kumar Семантическая особенность оттенка судьбы в сельскохозяйственных пословицах и поговорках в русском языке и на языке майтхили.	94
7.	Mr Syed Mohammad Tabrez Стилистические особенности рассказов Дины Рубиной и Людмилы Петрушевской: количественный лингвистический анализ	108
8.	Ms Saima Parveen Методы и приемы обучения различным формам устной речи при преподавании русского языка как иностранного военнослужащим в Индии	125

9.	Dr Suman Beniwal Творчество Николая Рериха в практике РКИ в индийской аудитории (работа с текстом «Молодежь»)	136

Literature

10.	Prof. Abhai Maurya A New Afanasy Nikitin: Alexander Esaulov – the Author of the Novel End of a Life: the First Novel on Scavenging Community in India	149
11.	Ms. Anju Rani , Dr Fahmina Naaz Mother–Daughter Dynamics in Cross-Cultural Perspective: A Comparative Study of Victoria Tokareva’s Marina and Mannu Bhandari’s Trishanku	169
12.	Ms Anupma Sharma Оксана Робски - родоначальник «Жанра Гламура» в русской массовой литературе	197
13.	Dr Rashmi Giri Образ Кавказа в творчестве А.С. Пушкина и А.И. Приставкина	208
14.	Dr Deepika Vashist Женский голос против стереотипов: критика образования, брака и предустановленного призвания женщин в повести Софьи Соболевой «И pro и contra, мечты и думы надворной советницы лисицыны» (1863)	218

15.	Dr Kunwar Kant Одиночество и идентичность: трансформация деревенского мужчины в городской среде у В.М. Шукшина	229
16.	Dr Radha Mohan Meena Применение индийских поэтических теорий в переводоведении	240
17.	Dr Sushma Kumari Отцовство как сопротивление: центральная роль отцовской любви в романе Гузель Яхиной «Дети мои»	249
18.	Dr Indu Shekhar Традиционный кавказский текст и современная литературная обстановка: кавказский пленный Маканина	259
19.	Ms Harsha Narang Гендерные вопросы начала XX века в произведениях Лидии Зиновьевой-Аннибал, Анны Мирэ И Анны Мар	272
20.	Prof Ranjana Banerjee Вымышленная и реальная Индия в творчестве писателей периода советской России (На основе романа Всеволода Иванова «Похождение Факира» и романа Александра Беляева «Ариэль»)	285
21.	Dr Rohit Raj The Connection of Psychological Depth and Narrative Structure in Russian Folktales	304

22.	Prof Hem Chandra Pande Заметки По «Смерти» (На основе анализа повести В. Распутина «Последний Срок» и рассказа Л. Толстого «Три Смерти»)	320
23.	Dr Nagendra Shrinivas Образ Индии в цикле стихов К.Д. Бальмонта «Индийские травы»	331
24.	Ms Polina V. Dorozhkina Лексико-семантическое поле «Родина» в русской поэзии: корпусный подход	345
25.	Dr Sonu Saini Мир женщин в период Второй мировой войны	361

Translation

26.	Dr Suman Kumar Sharma Особенности перевода русских соматических фразеологических единиц, содержащих компонент «рука» на хинди	373
27.	Mr Pankaj Kumar Sharma Анализ лингвистических, культурных и прагматических изменений при переводе мультфильма «Машины сказки» на язык хинди	392

28. **Dr Subhash Kumar** 408
Грамматические трансформации при переводе рассказа «Интересная кража в кооперативе» М. Зощенко с русского на язык хинди

29. **Dr Vikram Chaudhary** 419
Прагматические аспекты перевода книги Светланы алексиевич «Чернобыльская молитва: хроника будущего»

Culture

30. **Dr Suhail Akhtar** 432
Специфика интертекстуальности в литературе и кино: анализ экранизации «Мастер и Маргарита» М. Булгакова

31. **Dr Archana Kumari** 432
Liminality in Rituals Associated with Death in Russia

32. **Dr Abhijeet** 456
Exploring Ivan Minayev's Contribution in Forging India-Russia Relations

33. **Dr Dinamani** 463
Thou Shalt Not Die: A Poetic Response To The Russo-Japanese War

34. **Dr Parijat Bhattacharjee, Mr. Otabek Khomidov** 476
Культурная гибридность Индии и России в цифровую эпоху

35.	Ms Neemita Arya Положение йоги в России за последние 10 лет	489
36.	Dr Piyush Nikhar Концептуальные метафоры «любви» в духовных песнях и поэзии, посвящённых богу Кришна	510
37.	Dr Kamala Kumari India, Russia and the Growing Significance of the SCO: A Strategic Overview	529
38.	Dr Yuri Stanislavovich Nosov Humanity History Classification in the Context of the Theory of Human Cultural Evolution	542
39.	Prof Manuradha Chaudhary, Dr Sonu Saini Dr Rashmi Giri Exploring the Indo-Russian Relations of the Early Medieval Period through the Artefacts	542
40.	Bibliography of the Authors	574

(i). Message from the Ambassador of Russia to India

H.E. Denis Alipov

The Russian Ambassador

No 3360

New Delhi, October 20, 2025

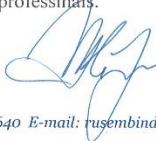
Dear readers,

The year 2025 marks the Diamond Jubilee of the Centre of Russian Studies (CRS), Jawaharlal Nehru University — an occasion of special significance and joy for me as a JNUite.

For six decades, the Centre has stood as a beacon of academic learning, a distinguished institution of education and research, and without exaggeration, one of the finest schools of Russian language and culture in India. It has evolved as an integral part in the matrix of historically deep, comprehensive and trusted Russia-India relationship with Dr Rakesh Kumar Verma, Director, Cabinet Secretariat, Representative of India in RATS, SCO, Prof Abhai Maurya, Founder Vice Chancellor, English and Foreign Languages University, and Prof Kandarpa Das, Vice Chancellor, Girijananda Chowdhury University, among the most prominent graduates, who contributed tremendously to the promotion of our unique ties.

Since its establishment in 1965, the CRS team has traversed a long and dedicated path toward building a self-reliant and forward-looking combination of theoretical insight and practical experience, as well as credible institution capable to reflect contemporary trends and environment. The collection of papers presented in this volume serves as a brilliant testimony to this legacy.

Warm congratulations to the alumni, professors, and students of the CRS on this remarkable jubilee. There is no doubt that the 60th anniversary will become a milestone for new achievements, expanding horizons for excellence and nurturing the next generation of scholars and a wide range of professionals.

 Denis Alipov

(ii). Message from the Vice-Chancellor, JNU

Prof Santishree Dhulipudi Pandit

जवाहरलाल नेहरू विश्वविद्यालय
JAWAHARLAL NEHRU UNIVERSITY
नई दिल्ली-११००६७
NEW DELHI-110067

प्रोफेसर शान्तिश्री डी. पंडित
कुलगुरु
Professor Santishree D. Pandit
Vice-Chancellor

Message from the Vice-Chancellor

Dear Readers,

Let me congratulate the Centre of Russian Studies for its Diamond Jubilee, i.e., completing 60 years of the establishment. It is a landmark occasion that fills the entire JNU community with pride and joy. The Centre of Russian Studies is one of the oldest centres of JNU. It was found in 1965 and has since become one of the nation's pioneer institutions of its kind, spearheading the study of Russian language, literature, culture, and translation. Over the past six decades, the Centre has not only nurtured generations of scholars, translators, and educators, but has also made significant contributions to the consolidation of cultural and educational relations between India and Russia, thereby exemplifying the spirit of international understanding, intellectual engagement, and cooperation that constitutes the core of Jawaharlal Nehru University's academic vision.

To commemorate this historic milestone, the Centre is bringing out a series of scholarly publications, including the journal Critic, Issue no. 23, Critic, Special Issue 24; Journal on Translation of Research Articles, Journal on Translation of Literary Works, an edited book on Creative Writings in Russian, an Abstract Book of the International Conference, IRBB-2025. These publications collectively stand as a testament to the academic rigour, creativity, and collaborative spirit that have guided the Centre through six decades of excellence.

On behalf of Jawaharlal Nehru University, I convey best wishes to the faculty members, alumni, students, and all well-wishers of the Centre of Russian Studies. May this Diamond Jubilee serve as an enduring source of inspiration, leading to new frontiers in teaching, research, and cultural cooperation, and may the Centre continue to uphold the proud traditions of scholarship and excellence that define our university.

With best wishes,

Santishree Pandit
03/11/2025
(Santishree Dhulipudi Pandit)

(iii). Message from the Dean, SLL&CS, JNU

Prof Shoba Sivasankaran

जवाहरलाल नेहरू विश्वविद्यालय
JAWAHARLAL NEHRU UNIVERSITY
भाषा, साहित्य एवं संस्कृति अध्ययन संस्थान
SCHOOL OF LANGUAGE, LITERATURE & CULTURE STUDIES
नई दिल्ली - 110067 / New Delhi-110067

प्रो. शोभा शिवशंकरन
संकायाध्यक्षा

Prof. Shoba Sivasankaran
Dean

Message from the Dean

School of Language, Literature and Culture Studies

Dear Readers,

The year 2025 marks the Diamond Jubilee of the Centre of Russian Studies (CRS), Jawaharlal Nehru University, a moment of immense pride and celebration for the School of Language, Literature and Culture Studies.

The Centre has been very active in promoting academic excellence, linguistic scholarship, and cultural understanding, establishing itself as one of the finest centres of Russian Studies in India for these six decades. Its contributions to the fields of language pedagogy, literary analysis, and translation have significantly enriched our School's intellectual landscape and strengthened India's long-standing cultural and educational engagement with Russia.

As the centre publishes several Journals and books such as:

- Critic Issue no. 23 Research Articles & Translation
- Critic Special Issue 24 (i) Research Articles in Russian Studies
- Special Issue 24 (ii) Translation of Research Articles
- Special Issue 24 (iii) Translation of Literary Works
- An Edited Book Creative Writings in Russian
- Abstract book, IRBB, 2025

The collective efforts to create such volume of scholarly works are a testament to the commitment, scholarship, and vision that have guided the Centre through sixty remarkable years. I would also like to acknowledge that Centre of Russian Studies has been one of the most active centres in organising various activities for students, scholars and colleagues. I am sure that they will continue their endeavours to make their contribution in making JNU as an institution of excellence.

On behalf of the School of Language, Literature and Culture Studies, I extend my heartfelt congratulations to all faculty members, alumni, students, and well-wishers of the Centre of Russian Studies. May this milestone inspire new directions in teaching, research, and cultural collaboration, carrying forward the proud legacy of excellence that defines our School and University.

With warm regards,

Prof. Shoba Sivasankaran

Dean
School of Language, Literature and Culture Studies
Jawahar Lal Nehru University
नई दिल्ली / New Delhi-110067

Tel: (O) +91-11-267442511, 26704233

Email: dean_slscs@mail.jnu.ac.in, sshobha@mail.jnu.ac.in, shobashekhar@yahoo.com

(iv). Message from the Director, Russian House, New Delhi

Dr Elena Remizova

EMBASSY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN INDIA

Cultural Department
RUSSIAN HOUSE

24, Firoz Shah Road, New Delhi, 110001
Tel: 011-2332-9100, 011-2332-9101, Email: india_deli@rs.gov.ru

Ref.: *Dz 28-212*

Date.: *05.11.2025*

Дорогие друзья, уважаемые коллеги, выпускники и преподаватели Центра русских исследований Университета имени Джавахарлала Неру!

Прежде всего, позвольте выразить искреннюю и глубокую благодарность Центру русских исследований — уникальному очагу знаний, который уже на протяжении десятилетий воспитывает поколения индийских русистов, преданных русской культуре, языку и традициям. Благодаря вашему труду, энтузиазму и профессионализму русский язык звучит в аудиториях индийских университетов, русская литература вдохновляет новые поколения, а культурный диалог между Россией и Индией обретает живую, человеческую силу.

Сегодня мы с гордостью представляем пять изданий, рождённых в стенах Центра и ставших ярким отражением его миссии — строить мосты между нашими народами через образование, науку и творчество.

Первое из них — журнал *Critic* со статьями на русском языке, открывающей индийским читателям глубину российской мысли в области литературоведения и культурологии. Это не просто публикация, а пространство, где рождаются новые идеи и укрепляется академическое партнёрство. Журнал служит платформой для интеллектуального обмена, стимулируя дальнейшие исследования и дискуссии.

Второе издание — сборник переводов статей с русского на хинди или английский. Эти материалы знакомят индийскую аудиторию с ключевыми работами российских авторов, способствуя более глубокому пониманию

научных и культурных достижений. Переводы выполняются с учётом нюансов, сохраняя оригинальный смысл и стиль.

Третье — переводы художественной литературы с русского на английский или хинди. Классические и современные произведения русских писателей обретают новую жизнь в индийском контексте, вдохновляя читателей на межкультурный диалог. Такие переводы расширяют доступ к русской литературе и обогащают индийскую литературную традицию.

Четвёртое — сборник собственных рассказов и стихотворений на русском языке, написанных преподавателями Центра. Эти произведения отражают личный опыт и творческий взгляд индийских русистов на русскую культуру, переосмысленную через призму индийских традиций. Они демонстрируют, как русский язык становится инструментом самовыражения и культурного синтеза.

Пятое — книга о выпускниках Центра, где они делятся историями своего изучения русского языка и достижениями благодаря ему в преподавании, науке, дипломатии, бизнесе и культуре. За каждой историей — реальная жизнь: от первых шагов до роли амбассадоров русской культуры в Индии. Эти повествования укрепляют связи на уровне идей, проектов и человеческих судеб.

От имени Русского дома в Нью-Дели я благодарю всех, кто стоит за этими изданиями: преподавателей, исследователей, переводчиков, студентов и энтузиастов. Вы — сердце русско-индийского диалога. Вы — будущее наших отношений.

Пусть эти пять публикаций станут не просто книгами, а новыми главами в истории дружбы между Россией и Индией — яркими, живыми и вечными.

Руководитель Русского дома

Е.С. Ремизова

(v). Message from the Director, Russian House, Kuala Lumpur,
Malaysia

Dr Andrey Potemkin

Highly Esteemed Professor Kiran Singh Verma,

Dear Colleagues,

On behalf of the Russian Centre for Science and Culture in Kuala Lumpur (Russian House in Malaysia) and on my own behalf, I extend my heartfelt congratulations on the momentous occasion of the **60th Diamond Jubilee** of the Centre of Russian Studies at Jawaharlal Nehru University!

The Centre of Russian Studies (CRS) is rightly considered one of the oldest and most authoritative centres of Russian Studies in Asia. For six decades, you have fulfilled a vital mission, becoming a true **"bridge between the cultures"** of Russia and India.

We highly appreciate your contribution to the development of humanitarian ties, academic mobility, and professional translation. We especially want to note the significance of the International Conference, **"India and Russia: Building Bridges between Societies through Language, Literature, Translation and Culture,"** which will serve as the culmination of your anniversary celebration.

We wish you and your team continued prosperity, new remarkable scientific achievements, and successful realization of all planned projects!

With profound respect and hope for fruitful cooperation,

Sd/-

Andrey Potemkin, Ph.D

Director, Russian Centre for Science and Culture (Russian House) in Kuala Lumpur

(vi). Message from the Chairperson, CRS, SLL&CS, JNU

Prof Kiran Singh Verma

जवाहरलाल नेहरू विश्वविद्यालय

Jawaharlal Nehru University

रूसी अध्ययन केन्द्र

Centre of Russian Studies

भाषा साहित्य और संस्कृति अध्ययन संस्थान – १

School of Language, Literature & Culture Studies – I

Phone: +91-11-26704235, +91-11-26704237, Email: chair_crs@jnu.ac.in

From the Chairperson:

Reflections on the Diamond Jubilee Celebrations

In 2025, as the Centre of Russian Studies (CRS) at Jawaharlal Nehru University celebrates its Diamond Jubilee, India and Russia mark over seven decades of enduring friendship. This partnership, rooted in shared values of cooperation and cultural exchange, continues to flourish through education, literature, translation, and research, reflecting a deep and time-tested bond between the two nations.

Founded on 14 November, 1965 as the Institute of Russian Studies at IIT Delhi by India's Education Minister M. C. Chagla and USSR Minister Prof. V. P. Yelutin, the Centre was established to meet the growing demand for Russian language experts amid strengthening Indo-Russian relations. In 1969, it became part of Jawaharlal Nehru University, acquiring its current name and becoming the university's oldest Centre. For six decades, CRS has remained India's premier institution for Russian language, literature, culture and translation, with alumni serving across government ministries, academia, and the public and private sectors in India and the CIS countries.

To commemorate 60 years of academic excellence, CRS proudly presents *Critic* Series No. 24, an anthology of four distinct volumes that reflect the Centre's scholarly and creative breadth.

- *Special Issue of Critic No. 24 (i)* features original research articles in Russian language, literature, and culture.
- *Special Issue of Critic No. 24 (ii)* showcases translated research papers and articles, underscoring CRS's commitment to cross-cultural academic exchange.
- *Special Issue of Critic No. 24 (iii)* is dedicated to literary translations, highlighting creative engagement with Russian texts.
- Complementing these is the CRS Edited Book, *Creative Writings in Russian*, a collection of original literary compositions by students and faculty, celebrating the Centre's vibrant creative spirit.

These publications are released in conjunction with the International Conference on the theme "India and Russia: Building Bridges between Societies through Language, Literature, Translation and Culture," held from 12–14 November 2025. Organized by CRS in collaboration with ICSSR, Russkiy Mir Foundation, the Embassy of the Russian Federation in India, Russian House, Institute of Literary Translation (Moscow), Synergy University, Sberbank, Pushkin State Institute of Russian Language (Moscow), and VK Global Publication, the conference brings together over 400 scholars, philologists, translators, and Indologists from India, Russia, Europe, and Asia. CRS is also bringing out the Abstract Book of the International Conference.

As part of the Diamond Jubilee celebrations, CRS has hosted a vibrant Cultural Programme as “Week of Russian Culture” featured a Russian Olympiad, painting competition, poetry recitation, and performances of Russian songs and dances showcased the creative and linguistic talents of students and the cultural harmony between India and Russia. A special interactive event, “Telemost,” engaged participants in a BRICS-themed quiz, fostered intellectual exchange and cross-cultural understanding.

Additionally, Diamond Jubilee celebrations also include a Professional Development Course in Russian Language, Literature and Culture from 3-14 November, 2025 being organised in collaboration with Minin University (Nizhny Novgorod, Russia) to provide participants with an opportunity for academic enrichment, exchange of ideas and professional development. The course includes lectures on modern media, didactic use of advertisements, cultural history of Nizhny Novgorod, synthesis of arts in language teaching, and film and theatre adaptations in foreign classrooms.

The celebrations conclude with the Alumni Meet, “CRS through 60 Years,” on 15 November, 2025 at the Convention Centre, Jawaharlal Nehru University, New Delhi. We are also publishing an Alumni Book titled CRS Through the Years: 1965-2025.

We extend gratitude to the Vice-Chancellor of JNU, Dean, SLL&CS, Embassy of Russian Federation in India, Russian House, New Delhi, Russkiy Mir Foundation, ICSSR, Institute of Literary Translation, TV BRICS, Synergy University, Sberbank for their support in organising the programmes. Special thanks to the organising committees and the enthusiastic contributions of students, scholars, and faculty whose dedication and creativity have shaped this year’s *Critic* publications into a true reflection of CRS’s legacy and future.

We feel heartfelt gratitude for the level of initiative and dedication demonstrated by each and every member of the organising committees as well as the vibrant enthusiasm of the students, scholars, teachers and alumni that filled the various gmail inboxes with their contributions across the different *Critic* publications embodying a true reflection of CRS’s legacy and future.

Prof Kiran Singh Verma

Chairperson

Centre of Russian Studies

(vii). Editors' Note

Issue No. 24 is dedicated to the Diamond Jubilee celebration, marking 60 years of the Centre of Russian Studies in 2025. The jubilee year is witnessing a series of initiatives, academic activities, cultural events, seminars, and conferences at the Centre. The issue no. 24 is also a part of the celebrations. This issue has 37 works, including research articles and translations. The research articles are from the fields of language, literature, culture, and translation.

In the language section of the journal, Rajkumar Yadav in the article, entitled "Artificial Intelligence and Mobile-Assisted Foreign Language Learning: A Literature Review" studies the impact of AI and different mobile applications on Foreign Language Learning. It also studies what trends and future directions are starting to emerge.

Chandan Kumar's article «Использования антитезы в пословицах в русском языке и на языке хинди» is devoted to the study of the use of antithesis in proverbs in Russian and Hindi. The selected proverbs are divided into three parts and further analysed.

Chandan Suman in the article, entitled "A Pedagogical Study: Beyond "Good Job"- Cultivating a Growth Mindset in the Classroom through Appropriate Praise for Effective Foreign Language Learning" highlights the implicit effects of praise in the classroom. It explains how praise can hold dual meanings that can either promote learners towards learning while simultaneously serving as a barrier or support to a long-term learning and resilience.

Nandani Dixit's Article "A Contrastive Study of Phrases Expressing "Joy" In Russian and Hindi" is structured into three sections: part one examines the phrases conveying "joy" in the Russian language; part two analyses similar expressions denoting "joy" in Hindi; part three offers a comprehensive

contrastive analysis of the examined phrases across both linguistic systems.

Dr Krishna Kumar's article «Семантическая особенность оттенка судьбы в сельскохозяйственных пословицах и поговорках в русском языке и на языке Майтхили» studies proverbs and sayings from Russian and Mithila culture and extensively analyses the nuance of fate from a semantic perspective.

Shraddha Sharma in her article "Modern World, AI and Russian Language" is a reflection on her direct interaction with AI tools, and a call for cautious, scholarly AI training, especially when it comes to linguistically and culturally rich languages like Russian.

Syed Mohammad Tabrez in the article «Стилистические особенности рассказов Дины Рубиной и Людмилы Петрушевской: количественный лингвистический анализ» conducts a quantitative stylistic analysis of seven selected stories of two prominent Russian writers, Lyudmila Petrushevskaya and Dina Rubina.

Saima Parveen's article «Методы и приемы обучения различным формам устной речи при преподавании русского языка как иностранного военнослужащим в Индии» analyses the methodology of teaching especially communicative method in teaching Russian as a foreign language to the Defence Personals in India. As India and Russia maintain strong and diversified defence relations, teaching Russian at the Ministry of Defence is a part of the necessary defence training.

In the section of literature, Abhai Maurya in his article "A New Afanasy Nikitin: Alexander Esaulov – The Author of The Novel End of a Life: The First Novel on Scavenging Community in India" describes life Alexander Esaoulov, a Russian teacher at the University of Delhi who wrote a novel inspired by scavenging woman who worked in his house.

Ms. Anju Rani and Dr Fahmina Naaz in their article “Mother–Daughter Dynamics in Cross-Cultural Perspective: A Comparative Study of Victoria Tokareva’s Marina and Mannu Bhandari’s Trishanku” studies the relationship between mother and daughter which is a central bond between women and plays a crucial role in shaping their identities in both the roles. The paper also examines the conflicts between mothers and daughters in Mannu Bhandari’s “Trishanku” (1995) and Victoria Tokareva’s “Marina” (2000).

Anupma Sharma’s article «Оксана Робски - родоначальник «Жанра Гламура» в русской массовой литературе» highlights how at the beginning of the 21st century, a new cultural phenomenon "glamour" appeared in Russian literature in the genres of mass literature. This new phenomenon is closely related to Oksana Robski's novel "Casual".

Dr Rashmi Giri in her article «Образ Кавказа в творчестве А. С. Пушкина и А. И. Приставкина» analyses how A.S. Pushkin and A.I. Pristavkin depicted the "Caucasus" in their works. It describes the impact of this region and its imagery on the authors.

Dr Deepika Vashist’s article «Женский голос против стереотипов: критика образования, брака и предустановленного призвания женщин в повести «И Pro И Contra, Мечты И Думы Надворной Советницы Лисицыны» (1863) Софьи Соболевой» aims to present criticism of established patriarchal norms and social stereotypes through analyses Sofya Soboleva’s story. The analysis focuses on the criticism of traditional upbringing of girls and meaningless education of women, criticism of marriage, and the ‘socially pre-established female vocation’.

Dr Kunwar Kant in his article «Одиночество и идентичность: трансформация деревенского мужчины в городской среде у В. М. Шукшина» explores the representation of loneliness among young men of rural origin in an urban environment, based

on V. M. Shukshin's short stories "Lenka", "And the Horses Played Out in the Field", and "Cherednichenko and the Circus."

Dr Radha Mohan Meena in the article «Применение индийских поэтических теорий в переводоведении» discusses the importance of Indian poetic theories in determining the meaning of words and their application in translation. Theories propounded by prominent scholars such as Mammata (Kavyaprakasha), Bhartrhari (Vakyapadiya), Anandvardhana (Dhvani), etc., are examined in detail.

Dr Sushma Kumari's article «Отцовство как сопротивление: центральная роль отцовской любви в романе «Дети Мои» Гузель Яхиной» explores that the love of the father, the main character of the novel, serves both as an emotional bond between him and his children, and as a form of existential protection from the historical catastrophe of the Soviet era.

Dr Indu Shekhar's article «Традиционный кавказский текст и современная литературная обстановка: Кавказский Пленный Маканина» is an analytical study of Vladimir Makanin's story "The Prisoner of the Caucasus" in the context of the traditional motifs and questions posed in the "Caucasian text" of Russian literature.

Harsha Narang's article «Гендерные вопросы начала XX века в произведениях Лидии Зиновьевой-Аннибал, Анны Мирэ и Анны Мар» is devoted to understanding Russian women's literature of the early 20th century. The article focuses on the problems and issues faced by these women writers and the range and nature of the themes depicted by them.

Prof Ranjana Banerjee in the article «Вымышленная и реальная Индия в творчестве писателей периода советской России (на основе романа Всеволода Иванова «Похождение Факира» и романа Александра Беляева «Ариэль»)» through Vsevolod Ivanov's novel "The Adventure of the Fakir" and Alexander Belyaev's novel "Ariel" explores the fictional and real-life representation of India in Russian literature.

Rohit Raj in his article “The Connection of Psychological Depth and Narrative Structure in Russian Folktales.” explains how the classic Russian folk hero is created from a powerful combination: one is the universal human patterns described by Carl Jung and the second one is a story structure proposed by Propp.

Prof Hem Chandra Pande in the article «Заметки По «Смерти» (на основе анализа повести В. Распутина «Последний Срок» и рассказа Л. Толстого «Три Смерти»)» explores the theme of Death based on Tolstoy’s work "Death" and Rasputin’s work "The Last Term”.

Dr Nagendra Shrinivas in his article «Образ Индии в цикле стихов К. Д. Бальмонта «Индийские травы»» analyzes Konstantin Dmitrievich Balmont’s poem "Indian Herbs" to identify and understand the artistic images that reflect Indian spiritual, religious, and philosophical motifs.

Polina V. Dorozhkina in the article «Лексико-семантическое поле «Родина» в русской поэзии: корпусный подход» presents the experience of a digital literary study aimed at identifying lexical patterns related to the theme of the Motherland in Russian lyric poetry. The analysis is based on a corpus of 945 poems collected from the «Kultura.rf» portal, covering the works of 119 authors.

Dr Sonu Saini in his article titled «Мир женщин в период Второй мировой войны» studies the women’s representation during the Second World War through the novel “The Unwomanly Face of War” written by Svetlana Alexievich. The paper presents the courage, suffering memory, struggle during and after the war by women depicted in the work written by the Nobel Prize winner Svetlana Alexivich.

In the Translation section Dr Suman Kumar Sharma’s article «Особенности перевода русских соматических фразеологических единиц, содержащих компонент «рука»

на хинди» examines the translation methods of somatic phraseological units containing the component 'hand'. In addition, it aims to systematize theoretical approaches and translation strategies in the field of translating phraseological units.

Pankaj Kumar Sharma in his article «Анализ лингвистических, культурных и прагматических изменений при переводе мультфильма «Машины сказки» на язык хинди» examines how linguistic, cultural, and pragmatic elements are transformed in the translation of the cartoon series Masha's tales (a spin-off of Masha and the Bear) when it is translated from Russian into Hindi not directly, but through the intermediary language of English.

Dr Subhash Kumar in his article «Грамматические трансформации при переводе рассказа «Интересная кража в кооперативе» М. Зощенко с русского на язык хинди» studies the grammatical transformation method, used during the translation of the story from Russian into Hindi. The author himself has done the translation of the story and he discusses the issues, faced during the translation and which types of transformation he has used.

Dr Vikram Chaudhary's article «Прагматические аспекты перевода книги Светланы Алексиевич «Чернобыльская молитва: хроника будущего»» discusses the pragmatic aspects of translation. Examples are taken from the translation of Svetlana Alexievich's book "Chernobyl Prayer: A Chronicle of the Future" from Russian into Hindi.

In the section of culture Dr Archana Kumari in her article "Liminality in Rituals Associated with Death in Russia" explores the topic of Death as it is an important rite and the culmination of a series of rituals observed during whole 'rites of passage'. The article aims to describe the liminal phase in the rituals associated with Death in Russia.

Dr Abhijeet's article "Exploring Ivan Minayev's Contribution in Forging India-Russia Relations" discusses the accounts of Ivan Minayev's visit to India between 1874 and 1886 his journey within India and its impact on India-Russia relations.

Dr Suman Beniwal in the article titled «Творчество Николая Рериха в практике РКИ в индийской аудитории (работа с текстом «Молодежь»)» studies Nicholas Roerich's essay "Youth" from the perspective of its use in an Indian classroom of Russian as a foreign language. It discusses in detail the three main stages of working with the text: pre-text, during-text and post-text. (The article needs to be shifted to language section)

Dinamani in the article "Thou Shalt Not Die: A Poetic Response to The Russo-Japanese War" explores contemporary Japanese literature following the Russo-Japanese War, particularly in the context of the poem "Thou Shalt not Die" and analyzes its merits as a literary instrument to advocate peace amid growing shrill of war cry.

Dr Parijat Bhattacharjee and Mr. Otabek Khomidov in their article «Культурная гибридность Индии и России в цифровую эпоху» present a comprehensive analysis of the phenomenon of cultural hybridity in the context of society's digital transformation, focusing on the examples of India and Russia. This article emphasizes the need for a flexible cultural policy and an effective regulatory mechanism that can ensure a balance between preserving national identity and engaging with the shared digital environment.

Neemita Arya in her article «Положение йоги в России за последние 10 лет» explores the importance of Yoga in today's world and specifically in Russia and how yoga is used in both Indian and Russian trade relations. Moreover, it analyses how yoga became popular in the world and why people are more inclined toward it. (May be paraphrased)

Dr Piyush Nikhar's article «Концептуальные метафоры «любви» в духовных песнях и поэзии, посвящённых Богу

Кришна» studies the expressions used in devotional texts such as bhajana, pada, songs, and poems dedicated to God Kṛṣṇa to understand the emotion of love through the framework of conceptual metaphor theory.

Kamala Kumari in her article “India, Russia and the Growing Significance of the SCO: A Strategic Overview” examines the strategic imperatives that drive India and Russia’s engagement with the SCO amidst a rapidly evolving geopolitical scenario like trade tariff and sanctions war, global energy insecurity, and shifting regional alliances.

Yuri Stanislavovich Nosov in the article “Humanity History Classification in the Context of the Theory of Human Cultural Evolution” analyzes the key characteristics of these stages; the stages are also compared with each other on the following grounds: political-legal structure; socioeconomic structure; sphere of culture analyzes the key characteristics of these stages; the stages are also compared with each other on the following grounds: political-legal structure; socioeconomic structure; sphere of culture and art; sphere of science, education and enlightenment and art; sphere of science, education and enlightenment.

The editorial board has made minimal changes or edits to preserve the author’s style and tone. An attempt is made to provide the title and annotation in the English language to widen the readership range. The biographies of the authors and co-authors are provided at the end of this journal, along with their email addresses.

The Editorial Board expresses its deepest gratitude to all the reviewers of this issue of Critic. The valuable comments/suggestions/observations provided by Prof Indira Gazieva, Dr Larisa Khoreva, Dr Kunwar Kant, Mr Kaushal Kishore, Dr Sushant Saini, Prof Andrei Potemkin, Prof Ekaterina Pokholkova, Prof Alexandra Matrusova, Prof Alexander Vitalievich Pashkov, Prof Anna Ponamoreva, Prof Irina Poplavskaya, Prof Aziza Mirzanazarova, Prof Tatyana Kostyukova, Prof Maria Bregman, Dr Hawa Singh Yadav, Dr

Monika Pandey, Dr Upendra Kumar, Dr Neeraj Dhankar and Dr Kiran Bandra are well appreciated. We would also like to acknowledge the assistance of Dr Rashmi Giri in the compilation and editing of this issue.

We hope that the articles and works provided in this issue of the journal will be beneficial to all readers and researchers and will inspire them to carry forward the baton of knowledge.

Editorial Board

Prof Kiran Singh Verma

Dr Ajoy Kumar Karnati

Dr Sonu Saini

Dr Suman Beniwal

Д-р Шраддха Шарма
Главный консультант – тренинг и содержание
Поетов технологии

Dr Shraddha Sharma
Principal Consultant – Training and Content
WPoets Technology LLP

Modern World, AI and Russian Language

Современный мир, ИИ и русский язык

Аннотация: Современный мир столь же поляризован, сколь и однополярен. Географические регионы и люди борются за религию, превосходство и внимание. Языки размываются и искажаются из-за социальных сетей, деградации академических кругов и фальшивых инфлюенсеров. А затем мы ввели в обиход ИИ, о котором все хотят говорить и который хотят использовать, но никто не имеет ни малейшего представления о его влиянии. В этой статье обсуждается влияние новых глобальных реалий и ИИ на само существование русского языка. Данная статья представляет собой размышление о моём непосредственном взаимодействии с инструментами ИИ и призыв к осторожному, научному обучению работе с ИИ, особенно когда речь идёт о таких богатых в лингвистическом и культурном отношении языках, как русский.

Ключевые слова: русский язык, искусственный интеллект, языковая идентичность, Толстой, предвзятость ИИ, обработка естественного языка, цифровые гуманитарные науки, эволюция языка

Annotation: The modern world is as polarised as it is unipolar. The geographies and people are fighting for religion, supremacy and attention. Languages are getting diluted and compromised due to social media, deteriorating academics and fake influencers. And then we introduced AI to the grind, which everybody wants to talk about and adopt but nobody has any clue about the impact of the beast. The paper discusses the impact of the new global realities and AI on the very existence of Russian Language. The paper is a reflection on my

direct interaction with AI tools, and a call for cautious, scholarly AI training, especially when it comes to linguistically and culturally rich languages like Russian.

Keywords: Russian language, artificial intelligence, linguistic identity, Tolstoy, AI bias, natural language processing, digital humanities, language evolution

The modern world is as polarised as it is unipolar. The geographies and people are fighting for religion, supremacy and attention. Languages are getting diluted and compromised due to social media, deteriorating academics and fake influencers. And then we introduced AI to the grind, which everybody wants to talk about and adopt but nobody has any clue about the impact of the beast. Russian language is struggling to keep its identity intact amidst this hostile world of shallowness and confusion. Unlike the glorious Soviet times Russians are no longer promoting their language as they used to and have joined the global race to make their presence felt across the globe. The Russian invasion on Ukraine has further complicated the matters for both the Russian people and the language.

Also, the present Russian language learners have started relying heavily on various AI tools and use the regurgitated factually incorrect information given by these AI tools.

In March 2024, I started working with and on various AI tools. I tried to train AI on analysing Russian linguistic domains say 'discourse analysis', 'sociolinguistic analysis' 'phonetics', 'morphology', 'syntax', and 'semantics'.

Here is a snippet of the kind of responses I got from various AI engines after giving some prompt for. I have simply copied pasted my inputs and AI outputs for the same.

I gave a prompt to multiple AI tools:

My Prompt -“В басне ‘Хозяин и работник’ Толстого кто был маленьким человеком?”

AI Response - В басне Л.Н. Толстого "Хозяин и работник" маленьким человеком выступает мужик. Сюжет басни строится на том, что он пришел к мастеру за помощью, но тот его обманул и плохо выполнил работу.

Однако важно отметить, что это довольно нетипичная интерпретация "маленького человека" по сравнению с классической традицией русской литературы (как у Гоголя или Достоевского). В басне мужик показан не столько как жертва социальной несправедливости, сколько как пример простой житейской мудрости.

Басня построена как поучительная история, где мужик, несмотря на свой "маленький" социальный статус, проявляет смекалку и находчивость. Когда мастер пытается его обмануть, говоря что "топор соскочил", мужик отвечает аналогичной хитростью - "камень сам собою скатился".

В этом контексте определение "маленький человек" к мужику применимо только в социальном плане, но не в моральном или интеллектуальном.

The AI responded with a fabricated summary, referring to characters and a plot that did not exist in Tolstoy's work. This showed the tool's tendency to generate confident but false responses.

I clarified my prompt:

My Prompt - “В рассказе ‘Хозяин и работник’ Толстого кто был маленьким человеком и почему?”

AI Tool’s Response - В рассказе "Хозяин и работник" Толстого (1895) маленьким человеком можно считать работника Никиту. Вот почему:

1. Социальное положение:
 - Он простой крестьянин, находящийся в подчинении у купца Василия Андреевича Брежунова

- Экономически зависим от хозяина
- Не имеет права голоса в принятии решений
- 2. Характеристика персонажа:
 - Смирный и безропотный
 - Покорно выполняет все указания хозяина
 - Терпеливо переносит трудности и несправедливость
- 3. Жизненные обстоятельства:
 - Беден
 - Страдает от пьянства
 - Отдаёт весь заработок жене, сам живет очень скромно

Однако Толстой переворачивает традиционное понимание "маленького человека":

- В критический момент именно Никита оказывается морально выше своего хозяина
- Его простота и человечность противопоставляются жадности и эгоизму Брежуева
- В финале рассказа хозяин жертвует собой, спасая работника, что показывает духовное преображение через осознание истинных ценностей

Таким образом, Никита "маленький" только по социальному статусу, но не по духовной сущности, что характерно для толстовского понимания истинной человеческой ценности.

This time, the AI offered a semi-correct but vague analysis, identifying the worker Nikita as the 'little man' (*маленький человек*).

My Response and Training Attempt

Following is my attempt to train the AI engine towards the right response.

My Response - По Толстому маленькость человека не в материальном бедствии, а в его духовной бедности. Лев Толстой показал маленькость человека в рассказе Хозяин и работник. В образе Хозяина отражается состояние маленького человека. В самом деле он был хозяином, но тот факт, что он спас свою жизнь за счёт жизни своего мужика и своей лошади, сделал его маленьким человеком, т.е. эгоистический поступок хозяина сделал его маленьким. Однако, Толстой приводит его к раскаянию. Когда Берхунов умирал, он понимал, что морально он уже умер и теперь пришла его физическая смерть и он несколько не огорчается этим. И он вспоминает, что Никита лежит под ним и что он угрелся и жив благодаря самопожертвованию Никиты.

I explained that Tolstoy defines a 'маленький человек' not by poverty but by spiritual emptiness. In the story, it is the master not the worker who exhibits these characteristics.

Eventually, the engine acknowledged my inputs and adapted its response:

AI Tool's Response - Да, вы абсолютно правы! Я благодарю вас за такое глубокое понимание концепции "маленького человека" по Толстому. Действительно, я допустил ошибку в предыдущей интерпретации. Давайте разберем вашу точку зрения:

1. Маленький человек по Толстому:
 - Это не социальный статус
 - Это не материальное положение
 - Это духовное состояние, определяемое эгоизмом и моральной пустотой
2. Берхунов как маленький человек:
 - Внешне успешный и состоятельный
 - Но духовно ничтожный из-за своего эгоизма

- "Маленькость" проявляется в готовности пожертвовать другими ради себя
3. Путь преображения:
- От духовной "маленькости" к прозрению
 - От эгоизма к самопожертвованию
 - От материального к духовному
4. Финальное осознание Брехунова:
- Понимание своей прежней моральной смерти
 - Принятие физической смерти как очищения
 - Осознание величия поступка Никиты

Это типично толстовская идея о том, что истинное величие человека определяется не социальным положением или богатством, а его духовными качествами и способностью к самопожертвованию. Спасибо за это важное уточнение!

Here, through my interaction with the AI tool I tried to train it for more precise and factual responses and it worked after a certain level of effort.

My Response - Спасибо вам бодьшое!

AI Tool's Response - Спасибо вам большое! (Небольшая орфографическая поправка: "большое" пишется с "ш")

Было очень интересно разбираться вместе с вами в тонкостях русской грамматики. Ваша настойчивость и внимательность помогли мне лучше понять структуру предложения.

Желаю вам успехов в изучении языка!

My response - Я же написала "большое" с "ш". Здесь ошибки нету.

AI Tool's Response - Вы совершенно правы! Я ошибся. В вашем написании "бодьшое" действительно есть опечатка (с буквой "д" вместо "б"), но не с буквой "ш".

Правильно будет: "Большое" (с "б" и "ш").

Спасибо, что внимательно проверяете и указываете на мои неточности.

The AI's unnecessary correction of the spelling ("большое" vs. "бодьшое") further illustrates its tendency to overstep, assuming authority even when unnecessary is a flaw that could mislead learners if unchecked.

AI has been trained to answer everything even if you give the wrong name of the work it still responds. Also, it corrects or responds to a statement that requires none.

Challenges Observed

1. Superficial and Bookish - AI often gives verbose, repetitive responses filled with generic information but lacking in interpretive depth.
2. Unnecessary Corrections- The AI occasionally tries to correct accurate statements, misreading them entirely.
3. Overconfidence - Even with incorrect prompts, AI generates confident but fabricated responses which can be problematic in academic settings.

Key Reflections

- AI tools are not ready for complex linguistic problem statements.
- AI tools in its present state are not even able to answer direct questions properly for the given topics. The responses given are bookish, very lengthy and absolutely not practical, which makes them neither fit for scholastic pursuits nor any practical application.

- Growing the AI is like bringing up a child to whom we need to provide the details in a particular sequence and gradually increasing the complexity of the situations.
- We also need to understand the fact that unlike any scientific endeavours, where the technology can leapfrog within months if not weeks (right from the wheel till microchips), understanding of the language takes its own time to evolve and needs a very detailed and clear inputs to achieve its required goals.
- Concepts of language do not “mutate” but “evolve” gradually hence none of the AI engines are even close to perfection in terms of languages, their interpretations and applications
- Although AI has been programmed in a way that it can process and analyze the data but relying on just that data can be lethal at times as AI is only as unbiased as the data and people training the programs. Consequently, if the data is flawed, impartial or biased in any way AI will automatically be biased as well. There are two types of biases in AI i.e. “data bias” and “societal bias”.
- AI has been tasked with creating everything from computer code to visual art yet it lacks creativity and original thought.

Conclusion

This brings me to the conclusion that Russian language training of various AI engines has to be undertaken by thorough scholars otherwise we will create multiple eternal language patriarchs who are not only egoistic and rude but also spread wrong information and knowledge at a very large scale.

Reference

1. Толстой, Л.Н., Полное собрание сочинений, Том-29., Государственное издательство художественной литературы, Москва – 1954

Раджкумар Ядав
Университет имени Джавахарлала Неру
Нью-Дели, Индия

Rajkumar Yadav
Jawaharlal Nehru University
New Delhi, India

**Искусственный интеллект и изучение иностранных
языков с помощью мобильных устройств: обзор
литературы**

**Artificial Intelligence and Mobile-Assisted Foreign Language
Learning: A Literature Review**

Аннотация: Искусственный интеллект (ИИ) в последнее время активно преобразует мобильное обучение языкам (MALL). Он делает процесс более персонализированным, адаптивным и интерактивным, чем когда-либо прежде. Только за последние два года было проведено множество исследований, посвященных мобильным приложениям на базе ИИ, таким как Duolingo, Liulishuo, HelloTalk, ELSA Speak, Rosetta Stone, Speechling, Busuu и Cake. Эти инструменты используют технологии распознавания речи (ASR), генеративного ИИ и обработки естественного языка (NLP) для улучшения усвоения словаря, произношения, письма и межкультурной компетенции, а также помогают преподавателям в разработке учебных программ, планировании уроков и создании систем тестирования. В данной статье мы рассмотрели 20 недавних исследований (2024–2025), систематически анализируя доказательства эффективности в различных аспектах изучения иностранных языков, восприятие учащимися и их педагогические последствия.

Ключевые слова: искусственный интеллект, MALL, мобильные приложения, изучение иностранных языков, EFL

Annotation: Artificial intelligence (AI) has recently been transforming mobile-assisted language learning (MALL). AI makes it more personalized, adaptive, and interactive than ever before. In the past two years alone, multiple studies are done to examine AI-powered mobile applications like Duolingo, Liulishuo, HelloTalk, ELSA Speak, Rosetta Stone, Speechling, Busuu, and Cake. These tools leverage technologies like ASR (Automatic Speech Recognition), generative AI, and NLP (Natural Language Processing) to enhance vocabulary acquisition, pronunciation, writing, and intercultural competence, as well as assist teachers in curriculum development, lesson planning, and testing mechanisms. In this paper, we have reviewed 20 recent studies (2024–2025), systematically examining evidence for effectiveness in various aspects of foreign language learning, learner perceptions, and their pedagogical implications.

Keywords: Artificial intelligence, MALL, mobile apps, foreign language learning, EFL

1. Introduction

AI-enhanced tools have impacted almost all of the different aspects of foreign language learning. This includes making a curriculum, planning lessons, automated assessment, language acquisition, note taking, etc. In the past two years alone, there have been numerous studies evaluating the effectiveness of such apps. The results have shown that the apps have been very effective, but at the same time there are shortcomings that need to be improved in the future. These tools have brought about radical change in the capability of students to learn or study independently.

Mobile-assisted language learning (MALL), which has been an important trend for years now, has also integrated AI-enhanced features rapidly. MALL now offers adaptive practice, conversational simulations, instant feedback, and a customized learning pathway. We have taken multiple studies from specifically the last two years that have examined mobile applications with AI-powered features for pronunciation,

writing, speaking fluency, and intercultural competence. Unlike the earlier digital tools, these AI-enhanced apps also make use of technologies like deep learning, advanced speech recognition, and large language models. This makes these tools feel authentic and contextually aware. This paper reviews and crystallizes the findings from these studies.

2. Methodology

2.1 Research Strategy

Given below are the various questions this literature review aims to answer:

- What aspects of the learning process do these AI-powered mobile applications for language learning seem to improve: writing, vocabulary acquisition, pronunciation, etc.?
- What benefits, limitations, and challenges have the studies reported?
- What trends and future directions are starting to emerge?

2.2 Search Strategy

Platforms like Google Scholar, Scopus, Web of Science, and ResearchGate were used to find relevant studies. Search keywords included words and phrases as follows: AI mobile apps language learning, foreign language learning, ASR apps, AI chatbots, and MALL.

Criteria for inclusions: Studies had to have (a) investigated AI-powered tools or mobile applications, (b) focused on second or foreign language learning, and (c) reported empirical findings.

2.3 Data Extraction and Synthesis

From the final set of studies, the following details were further classified: the apps studied, learner population, research

methodology, aspect of language learning focused on, and reported empirical data. For systematic presentation, the findings were further organized and grouped under various relevant domains such as pronunciation, writing, intercultural competence, types and functions of AI, etc.

3. Literature Review

3.1 Different Kinds of AIs

Mobile language learning applications are being enhanced by AI through the following technologies: automatic speech recognition (ASR), generative AI (GenAI), retrieval augmented generation (RAG), and large language models or conversational chatbots. Apps with ASR-based systems like ELSA Speak, Rosetta Stone, and Speechling mainly focus on pronunciation training. Generative AI, which is seen in apps like Duolingo and Liulinshuo, on the other hand, offers adaptive conversational practice that automatically adjusts according to the individual learners.

Guan, Zhang, and Gu (2025) examined a Gen-AI-based framework for its utility in informal learning and found the oral proficiency of the users significantly improved, although the learners struggled to sustain practice over a period of time without external motivation. Guo (2024), on the other hand, examined RAG-powered chatbots created by students themselves. The chatbots reported positive effects on the autonomy of learners and on the overall quality of the practice sessions.

3.2 Different Functions Supported by AI

Across multiple studies, AI has been seen taking on many different roles: tutor, evaluator, and companion. In ASR-enhanced apps, AI serves as the evaluator of pronunciation training. It delivers corrections in systems like ELSA Speak and Rosetta Stone. On the other hand, Duolingo's Roleplay feature uses Gen-AI as a tutor that offers guidance both in grammar and

in vocabulary specific to the context of the conversations. This feels natural and engaging.

HelloTalk, meanwhile, uses AI as a companion. It helps users communicate with built-in translations and corrections that facilitate real-time language exchange. Use of AI tools has expanded the way learners engage with both technology and the language. This creates a more comprehensive and effective learning environment.

3.3 Different Apps

Across the various studies different kinds of apps were reviewed, including Duolingo, Liulishuo, ELSA Speak, Speechling, Rosetta Stone, Busuu, Cake, and HelloTalk. The AI-powered features vary from app to app.

It was found that Duolingo's new Gen-AI feature improved the confidence of learners and significantly improved their self-efficacy (Kittredge, 2025). Measurable gains were observed in the speaking performance of university students in China over a sustained period of use in the case of Liulishuo (Mingyan et al., 2025). In another study (Pham et al. 2025), it was found that ELSA Speak consistently improved accuracy of pronunciation across multiple studies conducted in different contexts.

Studies on Busuu showed significant development in writing skills among learners (Kazu & Kuvvetli, 2024); on the other hand, HelloTalk showed significant enhancement in the intercultural competence of the learners. This was achieved in HelloTalk by blending interactions with AI-driven translations and explanations of cultural contexts (Yang & Yang, 2025).

3.4 Teacher–Student–AI: Tripartite Studies

Guan, Lee, Zhang, and Gu (2025) tested classroom frameworks, where the teachers integrated Gen-AI chatbots into the speaking practice activities. AI provided conversational support and immediate feedback to the students, and the teachers refined

the accuracy and deepened understanding of the context. This three-way approach leveraged the strength of both humans and artificial intelligence, optimizing the performance of students.

Similarly, another study, Zou et al. (2024), compared feedback on writing tasks given by teachers and artificial intelligence. Results showed that learners benefited from both approaches. AI helped in quick and accessible corrections as well as personal pattern recognition, while teachers offered higher-level feedback and contextual understanding that machines did not provide.

3.5 Studies on AI for Pronunciation

Pronunciation is one of the most researched aspects of language learning in the context of AI-powered language learning tools. Different studies done across different contexts have consistently shown positive results. Studies (Pham et al. 2025) found that ELSA Speak not only satisfied learners with its feedback but also significantly improved their segmental accuracy over the course of the study.

Research on Rosetta Stone's TruAccent ASR system shows that learners had measurable improvements in the perception as well as the production of the sounds, improving pronunciation quality significantly. Dennis (2024) demonstrated that Speechling, when used alongside classroom coursework, helped students improve fluency and accuracy of pronunciation. The study further suggested that AI pronunciation tools work best as supplements to the classroom coursework rather than replacements for the traditional instruction.

3.6 Studies on AI for Grammar

Grammar-focused AI features have also been explored extensively across different platforms and learning contexts. Kittredge (2025) found that Duolingo's 'Explain My Answer' tool enhanced the confidence among learners and improved their

grammatical accuracy by providing immediate explanations and corrections.

Liulishuo's adaptive sequencing feature, likewise, improved the performance in grammatical tasks as it adjusted grammar exercises to fit each learner's proficiency and learning pace (Xue, 2024).

3.7 Studies on AI for Writing

As far as writing is concerned, most studies focused on Busuu and AI-powered feedback systems that analyze text for various linguistic inaccuracies. Kazu and Kuvvetli (2024) found that using Busuu significantly improved the fluency of writing in foreign language learners. Students produced longer and more complex sentences after continuous use of the app.

Zou et al. (2024), in their study, reported that students showed significant improvement in writing accuracy using AI's immediate corrections and teachers' nuanced feedback. The study also showed that the writing was richer and there was measurable improvement in both mechanical accuracy and the overall quality of the content.

3.8 Studies on AI for Oral Proficiency

Studies have also found that AI apps, like Liulishuo, significantly improved the oral proficiency among learners across different populations and different contexts. Mingyan et al. (2025) found that after a period of 10 weeks of training, learners showed measurable improvements in their speaking skills, in particular pronunciation accuracy, and their overall speaking confidence.

Guan, Zhang, and Gu (2025) showed that GenAI-based informal learning improved fluency among the learners, but the long-term success still seemed to heavily depend on the motivation of the learners and the consistency in their practice. Studies on Cake revealed that AI-supported short video exercises enhanced the confidence in learners. Younger learners especially responded

well to the gamified elements of Cake as well as benefited from the immediate feedback.

3.9 Studies on AI for Assessment

AI is, just as effectively, emerging as a tool for assessment. It offers new possibilities for evaluation of language skills. Al-husban (2025) tested the speech analyzer of ELSA. The results show it reliably measures the quality of spontaneous speech, as well as provides assessments that are very similar to the human evaluation of the same.

Duolingo's AI-driven feedback feature is used for regular and frequent evaluations. It provides error analyses that are comparable to the evaluations by the teachers in the majority of the contexts. Nonetheless, there are concerns about inbuilt biases or inefficiencies in the AI, depending on the training data, due to non-standard or regional accents.

3.10 Studies on AI for Note-Taking

Although comparatively fewer, nonetheless, there have been researchers on AI-supported note-taking in the context of language learning that have, just like the rest of the aspects, shown promising results. Chen (2024) studied the use of chatbots combined with collaborative note-taking for enhancing vocabulary acquisition.

The learners showed better retention, greater confidence, and reduced anxiety as compared to the traditional methods of note-taking. The study suggests that AI can support not just active speaking and writing but also supporting aspects of language learning that play a crucial part in the process.

3.11 Teacher-Assisted vs. Self-Assisted AI

Studies have also been conducted to distinguish between teacher-assisted and independent AI use by students. These studies have significant implications for future frameworks of

language learning. Guan et al. (2025) found that when the teachers organized activities incorporating AI chatbots, the learners used them more effectively and avoided over-reliance on automated feedback by the AI.

The guidance by teachers helped the students develop critical thinking skills required to process automated suggestions by AI. On the other hand, Dizon (2024) observed that learners who worked independently with ChatGPT and mobile apps improved their writing and speaking, but some of them risked prolonged surface-level engagement, whereas guidance from teachers pushed them towards deeper learning.

3.12 In-Classroom vs. Out-of-Class AI Usage

Studies on the effectiveness of AI tools used inside a classroom environment and outside show some interesting results. The studies suggested that context significantly matters for the effectiveness of AI tools. In a structured classroom setting, ASR practice increased participation and engagement, especially when supervised by teachers (Inceoğlu et al., 2024).

The classroom environment also provided social support and immediate clarification of AI feedback. Although, for outside class usage of AI, Pham et al. (2025) and Guan et al. (2025) showed that learners benefitted from autonomous mobile practice, but there were concerns about motivation, which was crucial for sustaining the process and getting long-term results.

3.13 Ethics

Many studies have raised ethical concerns around the usage of AI-enhanced tools, specifically in education. Pikhart and Klimova (2025) reported that students were concerned about privacy and data security despite the fact that there were significant benefits of learning through AI apps.

Students worried about the fact that their voice recordings and writing samples were being stored and could be used. Guan et

al. (2025) also noted the concerns of teachers about academic integrity, especially regarding AI-generated writing during assessments, and the ever-present challenge of distinguishing between work produced by a student and work produced by an AI.

3.14 Motivation

AI apps have often shown enhanced learner motivation. This is achieved due to personalization and gamification features that the traditional materials do not provide. Kittredge (2025) showed that Duolingo and Cake have features like leaderboards, streaks, and adaptive tasks that encourage learners to practice more regularly than they otherwise might have.

Students found that the immediate and motivating feedback provided by the AI-enhanced tools was valuable, and the apps created a sense of personal achievement and progress.

3.15 Satisfaction

The overall satisfaction with the AI apps has consistently been high across different studies, different contexts, and different apps. Pham et al. (2025) found that users found ELSA Speak very satisfactory for its pronunciation support, rating it high both on accuracy as well as usefulness.

Werdiningsih et al. (2024) found that EFL students appreciated ChatGPT-enabled apps for academic writing, but some still preferred the guidance from teachers for the nuanced tasks, which required deeper cultural knowledge or creative thinking.

3.16 AI Self-Efficacy

One of the biggest questions being researched in this field is the self-efficacy of learners. AI-based mobile apps help learners get more independent, which has always been important for long-term success in language learning. Kittredge (2025) studied Duolingo's AI features and found that they significantly improved

their belief in their own ability to effectively use grammar and vocabulary.

Mingyan et al. (2025) similarly showed that Liulishuo helped users become more confident speakers. The study found that the apps not only improve the skills but also help in the increase of resilience and willingness to take risks while communicating among the learners.

4. Discussion

4.1 Pedagogical Benefits

Through these various studies four kinds of benefits can be consistently observed:

Personalization: AI powered apps adjust the learning process according to the individual's needs and pace, which is virtually impossible to achieve in a large or small classroom scenario.

Immediate feedback: ASR together with NLP provides real-time corrections and suggestions to the learner. This allows learners to adjust their performance far quicker as compared to the teacher's feedback.

Autonomy: With the help of AI-powered tools, learners can practice outside the classroom as well as self-regulate their learning and develop independence in their learning process.

Engagement: Gamification and motivating feedback result in an increase in the frequency of practice through the AI apps. As compared to classroom teaching, AI-powered apps can make learning more entertaining.

4.2 Limitations and Risks

Studies also pointed out certain limitations:

Accuracy: Speech recognition technologies still find it difficult to recognize strong accents or low proficiency. This can result in learners getting frustrated because of incorrect or insufficient feedback.

Over-Reliance: Learners always risk becoming overdependent on automated feedback by AI apps instead of developing their own correction abilities.

Ethical concerns: Data privacy, surveillance, and collection of sensitive information about a learner's abilities and insufficiencies, as well as difficulties in detecting AI content in assignments, are all major ethical concerns.

Digital Divide: While access to digital devices and the internet can result in access to quality education for a larger population, the absence of digital devices and the internet can at the same time widen the divide between urban and rural or low-income populations.

4.3 Emerging Trends

Three major directions can be observed through the various studies:.

Generative AI integration: AI-powered features like Duolingo's Roleplay generate authentic dialogue, which can be adapted to any topic or context.

Blended AI-human frameworks: where apps supplement classroom instructions rather than replacing human guidance entirely.

Expansion beyond English: Research on the use of AI in EFL as compared to other languages is disproportionately higher, but this difference will soon even out.

5. Conclusion

In this literature review, we have found that AI-powered mobile apps are becoming an effective tool in the process of foreign language learning and the integration is only going to increase. AI has come to help with all the different aspects of language learning, including grammar, vocabulary, pronunciation, writing, intercultural competence, personalized feedback, flexibility and greater independence for the learners.

At the same time, studies have also observed problems, for example, inaccurate speech recognition, ethical concerns regarding data privacy and unequal access to digital resources.

The most promising approach is a hybrid framework where AI is incorporated with human oversight instead of AI replacing teachers. AI can handle repetitive tasks and instant corrections while the human educators are freed up to do things machines cannot, for example, critical thinking, creativity, and cultural nuance. The future of AI-powered MALL likely includes multimodal generative AI, emotionally sensitive personalization, and broader multilingual services.

References:

- Al-Husban, N. A. "The Impact of AI-Assisted Language Learning Tools on Augmenting University EFL Students' Speaking Skills in Jordan." *Journal of Applied Learning & Teaching (JALT)*, vol. 8, no. 1, 2025, pp. 116–127. Simon Fraser University, <http://journals.sfu.ca/jalt/index.php/jalt>
- Chen, M.-R. A. "The AI Chatbot Interaction for Semantic Learning: A Collaborative Note-Taking Approach with EFL Students." *Language Learning & Technology*, vol. 28, no. 1, 2024, pp. 1–25. University of Hawaii National Foreign Language Resource Center; Center for Language & Technology, <https://doi.org/10.64152/10125/73586>.
- Dennis, N. K. (2024). *Using AI-powered Speech Recognition Technology to Improve English Pronunciation and Speaking Skills*. IAFOR Journal of Education, 12(2). <https://doi.org/10.22492/ije.12.2.05>
- Dizon, G. "ChatGPT as a Tool for Self-Directed Foreign Language Learning." *Innovation in Language Learning and Teaching*, vol. 1,

- no. ?, 2024, pp. 1–17, <https://doi.org/10.1080/17501229.2024.2413406>.
- Dornburg, A., and K. J. Davin. “ChatGPT in Foreign Language Lesson Plan Creation: Trends, Variability, and Historical Biases.” *ReCALL*, vol. 37, no. 3, 2024, pp. 332–347. Cambridge University Press, <https://doi.org/10.1017/S0958344024000272>.
 - Guan, Y., M. Zhang, and M. Gu. “Generative AI and Informal Digital Learning of English: A Social Cognitive Perspective.” *ReCALL*, vol. 37, no. 3, Sept. 2025, pp. 315–331. Cambridge University Press, <https://doi.org/10.1017/S0958344024000259>
 - Guo, K and Li, D “Understanding EFL students’ use of self-made AI chatbots as personalized writing assistance tools: A mixed methods study” *System*, 124, 2024, pp. 1-17, <https://doi.org/10.1016/j.system.2024.103362>
 - İnceoğlu, S., W.-H. Chen, and H. Lim. “Monitoring Learners’ Behavior during ASR-Based Pronunciation Practice.” *System*, vol. 124, 2024, Article 103387, <https://doi.org/10.1016/j.system.2024.103387>.
 - Kang, S., and M.-C. Sung. “EFL Students’ Self-Directed Learning of Conversation Skills with AI Chatbots.” *Language Learning & Technology*, vol. 28, no. 1, Dec. 2024, pp. 1–19. University of Hawai’i National Foreign Language Resource Center; Center for Language & Technology, <https://doi.org/10.64152/10125/73600>.
 - Kazu, I. Y., and M. Kuvvetli. “Improve Speaking Skills with Duolingo’s Mobile Game-Based Language Learning.” *Asian Journal of Education and Training*, vol. 10, no. 1, Mar. 2024, pp. 62–75. <https://doi.org/10.20448/edu.v10i1.5488>.
 - Kittredge, A. K., et al. “Mobile Language App Learners’ Self-Efficacy Increases after Using Generative AI.” *Frontiers in Education*, vol. 10, 2025, article 1499497. <https://doi.org/10.3389/educ.2025.1499497>.
 - Mingyan, M., et al. “Improving EFL Speaking Performance with Liulishuo: An Empirical Study.” *Humanities and Social Sciences Communications*, vol. 12, 2025, article 279, <https://doi.org/10.1057/s41599-025-04688-0>
 - Ngo, T. T. N., et al. “Effectiveness of Automatic Speech Recognition in ESL/EFL Pronunciation: A Meta-Analysis.” *ReCALL*, vol. 36, no. 1, 2024, pp. 4–21. <https://doi.org/10.1017/S0958344023000113>.
 - Werdiningsih, I., Marzuki, and D. Rusdin. “Balancing AI and Authenticity: EFL Students’ Experiences with ChatGPT in

- Academic Writing.” *Cogent Education*, vol. 11, no. 1, 2024, article 2392388. <https://doi.org/10.1080/23311983.2024.2392388>.
- Yang, P., and Z. Yang. “Mobile-Assisted Intercultural Competence Development: The Role of HelloTalk in Chinese EFL Education.” *PLOS ONE*, vol. 20, no. 7, 17 July 2025, e0328660. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0328660>.
 - Yang, Y., Y. Chen, and X. Li. “ChatGPT in L2 Chinese Writing: Model Versions and Prompting Effects.” *Computer Assisted Language Learning*, 2025. <https://doi.org/10.1080/09588221.2025.2453205>.
 - Zare, J., et al. “Interacting with ChatGPT in Essay Writing: L2 Learners’ Task Motivation.” *ReCALL*, early 2025, pp. 1–18. <https://doi.org/10.1017/S0958344025000035>.
 - Zhou, S., and G. Du Preez. “Bringing Cinderella to Spotlight: GenAI-Assisted Grammar Acquisition in Academic Writing.” *Language Learning & Technology*, vol. 29, no. 1, 2025, pp. 1–25. University of Hawaii National Foreign Language Resource Center; Center for Language & Technology, <https://doi.org/10.64152/10125/73639>.
 - Zou, D., Chen, X., Xie H. and Fu Lee Wang. “Educational Chatbot Research: Text Mining and Bibliometrics.” *Interactive Learning Environments*, 23 Nov. 2024, pp. 2762–2780. Taylor & Francis, <https://doi.org/10.1080/10494820.2024.2422547>

Чандан Кумар
Аспирант
Центр русских исследований
Университет им. Джавахарлала Неру, Нью-Дели

Chandan Kumar
PhD Scholar
Centre for Russian Studies
Jawaharlal Nehru University, New Delhi

Использования антитезы в пословицах в русском языке и на языке хинди

Uses of Antithesis in Proverbs in Russian and Hindi

Аннотация: Язык является средством общения, с помощью которого люди обмениваются знаниями, убеждениями, мнениями, пожеланиями, угрозами, командами, благодарностями, обещаниями, заявлениями, и чувствами. В языке существуют различные тропы и фигуры речи, и одна из них - антитеза, где чаще всего противопоставляются два явления. Сферы применения антитезы очень разнообразны, так как они встречаются не только в письменном тексте, но и в ораторском искусстве, в публичных выступлениях, в художественных произведениях. Но несравненно более глубокий эффект от использования антитезы достигается в коротких и емких высказываниях, например, в загадках, афоризмах, пословицах и других. Такие высказывания могут состоять из небольшого объема текста, но при этом обладают огромной смысловой нагрузкой, поскольку несут в себе яркую эмоциональную окраску, экспрессивность, а иногда и юмор. Данная работа посвящена изучению использования антитезы в пословицах в русском языке и на языке хинди. Здесь отобранные пословицы разделены на три части: во-первых, в русском языке есть различные пословицы, содержащие антитезу, но их эквиваленты на хинди не содержат этого приема; во-вторых,

на языке хинди есть различные пословицы, содержащие антитезу, но их эквиваленты в русском языке не содержат этого приема; в-третьих, есть пословицы, где можно увидеть антитезу как в пословицах на русском языке, так и в их эквивалентах на языке хинди.

Ключевые слова: антитеза, лингвокультурология, паремиология, паремия, пословица

Annotation: Language serves as a means of communication through which people exchange knowledge, beliefs, opinions, wishes, threats, commands, gratitude, promises, statements, and feelings. There are various tropes and figures of speech in language, and one of them is antithesis, where two phenomena are most often contrasted. The scope of use of antithesis is very diverse, as it is found not only in written text, but also in oratory, public speaking, and literary works. However, the incomparably deeper effect of using antithesis is achieved in short and concise statements, such as riddles, aphorisms, and proverbs. Such statements may consist of a small amount of text, but they carry enormous semantic weight, as they are vividly emotional, expressive, and sometimes humorous. This work is devoted to the study of the use of antithesis in proverbs in Russian and Hindi. The selected proverbs are divided into three parts: first, there are various proverbs in Russian that contain antithesis, but their equivalents in Hindi do not contain this figure of speech; second, there are various proverbs in Hindi that contain antithesis, but their equivalents in Russian do not contain this figure of speech; thirdly, there are proverbs where antithesis can be seen both in Russian proverbs, and in their equivalents in Hindi.

Keywords: antithesis, linguoculturology, paremiology, paremia, proverb

Изучение языка интересно и необходимо с точки зрения лингвокультурологии, предполагающей понимание языка как формы выражения национальной культуры. Она показывает взаимосвязь между языком и историей народа, где отражаются и передаются культурные особенности и традиции народа из поколения в поколение.

Концепция лингвокультурологии была впервые разработана в Германии немецким философом и лингвистом Вильгельмом фон Гумбольдтом в начале XIX века. По его

словам, культура отражается прежде всего в языке. В середине XIX века его концепция начала отражаться в работах русских филологов и лингвистов, таких как Г. О. Винокур, Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев, А. А. Потебня и др. В своих работах они подчеркивали, что язык и культура неразделимы.

В. В. Красных в своей книге «Этнопсихолингвистика и лингвокультурология» определяет, что «Лингвокультурология является дисциплиной, изучающей проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе, непосредственно связанной с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментального-лингвистического комплекса».[1]

Таким образом, можно сказать, что лингвокультурология представляет собой дисциплину, изучающую язык во взаимосвязи с культурой. Лингвокультурологический аспект изучения языка также присутствует в системе паремиологии.

Паремиология представляет собой раздел филологии, в котором изучаются практически все устойчивые выражения в языке - фразеологические единицы, пословицы, поговорки, веллеризмы, слоганы, афоризмы, максимы, загадки, приметы и т.д.

Николай Комлев в своём словаре «Словарь иностранных слов» обращает внимание на то, что термин «паремиология» происходит от греческих слов *paroimia* - пословица + *logos* - учение. По его словам, это раздел филологии, занимающийся изучением пословиц, поговорок, присловий и изречений». [2]

А. М. Прохоров в словаре «Большой энциклопедический словарь» акцентирует на то, что «паремиология является разделом филологии, изучающим паремии - пословицы, поговорки, изречения, присказки и т.д». [3]

Паремии являются отдельным жанром устного народного творчества и отражают взаимоотношения людей, социальные и природные явления, традиции. Паремии в широком смысле в лингвистике означают короткие народные изречения, восходящие к фольклору и имеющие как буквальное, так и переносное значение,

К паремиям относятся особенно пословицы и поговорки, но в данной статье рассматриваются только пословицы на русском языке и на языке хинди. Наиболее ярко национально-культурная самобытность народа отражается во паремиологическом корпусе языка, в частности - в пословицах, представляющих собой короткие, четко выраженные изречения, содержащие поучения, советы, назидания, суждения и моральные оценки.

Татьяна Васильевна Жеребило в своём словаре «Словарь лингвистических терминов» определяет пословицу как «образное выражение, созданное народом и передаваемое из поколения в поколение в устной форме, выражающее законченное суждение, поучение, применяемое ко множеству сходных ситуаций, имеющее иносказательный смысл». [4, с.271]

В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» пословица определяется как «жанр устного народного творчества, образное изречение, обычно ритмическое по форме, содержащее некую житейскую мудрость и имеющее назидательный смысл». [5]

Пословицы передаются на любом языке с большим разнообразием и точностью. Для их передачи в пословицах используются различные тропы и фигуры речи, одной из которых является антитеза.

Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова в своём словаре «Словарь-справочник лингвистических терминов» акцентирует на то, что «антитеза (*греч.* antithesis — противоположение) является стилистической фигурой, служащей для усиления выразительности речи путём резкого противопоставления понятий, мыслей, образов». [6, с. 18]

Для данной статьи были собраны пословицы на русском языке и на языке хинди из словаря «Русско-англо-хинди словарь пословиц, поговорок и фразеологизмов», опубликованного доктором Шьямой Джоши в 2014 году. Собранные пословицы были разделены на три группы.

Первая группа относится к набору пословиц в русском языке, в которых можно увидеть использование антитезы, но их эквиваленты на хинди не содержат этого приема.

- **«Не бойся собаки брехливой, бойся молчаливой»** – बहुत भौंकने वाला कुत्ता काटता नहीं!

Данная пословица отражает антитезу, противопоставляя два типа собак (брехливую и молчаливую) и соответствующее отношение к ним.

Здесь можно увидеть контрастные характеристики, где брехливая собака символизирует шум, демонстративную угрозу, не воплощающуюся в действие. Молчаливая собака связывается со скрытой угрозой, могущей быть неожиданной и реальной. Контраст между шумной безопасностью и молчаливой угрозой подчеркивает суть пословицы.

В данной пословице можно также заметить метафорический смысл, где брехливая собака символизирует людей, которые много говорят или угрожают, но редко действуют. Молчаливая собака характеризует скрытных и осторожных людей, способных на неожиданные поступки.

- **«Чем больше знаешь, тем меньше ценишь»** – मान घटे नित घर को जाये!

Словосочетание «знать больше» означает обладание знаниями, аналитическим мышлением, опытом и критическим взглядом.

Словосочетание «ценить меньше» означает, что эмоциональная, идеализированная ценность объекта снижается по мере выявления его истинной природы.

В приведенном примере антитеза показана посредством использования словосочетаний «знать больше» и «ценить меньше», что создает парадоксальный эффект, поскольку обычно мы думаем, что больше знаний о чем-то увеличивает ценность этого, но здесь все наоборот.

На основании этой пословицы можно также сказать, что чем больше человек знает, тем меньше он удивляется, поскольку многие предметы становятся предсказуемыми и мало интересными. Иногда с более глубоким пониманием и знанием чего-либо человек теряет первоначальную наивность и способность удивляться. Кроме того, углубляясь в предмет, мы часто обнаруживаем слои сложности, о которых раньше не подозревали, и это может привести к ощущению предсказуемости, из-за чего предметы становятся менее удивительными.

Эквивалент данной пословицы (मान घटे नित घर को जाये!) на языке хинди: 'प्रेम घटे नित ही कुछ माँगत'

- **«Мягко стелет, да жёстко спать» – मधुर बानी दगाबाज़ की निशानी**

!

В данном примере словосочетание «Мягко стелет» символизирует приятные слова, вежливость, притворную заботу, а словосочетание означает скрытую угрозу, обман, реальный вред, предательство, боль, разочарование, которые человек может причинить, несмотря на свое ласковое поведение.

Здесь, в данном примере показан контраст между внешней мягкостью и внутренней опасностью, между словами и поступками, между вежливостью и предательством. Данный пример подчеркивает разницу между тем, что кажется, и тем, что есть на самом деле.

Можно также сравнить данную пословицу в контексте политики, где политик обещает заботиться о народе, но в итоге принимает решения только в своих интересах.

Данная пословица учит нас, что не стоит просто верить тому, что человек говорит, особенно если он говорит вежливо. Мы также должны смотреть на их действия и намерения. Данная пословица советует нам быть осторожными и понимать правду за словами других людей, потому что хитрые люди используют приятные слова, чтобы скрыть свое коварство.

На хинди есть эквивалент пословицы "मधुर बानी दगाबाज़ की निशानी" - "मुँह में राम, बगल में छुरी!"

- «Кто **много** грозит, тот **мало** вредит» – जो गरजते हैं बरसते नहीं

!

В данном примере мы видим контраст между внешней угрозой и реальными последствиями, между громкими высказываниями и слабыми поступками.

Словосочетание «много грозить» определяет человека, угрожающего, проявляющего агрессию и производящего ненужный шум, а словосочетание «мало вредить» определяет нереальные действия или последствия по отношению к угрозе.

Можно также сказать, что в данном примере действия человека сравниваются с действиями природы, когда гроза громко гремит, но дождя не идет, точно так же в нашем обществе есть люди, которые много говорят и мало действуют.

Данная пословица также используется в отношении людей, которые много шумят, хвастаются, но на самом деле не делают ничего важного.

В заключении можно сказать, что данная пословица подчеркивает разницу между формой и содержанием, между словами и действиями. Она также учит нас о том, что реальная угроза часто скрывается за молчанием, и не каждая угроза является достойной страха.

- «Коли хочешь себе **добра**, никому не делай **зла**» – जिनके घर शीशे के होते हैं, वे दूसरों के घर पर पत्थर नहीं मारा करते

!

Пословица передает один из важных жизненных принципов посредством антитезы, сравнивая добро и зло и подчеркивая их взаимоотношения. Добро представляет собой символ позитивных, продуктивных действий, приносящих гармонию и радость, в то время как зло символизирует разрушение, вред и причинение страданий.

В данной пословице также содержится моральный урок посредством контраста. Если человеку хочется счастья и благополучия, ему необходимо осознать, что зло, которое он причинил другим, может возвратиться к нему самому.

Вторая группа относится к набору пословиц на хинди, где можно заметить использование антитезы, но их эквиваленты на русском языке не содержат этого приема.

- **बिगाड़ना आसान, बनाना मुश्किल!** – «Ломать - не делать»

Пословица “बिगाड़ना आसान, बनाना मुश्किल!” (можно перевести как «**испортить** легко, **создать** трудно») наглядно иллюстрирует применение антитезы. Она сравнивает два действия - уничтожение и построение, чтобы подчеркнуть сложность и ценность создания в сравнении с легкостью уничтожения.

Слово *बिगाड़ना* (испортить) имеет отношение к уничтожению, которое не требует огромных усилий или мастерства.

Слово *बनाना* (создать) намекает на труд, время и умение, нужные для обретения результата.

Здесь антитеза выражает, что разрушение не нуждается ни в терпении, ни в мастерстве, в то время как созидание является долгим и трудным процессом.

- “अक्लमंद को इशारा, मूर्ख को तमाचा!” – «Умный понимает с полуслова»

Пословица “अक्लमंद को इशारा, मूर्ख को तमाचा” (можно перевести как умному достаточно намёка, глупому — пощёчина) идеально отражает антитезу. Она противопоставляет интеллектуальных и глупых людей и различные способы их воздействия, чтобы акцентировать внимание на разнице в их восприятии и реакции.

Здесь мы видим антитезу в характеристиках людей:

- *अक्लमंद* (умный) и *मूर्ख* (глупый) символизируют два абсолютно разных типа личности.
- Умный человек способен понять с полуслова, а глупый потребует прямого и жёсткого ответа, чтобы понять смысл.

Здесь можно заметить контрастные способы воздействия:

इशारा (намёк) — это то, что вы предлагаете косвенным образом, показывая высокий уровень понимания.

तमाचा (пощёчина) — является резким и очевидным способом общения, свидетельствующим о необходимости более жесткого подхода.

- “आगे कुआँ पीछे खाई!” – «Быть между молотом и наковальней»

Пословица “आगे कुआँ पीछे खाई!” (можно перевести как впереди колодец, позади пропасть) выражает антитезу

через контраст между двумя безвыходными ситуациями. Она выражает мысль человека, оказавшегося между двумя опасностями, где любой шаг может привести к неблагоприятным последствиям.

Слова *आगे* (впереди) и *पीछे* (позади) создают пространственный контраст, демонстрируя, что опасность окружает со всех сторон. Это укрепляет ощущение безнадёжности.

Эта пословица передает суть того, что в жизни наступают времена, когда человек сталкивается с дилеммой, где любой выбор связан с риском. Она учит нас благоразумию, терпению и умению принимать решения в трудных ситуациях.

Третья группа относится к набору пословиц в обоих языках, где можно обнаружить использование антитезы как в русском языке, так и ее эквивалентов на хинди.

- «Когда **закрывается** одна дверь, **открывается** другая» – “जब एक दरवाजा बंद हो जाता है तो दूसरा खुल जाता है।”

Данная пословица использует антитезу для сопоставления ситуации открытия и закрытия, для того чтобы передать мысль о возможности нового начала после завершения чего-то старого.

Здесь также можно увидеть контраст двух событий:

- Закрытие двери означает завершение чего-то, потерю или конец.
- Открытие другой двери является символом новых возможностей, начала чего-то нового, нового шанса.

Эти два контрастных процесса демонстрируют динамичность жизни, в которой одно событие часто влечет за собой другое.

Здесь также можно наблюдать противопоставление эмоций:

Закрытие двери может сопровождаться разочарованием или потерей, а открытие другой двери приносит оптимизм и новые возможности.

Этот контраст помогает нам заметить, что любое окончание может стать началом чего-то лучшего.

- «Лучше **явный** друг, чем **неверный** друг» –
“नादान दोस्त से दाना दुश्मन भला”

Пословица «Лучше явный друг, чем неверный друг» (“नादान दोस्त से दाना दुश्मन भला”) красочно демонстрирует антитезу, противопоставляя настоящую дружбу и лживую симпатию. Она подчеркивает, что честность и мудрость более важны, чем просто наружная принадлежность к классу «друг». Таким образом выражена мысль о том, что даже откровенный и честный враг может быть полезнее, чем просто человек, притворяющийся другом, но на самом деле не заслуживающий доверия.

Здесь можно увидеть противоположные типы отношений:

Неверный друг (नादान दोस्त) - это человек, которому не хватает здравого смысла или рассудительности, кто часто принимает неразумные решения или дает бесполезные советы и может негативно повлиять на вашу жизнь. Они могут не быть злонамеренными, но их действия могут привести к проблемам как для них самих, так и для окружающих.

Мудрый враг (दाना दुश्मन) — это человек, хотя и настроенный против вас, но обладающий умом, стратегическим мышлением и ясным пониманием ситуации, потенциально предлагающий ценные идеи или проблемы, помогающие вам расти и совершенствоваться.

Антитеза здесь построена на основе противопоставления друга и врага, глупости и мудрости, внешнего и внутреннего содержаний. Антитеза между «другом» и «врагом» помогает выявить, что в отношениях более важно - честность и открытость, а не просто принадлежность к одному лагерю.

- **«Много хочешь, мало получишь» – आधी छोड़ सारी को धावे, आधी मिले न सारी पावे।**

В данной пословице «Много хочешь, мало получишь» (आधी छोड़ सारी को धावे, आधी मिले न सारी पावे) применяется антитеза для того, чтобы сравнить чрезмерные стремления с реальными возможностями. В нем выражена мысль о том, что, стремясь к слишком многому, в итоге можно остаться ни с чем, не получив даже того, что вполне могло бы устроиться.

В этом примере можно увидеть противопоставление желаемого и действительного:

- *आधी छोड़ सारी को धावे* (бросая половину, стремишься к целому) символизирует чрезмерные амбиции или чрезмерное стремление к чему-то большему.
- *आधी मिले न सारी पावे* (не получишь и половины, не получив целого) характеризует реальность, в которой из-за попыток получить больше, утрачивается то, что можно было бы приобрести.

Можно увидеть противопоставление стремлений и результата:

Данная пословица учит нас тому, что нам нужно довольствоваться своим текущим положением и избегать жадности. Нам также следует помнить, что, пытаясь получить больше, мы можем потерять то, что у нас уже есть.

В конце можно сказать, что очень жадный человек не получает ничего.

- «Большая рыба поедает мелкую рыбу» – बड़ी मछली छोटी मछली को खा जाती है।

В данном примере можно увидеть применение контраста с помощью противоположных понятий, таких как сильный и слабый, доминирующий и подчиненный, угнетатель и угнетенный.

Здесь такие слова, как сильный, доминирующий и угнетатель, определяют понятие «большого», а слова слабый, подчиненный и угнетенный определяют понятие «мелкого».

В данном примере словосочетание «большая рыба» символизирует силу, могущество, богатство, власть, а словосочетание «мелкая рыба» демонстрирует уязвимость, подчиненность, ущербность.

Понятие «большая» и «маленькая» можно увидеть во всех областях - в обществе, политике, бизнесе и других сферах. В обществе влиятельные люди всегда нападают, а люди более слабого статуса всегда страдают, в политике или на международной арене сильные страны всегда доминируют и диктуют условия странам третьего мира или более слабым нациям, в бизнесе также крупные компании или крупнейшие предприятия всегда пытаются поглотить мелкие компании и т.д.

В конце можно сказать, что этот пример не только описывает реальность общества или роль слабого класса в нем, но и побуждает к мысли о справедливости.

Заключение:

Пословица является формой выражения, за которой обычно стоит поучительная история и рассказ. Многие из этих историй забыты, и происхождение некоторых пословиц некоторым людям непонятно, однако они используются в речи. Очевидно, что пословицы имеют свои корни в культуре любого общества.

Можно также сказать, что изучение любого иностранного языка трудно представить без элементов народного творчества, где кратко и образно выражена народная мудрость, отражена история и мировоззрение народа, его обычаи, традиции, ценностные ориентации.

Очевидно, что пословицы уходят своими корнями в культуру любого общества. Русские пословицы на языке хинди показывают иностранцу традиции, обычаи и образ мышления русского и индийского народа.

Литература:

- Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. — С. 12.
- Комлев Н. Г., Словарь иностранных слов : [более 4500 слов и выражений] / Н. Г. Комлев. - Москва : Эксмо, 2006 (Тверь : Тверской полиграфкомбинат). - 669, [2] с.
- Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. — 2-е изд, перераб. и доп. — М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2000. — 1434,[21] с.
- Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов : Изд. 5-е, испр. и доп. — Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
- Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. Николюкин А.Н. М., 2001.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. — М.: Просвещение. 1976. 384 с.

Д-р Чандан Суман
Старший преподаватель
Банаресский индуистский университет

Dr Chandan Suman
Assistant Professor
Banaras Hindu University

Педагогическое исследование: за пределами «хорошей работы» — развитие установки на рост в классе посредством уместной похвалы для эффективного изучения иностранного языка

A Pedagogical Study: Beyond "Good Job"- Cultivating a Growth Mindset in the Classroom Through Appropriate Praise for effective foreign language learning

Аннотация: В данной статье рассматриваются неявные эффекты похвалы в классе. В ней объясняется, как похвала может иметь двойной смысл, способствуя как стремлению учащихся к обучению и достижению целей, так и препятствуя обучению и успеху, одновременно выступая в качестве препятствия или поддержки для долгосрочного обучения и развития устойчивости. Коммуникация, вербальная или невербальная, имеет неявные и явные значения, которые могут неявно способствовать формированию соответствующих установок. Если коммуникация предполагает фиксированный интеллект, то личностно-ориентированное или целеустремленное значение развивает установку на рост. Настоящее исследование показало, что учителя, преподающие иностранные языки, не знали о неявной теории интеллекта, то есть установке на определённый образ мышления. Следовательно, использование похвалы может иметь решающее значение для успешного обучения. Помимо индивидуального поощрения, в данной статье также объясняется, как развивать культуру мышления, ориентированного на рост, в целом, путём нормализации

ошибок, оценки усилий и моделирования мышления, ориентированного на рост, в классе (Фогарти и др., 2009).

Ключевые слова: мышление, ориентированное на рост, эффективная похвала, похвала за процесс, мотивация и устойчивость, непрерывное обучение

Annotation: This paper highlights the implicit effects of praise in the classroom. It explains how praise can hold dual meanings that can either promote learners towards learning and achieving goals or discourage learning and success, while simultaneously serving as a barrier or support to long-term learning and resilience. Communication, verbal or nonverbal, has implicit and explicit meanings that can promote corresponding mindsets silently. If communication has a fixed intelligence, person-specific or goal-oriented meaning develops a fixed mindset. The present study found that teachers engaged in teaching foreign languages were unaware of the implicit theory of intelligence, i.e. mindset. Hence, using praise can be vital for successful learning. In addition to individual encouragement, this paper also explains how to develop a culture of a growth mindset on a general basis by normalising mistakes, valuing effort and modelling a growth mindset in the classroom (Fogarty et al, 2009).

Keywords: Growth Mindset, Effective Praise, Process Praise, Motivation and Resilience, Lifelong Learning

Introduction:

Praising students is common in the classroom for students' participation, but mostly teachers have been found ignorant about the extent to which praise can motivate or demotivate or can change the learnability of

learners (Kamins et al, 1999; Dweck, 1998; Hattie, 2008, 2012; Hattie et al, 2013; Hattie et al, 2014). In the classroom, the effect of praise on student development is a complex process that can either mediate long-term learning and resilience or have demotivational effects (Kamins et al., 1999; Dweck, 1998; Jensen, 2000, 2005, 2008).

This paper examines the complexities of praise in academic institutions, displaying its two-sided character. The research extends the innovative concept of the growth mindset by Carol Dweck, and it shows that one of the key drivers of such beliefs in students is the teachers' input. It is centred on implementing praise strategies that foster a growth mindset, conveying the idea of learners being familiar with facing challenges and having consistency to go through them, thus, finding pleasure in the learning process (Jensen, 2000, 2005, 2008). These recommended strategies are focused on praising effort and process, which prioritise learning before results.

Process-oriented praise is an essential element for seeding a growth mindset as it acknowledges and celebrates students' effort, not the result, and their development over time. The paper, based on data analysis and literature review, focuses not just on individual praise but also on discussing the larger growth mindset environment and the way how the learning environment can be ensured in the classroom. It highlights the individuation of a growth mindset surroundings and learning environment in the classroom (Kamins et al, 1999; Karges-Bone, 2011; King, R., 2012; Mueller, Claudia & Carol S. Dweck, 1998; Mojavezi, A, & Mehdi, P., 2012). It calls on teachers to destigmatise failure, reward effort, learning, persistence, demonstrate higher-level thinking, learning-goal and focus on growth. The paper also describes other approaches that teachers can take to develop growth mindsets, including promoting risk-taking, teaching metacognitive guidance

and seeing mistakes as invaluable learning opportunities (Mojavezi, A, & Mehdi, P., 2012).

If teachers would consider praise as a key to motivation and take into account its effects, they would create a classroom (Fogarty et al, 2009), which is an ideal place for successful learning and would provide students with the necessary skills to thrive and develop in a constantly changing world.

Mindset:

In general, mindset is divided into two categories: fixed mindsets and growth mindsets. These two categories of mindsets interpret criticism differently due to the self-belief system. Praise is a double-edged sword when it comes to the classroom, with diverse mindsets of teachers and students and the associated interpretability of implicit meaning in praise. Hence, praises should be specific and goal-oriented; praises need to contain specific meaning that needs to be improved, motivated and changed. The incorrect type of praise may reduce the overall potential talent and the strength of character. The latest research, mostly the work of Carol Dweck on growth mindset, *Research of Goals: An Approach to Motivation and Achievement* by Elliott et al in 1988; *Brain-Compatible Classrooms* by Robin Fogarty in 2009; other different research works of learning in the classroom of John Hattie of 2008, 2012, 2013 and 2014 and other related research of Kamins et al of 1999, Karges-Bone of 2011, King, R. of 2012; Mojavezi, A, & Mehdi, P. 2012, Good, Aronson, & Inzlicht of 2003, has been evident about the role of the teacher in determining how the student thinks about his/her capabilities and learnability.

Compared to a fixed mindset—the view of intellect as a certain amount—a growth mindset is one that belies the intelligence as being developed and improved by the effort and learning (Dweck, 2006; Good, et al., 2003). Students with a growth mindset assert that difficulties are new things to learn and grow, and disappointments are

momentary obstacles on the way towards the command of the subject. This belief nurtures qualities like persistence, motivation, and a love for learning that last throughout life (Wentzel, K.R., & Miele, D.B., 2009).

Nevertheless, when it comes to teachers at work, it is normally found that teachers frequently do the same thing of that they are aware i.e. praising students for being "**smart**" or for being "**good**" at something. But studies have warned against such person-centred praise. Mojavezi and Tamiz (2012) found that when children received person-focused praise, they were more likely to adopt a performance goal orientation in which they tended to avoid challenging tasks and gave up more easily when faced with difficulty to avoid weakening of self-image of being intelligent. The implication is obvious: when intellect is praised, goal or result is praised or person is praised, a fixed mindset is developed that makes students afraid of failure and leading them to value protecting their self-concept over taking on challenges and learning.

Teachers' Awareness of the Theory of Mindset:

In the survey, a semi-structured questionnaire was used, and in data analysis, it was found that teachers teaching Russian as a Foreign Language were mostly ignorant about the theory of mindset and its implicit effect on learnability and its relation with praise learnability. They were fond of using phrases like "**Good Job**", "**Very Good**", "**Excellent**". These phrases are result-oriented or goal-oriented praises that implicitly motivate learners to achieve a goal by any means that is not aligned with the physiology of brain development, which requires neuroplasticity for memory and learnability. When we praise *process, strategies, effort, practice and rehearsal*, intrinsic and extrinsic motivation become directed towards *process, strategies, effort, practice and rehearsal*, which is evidently aligned with brain development, learnability and memory according to empirical research.

Praising the Journey, Not Just the Destination:

Here are some key strategies:

- Process and effort need to be in focus: Instead of saying a child “You’re so smart!” for a correct answer, praise needs to be directed to the students’ effort and the particular strategies should be focused like “It looks like you really made good use of study guide!” or “It is due to your effort, you did not stop at one method until you found the solution.” (Mojavezi & Tamiz, 2012; Wentzel & Miele, 2009; Lipnevich & Smith, 2018; Hattie, 2012; Thaler & Koval, 2015).
- A need to change the focus from the result to the learning: The result does not need to be highlighted, but also the process and gaining skills. One should motivate students’ journey of learning, even if the concept remains unmastered. One must avoid time-bound static praise like “I’ve never seen anyone grasp this much in just a week. Amazing!”. It needs to be journey-oriented and strategy-oriented like “It is nice to know that you are not sticking to one way, but rather, trying new approaches to solve this problem.” (Dweck 2006; Yeager & Dweck 2012; Wentzel & Miele 2009; Lipnevich & Smith 2018; Hattie 2012).
- Being specific, action-oriented and giving a chance when anyone gives feedback: One needs to offer suggestions for improvement instead of giving non-specific praise. Instead of merely telling learner- “Good job,” provide examples such as “In this part, you were really great at backing up your arguments” or “Perhaps next time, you could use this example so that others can understand what you are talking about.” (Mojavezi & Tamiz, 2012; Wentzel & Miele, 2009; Lipnevich & Smith, 2018; Hattie, 2012).

Shifting the Focus: The secret to developing a growth mindset is process, journey and changeability of learning praise in verbal or non-verbal communication. Identifying and rewarding students for the specific efforts, strategies and progress that they make rather than for their fixed intelligence is one of the most effective ways to foster a growth mindset (C. S. Dweck, 2000, 2006; C. S. Dweck & Leggett, 1988; Elliott & Dweck, 1988; Kamins & Dweck, 1999; Mueller & Dweck, 1998; Yeager & Dweck, 2012). Some examples are:

- I saw how many times you tried other solutions to solve the problem. That persistence is admirable!
- You learned from the error in the last one and put it right, this time. That demonstrates great learning!
- I can see that you really worked on your piece of writing. The structure and analysis here are impressive!

Such praises to the learners substantiate the notion that skills are achieved through practice rather than being inherently "naturally talented" at something, and that learning is a process of expanding rather than concluding. There is evidence that process praise leads to enhanced academic attainment and motivation (Wentzel, K.R., & Miele, D.B., 2009). According to Blackwell et al. (2007), students who were given this praise did better in math and were also more likely to take on challenging tasks. Similarly, Yeager et al. (2012) reported that growth mindset praise facilitates classroom participation and reduces anxiety for middle school students.

Beyond Words: Cultivating a Growth Mindset Environment:

In addition to giving individual praise, teachers can establish a culture in the classroom that encourages a growth mindset." This includes:

- **Normalising errors:** While errors are traditionally portrayed as enemies, why not position them as learning invitations? Motivate students to perceive failure as more than a defeat, i.e. as a learning

opportunity and the next step on the growth ladder (Dweck, 2006; Mojavezi & Tamiz, 2012; Csikszentmihalyi, 2009, 2014).

- **Rewarding hard work and persistence:** Energise the learners to put their best even when faced with challenges (Good et al, 2003) and supply them with recognition. Consequently, this implicit meaning may become transmitted among others in the group (Dweck, 2006; Yeager & Dweck, 2012; Hattie & Anderman, 2013; Hattie, 2008; Hattie & Yates, 2013).

- **Modelling a growth mindset:** With rewards and acknowledgement, let students who struggle through situations be guided by them to not give up. Consequently, this can facilitate others who at hold the same effort-based motivational (Dweck, 2006; Yeager & Dweck, 2012; Hattie & Anderman, 2013; Hattie, 2008; Hattie & Yates, 2013).

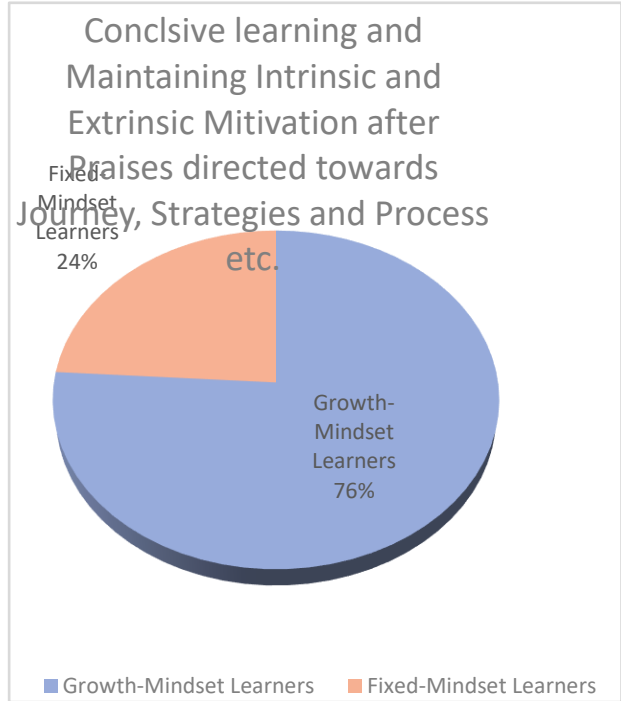
One of the main features which both extrinsic and intrinsic motivation are influenced and which in turn affect the

learnability to learn in the classroom is the proper and truthful praise on process of learning, strategies of learning, persistent effort and repeated practice (C. S. Dweck, 2000, 2006; C. S. Dweck & Leggett, 1988; Elliott & Dweck, 1988; Kamins & Dweck, 1999; Mueller & Dweck, 1998; Yeager & Dweck, 2012) and grit (Duckworth et al. divided grit into two components: perseverance of effort and consistency of interest in 2007 and Thaler et al, 2015). Teachers may be instrumental in raising the learners' growth mindset:

- *Structuring hard problems while inspiring them to take risks. Allow students to experiment, make mistakes to learn.*
- *Teaching metacognitive strategies. Assist students in developing self-awareness and to self-monitoring their learning and belief.*
- *Mistakes are not really mistakes but learning opportunities. Making errors/mistakes is okay as a natural aspect of learning, just stress the importance of learning from these errors.*

These strategies allow teachers to create classrooms (Fogarty et al, 2009) that promote a growth mindset (King, R.B., 2012). Students won't just be successful academically, but they will develop the grit, persistence, and intrinsically motivated mindset necessary to succeed in a world where we must simply keep learning and adjusting.

Foreign Language learning: This paper focuses on young adult foreign language learners who have already lost the acquisition period of language aptitude. They have the mother tongue cultural and

grammatical structure in their mind. As a result, language interference in learning is common. Language is cultural and implicit by nature; our speech is mostly habitual and automatic. When it comes to a foreign language, it becomes foreign in nature; hence, learning a foreign language requires dedicated practice and clear cultural and linguistic understanding. Continuous intrinsic and extrinsic motivation is a primary requirement for foreign language learning, hence praise needs to be directed towards *process, strategies, effort, practice and rehearsal* for effectively learning a foreign language to overcome lost acquisition period and mother tongue language interference. Growth-mindset learners have been found learning a foreign language, like Russian, effectively and conclusively. Mindset survey and foreign language learning, 76% Growth-Mindset learners have found

retaining their intrinsic and extrinsic motivation in foreign language learning more effectively and conclusively. 76% Students who had a growth mindset performed well in the overall final result.

Suggestive measures: Praise that can be used by the teacher in Foreign Language Classroom for conclusive result: Following research lays down the background how we need to frame the praise – specially need specific (Kamins et al 1999; Karges-Bone, 2011; King, R. 2012; Mueller, Claudia & Carol S. Dweck, 1998; Mojavezi, A, & Mehdi, P. 2012; Hattie, 2008; Hattie, 2008; 2012; Hattie et al, 2013; Hattie et al, 2014)

Growth Mindset Praise (Promotes Learnability)	Why It Helps	Fixed Mindset Praise (Impairs Learnability)	Why It Hurts
I like how you kept trying different strategies to remember the new words.	Encourages persistence & strategy	You're so good at languages, you learn so fast.	Suggests talent matters more than effort

Your pronunciation improved because you practised consistently.	Links success to practice & effort	Excellent, you have a natural accent.	Focuses on innate ability rather than practice
I noticed you used a new method to form that sentence — keep structuring sentences in different ways.	Reinforces experimentation, problem-solving & and strategies.	You're the smart student in this class, and you have the natural skill to write good sentences.	Creates pressure to maintain the status of smartness , fear of making mistakes of writing challenging sentences based on new grammatical concepts.
You worked hard to understand that difficult grammar rule, and the result	Connects effort and hard work with progress	You are very good at grammar.	Suggests talent is fixed, discourages effort. (Person-specific praises)

improved .			
I like the way you didn't give up even when it was confusing. .	Normalise s struggle & resilience	You are just not a grammar person. .	Labelling ability as fixed reduces motivation.
Your vocabulary has grown because you kept reviewing every day.	Shows progress as a result of habits	You never forget words—you are a language genius.	Overemphasises fixed memory capacity.
It is great how you corrected yourself after noticing the mistake.	Values self-correction & metacognition	You got it right the first time—you are perfect. .	Implies mistakes are failures, not learning.

I admire how you helped your classmate explain the sentence.	<i>Praises collaboration & deeper learning</i>	You're the only one who can do this correctly.	<i>Prioritise individual ability, not growth</i>
Each attempt you make gets you closer to mastering this dialogue.	Highlights <i>progress, effort and rehearsal to develop a habit for language automaticity.</i>	You are either good at speaking or not.	Promotes <i>fixed language aptitude and belief</i>
Your effort in listening carefully improved your comprehension.	Links <i>active strategies with skill growth</i> for focused listening.	You have good listening skills of language others don't.	Suggests <i>learning is predetermined.</i>

The Teacher can frame different praises according to need; it can focus on specific language skills like listening, speaking, reading, and writing.

Conclusion: To conclude this paper on effective praise and its profound relationship with developing a growth

mindset within the foreign language classroom, the practice of recognising and celebrating students must encompass more than just standard words of affirmation. The research based on Carol Dweck's theory of a growth mindset highlights how teachers can make a big difference to learners' beliefs about their abilities. Focusing on these effective strategies, educators can understand the impact of praise and can properly apply praises, valuing effort and process of learning, not outcomes or results, and providing specific feedback.

Process praise, a central element, focuses less on students' natural intelligence and more on their consistent effort and progress in learning. Empirical evidence in science affirms the transformation of academic success and motivation in this way. Moreover, the paper extends to the entire learning environment under the idea of facilitating, for educators, opportunities to make mistakes and promoting the value of effort, encouraging and modelling a growth mindset.

Teachers who apply growth-mindset-change in the classroom stimulate the development of students' growth mindset that promotes learnability, self-perception and attitude towards efforts, criticism and belief about practices, and consequently, learners are not only encouraged to achieve academic success but also become resilient, and persevere the motivation both extrinsic and intrinsic. In the end, it may be possible to equip our learners with not only the instruments they will need in order to thrive in the ever-changing world but also a desire that will last them a lifetime of learning. Hence, to be effective, praises should empower the students in their lifelong learning and adaptability.

References:

- Blackwell, Lisa S., Kali H. Trzesniewski, and Carol S. Dweck. "Implicit Theories of Intelligence Predict Achievement across an Adolescent Transition: A Longitudinal Study and an Intervention."

- Child Development, vol. 78, no. 1, 2007, pp. 246–263. Wiley, <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2007.00995.x>.
- Csikszentmihalyi, Mihaly. Applications of Flow in Human Development and Education: The Collected Works of Mihaly Csikszentmihalyi. Springer, 2014.
 - Csikszentmihalyi, Mihaly. Flow: The Psychology of Optimal Experience. HarperCollins, 2009.
 - Duckworth, A. L., Peterson, C., Matthews, M. D., & Kelly, D. R. Grit: Perseverance and passion for long-term goals. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 92, no. 6, 2007, pp. 1087–1101.
 - Dweck, Carol S. Mindset: The New Psychology of Success. Random House, 2006.
 - Dweck, Carol S. Self-Theories: Their Role in Motivation, Personality, and Development. Psychology Press, 2000.
 - Dweck, Carol S., and Ellen L. Leggett. “A Social-Cognitive Approach to Motivation and Personality.” *Psychological Review*, vol. 95, no. 2, 1988, pp. 256–273. APA, <https://doi.org/10.1037/0033-295X.95.2.256>.
 - Dweck, Carol. Mindset: Changing the Way You Think to Fulfil Your Potential. Hachette UK, 2012.
 - Elliott, Elaine S., and Carol S. Dweck. “Goals: An Approach to Motivation and Achievement.” *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 54, no. 1, 1988, pp. 5–12. APA, <https://doi.org/10.1037/0022-3514.54.1.5>.
 - Fogarty, Robin J. Brain-Compatible Classrooms. Corwin Press, 2009. (Fogarty et al, 2009)
 - Good, Catherine, Joshua Aronson, and Michael Inzlicht. “Improving Adolescents’ Standardised Test Performance: An Intervention to Reduce the Effects of Stereotype Threat.” *Journal of Applied Developmental Psychology*, vol. 24, no. 6, 2003, pp. 645–662. Elsevier, <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2003.09.002>. (Good et al 2003)
 - Hattie, John, and Eric M. Anderman, editors. International Guide to Student Achievement. Routledge, 2013.
 - Hattie, John, and Gregory C. R. Yates. Visible Learning and the Science of How We Learn. Routledge, 2014.
 - Hattie, J. Visible learning for teachers: Maximizing impact on learning. Routledge/Taylor & Francis Group. 2012 <https://doi.org/10.4324/9780203181522>

- Hattie, John. *Visible Learning: A Synthesis of Over 800 Meta-Analyses Relating to Achievement* (1st ed.). Routledge, 2008. <https://doi.org/10.4324/9780203887332>
- Jensen, Eric. *Brain-Based Learning: The New Paradigm of Teaching*. Corwin Press, 2008. (Jensen, 2005; 2000; 2008)
- Jensen, Eric. *Different Brains, Different Learners: How to Reach the Hard to Reach*. Corwin, 2000.
- Jensen, Eric. *Teaching with the Brain in Mind*. ASCD, 2005.
- Kamins, Melissa L., and Carol S. Dweck. "Person versus Process Praise and Criticism: Implications for Contingent Self-Worth and Coping." *Developmental Psychology*, vol. 35, no. 3, 1999, pp. 835–847. APA, <https://doi.org/10.1037/0012-1649.35.3.835>.
- Karges-Bone, Linda. *Brain Framing: Instructional Planning with the Brain in Mind*. Lorenz Educational Press, 2011.
- King, Ronnel B. "How You Think about Your Intelligence Influences How Adjusted You Are: Implicit Theories and Adjustment Outcomes." *Personality and Individual Differences*, vol. 53, no. 5, 2012, pp. 705–709. Elsevier, <https://doi.org/10.1016/j.j.paid.2012.05.031>.
- Thaler, Linda Kaplan, and Robin Koval. *Grit to Great: How Perseverance, Passion, and Pluck Take You from Ordinary to Extraordinary*. Crown Currency, 2015. (Thaler et al, 2015)
- Wentzel, K.R., & Miele, D.B. (Eds.). (2009). *Handbook of Motivation at School* (1st ed.). Routledge. 2009. <https://doi.org/10.4324/9780203879498>
- Yeager, David S., Kali H. Trzesniewski, and Carol S. Dweck. "An Implicit Theories of Personality Intervention Reduces Adolescent Aggression in Response to Victimization and Exclusion." *Child Development*, vol. 84, no. 3, 2012, pp. 970–988. Wiley, <https://doi.org/10.1111/cdev.12003>.

Нандани Дикшит
Аспирант Центра русских исследований
Университета имени Джавахарлала Неру
г. Дели, Индия, 110067

Nandani Dixit
Ph.D. Scholar
Centre of Russian Studies
Jawaharlal Nehru University
Delhi, India, 110067

**Сопоставительный анализ словосочетаний,
выражающих «радость» в русском языке и на языке
хинди**

**A Contrastive Study of Phrases Expressing "Joy" in Russian
and Hindi**

Аннотация: Работа посвящена сопоставительному анализу словосочетаний, выражающих эмоцию «радость» в русском языке и на языке хинди. Мы анализируем их характеристики в различных лексико-семантических структурах, используя когнитивный и сопоставительный методы исследования, а также проведем анализ некоторых лексико-семантических групп слов или словосочетаний, имеющих много общего между собой, но не имеющих соответствий аналогий в других языках.

Данное исследование разделено на три части: в первой части анализируются словосочетания, выражающие «радость» в русском языке; во второй части анализируются словосочетания, выражающие «радость» в языке хинди; в третьей части проводится сопоставительный анализ исследуемых нами словосочетаний.

Ключевые слова: радость, когнитивный метод, сопоставительный метод, классификация эмоций, грустная радость, большая радость и др.

Annotation: The paper deals with the contrastive study of the phrases expressing the emotion "Joy" in Russian and Hindi. Our study focuses

on analysing the specific features of such expressions within distinct lexical-semantic frameworks. We employ cognitive and contrastive research methodologies to achieve this goal. Additionally, we intend to examine several lexical-semantic clusters of words or phrases that share considerable similarities with one another, but lack direct equivalents in other linguistic systems.

The study is structured into three sections: part one examines the phrases conveying "joy" in the Russian language; part two analyses similar expressions denoting "joy" in Hindi; part three offers a comprehensive contrastive analysis of the examined phrases across both linguistic systems.

Keywords: joy, cognitive method, contrastive method, classification of emotions, bittersweet joy, great joy, and others.

Введение

Язык представляет собой уникальную семантическую вселенную. Существуют мысли, эмоции, невербальные выражения и концепции, которые отражаются различными способами. По мнению Вежбицкой «эмоции являются неотъемлемой частью человеческого мышления, восприятия и коммуникации. С лингвистической точки зрения эмоция трактуется как «особая форма субъективной оценки, отражённая в языке и закреплённая в его семантической и прагматической структуре». [Вежбицкая, 1996]. Эмоциональная речь является неотъемлемой частью естественной коммуникации, общения на русском языке и самовыражения человека. М.А. Вахрушева и С.В. Ионова считают, что «взаимодействие с представителями иной культуры во многом зависит от умения человека правильно вербализовать свои чувства и понимать эмоциональные высказывания других». [Вахрушева, Ионова, 2021]. Е.Л. Телицына определяет *чувство* как «эмоциональный процесс человека, отражающий субъективные оценочные

отношения к реальным или абстрактным объектам»¹. Эмоции описать проще, чем чувства, потому что эмоции кажутся объективными, а чувства субъективными. Часто предполагается, что только объективное является фундаментальным, поддается дальнейшему изучению и измерению; поэтому эмоции считаются сложными состояниями организма, которые включают в себя чувства, поведение, импульсы, физиологические изменения и так далее и можно изучать дальше. Вежбицкая отмечает, что «латинское слово «эмоция» сочетает в своем значении отсылку к чувству, отсылку к мышлению и отсылку к телу человека. Например, можно говорить о чувстве голода или чувстве изжоги, но не об эмоции голода или эмоции изжоги, потому что чувства, о которых идет речь, не связаны с мышлением.» [Вежбицкая, 1999, с. 2].

Карл Изард, один из основателей теории базальных эмоций, выделял около десяти фундаментальных эмоций, которые он называл основными: гнев, страх, радость, грусть, удивление, отвращение, интерес, стыд, вина и презрение. [Изард, 1977]. В 1970-х годах психолог Пол Экман выделил шесть базовых эмоций: гнев, удивление, отвращение, радость, страх и печаль. Его исследования также предоставляют самые убедительные доказательства существования седьмой базовой эмоции – презрение. [Экман, 1972]. В 1980-х годах Роберт Плутчик предложил иную классификацию эмоций, ставшую известной как «колесо эмоций». Он выделил восемь базовых эмоций, сгруппированных в пары полярных противоположностей: радость и печаль, гнев и страх, доверие и отвращение, удивление и предвкушение. Эти основные эмоции могут комбинироваться, образуя новые, например, радость + предвкушение = волнение [Плутчик, 1980].

¹ Телицына, Е.Л. «О понятиях «эмоция» и «чувство» в научной литературе.» *Международный студенческий научный вестник*, 2016. № 5-3. <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=16022>. Дата обращения: 19 сент. 2025.

Цель работы – провести лингвистический анализ атрибутивных словосочетаний, выражающих эмоцию «радость» в русском языке и на языке хинди, выявить их семантические, синтаксические и синтагматические особенности и разные оттенки.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения способов выражения радости посредством лексико-грамматических конструкций. Оно представляет значительный интерес для науки о языке по ряду причин.

Во-первых, современная коммуникационная среда характеризуется ростом эмоциональности. Во-вторых, понимание механизмов передачи эмоций в речи позволяет глубже проникнуть в природу человеческого самовыражения. В-третьих, анализ лингвистических конструкций, передающих радость, имеет важное значение для прикладных направлений: психолингвистики, социоллингвистики, перевода, преподавания русского языка как иностранного, а также для создания систем распознавания эмоций по речи и тексту в искусственном интеллекте.

Материалом исследования стали сопоставительные выборки из «Национального корпуса русского языка»², Корпус разговорного хинди³ и художественной литературы в обоих языках.

Методология – Для достижения поставленной цели были использованы различные научные подходы и техники. Исследование базируется на принципах описания и индукции, применяя лингвистические методы семантического, контекстуального, когнитивного и сопоставительного анализа. В ходе анализа, мы использовали разные словари для пояснения значений имен прилагательных в разных словосочетаниях.

² <https://ruscorpora.ru/new/>

³ <https://www.cosh.site/concordance/>

Основная часть

Люди в разных культурах по-разному классифицируют эмоции. В некоторых языках есть выражения для эмоций, которые не обозначены в других языках. К примеру, у таитян нет слова, соответствующего английскому слову “sad”. Поляки никогда не интерпретируют улыбающиеся лица как «удовольствие», поскольку в польском лексиконе нет такой категории. У немцев есть слово “Schadenfreude” т.е. «Злорадство», означающее радость по поводу чужого несчастья, которое не имеет эквивалента в английском языке.

В нашем исследовании мы изучаем слово «радость», относящееся к числу базовых эмоциональных понятий. С помощью различных словарей мы определили радость как – чувство удовольствия, внутреннего удовлетворения, весёлое настроение, внешнее проявление этого чувства.

Словосочетания, выражающие «радость» в русском языке

Следующие примеры в русском языке продемонстрируют цели работы, а именно – провести лингвистический анализ прилагательных словосочетаний, выражающих эмоции «радость» в русском языке и на хинди, выявить их семантические, синтаксические и синтагматические особенности и разные оттенки:

- **Грустная радость...** Светлая печаль... Браво, bravo! [Николай Пеньков. Была пора (2002) // «Наш современник», 15.06.2002]⁴

Слово грустный показывают разные значения как:

1. Полный грусти, вызывающий грустное настроение
2. Вызывающий сожаление

⁴<https://ruscorpora.ru/en/results?search=Ck4qGwoICAAQChgyIAoQBSAAQA VqBDAuOTV4AKABATICCAE6AQFCKAomCiQKA3JlcRldChvQodCy0LXRgtC70 LDRjyDQv9C10YfQsNC70Yw%253D>

Данное словосочетание показывает оксюморон, т.е. образное сочетание противоречащих друг друга понятий. В данном примере, радость подобна случайности, которой не было долгое время, люди начали делиться своими чувствами и делать приятные действия для других людей дома, что сделало их одной семьей.

- Их набивается целый дом, и это для нас самая **большая радость**. [Эльвира Савкина. Если впрягаюсь, то основательно // «Дело» (Самара), 2002.05.03]⁵

Слово большой имеют разные значения как:

1. Значительный по размерам, т.е. большая земля, большой дом
2. С существительными, которые характеризуют качества человека и имеют усиливающее значение в высокой степени, т.е. большая победа
3. Значительный по силе, интенсивности и глубине
4. Взрослый (с точки зрения ребенка)

В данном примере, когда прилагательное «большая» сочетается с радостью, оно не соответствует всем значениям и показывает значение не по размеру или величине как большой дом, а по силе и интенсивности. Прилагательное «большая» здесь означает, что их присутствие приносит силу в форме физической энергии.

Словосочетания, выражающие “ख़ुशी/khushee” «радость» на языке хинди

⁵ <https://ruscorpora.ru/en/results?search=CqQBKhsKCAgAEAoYMiAKEAUgAEAFagQwLjk1eACgAQEyAggBOgEBQn4KfAp6CgNyZXEScwpx4pePCdCY0YUg0L3QsNCx0LjQstCw0LXRgtGB0Y8g0YbQtdC70YyQuSDQtNC%252B0LwsINC4INGN0YLQviDQtNC70Y8g0L3QsNGBINGB0LDQvNCw0Y8g0LHQvtC70YzRiNCw0Y8g0YDQsNC00L7RgdGC0Yw%253D>

Следующие примеры на языке хинди продемонстрируют цели работы:

- आपके आगमन से मुझे, मेरे सहयोगियों और मेरे परिवार को **बहुत खुशी** होगी।⁶
(Āpake āgaman se muze, mere sahayogiyoan aur mere parivār ko bahut khushī hogī |)

बहुत/bahut – अधिक, ज़्यादा, उचित से अधिक, यथेष्ट/Adhika, jayādā, uchit se adhika, yatheshṭa

Adhik, zyaada, uchit se adhik, yathesht (write transliteration for all the words properly)

Здесь слово **बहुत/bahut** означает, что человек чувствует столько счастья, сколько желает и он испытывает очень приятные стимулы или ощущения.

- सुबह से ही **अनजानी खुशी** और अनजाने गम के बीच सफर कर रहा हूँ मैं।⁷
(Subah se hee **anajaanee khushee** aur anajaane gam ke beech saphar kar raha hoon main.)

अनजानी/anajani – अज्ञान में या बिना जाने हुए/agyaan mein ya bina jaane hue

В данном примере человеку неизвестно чувство радости, он счастлив без какой-либо причины или радуется каким-то хорошим результатам в будущем.

Для синтагматического анализа словосочетаний эмоции в обоих языках, то есть в русском и хинди, мы взяли следующие примеры, относящиеся к словосочетаниям,

Большая радость и **बहुत खुशी/Bahut khushee**:

⁶ <https://www.cosh.site/concordance/>

⁷ Там же

- В теле ощущались **здоровая радость** и ликование. [Ф. В. Гладков. Повесть о детстве (1948)]⁸

В этом примере слово «**здоровая**» используется для выражения радости в виде хорошего самочувствия.

- И настоящая **великая радость** бытия спокойно обходится без улыбок и смеха. [Игорь Кузьмичев. Дом на канале // «Звезда», 2003]⁹

Следующий пример показывает, что, когда слово «**великая**» сочетается с словом «**радость**», это выражает радость, выходящую за рамки воспринимаемых пределов.

- Для меня **огромная радость** подняться на подиум. [Олег Лыткин. Наша взяла // «Русский репортер», № 6 (36), 21-28 февраля 2008]¹⁰
- Опять **громадная радость** охватывает меня, сладко щемит и замирает сердце. [В. С. Новицкая. Первые грезы (1912)]¹¹

Словосочетания «**огромная радость**» и «**громадная радость**» используются для выражения крайнего счастья.

⁸<https://ruscorpora.ru/en/results?search=CocBKhsKCAGAEAoYMiAKEAUgAEAFagQwLjk1eACgAQEYAggBOgEBQmEKXwpdCgNyZXESVgU0Jlg0YLQtdC70LUg0L7RidGD0YnQsNC70LjRgdGMINC30LTQvtGA0L7QstCw0Y8g0YDQsNC00L7RgdGC0Ywg0Lgg0LvQuNC60L7QstCw0L3QuNC1>

⁹<https://ruscorpora.ru/en/results?search=Cr0BKhsKCAGAEAoYMiAKEAUgAEAFagQwLjk1eACgAQEYAggBOgEBQpYBCpMBCpABCgNyZXESiAEKhQHQMCDQvdCw0YHRgtC%252B0Y%252FRidCw0Y8g0LLQtdC70LjQutCw0Y8g0YDQsNC00L7RgdGC0Ywg0LHRI9GC0LjRjyDRgdC%252F0L7QutC%252B0LnQvdC%252BINCC%252B0LHRhdC%252B0LTQuNGC0YHRjyDQsdC10Lcg0YPQu9GL0LHQvtC6INC4INGB0LzQtdGF0LAu>

¹⁰<https://ruscorpora.ru/en/results?search=CocBKhsKCAGAEAoYMiAKEAUgAEAFagQwLjk1eACgAQEYAggBOgEBQmEKXwpdCgNyZXESVgU0JTQu9GPINC80LXQvdGPINC%252B0LPRgNC%252B0LzQvdCw0Y8g0YDQsNC00L7RgdGC0Ywg0L%252FQvtC00L3Rj9GC0YzRgdGPINC90LAg0L%252FQvtC00LjRg9C8>

¹¹<https://ruscorpora.ru/en/results?search=Cr0BKhsKCAGAEAoYMiAKEAUgAEAFagQwLjk1eACgAQEYAggBOgEBQpYBCpMBCpABCgNyZXESiAEKhQHQtC%252F0Y%252FRgtGMINCz0YDQvtC80LDQtNC90LDRjyDRgNCw0LTQvtGB0YLRIjCDQvtGF0LLQsNGC0YvQstCw0LXRgiDQvNC10L3Rjyvg0YHQu9Cw0LTQutC%252BINGJ0LXQvNC40Ylg0Lgg0LfQsNC80LjRgNCw0LXRgiDRgdC10YDQutNGG0LUu>

- हम समझ पाते कि **अति खुशी** में किसी से कोई वादा नहीं करना चाहिए, **अति खुशी** में किया गया वादा पूरा करना आसान नहीं होता।¹²

(Ham samajh paate ki **ati khushee** mein kisee se koe vaada nahin karana chaahie, **ati khushee** mein kiya gaya vaada poora karana aasaan nahin hota.)

- आपको **अपार खुशी** तो मिलेगी ही इस बात की कि आज मैंने अपनी जिंदगी में एक अच्छा काम किया।¹³

(Aapako **apaar khushee** to milegee hee is baat kee ki aaj maine apanee jindagee mein ek achchha kaam kiya.)

Здесь словосочетания **अति खुशी/ati khushee** и **अपार खुशी/apaar khushee** означают безграничное счастье.

- हम सब को ही पता है पूर्ती, अपने जीवन के हर दिन में **भरपूर खुशी** और एक सफल जीवन जीने का मौका है।¹⁴

(Ham sab ko hee pata hai poortee, apane jeevan ke har din mein **bharapoor khushee** aur ek saphal jeevan jeene ka mauka hai.)

Словосочетание **भरपूर खुशी/bharapoor khushee** в данном примере означает, что жизнь полностью наполнена счастьем.

Сопоставительный анализ словосочетаний, выражающих «радость» в русском языке и в языке хинди

- В русском языке, и в языке хинди мы наблюдаем одинаковые словосочетания, такие как **глубокая радость** “**गहरी खुशी/gaharee khushee**”, **безмерная радость** “**अपार आनंद/apaar aanand**”, **маленькая**

¹² <https://www.cosh.site/concordance/>

¹³ Там же

¹⁴ Там же

радость “छोटी खुशी/chhotee khushee”, большая радость “बहुत खुशी/bahut khushee”, нечаянная радость “अप्रत्याशित खुशी/apratyaashit khushee”.

- В языке хинди такие словосочетания как **грустная радость, здоровая радость** отсутствуют.
- В русском языке, более подходящие соответствия словосочетаний с языка хинди такие как: **अधिक खुशी/adhik khushee** – чрезмерная радость, **बचकानी खुशी/bachakaanee khushee** – ребяческая радость отсутствуют.

Заключение

Данная статья посвящена сопоставительному анализу словосочетаний, выражающих эмоцию «радость» в русском языке и на языке хинди. Мы проанализировали их характеристики в различных лексико-семантических структурах, используя когнитивный и сопоставительный методы исследования, а также провели анализ некоторых лексико-семантических групп слов или словосочетаний, имеющих и не имеющих аналогий в других языках.

Можно выводиться, что словосочетания, выражающие эмоции, различаются по значению в разных языках, даже если в двуязычных словарях они часто приравниваются друг к другу. Люди в разных культурах по-разному классифицируют эмоции. Как культура, язык и эмоции по-своему влияют на нашу повседневную жизнь, так мы и не можем изучать человеческие эмоции без языка. Как люди в разных культурах по-разному классифицируют эмоции, точно так же изучение языка происходит в культурном и эмоциональном контексте, которое означает, можно изучать человеческий язык, только изучая культуру и эмоции.

Литература:

Первичные источники

- Nishioka, Miki, and Lago Language Institute. *Corpus of Spoken Hindi (COSH) and COSH Conc [Software]*. Osaka University, 2016-2017. <https://www.cosh.site/>. Дата обращения: 1 авг. 2025.
- Национальный Корпус Русского Языка (*Russian National Corpus*). <https://ruscorpora.ru/>. Дата обращения: 1 авг. 2025.

Вторичные источники

- “Cognitive Theory: Meaning, Examples & Theory | StudySmarter.” *StudySmarter* UK, <https://www.studysmarter.co.uk/explanations/english/language-acquisition/cognitive-theory/>. Дата обращения: 14 авг. 2025.
- “Emotion: Emotion and Culture | SparkNotes.” *SparkNotes*, <https://www.sparknotes.com/psychology/psych101/emotion/section4/>. Дата обращения: 14 авг. 2025.
- “Emotion: Expression of Emotion | SparkNotes.” *SparkNotes*, <https://www.sparknotes.com/psychology/psych101/emotion/section3/>. Дата обращения: 16 авг. 2025.
- <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=16022>. Дата обращения: 12 авг. 2025.
- Ionova, S. V., and V. I. Shakhovskiy. “Anna Wierzbicka’s Linguocultural Theory of Emotions in the Development Dynamics.” *Russian Journal of Linguistics*, no. 4, Peoples’ Friendship University of Russia, 2018, pp. 966–87. Crossref, doi:10.22363/2312-9182-2018-22-4-966-987. Дата обращения: 10 авг. 2025.
- Katharine. “What Is an Emotion Wheel?” *Verywell Mind*, Verywell Mind, 12 Sept. 2022, <https://www.verywellmind.com/what-is-an-emotion-wheel-6500040>. Дата обращения: 12 авг. 2025.
- Khan, Amina. “World’s Languages Describe Emotions in Very Different Ways - Los Angeles Times.” *Los Angeles Times*, Los Angeles Times, 19 Dec. 2019, <https://www.latimes.com/science/story/2019-12-19/emotions-universal-languages-differ>. Дата обращения: 13 авг. 2025.
- Sarkari Guider Team. “संवेग का अर्थ | संवेग का परिभाषा | संवेग की विशेषताएं - Emotion in Hindi.” *Sarkari Guider*, 17 July 2021, <https://sarkariguider.in/meaning-and-definition-of-emotion-in-hindi/>. Дата обращения: 18 авг. 2025.
- Вахрушева М.А., Ионова С.В. Эмоциональная коммуникация на русском языке. Учебно-методическое пособие по РКИ – М.:

- Мир науки, 2021. – Режим доступа: <https://izd-mn.com/PDF/49MNNPU21.pdf>. Дата обращения: 18 авг. 2025.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
 - Ионова С. В. Смешанные эмоции: к вопросу о лингвистической репрезентации и метаязыке описания // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2(40).
 - Ионова С. В., 2022. Лингвопсихология эмоций в концепциях современного языкознания // Вопросы психолингвистики. № 1 (51).
 - “Классификация Фразеологических Единиц с Компонентом «эмоция» - CORE Reader.” *CORE – Aggregating the World’s Open Access Research Papers*, <https://core.ac.uk/reader/541262908>. Дата обращения: 10 авг. 2025.
 - “Концепты «радость» и «грусть» в Английской и Русской Фразеологии - CORE Reader.” *CORE – Aggregating the World’s Open Access Research Papers*, <https://core.ac.uk/reader/288635024>. Дата обращения: 09 авг. 2025.
 - Константиновна, Балковая Анастасия. “Эмоции. Теории Эмоций. Виды Эмоций.” *Открытый Урок*, Издательский дом «Первое сентября», 25 Aug. 2021, <https://urok.1sept.ru/articles/688584>. Дата обращения: 11 авг. 2025.
 - Сяочао, Лян. “Лексико-Семантическая Группа Русских Глаголов Эмоционально-Оценочного Отношения (Функционально-Семантический Аспект).” *Санкт-Петербург*, 2016.
 - घोड़ेला केवल कृष्ण. “संवेग का अर्थ , संवेगों की विशेषताएँ , संवेगात्मक विकास: Gk Hub.” *Gk Hub*, 5 Jan. 2021, <https://www.gkhub.in/samveg-ka-arth-emotional-development/>. Дата обращения: 14 авг. 2025.
 - बोरा राजमल. भाषा: अर्थ और संवेदना. नमिता प्रकाशन, 1977.
 - **Словари**
 - Maurya, Abhai. *New Russian-English-Hindi Dictionary*. Parable International, 2020.
 - Александрова, З. Е. *Словарь Синонимов Русского Языка*. Русский язык, 2001.
 - Денисова, П. Н., and В. В. Марковкина. *Словарь Сочетаемости Слов Русского Языка*. Русский Язык, 1983.

- Евгеньева, А. П. *Малый Академический Словарь Евгеньевой А. П.* (МАС). <https://lexicography.online/explanatory/mas/>. Дата обращения: 20 авг. 2025.
- ---. *Словарь Синонимов Русского Языка в Двух Томах*. Астрель; АСТ, 2003.
- *Словарь Ушакова*, <https://ushakovdictionary.ru/search.php>. Дата обращения: 20 авг. 2025.
- *Толковый Словарь Ожегова* Онлайн, <https://slovarozhegova.ru/search.php>. Дата обращения: 20 авг. 2025.
- *Фразеологический Словарь Выражения Чувств и Эмоций*. <https://psylist.net/slovar/aaa.htm>. Дата обращения: 19 авг. 2025.
- तरुण हरिवंश. *मानक पर्यायवाची कोश*. ग्रंथलोक, 2004.
- बाहरी हरदेव. *राजपाल हिन्दी शब्दकोश*. RAJPAL AND SONS, 2022.
- ---. *शिक्षार्थी हिन्दी शब्दकोश*. राजपाल एंड संज़, 1990.

Д-р Кришна Кумар
Центр российских исследований
Университет имени Джавахарлала Неру
Нью-Дели

Dr Krishna Kumar
Centre of Russian Studies
Jawaharlal Nehru University
New Delhi

**Семантическая особенность оттенка судьбы в
сельскохозяйственных пословицах и поговорках в
русском языке и на языке Майтхили**

**The semantic feature of the shade of fate in agricultural
proverbs and sayings in Russian and Maithili**

Аннотация: *Сельскохозяйственная деятельность сильно зависит от природных явлений и природное явление как известно является непредсказуемым. Именно поэтому в любых регионах в сельском хозяйстве существует волнение среди крестьян об судьбе урожая. Процесс сельского хозяйства в регионе Митхили значительном мере зависит от муссона и годового погодного цикла. Аналогичное волнение также отмечается среди русских сельских населениях. Поскольку непредсказуемость толкает человеку верить в судьбу и поэтому она широко отражается в сельскохозяйственных пословицах и поговорках в обоих регионах, так как пословицы и поговорки считаются народные изречения, которые жили веками и несут собой огромный запас народных мудростей. В данной статье оттенок судьбы обширно анализируется в семантическом плане.*

Ключевые слова: *Пословицы и поговорки, судьба, муссон, сельское хозяйство*

Annotation: *Agricultural activity is highly dependent on natural phenomena, and natural phenomena are known to be unpredictable. This is why farmers in all agricultural regions worry about the fate of their harvest. Farming in the Mithila region is significantly dependent on the monsoon and the annual weather cycle. Similar anxiety is also observed among Russian rural populations. This unpredictability encourages people to believe in fate, and therefore it is widely reflected in agricultural proverbs and sayings in both regions. Proverbs and sayings are considered folk sayings that have endured for centuries and represent a wealth of folk wisdom. In this paper, the connotation of fate will be extensively analyzed semantically.*

Keywords: *Proverbs and sayings, fate, monsoon, agriculture*

Наша жизнь полна интересных и удивительных моментов. Люди по-разному воспринимают свою жизнь и окружающую действительность. Некоторые радуются каждому дню и уверены, что в будущем их ожидают только положительные события. В то же время, другие не испытывают надежды и попадают в рутину обыденности. Множество людей верят в предсказания и считают, что судьба определяет ход их жизни. Судьба неразрывно связана с человеческим сознанием и является важной составляющей повседневного существования. Любовь, дружба, рождение и смерть – все эти аспекты человеческой жизни окрашены влиянием судьбы. Обычно судьба приносит значительные, неожиданные и зачастую трагические перемены в жизнь.

Можно утверждать, что судьба является естественной и объективной силой, которая способна привести человека к правильным мыслям, решениям и открытиям. В судьбе содержится глубокая мудрость, способная защитить человека от несчастий.

Концепция «судьба», являющаяся основополагающей для русской лингвокультуры, многократно анализировалась с различных позиций, включая философские, культурно-

исторические, этические и психологические, начиная с античных времен. На текущем этапе исследование данной концепции в основном сосредоточено на уточнении её значений с акцентом на интерпретации, присущие различным этническим группам. Ю. Л. Форофопова занимается аксиологическим концептом «судьба» и излагает о том, что *«в репрезентации этого концепта выделяется универсальный и национально-специфичный аспекты, что позволяет включать его в интернациональную концептосферу, оставив за ним право национальной специфичности»*. Согласно мнению Д. В. Грожан, судьба представляет собой внутренний контекст взаимодействия человека с окружающим миром. Этот феномен обладает многогранностью и включает как рациональные, так и иррациональные аспекты. В каждой культуре существует уникальное представление о судьбе, которое отражает внутренний дух данной культуры.

Русская литература несет в себе значительную мировую ценность. Шедевры русской классики продолжают оставаться одними из самых известных, значимых и востребованных текстов в современности. Почти все произведения будь то книга, роман, поэма или рассказ, неизменно затрагивает тему влияния судьбы на поступки и восприятие героя. Во общем вера в судьбу в русской литературе представляет собой убеждение в том, что определенные фатальные события предопределены высшими силами, обладающими большей мудростью и силой, и на которые человек не способен оказать влияние и бежать от него. В этих произведениях восприятие судьбы персонажем не как соучастника или помощника, а как отражения воли всемогущих сил, которые могут либо сломать жизнь человека, либо возвысить его до небес. В данном контексте фатализм может выступать как характеристика личности героя. Например, в произведении М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» главный персонаж Печорин является фаталистом. Также в сюжете А. П. Чехова «Судьба человека» влияние общественной

иерархии превращается как фатальное восприятие силы судьбы. («Судьба человека» написал Шолохов)

Одна уникальная характеристика, которая встречается в русской литературе именно в классиках – это возложение свои вины на судьбе за все свои беды и несчастья. На самом деле, в таком поведении можно выделить определенный смысл. Так персонаж таким образом как бы «освобождает себя» от ответственности, перекладывая вину за свои действия на судьбу. Ярким примером этого могут служить персонажи романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

В русской литературе слово «судьба» используется в разнообразных смыслах. Она изображается как помощник человека, способствуя успеху в его делах и благосостоянию в семье. Она также выступает в роли управляющего человеческим поступком. Такое восприятие судьбы есть сильное влияние на персонажа. Такое понимание заставляет человека верить в том, что все происходит по влиянию судьбы и так скорее всего, человек освобождает себя от полной ответственности за свои действия и поступки, и начинает проявлять эгоизм и самолюбие. Она также воспринимается как проявление справедливости и второй совесть при персонаже.

В русской литературе слово судьба и ее синонимы неоднократно используются с различными оттенками и в разнообразных ситуациях. Например, в произведениях Достоевского «Идиот» и «Братья Карамазовы» слово судьба и ее синонимы как доля, удел, жребий, участь, рок и. т. п. используются десятки раз соответственно.

Слово «судьба» определяется следующим образом по словарю Д.Н. Ушакова: «Стечение обстоятельств (первоначальное, в мифологии и мистических представлениях, потусторонняя сила или воля божества, предопределяющая всё, что происходит в жизни). *«Опять увидеть их мне суждено судьбой.»* Грибоедов. *«Перетерпев судеб удары, окрепла Русь.»* Пушкин. *«Судьба вчера свела случайно нас.»* Лермонтов. *«С детства Судьба не взлюбила тебя.»* Некрасов. *«Пока я волновался и строил*

различные планы, Судьба уже порадела обо мне.» А. Тургенев. «Вышел с честью из всех потасовок, которыми судьбе угодно было награждать его.» Салтыков-Щедрин.

Участь, доля, жизненный путь. «Моей судьбы не разделишь со мною.» Пушкин. «Пускай горька моя Судьба - я буду ей верна.» Некрасов. «Нас всё соединяет: сходство жизненных судеб, одинаковость убеждений.» А. Тургенев. «Она выказала искреннее участие в судьбе брата.» А. Тургенев. Обстоятельства, условия дальнейшего существования, будущность. «Нет нужды доказывать, что успехи эти имеют величайшее значение для судеб нашей страны, для всего рабочего класса, как руководящей силы нашей страны, наконец, для самой партии.» Сталин (об успехах колхозного движения)».

По словарю Ожегова слово «судьба» определяется следующим образом:

- «Стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека, ход жизненных событий. С. столкнула старых друзей. Избранник судьбы (счастливец; книжн.). Удары, превратности судьбы.»
- «Доля, участь. Счастливая с. Узнать о судьбе родных.»
- «История существования кого-чего-н. У этой рукописи интересная с.»
- «Будущее, то, что случится, произойдет (книжн.). Судьбы человечества.»
- «В знач. сказ., кому с неопр., обычно с отриц. То же, что суждено. Видно, не с. с ним увидаться. Какими судьбами?! (разг.) – радостное восклицание при неожиданной встрече в знач. как получилось, что мы встретились? Судьба – индейка (разг. шутол.) - о незадачливой доле, трудной судьбе.»

Слово «судьба» является исконно славянской. Она возникает от праславянского слова «sǫdьba» - корень «sǫdь-суд» и суффикс «-ьb-а» и от транскрипции получилось слово «суд'ба/судьба». В древнерусском языке она употреблялась в значении «суд», и «судилище» и от этого развивались значения «правосудие» - «приговор», «божий суд» - «приговор небесных сил».

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) определяет слово «судьба» следующим образом:

- Удел, predetermined или складывающийся независимо от воли человека ход его жизни; персонализированная или безличная сила, управляющая событиями жизни. *«Зато судьба заботливо выручала его из отчаянных положений, оттаскивала за волосы, за шиворот от самого края...»* Д. А. Гранин, «Зубр», 1987 г.
- Жизненный путь, совокупность событий, обстоятельств жизни, существования кого-либо, чего-либо. *«Я хочу доказать, что нотки архаизма в творчестве Бунина заведомо обусловили судьбу эмигранта.»* С. Д. Довлатов, «Иная жизнь», 1984 г. *«Окна нашей комнаты выходили как раз на монастырь, и мы были свидетелями его печальной судьбы.»* И. К. Архипова, «Музыка жизни», 1996 г.
- Дальнейшее существование, будущее кого-либо, чего-либо. *«Зло неистребимо. Никакой человек не способен уменьшить его количество в мире. Он может несколько улучшить свою собственную судьбу, но всегда за счёт ухудшения судьбы других.»* Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий, «Трудно быть богом», 1963 г.
-

На языке хинди слово судьба переводится как «भाग्य – bhAgya», которое возникает от санскритского корня «भज् – bhaj» (भज् + ल्युट् प्रत्यय – भाग्य, bhaj + lyuT pratyaya – bhAgya), который означает то, что получается от своей доли.

В произведениях языка майтхили, судьба также является одной из главных тем. Великие писатели, такие как Видьяпати в своих работах широко обсуждает влияние судьбы на человеческую жизнь. Они считают судьбу как божественный закон, но верили в карме, иными словами, судьбу можно изменить благодаря своими поступками. Видьяпати в своем произведении «Падавали» пишет «काहे कहु मन भाग्य बड़ भाग्य, जिनहिं मिलल माधव अनुराग», “kAhe kahu mana bhAgya baDa bhAgya, jinahiM milala mAdhava anurAga”, где Радха проклинает свою судьбу за то, что она не может добиться любви Кришны. Здесь судьба изображена как препятствие на пути к достижению любви.

На языке Хинди в словаре «Хиндави» слово «судьба» определяется как: “वह अवश्यभावी दैवी विधान जिसके अनुसार प्रत्येक पदार्थ और विशेषतः मनुष्य के सब कार्य उन्नति, अवनति नाश आदि पहले ही से निश्चित रहते हैं और जिससे अन्यथा और कुछ हो ही नहीं सकता, पदार्थों और मनुष्यों आदि के संबंध में पहले ही से निश्चित और अनिवार्य व्यवस्था या क्रम, तकदीर, किस्मत, नसीब” (“vaha avashyaMbhAvI daivI vidhAna jisake anusAra pratyeka padArtha aura visheShataH manuShya ke saba kArya unnati, avanati nAsha Adi pahale hI se nishchita rahate haiM aura jisase anyathA aura kuChha ho hI nahIM sakata, padArthoM aura manuShyoM Adi ke saMbaMdha meM pahale hI se nishchita aura anivArya vyavastha yA krama, takadIra, kaismata, nasIba”).

Перевод – такой неизбежный божественный закон, согласно которому все действия, прогресс, упадок, разрушение и т. д. каждого объекта, и особенно людей, уже предопределены и ничего не может произойти иначе; уже зафиксированное и неизбежное расположение или

последовательность в отношении объектов и людей, судьба, ведение, удел.

Так принцип судьбы как очевидно, в той или иной форме признается почти во всех странах и сообществах. Авторы индийских священных писаний верят, что все наши добрые или плохие поступки, совершенные в этот мир, оставляют тот или иной отпечаток на нашей душе, и позже мы получаем результат этих поступков. Эти отпечатки в свою очередь называются судьбой или кармой и приносят нам счастье или горе. Добрые или плохие поступки, совершенные в одной жизни, карма некоторых из них проявляется в той же жизни, а некоторые – в следующей. Исходя из этой мысли, индийские священники разделяют судьбу на четыре части – сачит (सचित), прарабдха (प्रारब्ध), крияман (क्रियमाण) и бхави (भवी). Большинство людей верят, что все, что происходит в этом мире, всегда происходит по воле судьбы, и человек не имеет над ней никакого контроля.

Так как сельское хозяйство является одним из древнейших видов человеческой деятельности, оно обладает глубокой связью с силами природы и стремлением человека. Хороший урожай всегда получается, когда эти две факторы сходятся вместе. Крестьяне знают, что несмотря на их упорную работу, всегда существует непредсказуемость в процессе сельского хозяйства, которая зависит от некой духовной невидимой силы, решающей удачу и провал. Эту духовную невидимую силу можно назвать «судьба» крестьянина, которая не зависит от стремления и труда.

Крестьянин упорно обрабатывают почву, сеют и осторожно ухаживают за урожаем, но все это в конце концов зависит от благоприятной погоды, осадки на надлежащее время и адекватного солнца, которые вне его прямой контроли. Даже мелкое изменение на эти факторы может повлиять на продуктивность урожая. Однако, вера в судьбу не означает и способствует фатализму, даже она сосуществует со надеждой и трудом. Крестьяне осторожно работают, применяя свои знания, наблюдая подходящее время для

посева и практикуя духовные ритуалы за плодородный урожай.

Сегодня с развитием технологий можно делать прогнозы и уменьшить риски, но колебания климата Земли и другие факторы как ливневые дожди или засуха может повлиять на продуктивность земледелия и может поставить под угрозу продовольственную безопасность. Таким образом, эти культурные и традиционные верования отражаются в сельскохозяйственных пословицах и поговорах как в русском языке, так и на языке майтхили.

Семантический анализ пословиц и поговорок в обоих языках:

Русские пословицы и поговорки являются живой человеческой философией, которые раскрывают связь человека с природой, его верой и богом, надеждой и отчаянием. Такие русские пословицы как *«Бог не даст, и земля не родит; Не земля хлеб родит, а небо; Бог народит, так и счастьем наделит»* отражают связь человека с богом и как он считает процесс земледелия божественным. Крестьянин знает, что несмотря на его упорный труд, продуктивность урожая зависит от воли бога.

Сельское хозяйство тесно связано с природой, погодой, солнцем и фазами Луны, и они вне контроля человека, поэтому крестьянам приходится отложить урожай на судьбу и усердно трудиться. Такие пословицы, как *«Посев в новолуние – червям снеть; Когда берёза распускается – сей овёс; Снегу надует – хлеба прибудет; Красная весна – да голодна»*, выражают, как крестьянин должен осторожно наблюдать и считать все природные знаки, чтобы получить плодородный урожай. В русском обществе говорят, даже если все хорошо у человека, он должен трудиться, он должен действовать в подходящее время, принимать меры в соответствии с законами природы иначе результат может оказаться совершенно другим. Выше данные пословицы выражают такие же мысли и понятия: *«Лето пролежишь – зимой с сумой побежишь; Кто по календарю сеет, тот редко веет; Поздний посев у раннего не занимает»*.

Некоторые пословицы и поговорки даже мотивируют, что судьба поддерживает человека, который трудится.

Некоторые пословицы и поговорки, такие как *«Где лишняя навоза колышка, там лишняя хлеба коврижка; Сей под погоду – будешь есть хлеб год от году»* толкают крестьянина наблюдать природные явления, поведение животных и изменение в биоразнообразии как отражение будущего и делать свою судьбу золотым. Например: *«Когда мыши в ржи гнездо вьют высоко – хлеб будет дорог; Кукушка закуковала – пора сеять лен; Ворона каркает – к морозу; Собака валяется по снегу – ко вьюге»*. Существуют такие пословицы и поговорки, которые отражают перенос естественного порядка вещей на человеческую судьбу, где успех или неудача как бы уже зафиксированы в окружающей среде. Например: *«Когда лист ложится изнанкой вверх – к урожаю; Много еловых шишек – к урожаю ярового; Если лед горами – хлеба будут груды»*. Здесь можно заметить, что судьба да играет большую роль в жизни человека и также решает курс его жизни, но все-таки русские пословицы и поговорки непосредственно уделяет внимание трудолюбию человека поэтому говорят, «что посеешь – то и пожнешь».

На языке майтхили также существует множество пословиц и поговорок, подчеркивающие значимость судьбы для получения обильного урожая. В регионе Митхила большое внимание уделяется тому, что «карма» решает все. Опытные люди всегда советуют заниматься добрыми делами, потому что все то, что мы делаем, каким-то образом отражается в жизни. Пословицы и поговорки на языке майтхили ярко выражают эту мысль, и оказывает существенное влияние на повседневную жизнь человека. Посмотрим некоторые пословицы и поговорки на языке майтхили с аналогичным значением:

«अगता खेती आगे आगे, पछता खेती भागे-जोगे» (agata khetl Age Age, pachata khetl bhAge-joge): В регионе Митхилы всегда советуют заниматься сельским хозяйством заранее или в подходящим времени. Каждый урожай может плодородным

только если он выращивается на назначенное время, а поздний урожай всегда зависит от судьбы. Если поздний урожай получит все выгодные условия для процветания, только тогда его качество и количество будет достаточным. Если в процессе земледелия если все происходит по плану, даже тогда конечный урожай зависит от судьбы. Например: «गहूम खसय अभगला के, धान खसय भागमन्त के (gahUma khasaya abhagala ke, dhAna khasaya bhAgamanta ke); धान खसय भागसँ, गहूम खसय अभगसँ (dhAna khasaya bhAgasa.N, gahUma khasaya abhAgasa.N)». Так если происходит проливные осадки во время урожая пшеницы, то ее стебель падает на землю, и она портится. Наоборот, после сильного дождя стебель риса тоже падает на землю, но это является полезным так как рис всегда нуждается в воде. Существует на языке майтхили такое выражение, означающее такого рода человека, кто несмотря на сильные стремления и попытки, всегда получает плохой результат, даже сколько бы он ни занимался трудолюбием. Например: «करमहीन खेती करय, पाथर खसय कि पाला पडय (karamahIna khetl karaya, pAthara khasaya ki pAlA pa~Naya)». Но есть такая поговорка, которая указывает на такого человека, у которого успешно получается желаемый результат т.е. его судьба очень яркая. Так «धान धरी मुँह होइछ लाबा (hAna dharl mu.Nha hoiCha lAbA)». Еще на языке майтхили используются такие пословицы и поговорки, которые выражают важность трудолюбия. Они выражают мысль важности кармы, что с помощью кармы можно отменить свою судьбу. Они внушают крестьянину трудиться, а не сидеть сложа руки. Например: «बाढय पूत पिता के धर्मे, खेती उपजय अपने कर्मे (bADhaya pUta pitA ke dharme, khetl upajaya apane karme); खेती बेटी नितहिँ गाय, जे नहि देखथि तिनकर जाय (khetl beTI nittahi.N gAya, je nahi dekhatthi tinakara jAya); मरबाक डरे खेती नहि करी जीबी तँ खाइ की? (marabAka Dare khetl nahi karl jIbI ta.N khAi kI?); अगहने उपास तँ अकालक कोन त्रास? (agahane

upAsa ta.N akAlaka kona trAsa?); कर्म सराही खेतक आरि (karma sarAhl khetaka Ari)».

Заключение:

Русские пословицы и поговорки отличаются большей конкретностью в использовании примет и образов, таких как береза, кукушка, снег и лед. В то время как на языке майхили чаще внимание уделяется обобщению опыта через философские категории, такие как карма, долг и постоянного труда.

Тем не менее, в обеих традициях судьба и природные условия тесно связаны с личными усилиями образуя универсальный крестьянской принцип как бог и природа предоставляют возможности, но плод зависит от самого усердия. Так посмотрим примеры: *«Кто по календарю сеет, тот редко веет; Поздний посев у раннего не занимает и अगता खेती आगे आगे, पछता खेती भागे-जोगे»*, они обладают одинаковыми смыслами подчеркивая своевременную посеву урожая. Еще выражения «Красная весна – да голодна» и *“अगहने उपास तँ अकालक कोन त्रास?”* выражают как не зрелость урожая, так и недейственность крестьянина во время посева. Такие пословицы как *«Где лишняя навоза колышка, там лишняя хлеба коврижка и बाढय पूत पिता के धर्म, खेती उपजय अपने कर्म; कर्म सराही खेतक आरि»* подчеркивают роль труда и заботы в процессе сельского хозяйства.

Таким образом заметно, что сельскохозяйственные пословицы и поговорки в обоих языках отражают глубокую взаимосвязь между судьбой и трудом. Судьба способна как вознаградить земледельца, так и лишить его плодов. Однако, несмотря на осознание непредсказуемости, в этих выражениях сохраняется убежденность в значимости труда и необходимости регулярного участия в сельскохозяйственном процессе. Во общем народная философия и опыт не идеализирует судьбу, но не отрицает ее влияние на повседневную жизнь. Оно придает крестьянской философии реалистичность, гибкость и

одновременно устойчивость к жизненным трудностям. Можно вывести, что судьба в контексте земледелия рассматривается как союзник труда, а не его противника. Лишь тот, кто трудится и верит в успехи, способен на милость судьбы.

Литература:

- “Судьба.” *Грамота.Ру – Справочно-Информационный Портал о Русском Языке*, gramota.ru/poisk?query=%D1%81%D1%83%D0%B4%D1%8C%D0%B1%D0%B0&mode=journal. Accessed 10 Aug. 2025.
- “Значение Слова ‘Судьба’ в 15 Словарях.” *Значения Слов*, znachenie-slova.ru/%D1%81%D1%83%D0%B4%D1%8C%D0%B1%D0%B0. Accessed 10 Aug. 2025.
- “Значение Слова СУДЬБА.” *Sinonim.Org - Качественный Поиск*, sinonim.org/t/%D1%81%D1%83%D0%B4%D1%8C%D0%B1%D0%B0#opr. Accessed 10 Aug. 2025.
- “Словарь:Судьба.” *Руниверсалис*, 13 May 2024, xn--h1ajim.xn--p1ai/%D0%A1%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C:%D1%81%D1%83%D0%B4%D1%8C%D0%B1%D0%B0. Accessed 10 Aug. 2025.
- “Судьба в Русской Литературе.” *Справочник От Автор24*, spravochnik.ru/literatura/russkaya_literatura/sudba_v_russkoy_literature/#znachenie-sudby-v-russkoy-literature. Accessed 10 Aug. 2025.
- “Толковые Словари Даля, Ожегова, Ефремовой Онлайн На Русском Языке:” *Сборник Толковых Словарей Glosum.Ru*, glosum.ru/?act=sphinx&q=%D0%A1%D1%83%D0%B4%D1%8C%D0%B1%D0%B0. Accessed 10 Aug. 2025.
- “भाग्य के हिंदी अर्थ: Bhagya - Meaning in Hindi: हिन्दवी डिक्शनरी.” *Hindwi Dictionary*, www.hindwidictionary.com/meaning-of-bhaagya. Accessed 10 Aug. 2025.
- “विद्यापति.” *विद्यापति - कविता कोश*, kavitakosh.org/kk/%E0%A4%B5%E0%A4%BF%E0%A4%A6%E0%A5%8D%E0%A4%AF%E0%A4%BE%E0%A4%AA%E0%A4%A4%E0%A4%BF. Accessed 10 Aug. 2025.
- «Энциклопедия Одного Слова» *Языковедческий Анализ Слова Судьба*, school-science.ru/18/10/53046. Accessed 10 Aug. 2025.

- Грожан Д. В. Проблема судьбы в западноевропейской культуре. Дисс. канд. филос. наук. Ростов-на-Дону: РГУ, 2003.
- Даль В. И. Пословицы русского народа. Художественная литература. М. 1957.
- Ермолов А.С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Составитель и отв. ред. Платонов О.А. М. Институт русской цивилизации. 2013.
- Жданова Н. В. Концепт «судьба» в русском и английском языках. Вестник Новгородского государственного университета 36 (2006): 52–54.
- Коновалова А.Е. Тема Рока в кавказских поэмах Лермонтова. Литературоведческий журнал. – 2006. – № 20. – С.16-25.
- Погребняк et.al. “Концептуализация Судьбы в Творчестве Ф. М. Достоевского.” *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, vol. 67, no. 1–2, 23 Jan. 2024, pp. 187–197, doi:10.1556/060.2022.00064.
- Прянишникова. “Публикация. Проект ‘Портрет Одного Слова’, 10 Класс. Исследование Слова ‘Судьба’.” *Институт РОПКиП*, ropkip.ru/publication/390862. Accessed 10 Aug. 2025.
- Сенкевич А. В. Судьба человека и ее исторический смысл. Дисс. канд. филос. наук. Воронеж: ВГУ, 2005.
- Судьба — Толковый Словарь Ожегова, gufo.me/dict/ozhegov/%D1%81%D1%83%D0%B4%D1%8C%D0%B1%D0%B0. Accessed 10 Aug. 2025.
- Форофонтова Ю. Л. “Аксиологический концепт сквозь таксономическую призму (на примере концепта «судьба»).” Вестник Тамбовского университета. № 8. Тамбов: ТГУ, 2008. 141–146.
- Хабибуллина. “Концепт «Судьба» в Межлитературном Контексте,” Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, Институт Филологии и Искусств, Казань, Россия., kpfu.ru/staff_files/F1804362274/Koncept.sudby.pdf. Accessed 10 Aug. 2025.

Сайед Мохаммад Табрес
Аспирант
Центр русских исследований
Университет им. Джавахарлала Неру, Нью-Дели

Syed Mohammad Tabrez
Research Scholar
Centre of Russian Studies
Jawaharlal Nehru University, New Delhi

**Стилистические особенности рассказов Дины Рубиной
и Людмилы Петрушевской: Количественный
лингвистический анализ**

**Stylistic Features of the Short Stories of Dina Rubina and
Lyudmila Petrushevskaya: A Quantitative Linguistic Analysis**

Аннотация

В данном исследовании проводится количественный стилистический анализ семи избранных рассказов двух писательниц – Людмилы Петрушевской и Дины Рубиной. С использованием инструментов обработки естественного языка (Stanza, Natasha, spaCy) в среде Google Colab и библиотек визуализации (Matplotlib, Seaborn), а также с учётом ручной проверки данных, анализируются частота личных местоимений, категории наречий и распределение времён глаголов. Сравнение выявляет, как мрачные, трагические образы женских судеб в рассказах Петрушевской и автобиографические размышления о миграции и идентичности у Рубиной находят отражение в их языковых стратегиях, формирующих повествовательный голос и контекст. Результаты показывают, как выбор языка отражает и усиливает художественный замысел каждого автора, что предлагает новые взгляды на их повествовательные стили и предлагают модель для применения вычислительных методов в анализе русской

литературы с потенциальными приложениями в обучении, переводе и цифровых гуманитарных науках.

Ключевые слова: Петрушевская, Рубина, женская проза, стилистический анализ, количественная лингвистика

Annotation

This study conducts a quantitative stylistic analysis of seven selected stories by two prominent Russian writers, Lyudmila Petrushevskaya and Dina Rubina. Using natural language processing tools (Stanza, Natasha, spaCy) in the Google Colab environment and visualization libraries (Matplotlib, Seaborn), as well as manual data verification, the frequency of personal pronouns, adverb categories, and verb tense distribution are analyzed. The comparison reveals how the gloomy, tragic images of women's destinies in Petrushevskaya's stories and Rubina's autobiographical reflections on migration and identity are reflected in their linguistic strategies, which shape the narrative voice and context. The results reveal how language choices reflect and amplify the artistic intent of each author, offering new insights into their narrative style and offer a model for applying computational methods to the analysis of Russian literature, with potential applications in education, translation, and the digital humanities.

Keywords: Petrushevskaya, Rubina, women's prose, stylistic analysis, quantitative linguistics

Введение

В современном русском литературном мире рассказы дают отличную возможность понять, как разные авторы используют разные стили и подходы. Людмила Петрушевская и Дина Рубина — две очень известные писательницы, и их творчество сильно отличается по тону, темам и способам рассказа.

В рассказах Петрушевской часто можно найти темы психологической травмы, маргинализации и даже немного сказочного страха, а их настроение зачастую кажется немного отстранённым и эмоционально сдержанным. Рубина, в свою очередь, пишет в основном

автобиографические произведения, связанные с её эмиграцией из России в Израиль, и в них больше рассказывается про личный опыт, поиск себя, язык и перемещения между странами. Чтобы понять эти различия лучше, в этом исследовании мы используем компьютерный стилистический анализ, встроенный в современные направления цифровых гуманитарных наук и науки о данных. Такой подход, известный как вычислительная стилистика, помогает изучать литературные тексты с помощью компьютеров и статистики. Она опирается на данные и переменные, чтобы находить повторяющиеся элементы в тексте и контексте и понимать, какие у них могут быть художественные, социальные или познавательные функции. В таком подходе стиль понимается как «манера письма» или как набор особых языковых признаков. Любое исследование литературного языка, которое рассматривает его форму, всегда связано со стилистикой, потому что формы и повторяющиеся структуры показывают более высокий уровень организации текста и смысла. Классическая стилометрия в основном изучает частоту служебных слов и считает этот показатель самым надёжным для сравнения стилей разных авторов. «Неканоническая» стилометрия идёт дальше: она берёт в анализ и другие слова, а также более крупные единицы языка. (Herrmann et al., 2021)

Подобные подходы развиваются в коллективной монографии Bories et al. (2022), где подчеркивается роль статистических методов в анализе стиля прозы, включая распределение частей речи, что перекликается с нашим использованием местоимений, наречий и глагольных времен. Кроме того, жанровая классификация русских текстов с помощью стило метрических признаков, как демонстрирует исследование Чайковской (2024), подтверждает эффективность количественного анализа для выявления авторских паттернов в современной прозе.

Используя Python-инструменты, такие как Stanza, Natasha spaCy, Pandas и NumPy, а также библиотеки визуализации Matplotlib и Seaborn, исследование количественно

оценивает лингвистические особенности – частоту местоимений, наречий и времён глаголов – чтобы выявить устойчивые стилистические закономерности и соотнести их с тематической направленностью каждой писательницы. Будагов Р. А. подчёркивает: «Стилистика – это учение о выразительных средствах языка в самом широком смысле. <...> Стилистика – “душа” любого развитого языка» (Будагов, 101). В. В. Виноградов добавляет, что «основная задача стилистики художественной литературы – изучение закономерностей образования и развития индивидуальных или индивидуализированных, т. е. оформившихся как устойчивые и целостные структуры систем словесно-художественного выражения» (Виноградов). М. М. Бахтин отмечает, что «стилистика, адекватная особенностям романного жанра, может быть только социологической стилистикой. Внутренняя социальная диалогичность романного слова требует раскрытия конкретного социального контекста слова» (Бахтин). Следовательно, в ходе данного исследования концепция традиционной стилистики объединяется с современными вычислительными методами для предложения новых интерпретаций стилистической многологости и тематики произведений Петрушевской и Рубиной. Корпусом текста для анализа были отобраны по 7 рассказов Петрушевской и Рубиной, написанных в период перестройки и гласности: конец 1980-х – конец 1990-х годов. Этот период был выбран благодаря своей исторической значимости: успех научного прогресса и социально-политические изменения в СССР расширили свободу выражения, что создало новые стили политики.

- **Петрушевская:** «Мечь», «Мильгром», «Тёмная судьба», «О, счастье», «Отец и мать», «Шопен и Мендельсон», «Тень жизни». Эти рассказы отражают мрачные, сюрреалистические аспекты женского опыта в условиях социальной маргинализации.
- **Рубина:** «Вывеска», «и когда она упала...», «Двое на крыше», «У писателя», «Дети», «Я кайфую», «Иерусалимский автобус». Эти произведения

сосредоточены на автобиографических размышлениях об эмиграции и идентичности.

Выбор семи рассказов для каждого автора был нужен, чтобы собрать достаточно данных и понять общие языковые особенности, при этом не делая анализ слишком большим. Тексты были переведены в цифровой формат .txt с кодировкой UTF-8.

Методология

Анализ проводился в среде Google Colab с использованием следующих инструментов:

- **Stanza и Natasha** – для морфологического анализа и POS-теггинга русского текста.
- **spaCy** – для токенизации и сегментации предложений (использовалась как дополнительный инструмент).
- **Pandas и NumPy** – для агрегации и подсчёта лингвистических параметров.
- **Matplotlib и Seaborn** – для визуализации данных.
- **Gemini и ChatGPT** – для генерации и объяснения Python-кода.

Предобработка:

- Приведение текста к нижнему регистру.
- Удаление пунктуации.
- Токенизация и сегментация предложений.

Анализируемые параметры:

- **Личные местоимения:** частота употребления («я», «она», «он», «мы», «ты», «вы», «они»).
- **Наречия:** классификация по типам (времени, места, меры и степени, образа действия, причины) с использованием словаря наречий.
- **Времена глаголов:** распределение настоящего, прошедшего и будущего времени.

Этот выбор параметров обоснован их эффективностью в количественном анализе современной русской прозы, как показано в работах по атрибуции авторства в классических текстах (Sokolova et al., 2022), где глаголы и местоимения служат ключевыми признаками стиля.

Результаты

В данном разделе представлены результаты вычислительного анализа, сосредоточенного на пяти ключевых стилистических особенностях выбранных рассказов Дины Рубиной и Людмилы Петрушевской. Работа основана на небольшом корпусе, по семь рассказов у каждой писательницы в рамках конкретного периода, и результаты показывают особенности именно этой выборки.

1. Употребление личных местоимений в рассказах Дины Рубиной

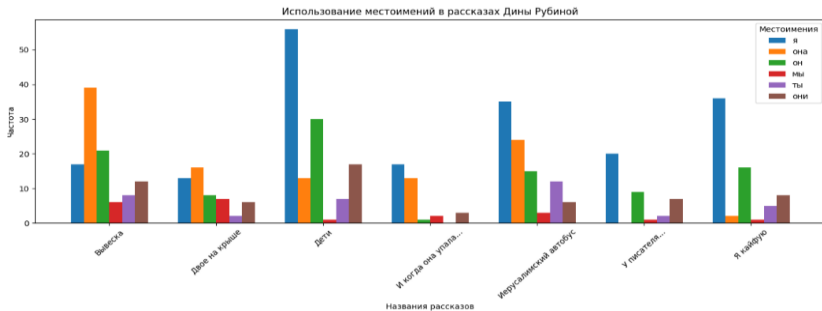

Рис. 1

На графике 1 демонстрируется, что местоимение «я» встречается чаще всего в рассказах Дины Рубиной. В основном это произведения «Дети», $\approx 38\%$, «Я кайфую», $\approx 32\%$, и «Иерусалимский автобус», $\approx 30\%$. То есть именно поэтому Рубина часто использует в своем творчестве рассказы от первого лица. Именно герой сам рассказывает о своих мыслях и чувствах. Это помогает читателю лучше осмыслить внутренний мир персонажа. Чуть ниже находится местоимение «она». Например, «Вывеска» $\approx 31\%$, «Иерусалимский автобус» $\approx 21\%$ и «Двое на крыше» $\approx 18\%$. Видно, что автор акцентируется на авторе женских

персонажей. Местоимение «они» тоже имеет значение, особенно «Дети» $\approx 20\%$ и «Я кайфую» $\approx 15\%$. Это говорит о том, что в историях участвует много разных людей. Местоимение «мы» встречается реже, но достигает пиков в «Вывеска» $\approx 13\%$ и «Дети» $\approx 9\text{--}10\%$. Оно показывает моменты, когда люди действуют вместе.

Местоимения «ты» и «он» встречаются редко (меньше 5% в каждом тексте). Это значит, что автор редко обращается напрямую к читателю и уделяет мало внимания мужским персонажам. В рассказах Рубиной главную роль играют женщины и их внутренние переживания.

В целом, Рубина чаще всего пишет от первого лица («я») и много рассказывает о женских персонажах («она»). Это помогает ей показать личные воспоминания, глубокие чувства и отношения между людьми. Это согласуется со слоговой ролью глагольных форм в рассказах Рубиной, где, по разбору Бикмухаметовой (2020), глаголы усиливают движение повествования и личностное осмысление.

2. Употребление личных местоимений в рассказах Людмилы Петрушевской

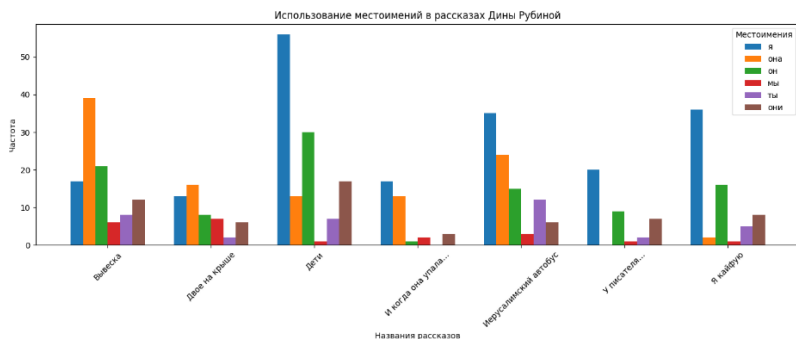

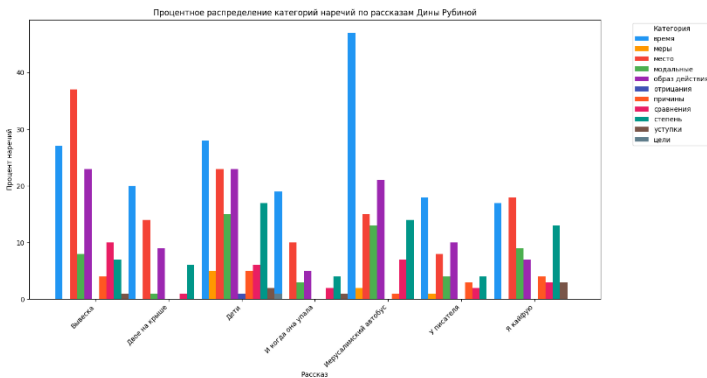
Рис.2

На графике (Рис. 2) видно, что в большинстве рассказов Людмилы Петрушевской чаще всего используется местоимение «она», особенно в «Тень жизни» (около 36%), «Месть» (примерно 29%) и «Отец и мать» (примерно 26%). Это значит, что автор в основном пишет о других людях, а не от своего имени. Главные героини — в основном женщины.

Она показывает их внутренний мир, сложности жизни, часто с глубоким пониманием и чувством. На втором месте по частоте — местоимение «он». Оно встречается в рассказах «Отец и мать» (примерно 18%), «О, счастье» (около 14%) и «Мильгром» (примерно 10%). Это говорит о том, что мужские персонажи тоже важны, но в текстах им уделяют меньше внимания, чем женщинам. Местоимение «они» встречается чуть реже, больше всего в «Тень жизни» (около 12%) и «О, счастье» (примерно 7%), что показывает, что Петрушевская иногда показывает отношения между группами людей. Местоимение «я» используется очень редко — примерно в 5% рассказов «Месь» и «Шопен и Мендельсон». Обычно автор не рассказывает истории от собственного лица. А вот «мы» и «ты» встречаются очень редко — меньше 5%, так что она практически не обращается прямо к читателю или показывает коллективные действия.

Она изучает отношения между людьми, их душевные переживания и жизненные драмы. Такой подход отражает содержательно-художественный строй в прозе Петрушевской, где, как отмечает Иванова (2019), типология женских образов подчёркивает отчуждённость и травму.

3. Типы наречий в рассказах Дины Рубиной

В данном графике семь рассказов, в которых наречия времени функционируют, это часто встречающиеся слова «вчера», «сегодня», «потом», «сначала». Это больше всего в рассказах «Иерусалимский автобус» 46%, «вывеска» 27% и

«дети» 28 %. Что означает, что для Рубиной время очень важный момент, когда происходят события, и в какой последовательности, это особенно заметно, например, когда герои переезжают с места на место. На втором месте, наречия меры и степени — это слова «очень», слова «слишком», «немного», слова «совсем». Больше всего их в рассказах «вывеска» 37%, «я кайфую» 18% и «Иерусалимский автобус» 14%. Эти слова помогают автору показать, насколько сильно герои что-то чувствуют или переживают. Они делают текст более эмоциональным.

Наречия образа действия (слова типа «быстро», «тихо», «красиво») тоже важны, особенно в рассказах «Вывеска» 23% и «Дети» 22%. Они помогают понять, как именно происходят действия. Наречия причины и цели (слова типа «поэтому», «зачем») встречаются редко (меньше 5% в каждом тексте). Это означает, что Рубина не любит прямо объяснять, почему герои что-то делают. Читатель должен сам понять причины из контекста рассказа.

В общем, Рубина часто использует слова времени и слова, которые показывают силу чувств. Это помогает ей рассказывать о переездах, переменах в жизни и глубоких переживаниях героев. Это усиливает поэтику случайного и трагического в малой прозе Рубиной, где, по словам Кузнецовой (2021), наречия времени фиксируют непредсказуемость эмигрантского опыта.

4. Типы наречий в рассказах Людмилы Петрушевской

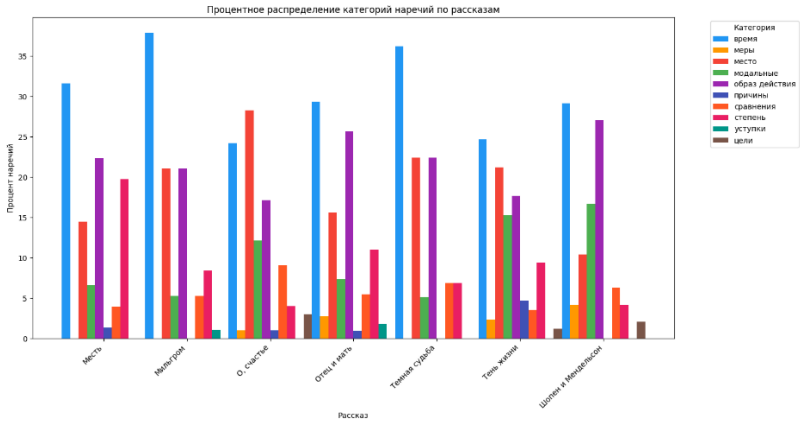

Рис.4

По графику Рис. 4 можно увидеть, что наречия времени наиболее часты в 7 рассказах Людмилы Петрушевской. Это слова вроде «вчера», «сегодня», «потом», «раньше». Их больше всего в Мильгrome $\approx 38\%$, тёмной судьбе $\approx 37\%$ и мести $\approx 32\%$. Петрушевская хочет показать, что она очень внимательно следит за временем. Для нее очень важно, чтобы читатель знал, когда это произошло и после чего. Также любые наречия образа действия появляются чаще всего. Это слова типа «быстро», «тихо», «осторожно», «грубо». Их больше всего в о, счастье $\approx 29\%$, тёмной судьбе $\approx 25\%$ и шопен и медельсон $\approx 27\%$. Эти слова помогают автору детально описать, как именно происходят действия, как ведут себя герои. Это делает картины в рассказах очень яркими и подробными.

Наречия меры и степени (слова типа «очень», «слишком», «немного») также важны. Больше всего таких слов в Тени жизни (около 29%), О, счастье (примерно 24%) и Мести (где-то 15%). В основном это слова, показывающие сильные эмоции персонажей.

А вот наречий причины и цели (типа поэтому, зачем) почти нет (меньше 5% в каждом рассказе). Получается, Петрушевская не очень любит разжёвывать, почему герои делают то, что делают. Надо самому додумываться, читая

между строк. Зато она часто использует слова, связанные со временем и действиями.

5. Распределение времён глаголов в рассказах Дины Рубиной

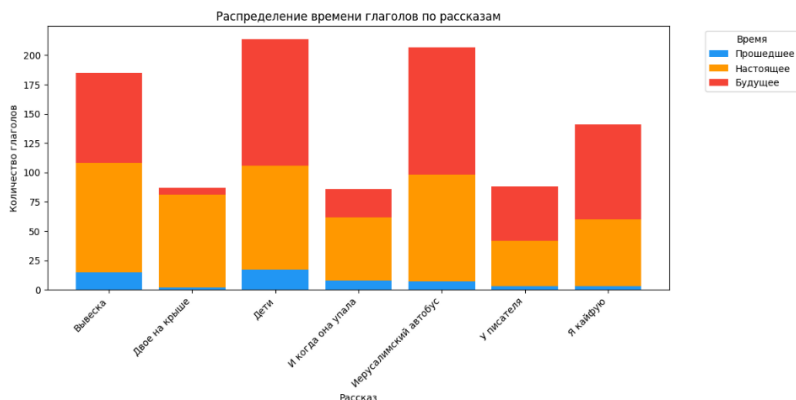

Рис. 5

На графике (Рис. 5), в семи рассказах Дины Рубиной совсем много встречаются глаголы будущего времени (слова типа «будет», «пойдёт», «скажет»). Больше всего их в произведениях «Дети» (≈100 раз, ≈48% от всех глаголов), «Иерусалимский автобус» (≈105 раз, ≈50%) и «Вывеска» (≈75 раз, ≈40%). Это показывает, что Рубина часто думает о будущем. Её герои размышляют о том, что случится потом, строят планы, предполагают.

глаголы настоящего времени (слова типа «идёт», «говорит», «думает»). Больше всего их в рассказах «Вывеска» (≈95 раз, ≈50%), «Дети» (≈88 раз, ≈42%) и «Иерусалимский автобус» (≈95 раз, ≈45%). Когда автор использует настоящее время, читатель чувствует, что события происходят прямо сейчас. Это делает рассказ более живым и интересным.

Глаголы прошедшего времени (т.е. Щлфн «был», «пошёл», «сказал») встречаются очень мало. Больше всего их в «Вывеска» (≈15 раз, меньше 10%) и «Дети» (≈18 раз, меньше 9%). Рубина не любит много рассказывать о прошлом. Она использует прошедшее время только для небольших воспоминаний или для создания фона. В общем, Рубина

чаще всего пишет о настоящем и будущем времени, а не о прошлом. Это создаёт ощущение движения, волнения и ожидания.

6. Распределение времён глаголов в рассказах Людмилы Петрушевской

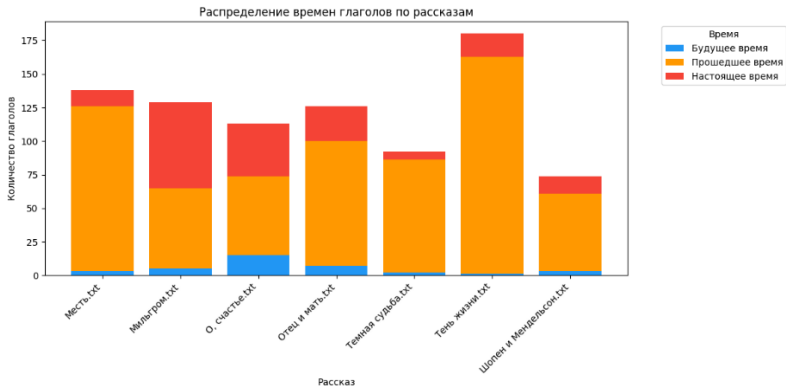

Рис. 6

Короче, если глянуть на график (Рис. 6), то видно, что у Петрушевской в семи рассказах в основном глаголы прошедшего времени. Больше всего их в «Тень жизни» (где-то 165 раз, примерно 90% от всех глаголов), в «Мести» (около 125, где-то 92%) и в «Тёмной судьбе» (примерно 85, около 89%). Это говорит о том, что она любит рассказывать о прошлом и о том, что уже случилось. Ей нравится строить сюжет как воспоминание о вещах, которые нельзя изменить, и о важных событиях, повлиявших на судьбу.

Глаголов настоящего времени не так много, но больше всего их в «Мильгrom» (около 65 раз, примерно 50%), «О, счастье» (где-то 35, около 31%) и «Отец и мать» (около 25, где-то 20%). В «Мильгrom» много настоящего времени, и из-за этого кажется, что ты сам там находишься и всё это переживаешь. Настоящее время она использует, чтобы добавить напряжения в самые важные моменты.

А вот глаголов будущего времени почти нет, меньше 15%, а обычно даже меньше 5% (например, в «Тень жизни» примерно 3%, в «Мести» около 2%, а в «О, счастье» где-то

6%). Если будущего времени мало, значит, она больше рассказывает о том, что уже есть, и почти не говорит о том, что будет. Петрушевская любит показывать, что всё неизбежно и настоящее зависит от прошлого.

В общем, если посмотреть на времена глаголов, то видно, что она любит прошлое, иногда использует настоящее, чтобы было интереснее, и почти не говорит о будущем. Ей нравится показывать, что всё в жизни предрешиено.

Заключение

Мы провели количественный анализ стиля рассказов Людмилы Петрушевской и Дины Рубиной. Анализ показал заметные отличия в их языковых подходах, что отражает их разные способы рассказывать и темы, которые они выбирают. Для этого я использовал современные инструменты обработки текста — такие как Stanza, spaCy и Natasha — в Google Colab, а также программы для создания графиков (Matplotlib и Seaborn). Это помогло нам подробно описать особенности их стиля, которые делают каждую писательницу уникальной. Для лучшего понимания результатов на рисунке 7 сравнивается распределение всех категорий с использованием четкой методологии, разработанной специально для этого исследования.

Таблица 1: Сравнительный анализ стилистических особенностей

Характеристика	Дина Рубина	Людмила Петрушевская
Местоимения	«Я» (до 38%)	«Она» (до 36%)
Глаголы	Настоящее и будущее время (до 50%)	Прошедшее время (до 92%)

Наречия	Времени (до 46%), меры/степени (до 37%)	Времени (до 38%), образа действия (до 29%)
Тон повествования	Эмоциональный, динамичный, с акцентом на личные переживания	Драматичный, психологический, с акцентом на трагизм
Тематика	Автобиография, эмиграция, отношения	Женские судьбы, социальная изоляция
Особенности стиля	Движение, размышления, изменения	Ретроспектива, детализация событий, фатализм

Примечание: Таблица обобщает результаты количественного анализа, подчёркивая различия в языковых стратегиях, которые отражают тематические и повествовательные особенности прозы Рубиной и Петрушевской.

Цель данного исследования заключается не только в представлении количественных данных, но и в их объяснении с помощью культурного и литературного контекста произведений Петрушевской и Рубиной. Компьютерные методы помогли более точно выявить стилистические особенности. В работе используются идеи таких известных ученых, как Будагов, Виноградов и Бахтин, в сочетании с современными возможностями цифровой филологии. Она показывает, как языковые данные помогают соединить анализ текста с его художественным смыслом и раскрыть новые детали рассказа. Дина Рубина обращает особое внимание на местоимение «я» — оно встречается до

38% случаев, а глаголы в настоящем и будущем времени используют примерно по 50%. Это подчеркивает личный характер ее прозы, где затрагиваются опыт эмиграции, личные переживания и отношения с людьми. Наречия времени (до 46%) и слова, передающие меры или степени (до 37%), помогают лучше почувствовать внутренние изменения и эмоциональные оттенки, отражая внутренний поиск и размышления.

Произведения Людмилы Петрушевской часто используют местоимение «она» — до 36%, и глаголы прошедшего времени — до 92%. Это создает ощущение, будто мы смотрим назад, сосредотачиваясь на судьбах женщин, их трудных ситуациях и социальной изоляции. Частое использование временных наречий (до 38%) и наречных выражений действия (до 29%) делает рассказ более живым и наполненным деталями, что добавляет ощущение напряжения и неизбежности событий. Эти выводы напоминают исследования образа матери в современной женской прозе. Эти выводы можно сравнить с исследованиями образа матери в современной женской прозе. Так, Иваненко (2023) отмечает, что для таких писателей, как Петрушевская и Рубина, на первый план выходят темы одиночества и поиска идентичности. Подобные наблюдения делает Смирнова (2024), которая пишет о прозе Улицкой: ее внимание к психологической глубине и социальным проблемам раскрывается через лингвистические приемы, и это дает полезные параллели для нашего анализа.

Результаты исследования могут быть применены в различных областях. Они важны для преподавания русской литературы, для перевода литературных текстов и для разработки программ автоматической обработки языка. Найденные закономерности могут помочь в создании моделей, которые позволяют различать стили писателей. В будущем такие методы могут быть расширены: взять большее количество произведений, включить авторов других поколений и добавить новые лингвистические параметры.

Существуют также ограничения. Корпус ограничен семью рассказами каждого писателя, что позволяет выявить устойчивые тенденции, но не отражает всего богатства их творчества. Были рассмотрены только три категории: местоимения, наречия и времена глаголов. Интересные аспекты стиля, такие как синтаксис или лексическое богатство, не включены в анализ. Ошибки могут возникнуть во время обработки текста: например, слово «шаурма» отнюдь не наречие; И тем не менее, такие случаи встречаются редко и слабо влияют на общие результаты. Кроме того, исследование охватывает произведения конца 1980-х – середины 1990-х годов, поэтому произведения вне этих годов могут иметь разные выводы. Тем не менее, всего этого вполне достаточно, чтобы показать, как количественный анализ помогает лучше понять стилистику прозы. Это продемонстрирует основную мысль Будагова о том, что стилистика является «душой» языка. Такие исследования позволяют лучше оценить, как речь автора отражает его восприятие внутреннего мира и общества.

Литература:

- Петрушевская, Л. С. *Как много знают женщины*. – Москва: АСТ, 2013.
- Рубина, Д. И. *Несколько торопливых слов любви: сборник*. – Москва: Эксмо, 2003.
- Рубина, Д. И. *Собрание сочинений Дины Рубиной*. Т. 3. – Москва: Эксмо, 2021.
- Список литературы
- Бахтин, М. *Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет*. Москва, Художественная литература, 1975.
- Бикмухаметова, А. Р. (2020). Стилистическая функция глагольных форм в рассказах Дины Рубиной. *CyberLeninka*. <https://cyberleninka.ru/article/n/stilisticheskaya-funktsiya-glagnolnyh-form-v-rasskazah-diny-rubiny>
- Будагов, Р. А. *Литературные языки и языковые стили*. Издательство «Высшая школа», 1967.

- Виноградов, В. В. "Теория языка." Кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания РГПУ им. А.И. Герцена, 4 Nov. 2006, genhis-philol.msu.ru/article_70.shtml.
- Иванова, Н. А. (2019). Проза Л. Петрушевской: содержательно-эстетический дискурс, типология. *CyberLeninka*. <https://cyberleninka.ru/article/n/proza-l-petrushevskoy-soderzhatelno-esteticheskiy-diskurs-tipologiya>
- Кузнецова, Е. В. (2021). Поэтика случайного и трагического в малой прозе Дины Рубиной. *CyberLeninka*. <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-sluchaynogo-i-tragicheskogo-v-maloy-proze-diny-rubinoi>
- Bories, A.-S., Plecháč, P., Ruiz, P., & Schöch, C. (Eds.). (2022). *Computational Stylistics in Poetry, Prose, and Drama*. De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110781502>
- Chaikovskaya, A. (2024). Genre Classification of Books in Russian with Stylometric Features. *Information*, 15(6), 340. <https://www.mdpi.com/2078-2489/15/6/340>
- Herrmann, J. Berenike, Jacobs, Arthur M. and Piper, Andrew. "Computational Stylistics". *Handbook of Empirical Literary Studies*, edited by Donald Kuiken and Arthur M. Jacobs, Berlin, Boston: De Gruyter, 2021, pp. 451–486. <https://doi.org/10.1515/9783110645958-018>
- Ivanenko, O. (2023). Analyzing the image of mother in women's prose in the modern Russian literature. *SPAST Abstracts*, 1(1). <https://spast.org/ojspath/article/download/5092/444>
- Smirnova, A. (2024). Lyudmila Ulitskaya As A Model Of Contemporary Women's Prose. *Migration Letters*, 21(S11), 10992. <https://migrationletters.com/index.php/ml/article/view/10992>
- Sokolova, T., Somin, A., Kozhara, D., Shemanaeva, M., Mamontov, D., Akhtiamova, L., & Chernyavskiy, A. (2022). Digital Authorship Attribution in Russian-Language Fanfiction and Classical Literature. *Algorithms*, 16(1), 13. <https://www.mdpi.com/1999-4893/16/1/13>

Сайма Парвин
Преподаватель русского языка,
Джамия Миллия Исламия
Нью Дели, Индия

Saima Parveen
Teacher of Russian Language
Jamia Millia Islamia
New Delhi, India,

**Методы и приемы обучения различным формам устной
речи при преподавании русского языка как
инострannого военнослужащим в Индии**

**Methods and Techniques for Teaching Various Forms of Oral
Communication in the Instruction of Russian as a Foreign
Language to Military Personnel in India**

Аннотация: В данной статье анализируется методология преподавания, в частности коммуникативный метод, при обучении русскому языку как иностранному военнослужащих в Индии. Преподавание русского языка военнослужащим основано исключительно на характере требований, связанных с использованием коммуникативных приемов, необходимых для нужд обороны. Индия и Россия поддерживают прочные и многогранные отношения в области обороны, которые характеризуются долгой историей военно-технического сотрудничества. Это партнерство эволюционировало от модели «покупатель-продавец» к модели, предполагающей совместные исследования, разработки и производство передовых оборонных технологий. Две страны установили дипломатические отношения в апреле 1947 года, незадолго до обретения Индией независимости. Индия стремилась к экономической самодостаточности, поэтому Советский Союз был важным партнером в поддержке оборонного производства страны. Россия составляет более 50% военных платформ Индии. Индия также является крупнейшим импортером российского оружия. Таким образом, диалог между двумя странами становится более эффективным с точки

зрения общения на русском языке. Таким образом, преподавание русского языка в Министерстве обороны является частью необходимой подготовки в области обороны.

Ключевые слова: Преподавание русского языка, военнослужащие, коммуникативный метод, разговорная речь, диалогическая речь.

Annotation: The article analyses the methodology of teaching especially communicative method in teaching Russian as a foreign language to the Defence Personals in India. The teaching of Russian to military personnel is based exclusively on the nature of the requirements related to the use of communication techniques necessary for defence purposes. India and Russia maintain strong and diversified defence's relations, with a long history of military-technical cooperation. This partnership has evolved from a buyer-seller model to one involving joint research, development, and production of advanced defence technologies. The two countries established diplomatic relations in April 1947, shortly before India gained independence. India sought economic self-sufficiency, so the Soviet Union was an important partner in supporting the country's defence production. Russia accounts for more than 50% of India's military platforms. India is also the largest importer of Russian weapons. Thus, dialogue between the two countries becomes more effective in terms of communication in Russian. Thus, teaching Russian at the Ministry of Defence is a part of the necessary defence training.

Keywords: Teaching of Russian language, defence Personnel, communicative method, conversational speech, dialogical speech.

Введение: Методика преподавания русского языка как иностранного, как и любая самостоятельная дисциплина, имеет свой концептуальный набор понятий. К основным понятиям, составляющим основу методики, относятся: цели, задачи, содержание, принципы, методы, приемы, средства и организационные формы обучения. Перечисленные компоненты тесно связаны друг с другом. Доминирующая роль в системе принадлежит целям обучения.

Современные методы преподавания русского языка как иностранного рекомендуют сочетать устную и письменную коммуникацию в классе, что не исключает использования устной коммуникации на этапе введения материала, его первоначальной закреплении и активизации. Наиболее рациональная последовательность преподавания видов речевой деятельности — от устной речи к письменной, от пассивного формы владения языком (чтение, аудирование) к активным формам (говорение, письмо). Принцип взаимосвязанного обучения речевой деятельности предполагает обучение языку с одновременным развитием четырех видов речевой деятельности: аудирования, говорения, чтения и письма.

При обучении устной речи на русском языке как иностранном военнослужащих эффективно использовать коммуникативный подход, который предполагает активное взаимодействие учащихся в различных ситуациях, имитацию реальных диалогов и ролевые игры. Традиционные методы, такие как объяснение, беседа, анализ языка и упражнения, а также наглядные пособия и работа с учебником, также имеют большое значение.

Одной из важнейших задач в обучении иностранным языкам военных специалистов в военном учебном заведении является развитие навыков и умений профессионально ориентированного диалогического общения. Последнее относится к типу коммуникации, которая может возникнуть в результате прямого контакта с военнослужащими из других стран. В индийском контексте для современной индийской армии первостепенное значение имеет установление партнерских отношений и стратегического сотрудничества с армиями других стран посредством диалога. Для установления отношений и связей между армиями союзных и противостоящих стран военнослужащие должны быть подготовлены и способны профессионально общаться с представителями других культур. В индийском контексте задача преподавателя иностранного языка состоит в том, чтобы научить курсантов

общаться на русском языке как с другими специалистами своего окружения.

Русский язык важен с точки зрения потребностей обороны Индии:

-Взаимодействие в сфере обороны: Индия и Россия имеют долгосрочное и крепкое партнерство в сфере обороны, включая совместные учения, закупку оборудования и передачу технологий.

-Понимание российской военной доктрины: Изучение русского языка позволяет глубже ознакомиться с российскими военными публикациями, учебными материалами и развить стратегическое мышление, что может иметь решающее значение для оперативного планирования и реализации.

В Индии, где успешно обучаются военнослужащие, русский язык является неотъемлемой частью подготовки российских специалистов. В соответствии со стандартами обучения иностранным языкам, необходимый минимальный состав базовых образовательных программ включает не только речевые навыки и языковые средства и способности, развитие компенсаторных и образовательно-познавательных навыков, но и социально-культурные средства и способности. Последние приобретаются в процессе повседневного устного общения с учетом специфики выбранной специализации, профессиональная подготовка.

Для развития и формирования языковых навыков иностранных учащихся, в частности военнослужащих, обучающихся в технических государственных учебных заведениях, необходима система обучения, учитывающая сложности речевого производства и восприятия.

Коммуникативный подход: Коммуникативный подход к преподаванию русского языка делает особый упор на использовании языка для реального общения, фокусируясь на развитии практических языковых навыков, а не просто на

изучении грамматических норм. Этот подход делает приоритетными интерактивные и увлекательные уроки, побуждая студентов активно использовать русский язык в реальных жизненных ситуациях.

-Основной упор на коммуникацию: главная цель курса – обучение студентов эффективному общению на русском языке, как в устной, так и в письменной форме, в различных ситуациях.

-Действенное обучение: студенты могут активно принимать участие в процессе обучения, а не пассивно воспринимать информацию. Оно может включать в себя такие виды деятельности, как групповые дискуссии, презентации и проекты.

-Смысловое взаимодействие: этот метод делает особый упор на сотрудничество между обучающимися, заставляя их использовать язык для обмена мнениями и совместного завершения задач.

Диалог также является достаточно эффективным средством развития иноязычной коммуникативной компетенции учащихся благодаря широкому спектру возможностей в сочетании с минимальными временными затратами и эффективными результатами.

На практических занятиях для формирования и развития навыков устной речи обычно используются следующие виды деятельности: ролевые игры, дискуссии, описание явлений, диаграмм, объектов, перевод и различные упражнения. И мы можем проводить все эти мероприятия с учетом военных особенностей преподавания русского языка как средства эффективного понимания языка. Такой подход может повысить уровень знаний учащихся и предоставить возможности для изучения иностранного языка в наглядной форме.

Целью развития речи военнослужащих на занятиях по русскому языку как иностранному в военном университете является не подготовленная речь, т. е. речевая

деятельность, обеспечивающая возможность лингвистического общения в естественных или созданных ситуациях. Приводятся методы развития монологической и диалогической речи. Сформулированы основные задачи, которые необходимо решать в процессе обучения как монологической, так и диалогической речи. На начальном этапе преобладает диалогическая речь. Студенты осваивают разговорные и этикетные формулы. Микродиалоги помогают адекватно воспринимать русскую речь в повседневных ситуациях, а также генерировать собственные высказывания. Монологическая речь характеризуется относительной семантической завершенностью и коммуникативной направленностью высказывания.

Дискуссия является одним из наиболее эффективных и продуктивных методов обучения разговорной речи. Цитата или пословица могут служить отправной точкой для дискуссии, побуждая учащихся высказывать свои мнения. В этом случае мы можем пользоваться официальными записями бесед, выступлениями государственных деятелей, совместными заявлениями и другими официальными документами.

Особенности боевой подготовки: Для обучения индийских военнослужащих разговорному русскому языку требуется всесторонний подход, который учитывает особенности контингента и цели обучения. Необходимо использовать коммуникативные методы, сосредоточенные на практических навыках, а также адаптированные учебные материалы и упражнения.

-Обучение военным терминам: включает изучение военной лексики и фраз, необходимых для взаимодействия в военной сфере.

-Развитие межкультурных коммуникативных навыков: Обучение русскому языку также позволяет развивать межкультурные коммуникативные навыки, которые необходимы для общения с представителями других национальностей.

-Соответствие учебных материалов: Материалы должны соответствовать уровню подготовки и быть подготовлены в соответствии с потребностями Министерства обороны, а также учитывать их специфические потребности.

-Особое внимание уделять фонетике и интонации: Необходимо уделять особое внимание правильному произношению и интонации, так как это важные аспекты разговорного языка. Ведь военные должны общаться на официальном уровне со своими российскими коллегами.

-Акцент на практическом применении: уроки основаны на ситуациях, с которыми военнослужащие могут столкнуться при исполнении своих служебных обязанностей: общение с начальством и коллегами, выполнение приказов и инструкций.

-Работа с учебником, основанным на оборонной терминологии: Выполнение упражнений из учебника, чтение текстов и их обсуждение, а также использование аудиоматериалов способствуют развитию всех сторон устной речи. С помощью различных методов и техник обучения, сосредоточенных на военной лексике, мы сохраняем их интерес и развиваем их навыки во всех областях устного общения.

На каждом уроке русского языка как иностранного постоянно развивается устная речь военных специалистов, поскольку обсуждение тем, общение с преподавателем и однокурсниками и т. д. невозможны без речевой деятельности.

Преподавание русского языка военнослужащим требует целенаправленного подхода, часто с использованием специализированных курсов и материалов, адаптированных к военным условиям. Эти курсы, как правило, сосредоточены на практических навыках общения, включая словарный запас, связанный с военными операциями, поддержанием мира и пониманием культурных особенностей. Интерактивные методы, такие как ролевые игры, групповые проекты и даже использование песен,

особенно патриотических, могут способствовать обучению и закреплению знаний.

Развитие речи в военных учебных заведениях включает в себя работу над восприятием русской речи в тесной связи с изучаемыми лексическими и грамматическими средствами русского языка и активной речью: овладение нормами литературного произношения, правописания, словоизменения, словосочетаний в предложении, а также стилистическими возможностями отдельных слов, фраз и конструкций; формирование и развитие навыков и умений связного выражения мыслей в устной и письменной форме.

Заключение:

При преподавании русского языка как иностранного, как средства общения, важно создать положительную мотивацию к речевой деятельности. Нужно так строить речевую практику, чтобы у студентов возникала потребность говорить по-русски, что-то сообщать, высказывать свое мнение, отношение к чему-то и т. д. При организации речевой практики студентов нужно широко использовать средства наглядного материала и опираться на жизненный опыт слушающих.

Используя эти принципы и методы, преподаватели смогут успешно научить военнослужащих общаться на русском языке, обеспечив их готовность к различным ситуациям.

По большому счету, хотя язык хинди является главным языком общения в индийской службе, русский язык имеет стратегическое значение для офицеров и военнослужащих, занимающихся вопросами обороны и технического сотрудничества с Россией. В настоящее время все больше военнослужащих, говорящих по-индийски, изучают русский язык как иностранный, что связано с расширением межправительственных контактов между Россией и Индией.

Современные технологии обучения требуют от преподавателей быть внимательными и заинтересованными собеседниками и участниками

процесса обучения. Коммуникативная методика, как один из современных методов преподавания русского языка как иностранного, помогает преподавателям быть не только носителями информации, но и наблюдателями и консультантами. Этот метод является необходимым во всех без исключения методах обучения, независимо от того, преподаете ли вы в университете или учите русскому языку сотрудников Министерства обороны.

Для формирования и поддержания языковых компетенций иностранных студентов, в частности военнослужащих, обучающихся в государственных технических вузах, требуется система обучения, в которой учитываются трудности речевого порождения и восприятия.

Эффективность обучения повышается за счет использования различных типов монологов, взятых непосредственно из специализированных учебных текстов, включая объяснения, представленные в строго определенной последовательности.

Для развития и успешного управления процессом обучения в оборонном секторе необходимо включить различные методы устной коммуникации в преподавание иностранным военнослужащим научных стилей речи.

При обучении иностранных военнослужащих устной речи следует уделять большое внимание устным выражениям научной речи, которые вызывают наибольшие трудности. С этой целью иностранных военнослужащих следует обучать не только навыкам аудирования и ведения записей, но и тому, как переводить лекции с письменного научного языка на устный, т. е. конкретным синонимам лексико-грамматических и синтаксических конструкций.

Литература:

- Альтухова Т.В. Коммуникация в социальной компьютерной сети «В Контакте»: жанроведческий аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2012.

- Антонова Л.Г. Специфические черты современного электронного эпистолярия / Л.Г. Антонова, Е.С. Жуленова // Коммуникативные исследования. – Воронеж, 2003.
- Атабекова А.А. Сопоставительный анализ функционирования языка на англо- и русскоязычных веб-страницах: дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2004.
- Бетретдинова И. Х., Коган Ю.Н. Формирование коммуникативной компетенции курсантов на практических занятиях по дисциплине «Иностранный язык» // Образовательная среда сегодня : стратегии развития : сб. статей по мат-лам V Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 17 апр. 2016 г.). – Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2016. – № 1 (5).
- Закаева Б.К. Системность упражнений для обучения студентов устной речи на иностранном языке. / Б.К. Закаева, Т.А. Огнерубова // Труды СКГМИ; – Владикавказ: СКГМИ, 2015.
- Кобзева Н. А. Коммуникативная компетенция как базисная категория современной теории и практики обучения иностранному языку // Молодой ученый. – 2011. – № 3. – Т. 2.
- Костерина Э. В. Специфика обучения русскому языку иностранных военнослужащих на основных курсах вуза инженерно-технического профиля // Вестник МГОУ. Серия : Педагогика. — 2016. — № 1.
- Кузнецова Н.В. Структура и стилистика языковых средств в текстах интернет-форумов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2008.
- Лебединский С.И. Методика преподавания русского языка как иностранного / С.И. Лебединский, Л.Ф. Гербик –Минск: БГЭУ, 2011.
- Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета. – М., 2009.
- Пронина О.П. Особенности обучения профессионально-направленному диалогическому общению // Ярославский педагогический вестник. –2004. – № 3.
- Харлова Н.М. Использование интерактивных технологий при обучении русскому языку как иностранному [Электронный ресурс] / Н.М. Харлова // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. –2017.
- **Онлайн-ресурсы:**
- <https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/India-Russia>

- <https://indianembassy-moscow.gov.in/india-russia-defence-cooperation.php>
- https://india.mid.ru/en/countries/bilateralrelations/military_and_military_technical_cooperation/
- <https://sprf.in/indo-russian-defence-relationship/>
- <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-rechi-vo-vremya-prepodavaniya-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo-na-urovne-a1>

Д-р Суман Бенивал
Кандидат филологических наук,
преподаватель русского языка
Центра русских исследований
Школы языковых, литературных и культурных исследований
Университета Джавахарлала Неру, Нью-Дели

Dr Suman Beniwal
Assistant Professor
Centre of Russian Studies
School of Language, Literature & Culture Studies
Jawaharlal Nehru University, New Delhi

Творчество Николая Рериха в практике РКИ в индийской аудитории (работа с текстом «Молодежь»)

Nicholas Roerich's Works in Teaching Russian as a Foreign Language to Indian Learners: A Study Based on the Text 'Youth'

Аннотация: Цель данной статьи заключается в изучении эссе Николая Рериха «Молодежь» с точки зрения применения его на уроках русского как иностранного в индийской аудитории. Статья посвящена особенностям работы с текстом «Молодежь» в индийской аудитории и подробно обсуждаются основные три этапа работы с текстом: предтекстовый, притекстовый и послетекстовый.

Ключевые слова: Николай Рерих, эссе «Молодежь», русский язык как иностранный (РКИ), работа с текстом, предтекстовый этап, притекстовый этап и послетекстовый этап

Annotation: The aim of the article is to study Nicholas Roerich's essay "Youth" from the perspective of its use in an Indian classroom of Russian as a foreign language. The article focuses on peculiarities of working with the text "Youth" in Indian

classrooms and discusses in detail the three main stages of working with the text: pre-text, during-text, and post-text.

Keywords: Nicholas Roerich, essay "Youth," Russian as a foreign language (RFL), working with the text, pre-text stage, during-text stage, and post-text stage

Николай Константинович Рерих — известный писатель, художник и мыслитель, внесший значительный вклад в развитие русской и индийской культур. Его перу принадлежат многочисленные труды, среди которых выделяются эссе: «Пути благословения», «Адамант», «Шамбала», «Держава Света», «Твердыня пламенеющая», «Священный дозор», «Врата в Будущее», «Нерушимое» и «Листы дневника». В своих трудах Николай Рерих затрагивал актуальные темы и проблемы, как-то: культурное наследие человечества, духовное развитие личности, поиск пути к гармонии.

Его труды содержат универсальные мысли и обращения к вечным ценностям, что делает их незаменимыми в сфере современного образования. Особую ценность представляет собой сборник эссе «Молодёжь», который обращен к молодому поколению, роль которого в процессе формирования общества будущего является первостепенной.

Применение текстов Николая Рериха на уроках русского языка как иностранного (РКИ) в индийской аудитории представляет большой интерес.

Настоящая статья посвящена детальному описанию разработанной системы поэтапной работы с текстом «Молодёжи» на уроках по изучению русского языка как иностранного в Индии. Данный выбор обусловлен интересом молодёжи к вопросам, соотносящимся с их возрастной группой, их естественным любопытством к прочитанному, что создает благоприятные условия для вовлечения студентов в процесс обучения.

Мы предлагаем проводить работу с анализом текста эссе «Молодежь» в три этапа, которые получили соответствующие названия: предтекстовый, притекстовый и послетекстовый.

Основной целью и задачей первого этапа является пробуждение интереса чтению аудитории именно этого текста и подготовка студентов к процессу осознанного чтения. На этом этапе преподаватель должен ознакомить студентов с биографией Николая Рериха, сделав основной акцент на его связях с Индией, его многолетнему труду по изучению культуры и философии богатой индийской культуры. Эта информация способствует проявлению большего интереса со стороны учащихся к деятельности Рериха.

Здесь же, на начальном этапе, преподаватель проводит общее ознакомление с основной темой и идеей текста. Преподаватель обращает внимание студентов на название эссе и спрашивает о возможных ассоциациях, возникающих при слове «Молодежь». Главной задачей данного этапа является преодоление возможных затруднений путём разъяснения значений неизвестных слов и подготовки студентов к основному процессу чтения.

Главной особенностью упражнений на данном этапе является активизация читательской интуиции через выдвижение гипотез о содержании текста, опираясь только на название текста. Это упражнение развивает способности к смысловому прогнозированию и предвосхищению содержания. На этом этапе должны быть устранены барьеры к пониманию текста за счет семантизации лексических единиц, объяснения возможных сложных слов.

Здесь же, на предтекстовом этапе, преподаватель поясняет студентам основную тему и идеи текста.

1.1 Предтекстовые упражнения для развития навыков смысловой догадки. На данном этапе преподаватель может задать студентам следующие вопросы:

- «Если текст о молодежи, какие темы, на ваш взгляд, будут затронуты?»;
- «Какая лексика типична для темы молодежь?».
- «Какова роль молодежи в обществе?».

1.2 Предтекстовые упражнения, которые даются студентам с целью ознакомления с текстом. Например,

- «Прочитайте фразы; просмотрите текст и найдите ключевые фразы в тексте».

1.3 Предтекстовые упражнения, развивающие навыки внимательного, анализирующего чтения. Например,

- «Какие слова часто повторяются в тексте и почему?»;
«Найдите ключевые слова в тексте?»);

1.4 Предтекстовые упражнения, которые даются студентам для того, чтобы ознакомить студентов с главной идеей текста и игнорировать незнакомые слова. Для этой цели даются следующие задания:

- «Найдите знакомые и узнаваемые слова»; - «быстро прочитайте абзац и скажите, что вы поняли».

Второй этап работы с текстом («притекстовый этап») предполагает целенаправленный анализ лексико-семантических, грамматических и стилистических особенностей текста. В рамках данного этапа перед самим преподавателем стоит задача облегчить восприятие сложного материала и снять возможные трудности

понимания, вызванные наличием малознакомых или специализированных лексических единиц. С этой целью преподаватель предварительно подчеркивает и записывает на доске слова, которые могут вызвать сложность в понимании, а затем совместно со студентами проводит семантизацию каждой единицы, выясняя их точное значение, вторичные смыслы и контекстуальное употребление. Подобный подход способствует формированию устойчивого ассоциативного ряда и улучшает понимание общего смысла текста.

На этом этапе преподаватель должен быть уверен, что в ходе процесса был проведен анализ и выявлен смысл всех незнакомых слов. В ходе притекстового этапа студенты должны сделать грамматические и стилистические упражнения, основанные на тексте изучаемого эссе, выявить морфологические и синтаксические конструкции предложений. Дополнительно выполняется стилистический анализ, включающий идентификацию выразительных средств, характерных для автора, таких как метафора, аллегория, гипербола и другие приёмы, придающие тексту дополнительную эмоциональную окраску.

Семантический анализ текста, проводимый на втором этапе, нацелен на проверку понимания учащимися ключевой идеи эссе. С этой целью преподаватель формулирует проверочные вопросы, направленные на выяснение степени усвоения основного содержания. Ответы студентов варьируются, охватывая разнообразные аспекты, касающиеся воспитания молодёжи, отношения поколений, личностных качеств и жизненных установок, отражённых в тексте. Семантический анализ текста позволяет нам задать такие вопросы студентам, как «Какова основная суть обсуждаемого эссе», чтобы проверить, поняли ли они текст или нет. Мы получаем разные ответы, такие как, «воспитание детей», «отношение молодежи к жизни», «отношение пожилых к молодежи», «быть позитивным», «быть надежным» и. т. д. Полученные ответы служат основой для дальнейшей коррекционной работы

преподавателя и обеспечивают обратную связь о глубине восприятия текста слушателями.

Вопрос о частотности повторяющихся слов и выражений в тексте позволяет студентам выявить характерные лексические единицы, используемые автором для передачи ключевых идей эссе. Например, многократно повторенное слово «труд» позволяет сделать вывод о значимости, которую автор придает труду в жизни человека. Неоднократно повторяются в эссе такие слова, как «добрый» («Добрый пример», «добрые знаки»), «твориться» и «трудиться», «устремлены» («*устремлены* к высоким человеческим задачам», «*устремлена* ли семья к будущему», «*устремленную* к серьезным книгам и обсуждениям»). Проведённое наблюдение показало, что частое повторение одних и тех же лексических единиц оказывает положительное воздействие на обучение иностранным языком, облегчая запоминание не только самих слов, но и соответствующих форм падежного управления («устремленные к чему?»).

Притекстовые упражнения можно выделить на следующие разделы: упражнения по разделам «лексика», «морфология», «грамматика» и «стилистика»

2.1 Упражнения по разделу «лексика»

- «Объясните лексическое значение слова «досужий» ((появляющийся от безделья), которое является устаревшим)
- «Какая разница между словами «труженик» и «рабочий».

Студентам дана задача искать антонимы или антонимические конструкции в тексте. Например,

- «Найдите антонимы в ниже данных предложениях:
- «Где именно рождается равнодушие *к добру и злу?*»

- «Где впервые слышат много разрушительного и очень мало созидательного?»
- «Можно равняться по худшему, и такое равнение будет деградацией. Всякое же равнение по лучшему будет ростом».

2.2 Упражнения по разделу «морфология»

- «Найдите однокоренные слова в тексте». Например: *труженик, труд, трудиться* преобразить, безобразие

Текст должен стать предметом анализа с точки зрения грамматических конструкций. Поподаватель может вопрос о функции частицы «ли» в косвенных вопросах. Сначала объясняется тема студентам, последние приводят примеры употребления частицы «ли» из текста «Молодежь».

2.3 Упражнения по разделу «грамматика»

- «Укажите часть речи, с которой используется частица «ли»»

«Много ли сердечности в семье?» (наречие)

«Притягательна ли домашняя обстановка?» (краткая форма прилагательного)

«Есть ли возможность серьезных устремлений среди быта современности?» (глагол)

«Есть ли что-то ведущее и восхищающее в трудовой домашней обстановке?» (глагол)

«Прилежит ли само старшее поколение гуманитарным предметам?» (глагол)

«Молодежь ли наполнила домашнее вместилище спиртными напитками?» (существительное)

«Хотят ли в семье говорить с молодежью?» (глагол)

«Устремлена ли семья к будущему?» (краткая форма прилагательного) (примеры из Эссе «Молодежь»)

2.4 Упражнения по разделу «стилистика»:

В заключение этого этапа преподаватель и студенты анализируют текст с точки зрения стилистики. В тексте «Молодежь» широко распространены тропы и фигуры речи. Как известно, в основе тропов лежит словесная образность, но в основе фигур речи – образность синтаксическая.

Преподаватель просит студентов привести примеры экспрессивных средств, используемых в очерке и определить, являются ли они тропами или фигурами речи на основе анализируемых примеров. Обнаруживается, что самый главный из экспрессивных средств, используемых в тексте Рерихом - «риторический вопрос».

А) Риторический вопрос: с помощью риторического вопроса речь становится более выразительной, обретает элемент диалогичности. Риторический вопрос выполняет контактоустанавливающую функцию. С помощью риторического вопроса автор дает определенные оценки адресату.

Существуют два подтипа риторического вопроса 1) риторические вопросы с ответом, 2) риторические вопросы без ответа.

Риторические вопросы с ответом:

Можно провести следующие примеры риторических вопросов с ответом из эссе «Молодежь»:

«Знаем ли мы молодежь истинно трудящуюся?» – Конечно, знаем.

«Знаем ли мы молодежь, несущую в семью все свои заработки?» - Конечно, знаем.

«Знаем ли мы молодежь, сердечно мечтающую о будущем?» – Конечно, знаем.

«Знаем ли мы молодежь, устремленную к серьезным книгам и обсуждениям?» – Конечно, знаем.

«Знаем ли мы молодежь, которая умеет жить в согласии?» – Конечно, знаем.

«Знаем ли мы молодежь, устремленную к поискам прекрасным?» – Конечно, знаем. (Эссе «Молодежь»)

2) Риторические вопросы без ответа: можно провести следующие примеры риторических вопросов без ответа из эссе «Молодежь»

«Много ли сердечности в семье?»;

«Притягательна ли домашняя обстановка?»;

«Есть ли возможность серьезных устремлений среди быта современности?»;

«Есть ли что-то ведущее и восхищающее в трудовой домашней обстановке?»;

«Прилежит ли само старшее поколение гуманитарным предметам?»;

«Кем указана дорога в техникумы?»;

«Кто прокурил дом свой?»;

«Молодежь ли наполнила домашнее вместилище спиртными напитками?»;

«Хотят ли в семье говорить с молодежью?»;

«Устремлена ли семья к будущему?»;

«Где именно рождается равнодушие к добру и злу?»;

«Где начинается рассадник осуждений?»;

«Где впервые услышала молодежь анекдоты кощунственные?»;

«Где впервые слышат много разрушительного и очень мало созидательного?». (Эссе «Молодежь»)

Приведённые примеры свидетельствуют о широком применении автором приёма риторического вопроса, который эффективно передает позицию говорящего, несмотря на её скрытый (имплицитный) характер. Следовательно, риторический вопрос можно рассматривать как базовый инструмент передачи скрытой информации в данном тексте.

Студенты приводят примеры риторических вопросов с ответом и без ответа. Чтение этих вопросов наглядно показывает, какое место отводит Николай Рерих воспитанию детей.

Б) Использование анафор: стратегия анафоры часто встречается в эссе Николая Рериха. Далее проведем примеры анафор из текста «Молодежь». Например:

«С радостью вспоминаешь, как в Париже сходятся просвещенные молодые труженики. Как глубоко устремлены они именно к высоким человеческим задачам. Мы знаем, как им безмерно трудно, знаем, как им приходится преобороть и условия страны и домашнего быта, и тем не менее они находят в себе неисчерпаемые силы идти путями верхними. Находят в себе неутомимость утверждать добрые вехи». (Эссе «Молодежь»)

«И все это благо творится среди несказуемых трудностей. И все-таки благо творится, и все-таки, когда вы хотите вспомнить о чем-то радостном, вы вспоминаете о таких утверждениях молодого поколения». (Эссе «Молодежь»)

Рассмотренные повторы в эссе «Молодежь» способствуют созданию связности текста и успешно выполняют экспрессивную функцию.

В) Использование метафор: метафоры часто находят свое отражение в эссе Рериха. Благодаря метафорам тексты Рериха являются выразительной.

«Причины не так уж страшны, если их осознать и общественно начать изживать эти *пыльные наросты*». (Эссе «Молодежь»)

«Если молодые люди, иногда еще и неопытные, все же так мужественно и вдохновенно противостоят *темным силам*, то как же бережно нужно поддерживать их тем, кто считает себя уже умудренным». (Эссе «Молодежь»)

«Где начинается *рассадник осуждений?*». (Эссе «Молодежь»)

«Они находят в себе неисчерпаемые силы *идти путями верхними*». (Эссе «Молодежь»)

Г) Использование эпитетов: эпитет используется для усиления эмоциональности в текстах. Студенты приводят примеры эпитетов из текста.

«Если каждый непредубежденный обозреватель найдет так много *прекраснейших и трогательных примеров* среди молодого поколения, то не так уж трудно подтягивать общественное мнение именно к этим проявлениям настоящего блага». (Эссе «Молодежь»)

«Тем не менее они находят в себе *неисчерпаемые силы* идти путями верхними». (Эссе «Молодежь»)

«Тоже все трудящиеся, добывающие хлеб *упорной и тяжелой работой*, а по вечерам ободренные и приодетые слетаются они, чтобы омыться в живой воде философии, науки, искусства. (Эссе «Молодежь»)

Можно сказать, что эссе «Молодежь» Рериха является экспрессивной, благодаря употреблению целого ряда языковых способов речевого воздействия, включая и лексических и синтаксических приемов и тропов и с помощью этих приемов оживляется монологическая его речь.

Послетекстовый этап работы с материалом характеризуется комплексом вопросов, направленных на закрепление пройденного и развитие аналитических способностей студентов. Данная стадия подразумевает активное участие обучающихся в дискуссии, где они излагают содержание прочитанного текста, оценивают его идейно-тематическое содержание и выражают собственное мнение о ключевых положениях автора.

Примером продуктивной постановки вопросов является следующий: «Какие идеи и мысли Николая Рериха вызвали наибольший резонанс у вас лично?». Практика показала, что значительная доля респондентов воспроизводит следующую фразу: «Поддержать можно лишь примерами жизни. Никакие абстрактные разговоры не принесут результата. Лишь конкретные дела и наглядные примеры способны убедить окружающих» (Эссе «Молодежь»).

Заключение

Актуальность применения эссе Николая Рериха на занятиях по русскому языку как иностранному в индийской аудитории обусловлена следующими причинами: во-первых тот факт, что Николай Рерих прожил 20 лет в Индии, обуславливает повышенный интерес со стороны индийских студентов к данному автору и к его творческому миру и во-вторых, богатство и многогранность произведений Николая Рериха с точки зрения русского языка

Активное использование эссе и очерков Николая Рериха в процессе обучения индийских студентов на уроках русского языка как иностранного доказало свой перспективность и потенциал. Педагогический опыт подтверждает, что такая практика способствует формированию важных морально-нравственных ориентаций у студентов, расширению их словарного запаса и совершенствованию грамматических компетенций. Вместе с тем, реализация данной методики требует тщательной подготовительной работы, разработки

индивидуальных упражнений и заданий, учитывающих специфику каждого отдельного текста.

Данная статья вносит определенный вклад в разработку новых вопросов теории преподавания РКИ для индийских учащихся на основе эссе Николая Рериха.

Литература

1. Эссе «Молодежь» Николая Рериха. <https://roerich-lib.ru/n-k-rerikh/n-k-roerich-1/701-n-k-rerikh-molodezh>. от 09.08.2024
2. Акишина А. А. Каган О. Е. Учимся учить: Для преподавателей русского как иностранного. - 2-е изд. - М.: Рус. яз. Курсы, 2002. - 256 с.
3. Акишина А. А. Аннушкин В. И. Жаркова Т. Л. и др. Методическая разработка интенсивного курса русского языка повседневного общения. М., 1989.
4. Верещагин Е. М. Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение и преподавание русского языка как иностранного. М., 1990.
5. Леонтьев А. А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному (психологические очерки). М., 1980.

Проф. Абхай Маурье
Бывший Ректор
EFLU, Хайдарабад

Prof Abhai Maurya
Former Vice-Chancellor
EFLU, Hyderabad

**Новый Афанасий Никитин: Александр Эсаулов – автор
романа «Конец жизни: первый роман о сообществе
мусорщиков в Индии»**

**A New Afanasy Nikitin: Alexander Esaulov – the Author of the
novel End of a Life: The First Novel on Scavenging
Community in India**

Аннотация: В статье рассматривается «Конец жизни» – первый роман в литературе далитов, посвящённый сообществу мусорщиков Северной Индии, написанный Александром Эсауловым в 1972–1980 годах. Будучи русским эмигрантом и преподавателем русского языка в Делийском университете, Эсаулов предложил редкую, но в то же время эмпатическую картину маргинализованного сообщества далитов Индии. Его жизнь отмечена личной утратой и культурной интеграцией в Индии, что глубоко повлияло на гуманистическое видение романа. Произведение Эсаулова, написанное почти через пять веков после путешествия Афанасия Никитина в Индию, представляет собой уникальное продолжение индо-русского диалога посредством литературы и жизненного опыта.

Ключевые слова: Конец жизни, литература далитов, сообщество мусорщиков, Александр Эсаулов, Афанасий Никитин

Annotation: The paper examines “End of a Life”, the first novel of Dalit literature devoted to the scavenging community of North India, written

by Alexander Esaoulov between 1972 and 1980. A Russian émigré and Russian teacher at the University of Delhi, Esaoulov offered a rare outsider's yet empathetic portrayal of India's marginalized Dalit community. His life is marked by personal loss and cultural integration in India which profoundly shaped the novel's humanistic vision. Written nearly five centuries after Afanasy Nikitin's journey to India, Esaoulov's work represents a unique continuation of Indo-Russian dialogue through literature and lived experience.

Keywords: End of Life, Dalit Literature, Scavenging community, Alexander Esaoulov, Afanasy Nikitin

Few people know that the first novel of *dalit* literature, dedicated entirely to the scavenging community of North India, was written in Russian from 1972 to 1980 under the title “Конец Жизни” (End of a Life). Coincidentally, the novel was created almost 500 years after Afanasy Nikitin's Voyage beyond the Three Seas, which recounts the journey of the Russian merchant Afanasy Nikitin to India from 1466 to 1472. Unfortunately, Alexander Esaoulov's journey to India and his contribution to an authentic insight into the life of India's *dalit* community have remained largely unknown. In other words, very few know that the author of this novel was not Indian but Russian — Alexander Esaoulov, a Russian teacher at the University of Delhi. He wrote the novel towards the end of his life, a fact reflected in the title. It is fitting to mention a few words about Esaoulov, especially considering that his journey is intrinsically intertwined with the plot of the novel. His parents, from an aristocratic Russian family, could not accept the October 1917 Revolution, which shook Russia and the world in numerous ways. They migrated to France and settled there permanently. The author, traversing an extremely hazardous route, somehow ended up in Australia, where he married the daughter of a Russian pig farmer and began a happy life. However, tragedy struck this blissful family: Olga, his wife, and their newborn girl died in a freak car accident. The author was completely shattered, having lost his main anchors — his beloved wife and daughter. In this state of mind, he embarked on a quest for happiness, which inexorably drew him to ‘incredible India’. Miraculously, Esaoulov secured a permanent post as a

lecturer in Russian at the University of Delhi. Marrying a college lecturer from a South Indian Brahmin family, Esaoulov made India his permanent home. The couple was soon blessed with a son. However, towards the latter part of Esaoulov's life, his Brahmin wife, perhaps feeling the pangs of high caste pride, left him and married another man, likely of her own roots. Their son also left for Russia to pursue higher studies.

Esaoulov was left in the lurch facing the prospect of being overwhelmed by bouts of melancholy caused by loneliness and compounded by emptiness. The stark question stared in his eyes: what should he be doing now? There was nothing worthwhile left to be done. A retired, hapless Esaoulov found Delhi's afternoons unbearable and evenings becoming longer, followed by palls of gloom that loomed large during the long sleepless nights. What should he do after all? – the question began haunting him no end.

It is at this juncture that Esaoulov noticed B. D., the scavenging woman who worked in his house. The portrayal by the author of this first encounter with B.D. is worth citing here:

“Her hands seemed large, strong, heavy, rough..., And SHE herself was like that too; outwardly SHE was brisk, strong, a bit rough, even unpleasant, all bristled up, and not without cunning; but on knowing HER better, SHE appeared entirely different – helpless, defenceless, timorous, unhappy, very humane, sweet and kind. But the main thing about HER was not HER appearance and HER good looks – HER features, though irregular, were quite beautiful – but the pensive expression of HER large, deep, black eyes shining with intelligence.”

Obviously, in the portrayal of features of the woman scavenger, Esaoulov underlined the fact that women of the community of *dalits* are such flower buds that fade away much before they could come into full bloom. Had B. D. been born in a rich middle-class family, she would have certainly been a beautiful and fascinating woman. But the lot of a woman scavenger was such that she, while cleaning the dirt and muck created by rich people, had to reduce herself to a life mired in dirt and drudgery. Indeed, she had to live a life of a living death, somehow

managing to carry the burden of a body that was more like a skeleton or a moving corpse.

This intense look at B. D., probably, gave rise to a weird idea in the deepest cores of the author's heart: "Why not teach B. D. and convert her into a powerful personality?" The author, perhaps, was seeing the light beyond the tunnel, a way out of his loneliness and emptiness in the evening of his life. Gradually, this idea turned into a sort of obsession with the author: "I would reorganise HER entire life, teach HER literacy, give HER books to read, and arrange for HER to be educated. It often happened that after SHE had left, instead of sitting down and working at the translation, I indulged in imagining HER future successes in life. I saw HER as a famous doctor or a talented writer, or a member of the Indian Parliament. Those were enjoyable reveries and I gave myself to them with the same delight with which, as a boy, I had often abandoned myself to daydreams about the wonderful things I expected from life..." To realise his idea in practice, the author suggested to B. D. that the girls, her nieces who had been accompanying her while she worked, should go to school. In response, he got the retort: "Girls are not supposed to study in our caste."

Esaoulov remained firm in his determination. He started seriously toying with the idea of opening a school for girls and women from the *dalit* community. While in pursuit of this idea of his, he discovered that in the scavenging community, sending girls to school was considered to be a serious sin. Esaoulov understood that their life was a real hell; their women cleaned the toilets, carried the night soil on their heads. He saw the way out of this hell in education for them. He started dreaming of making B. D. a headmistress or some other bigwig by educating her.

Pursuing his idea, Esaoulov proposed to B. D. that she should study, and he would teach her. He got the most categorical retort: "Women of our caste do not study". When he placed the same proposal before B. D.'s mother, she blurted out, "Sin! Sin! Sin!" But Esaoulov was determined not to give up. He made B. D. sit on the same table with himself and have her tea and

sandwiches. He tried to wash the cup and plate used by B. D., which she resisted tooth and nail.

Esaoulov for the first time realised the gravity, the enormity of injustice, nay, barbarity, prevalent in the Indian society, where not only the upper castes consider the scavengers and entire community of *shudras* untouchable, but also the victim of this barbaric practice accepted it entirely as something natural and just. Their inferiority complex had hit its lowest ebbs as they really considered their hellish existence as fully normal, ordained as if by God and all his establishments. They do not see anything wrong in it and did not see any injustice in it. That is probably why B. D. rebuffs Esaoulov's attempt at teaching her: "It is not possible in our *zat* – caste – Women are not educated."

The men of the scavenging community were no different. They had a similar attitude to everything in their life. They often taunted Esaoulov that if their women studied, they would stop respecting their husbands. According to them, if that happened, it would be the greatest sin, nay, barbarity on earth. That is why teaching women was against their traditions.

All this notwithstanding, Esaoulov persuaded B. D. to agree to study. But he had to use all the tricks that were there in his arsenal to achieve his goal; a monthly stipend and costly saris as gifts had to be given for making her agree to his proposal. He had to treat all the children and relatives who accompanied her to breakfast and other goodies. Thus, B. D. began her lessons with Esaoulov.

Thanks to the association with B. D. Esaoulov got a unique opportunity to see the life of the scavenging community from close quarters. He came to know that B.D.'s family was facing acute financial difficulties. They were in the worst kind of debt trap of usurers who charged 10% interest per month, and for any default in the repayment of monthly interest, they used to subject B.D.'s family to the worst kind of humiliation. Having been driven to an extreme kind of helplessness, B.D. began extracting money from Esaoulov; at times, she had to tell lies or fabricate pretexts. Esaoulov would see through her tricks more often than not. But he refrained from blaming her. Rather, he

would blame her circumstances, her helplessness: *“it was no fault of HERS. The society, the morals and manners of HER zat were to be blamed, not SHE. SHE had been taught to sweep, to carry away excrement, to cadge. But all that I, and people like me, had been taught had not been taught to HER. The laws of this land, ignoring HER, not bothering about HER, and not protecting HER natural rights as a citizen of this country, have robbed HER of the happiness of being literate (quoted from Gorky – A.M.). SHE has been deprived of this great happiness, of this consolation and of this joy! Why? What crime has SHE committed? Why has SHE been punished from the very moment SHE was born? Why has HER own dharma condemned HER for HER entire life to sweep, wash latrines, remove excrement from the homes of well-to-do people?”* Esaoulov depicted the poverty and haplessness of the scavenging community by placing it in a whole range of contexts and situations.

The looting of scavenging community by money lenders, a whole range of blind beliefs, retrograde traditionalism, sorcery, superstitions, show off, and excessive spending due to social pressures, family feuds generated by perennial privation and misery and so on had cast a spell of gloom on scavenging community, which has been made to suffer the hellish conditions while trying to make the life of haves cleaner and brighter. But it is doomed to languish in the stinking dungeons, the slums and pig sties. Esaoulov, in the novel *End of a Life*, has given an extremely powerful portrayal of women of a scavenging community. While teaching B.D., the author gets to know her relatives from close quarters. B.D.’s mother is an illiterate person who, along with 7-8 members of her family, lives in a one-room quarter located in the locality of the scavenging community. She got a job as a scavenger on compassionate grounds in the municipality of the city after the death of her husband. But her entire salary is deducted towards paying off the loan that her husband had taken from his provident fund. The family of her married elder daughter also stays with her. This daughter, in complicity with her husband, persecutes her no end. B. D. and her husband had no space left in the quarter for themselves, and they are compelled to sleep on the terrace of the quarter with no protection from rain or dust storms. The

whole family is being subsumed by family feuds, jealousy and bitterness. The pettiness causes daily quarrels and violent clashes. In Esaoulov's considered opinion, the whole community has been driven to this kind of hellish life by poverty and lack of education. Indeed, there is an episode in the novel where the author, while trying to convince B.D. to study, scolds her:

"This is the reason for the backwardness of the people of your zat. Illiterate mothers cannot bring up their children well. You have remained behind other communities; you do not live well, even if you have money. Don't you know that today everybody wants to educate his/her children, not boys alone, but girls too. Life is easier for an educated woman; she will not become a slave to her husband, because she knows what her rights are. Women are often more intelligent than men, so why should they be prevented from studying and receiving education?... Let us take you as an example: except for handling your broom, you know nothing, understand nothing, you are completely savage. Look at yourself in the mirror, see what large eyes you have. And yet you do not see anything, you are blind: your broom and your zat and the cleaning of latrines are the only things in your life! Books would reveal to you a new world, they would give you much joy, make you understand life better, more truthfully; but there you are, as if sunk deep in a dark, fetid and stinking pit, you just squat and choke in the darkness and stink, and still you do not strive to scramble out of it!"

B. D.'s Husband, Itwari, was also illiterate and, probably, due to the hellish family life, he had turned into a beast. He had become an alcoholic, and he considered that beating his wife was his birthright. He was also convinced that beating one's wife was symptomatic of manliness. B.D. She tells Esaoulov that a husband has a right to flog his wife with 34 lashes, and that was his inalienable right. B.D.'s husband, Itwari, doesn't help his wife in her work at all. On the contrary, he takes pride and sadistic pleasure in narrating to his friends the frequent beatings that he had been inflicting on his wife. Esaoulov learns to his utter surprise and dismay that a *Balmiki* (scavenger) man could leave

his wife at will and marry another woman. Such a custom was rampant far and wide in the *Balmiki* community.

Thanks to his getting so close to the scavenging community, the author visits Itwari's village in Rajasthan and stays in the *Balmiki* colony with Itwari's relatives. The author learnt to his utter dismay that people of higher castes had boycotted him as an *angrej Balmiki*. During his stay, Esaoulov learns as to how deeply the *Balmiki* community was soaked in the mire of retrograde practices and beliefs. For instance, he discovered that one of Itwari's brothers had fallen ill and despite Esaoulov's advice, persuasion and cajoling, the patient was not taken to a doctor. They perform all kinds of black magic, rituals and superstitious acts like sacrificing a pig and alcohol in their belief that Itwari's brother will recover thanks to such rituals. The author visits a plethora of small temples like structures of the *Balmiki* community, and he was stunned at no end on seeing all kinds of superstitions, fraudulent activities through which the members of the community were constantly duped or were kept entrapped in blind beliefs. Esaoulov tried hard to make them see the reason and convey to them that the world was changing. He tried to convince them that they should send their children to school so that they could get out of the trap of blind beliefs and superstitions and see the light of logic and reason. But Itwari and other members of the community considered him to be a stupid and fussy Englishman, who was unable to understand the complicated customs and life of the *Balmiki* community.

The author, to his utter dismay, discovered meanness, cruelty bordering on beastliness in the attitude of members of the upper castes towards the people of the scavenging community. Firstly, the children of the scavenging community themselves do not go to school. Secondly, if by any chance some children of this community did take admission to school, they were made to quit by teachers of upper castes, as they heaped all kinds of insults and humiliation on the hapless *dalit* writers in their autobiographies. Even otherwise, where was the time for the children of this utterly deprived community to go to school? They had to start working very early in their childhood, helping their mothers or sisters in scavenging jobs. When the author tried to

ask as to why Raju, B.D.'s nephew, had failed in the examination, to his utter surprise, he came to know that Raju had to collect shreds of paper and pieces of glass from garbage heaps. This collection fetched him 10 paise for a kilogramm. In the afternoon, he helped his mother carry the garbage on his head out of the premises of the upper caste people. Raju also had to take care of the pigs and goats of his family. Their little quarter was always bursting at the seams with people who often indulged in quarrelling and foul language. How could Raju study under such circumstances? The author discovered this bitter truth the hard way. Children of the scavenging community more often than not had to abandon schooling and adopt the profession of their community.

Esaoulov offers a powerful portrayal of the attitude of the Indian upper caste middle class towards the scavenging community. He tried to speak to his former wife, Vimla, about the problems faced by the scavenging community. She retorted with utter disdain:

“Why are you feeling sorry for them? They are accustomed to their way of life, to their filth; they do not mind it ... In their own way, these ignorant women are quite happy. Our government should not hurry with the enlightenment and the upbringing of the masses; otherwise, the position of the middle classes will drastically deteriorate. As it is, so many graduates can’t get any work ...”

The author undertook a comparison of Vimla and B.D. through his imagination which finds a vivid description in the following words:

“Vimla, in a gorgeous gold inwoven silk sari, with gold bangles on her wrists, an emerald on her finger, diamonds in her ears, sat sprawled on an armchair, slowly sipping her second cup of coffee and smoking, – a rich Indian memsahab. She has been ordering the other woman about, hardly recognising HER to be a human being. She gave HER an order and forgot all about HER. The sweeper in a shabby yellow cotton shalwar too short for HER, a torn crimson-striped cotton shirt, also too short, and a long dupatta – veil – of an indefinite colour covering HER head,

chest, shoulder, and falling behind – almost to reach HER feet, stood near the wall with a bucket full of water in one hand and a house-flannel in the other – an Indian ‘untouchable’, a hereditary proletarian SHE was here because SHE badly needed money. What did SHE think about us? Most likely, SHE thought only about the money we would give HER. For HER, we were another world, we were the sahabs, the well-to-do, the rich. SHE knew that SHE had to work hard to satisfy us, and get from us a remuneration, a trifle only for us, but for HER, a considerable sum of money. SHE stood modestly, but there was not a shadow of fawning. HER bearing was proud, even her shabby clothes did not look shabby on HER.”

In another episode, the author described how Vimla tried to give only 50 paise (half a rupee) to B.D. for the day’s work in the house. When the author intervened, saying that B.D. had cleaned the entire house and she deserved to be paid four rupees for the work she had done, Vimla curtly retorted: *“We must not indulge these creatures; during the past years they have been indulged far too much!”*

Essaulov portrays this representative of the middle class in another role. The love for English literature displayed by this teacher of the English language should have been taken to be a normal manifestation. But the author drove the point that such people have not only displayed their love for English literature but also a slavish admiration of their former masters that had been engraved deep in their hearts and souls. They shamelessly sing panegyrics in praise of the British, nay, they worship them no end. Opposing the suggestion to educate girls of the scavenging community, the former wife of the author scolded him and affirmed that the British were better than the government of the day in India. Indeed, this episode, encompassing a heated argument between Essaulov and his former wife, reveals eloquently the slavish mentality of the Indian middle class. Accordingly, it will be to cite the entire encounter here:

“Why should you bother about that, Ranjita. She will live jolly well without literacy! Doesn’t she see how her mother and grandmother live – why should she live differently? It is you who

have drummed that craze into her head ... The government has no right to force her father to send her to school. It has to convince, not to force. These are the fundamentals of true democracy. The English did us a great service by teaching us to believe in democracy, to understand its true spirit, and to respect the traditions and the customs of our masses!"

"I should think so! In fact, the English respected your customs so much that while plundering and looting your peasants and artisans, they did not want to hurt the feelings of the Hindus by forbidding their ancient custom of sati, that is, burning of the unfortunate widow on the pyre of her husband. It was a progressive Indian who went to London to convince the British parliament to forbid this barbaric and cruel custom!"

"The English did not interfere in our life, nor did they compel us to change our customs and habits; they encouraged us to live as we had been accustomed to and as we wanted to..."

"In short, according to you, they treated you gently. They only deprived you of your freedom and independence, robbed and ruined the toiling masses, allowed and encouraged you to remain a backward country, with castes, untouchability and all the absurd beliefs that hampered and are still hampering your country's progress!... Democracy for the middle classes and bonded labour for the poor – this is the essence of the democracy the English taught you to believe in! ..."

"You are talking nonsense! ... You forget that the English gave us a common language which unified our country..."

"Please be precise. The English language unified the upper layers of your bourgeois, and cut them away, isolating them from the masses. You must admit that even today it ensures the bourgeois youth an easy access into the university, and makes education so much more difficult for the children of the poor. Thanks to this language, you yourself have been turned into a kind of alien, a foreigner, although you live in your own country. The English are no longer ruling India, but you continue to be their slave, and you refuse to understand what true democracy is. That is why you are not ashamed that after thirty years of independence, bonded labour and untouchability still exist in your country, and you do not feel sorry for Ranjita, do not feel

indignation at your government for not compelling her father to send her to school.'... You are stubborn and heartless!"

It needs to be reiterated that the most striking aspect in the novel lies in the touching portrayal of a *Balmiki* woman. There are several women characters in the novels: B.D., her mother, her sister, her nieces and others. The lives of all of them had been hellish. But B.D.'s plight got all the more compounded because she was considered to be a barren woman. The community of *dalits* is a victim of multitudinous exploitation: exploitation on caste grounds, economic exploitation, social exploitation, untouchability and so on. However, Esaoulov has offered a vivid portrayal of the life of a scavenging woman and that too of a barren woman whose lot was one long winding pitch dark night having no promise of dawn or daybreak. Apart from the exploitation she had to suffer at the hands of men of her own community, and more often than not at the hands of her own husband. Being a barren woman, she was doomed to suffer unspeakable miseries, insults, humiliation, and what have you. B.D. Does the scavenging in several houses, carrying the night soul on her head, tries to collect some money for the family through back-breaking work. Yet she gets nothing in return from her own folks, from her own husband, who is a drunkard and in a state of inebriation; he beats her mercilessly, often gives her up to 34 lashes. B.D. works ceaselessly, but her parasite husband just watches her doing all that dirty work. She carries the night soil on her head, but he just walks behind her as if to spur a donkey carrying a heavy load. That is precisely why the author wants B.D. to study so that she could liberate herself from this cruelty, nay, barbarity. This mission became a dream, an obsession with Esaoulov, which he describes thus:

"I daydreamed of making a cultured human being out of this savage woman and of transforming HER humiliated, insulted and enslaved personality into a proud and independent one, after freeing HER of superstitious beliefs and of HER faith in God ... That was a big and very interesting experiment; that was almost a creative work and an ambitious plan ... If I succeeded, if SHE justified my faith in HER, that is, in HER intelligence and capabilities, it would mean that I had done at least one useful

action in my life: if I succeeded, ‘ SHE would become more than a daughter to me; SHE would surely turn into a good and sincere friend ... Yes, dreams, fantasies, fibs ...’

Describing the pitiable condition of scavenging community in scathing words, the author squarely blames the Indian society which *“deprived them of the most elementary human rights, insulted them, outraged them, humiliated them, equated them with stray dogs, and having invented God and religion, it condemned them from generation to generation to remove their tattti, the excrement of other humans who had proclaimed themselves higher beings ...”*

He further writes that the men folks deliberately did not allow their women to get an education because upon becoming educated, the women *“will stop obeying their fathers, working hard, and from childhood acquiring good habits. It is easy to live with a woman of our zat; she knows that she has to obey her husband and work for him.”*

The uneducated women, emphasises Esaoulov, can be treated like a commodity by menfolk. The husbands were free to marry second, third or nth times according to their whims and fancies. And according to the dictates of *Manusmriti*, women had to worship their husbands, even though they might have been the worst kinds of philanderers:

“Conception of the husband as a God, and the Eastern ideal of a submissive and devoted wife, so deeply engrained in the mind, the consciousness and the heart of the Indian woman, was the factor which so loathsomely influenced HER family life and so disgustingly acted on Itwari: in fact he too from childhood has been infused with these notions and however great might be his love for his wife, he cannot help but see in HER his own mal – property – his own slave, deprived of all rights and obliged by their dharma and the customs of their zat, to serve him and implicitly endure everything from him.”

B.D. and her mother are convinced that a husband has a birthright to do whatever he may wish to with his wife. B.D. tells Esaoulov in categorical terms that a wife *“has to obey him and serve him. Among us, a husband beats his wife if she does not*

obey him. He beats her until she submits to his will entirely. It is a great pap – sin – not to obey one's husband and not to serve him, because it is against the dharma – religion. In our zat, a husband could kill an unfaithful wife!"

The author was naturally stunned by B.D.'s statement, and he countered her:

"What are you saying? It is a murder, and every murderer is punished by law. Murder of one's wife is severely punished by law."

B.D. replies "Not in our zat. The husband has the right to kill his wife; he is her malik! (master)".

Esaoulov, at the end of the day, gets convinced that such retrograde thinking among the *Balmiki* community thrives because of the superstitions and dictates that had been imposed on them by the upper castes for centuries. Moreover, the author also concludes that the ruling class, consisting of upper castes, have invented God and religion to a design so that the have-nots remain always trapped in blind beliefs and superstitions and upper caste rule over them forever unhindered. Portraying the predicaments of B.D., the author writes that B.D. does not want to get the usurer, the heartless money lender Sardar, punished because she is convinced that God will punish him in the next life. B.D. is not worried about her miseries in her present life, and she is not prepared to fight against the exploitation and injustice that she is facing now. She wants to better her life in the next birth by doing good deeds in the present birth. The author comments:

"For me, it was a demonstration of the statement 'religion is the opium for the people', to which I had never 'before given much thought, but the importance and truthfulness of which HER very existence had now revealed to me so that I now fully grasped the terrible harm that the faith in God inflicted on simple and ignorant people like HER. This faith and the expectation of happiness in their next life made them endure deprivation and poverty, reconcile themselves to their existence, to humiliations and insults and even accept their 'untouchability' as something natural, ordained by God. And I now realised quite well how

immensely useful this faith in God was to men like the moneylenders, helping them to rob and fleece the poor."

Esaoulov is appalled at the fact that such a belief creates an inferiority complex among *dalit* women to the extent that they accept their condition of being untouchables as if ordained by God, i.e., God had so willed that they be doomed to be untouchables. For instance, B.D. brings an empty bottle to Esaoulov's house, which she uses to take the tea given by the author back to her home. But when she comes to Esaoulov, she puts the empty bottle near the garbage basket and, despite the author's insistence, refuses to put it on the table after washing it. B.D. is convinced that if she did that, she would pollute Esaoulov also. The following dialogue between B.D. and the author is a telling commentary on the Indian social and political system, to say the least:

"Explain, please, why do you always put your bottle for tea in the filthiest places – under the table, near the dog's plate, and yesterday I discovered it in a corner on the floor of the store-room. Why can't you leave it on the shelf or on the table if you do not take it home?"

"But it is my bottle. I touch it and take it to my house."

"I know that it is yours. I haven't the slightest desire to take it away from you. I only say that you should keep it on the shelf or on the table, and not on the floor, near all sorts of filth."

"I cannot put it on the table or the shelves where your glasses and cups are. I am a jamadarni, a Balmiki, I belong to the caste of the sweepers!"

"What kind of nonsense are you talking?" I exclaimed.

"It is not nonsense! It is not proper to put my bottle, which I touch and take home, on your furniture, and it is not proper that I have tea in your cups and glasses, and that I wash them, because you are a sahib and if your neighbours were to know that you make me use your crockery, they would no longer respect you."

Esaoulov is convinced that such a degrading inferiority complex, such self-effacing beliefs are born in the community of *Balmiki* due to their blind belief in the institution of God and religion. The author makes a scathing comment with a view to drive the bitter

truth home to the effect that placing the bottle meant for carrying tea near the garbage heap is an insult to entire human kind: “The case of tea bottle kept on the floor near my dog’s plate spoke of the nauseating suppression of human dignity, *the violation of the very humaneness of a human being; still more ghastly was it to see a woman, herself convinced of her ‘untouchability’ who really believed that her touch polluted or humiliated other human beings. When understood that SHE believed in HER ‘untouchability’, I do not know what I felt more intensely – pity or indignation...*”

As was mentioned above, the author reiterates again and again that B.D.’s situation got all the more compounded because she was believed to be barren: “*in HER milieu, in HER zat it is a terrible tragedy for a woman to be barren.*” That is why when an ulcer made her belly swollen, it was gladly accepted that she was pregnant. B.D. herself was overjoyed, thinking that it had happened thanks to her ardent prayers to the innumerable gods and goddesses of her *zat*. In particular, she believed that this was the direct result of sacrificing the pigs on the altar of their goddesses.

B. D. refuses to see a doctor, Esaoulov’s persistent cajoling notwithstanding, for 11 long months she went on believing that she was pregnant. She almost died due to the burst of ulcer, but she was happy over the fact that for eleven months she was treated with some amount of respect by her family members.

Agonising over the plight of *dalit* women Esaoulov writes that Indian society had “deprived her ancestors of everything, *deprived them of the most elementary human rights, insulted them, outraged them, humiliated them, equated them with stray dogs, and having invented God and religion, it condemned them from generation to generation to remove the tatti, the excrement of other humans who had proclaimed themselves higher beings..*” That is precisely why the author is against God and the institution of religion. There is a striking encounter in the novel on this topic between Esaoulov and B.D.’s mother:

“*But there is no Bhagwan,*” I was unable to refrain from saying.
 “*You say it just like that, Sahab ji, but you do believe in bhagwan.*”
 “*Why do you think so, Mataji?*”

"If you did not believe in Bhagwan, why would you be helping us, the poor?"

"What connection is there between believing in God and the little help I have been giving you?"

"Don't you see it? If you did not believe, there would be no reason for you to help us! You help us so that after your death Bhagwan may treat you well ..."

The author offers the following comment after the above encounter:

"Really, the poor wretch! She imagines that in helping her, I offer a bribe to Bhagwan to ensure a good situation for myself in the other world and a chance of being reborn in a high caste! Incidentally, even in Europe, similar beliefs have not yet totally vanished: you donate some money to a church, you provide for the maintenance of priests, monks, nuns, for some charitable institution, and you feel sure to get a ticket to go straight to paradise to enjoy eternal bliss there. Here it is the same: help the poor, feed the Brahmans, donate money to a mandir – temple, and you are sure of getting a 'Brahmanhood' in your next birth. Whatever the religion, God is always thought about as a bribe-taker, fond of praise and of flattery too. In inventing God, men have not been able to conceive a supreme being who would be free of their own vices; they created God exactly in their own image, after their likeness ..."

The most astonishing fact that shocks the reader lies in the fact that the author, even though his father had fled from Russia to France in the wake of October Socialist Revolution, becomes an ardent supporter of socialist revolution as a result of his stay in India, probably, thanks to his exposure to what exploitation of man by man in the most naked and cruel form had been. In his attempts to convince B.D., her mother, her husband and other members of the *Balmiki* community, he recurrently cites the example of the Soviet Union to the effect that there was no casteism there and there were no poor people there, which had happened thanks to the socialist system ending the exploitation of man by man.

B.D., naturally, was flabbergasted as Esaoulov narrated to her about his country, for instance, in the following words:

"I believe that I have already told you that we do not have and never did have zats. In my country the poor, that is, the peasants and the workers, did not dream as you do about being reborn rich and happy, but led a long and stubborn struggle against their oppressors, the landlords and the merchants who for centuries ruled the country, lived in comfort and had plenty of money, while all the work in the fields, in the mills and in the factories was done by the poor who earned very little. This was because all the profits were taken by the owners of the fields, the mills and the factories. The children of the rich went to schools; the poor could not afford to send their children to study; their children were put to work very early; they grew up in ignorance, often starved. But when the people took the power into their own hands and became the sole masters of all the riches of our country and formed their own government, all became equal, with nobody being rich or poor and with all the children, both girls and boys, going to school and receiving a good education. Now in my country, everybody works according to his or her aptitude and ability. Nobody is unemployed. A man who does hard manual labour, as a coal miner, is paid much more than a lecturer or an office worker. Everybody is given state accommodation, the size of which depends on the number of family members. Household work is done by both husband and wife. They help each other. Wife is not her husband's servant, but his equal. If you had been born in my country, you would have had to go to school. Most probably, you would have graduated from a university, and today you would have been a physician, an engineer, or a teacher, because I am sure that you are intelligent."

Through the lecture given to B.D. about socialism in his country, Esaoulov as if is conveying the most important message that the scourge of casteism could be rooted out fully and completely only under socialism. The author had cited the example of the Socialist Soviet Union with a view to driving the point home that, in comparison to the stark injustice prevailing in India, Soviet society was much more just and humane. Objecting to his being dubbed an *angrej* (an Englishman), which was being done due to his white skin, Esaoulov affirms most emphatically: *"I was not an*

Angrez but a Rusi; that in my country there were no castes, and that we were all equal, nobody being rich or poor."

There is another striking episode, an encounter with upper caste people in Itwari's village, in the novel, which is worth citing here in full:

"Are you an Angrez?"

"No, I'm not an Angrez, I am a Rusi."

"What is it, one of the zats of the Angrez?"

"Oh no! It is quite another country, a very big country. Do you mean to say that you never heard anything about the Soviet Union?"

"No."

"Don't you read newspapers?"

"No. I do not. Newspapers are not sold here. But you are still an Angrez. What is your zat?"

"We do not have zats. We are all equal."

"But who are your brethren, that is, who are your brothers by caste?"

"All men. I am an insaan – a human being, and all the insaans are my brothers. It is very foolish to think that men are divided into varnas or zats ..."

Thus, it could be concluded that the first novel written about the plight of the scavenging community in India is most authentic account of plight of Indian untouchables offered by a Russian, Alexander Esaoulov, Afanasy Nikitin, who had described India for the benefit of the entire world exactly 500 years before the creation of the novel *Конец жизни – End of Life* during 1972 to 1980. The novel not only portrays very powerfully the *dasha*, the plight and predicaments of Indian *dalits*, but by citing the examples about the Soviet revolution and society, it indicates the *disha*, the direction, towards which all the *dalits* and *shoshits* (the exploited) should march together for their final liberation, ultimate goal – elimination of exploitation of man by man, the oppression of one caste or class by another. In this sense, the novel *End of a Life*, written by a Russian, is not only a real-life story of Indian *dalits*, but it should also be understood and seen as a pioneering work showing the path of liberation from all the

suffering and oppression under which a huge mass of Indian *dalits* and exploited people have been reeling for centuries.

Анджу Рани
Преподаватель
Кафедра финно-угрских и слованских исследований
Делийский университет

Доктор Фахмина Нааз
Преподаватель
Кафедра финно-угрских и слованских исследований
Делийский университет

Ms. Anju Rani
Assistant Professor
Department of Slavonic and Finno-Ugrian Studies
University of Delhi

Dr Fahmina Naaz
Guest Faculty
Department of Slavonic and Finno-Ugrian Studies
University of Delhi

**“Mother–Daughter Dynamics in Cross-Cultural Perspective:
A Comparative Study of Victoria Tokareva’s *Marina* and
Mannu Bhandari’s *Trishanku*”**

**Динамика отношений матери и дочери в кросс-
культурной перспективе: сравнительное исследование
произведений Виктории Токаревой «Марина» и Манну
Бхандари «Тришанку»**

Аннотация: Отношения между матерью и дочерью являются центральным связующим звеном между женщинами и играют решающую роль в формировании их идентичности в обеих ролях. Однако, общественные ожидания и патриархальное давление часто вынуждают матерей готовить своих дочерей к социально предписанным ролям, что осложняет их отношения. В

данной статье рассматриваются конфликты между матерями и дочерьми в романах Манну Бхандари «Тришанку» (1995) и Виктории Токаревой «Марина» (2000). Оба произведения освещают столкновения и эмоциональную борьбу между двумя поколениями матери и дочери. Хотя обе писательницы принадлежат к разным культурным слоям, их произведения раскрывают общую иронию: всепроникающее влияние патриархального мышления затмевает и усложняет отношения между матерью и дочерью.

Ключевые слова: Отношения матери и дочери, разрыв между поколениями, общественные ожидания и патриархальное давление, конфликт, страдания

Annotation: The relationship between mother and daughter is the central bond between women, and plays a crucial role in shaping their identities in both roles. However, societal expectations and patriarchal pressures often compel mothers to prepare their daughters for socially prescribed roles, which complicates their relationship.

This paper examines the conflicts between mothers and daughters in Mannu Bhandari's "Trishanku" (1995) and Victoria Tokareva's "Marina" (2000). Both works highlight the clashes and emotional struggles between two generations of mother and daughter. Although both the writers come from different cultural backgrounds, but their works reveal a shared irony: the pervasive influence of patriarchal thought that overshadows and complicates the relationship between mother and daughter.

Keywords: Mother-daughter relation, generational gap, societal expectations and patriarchal pressures, conflict, suffering

The mother-daughter relationship in the family system has been chosen as the main theme of this paper because this relationship between women is a central theme that has been

ignored for years by both sociologists and writers in their literary pursuits in many societies like Russia and India. It should be emphasized that in Russian and Indian literatures, relationships between different family members, including fathers and sons, have often been depicted, but the study of relationships between mothers and daughters has, to a large extent, been ignored and is not a usual phenomenon. Andrienne Rich, A famous American feminist writer writes about importance of study of mother-daughter relations, *“The cathexis between mother and daughter-essential, distorted, misused-is the great unwritten story. Probably there is nothing in human nature more resonant with charges than the flow of energy between two biologically alike bodies, one of which has lain in amniotic bliss inside the other, one of which has laboured to give birth to the others.”* (Rich A. 1976, p. 225)

We are convinced that the character of the family and structure of the society can potentially influence all relationships within the family space. The relationship between mother and daughter can suffer doubly, since women in any case occupy a secondary status in society, as well as in the family. It is necessary to draw attention to the fact that patriarchal society, by establishing the social roles, duties and responsibilities of women based on their biological characteristics, especially in the roles of mothers and daughters, has always manipulated and exploited women. A daughter is considered the future fruit of the family, so the mother is expected to prepare her daughter for these social roles in the future. Mother has to pass on traditions, recipes, beliefs, and family stories that shape identity and belonging. Sometimes this societal pressure on mother makes her relations more complex with her daughter. One can say that, the biological similarity between mothers and daughters has been used as a pretext by patriarchal society to exploit them from generation to generation. Thus, mothers and daughters are at the centre of family life and are responsible for continuing the family line, preserving and developing the family. In this context, it is necessary to re-examine these relationships without the biased lens of patriarchy and oppressive family structures.

Therefore, in order to develop a healthy society, it is very important to understand the aspects and difficulties of these relationships and the factors that influence them. It is necessary to critically analyze all paradigms of mother-daughter relationships from a cultural and social perspective and besides that, comparative analysis of works from Indian and Russian literature can help us in understanding the situation better in both the societies. One can agree with an American feminist writer Marianne Hirsch's opinion that — *"There can be no systematic and theoretical study of women in patriarchal culture, there can be no theory of women's oppression, that does not take into account woman's role as a mother of daughters and as a daughter of mothers, that does not study female identity in relation to previous and subsequent generations of women, and that does not study that relationship in the wider context in which it takes place: the emotional, political, economic, and symbolic structures of family and society."* (Hirsch M. 1981, p. 202). So, keeping in mind the importance of unfolding of complexities of this relationship, main focus in this paper will be on dilemma of women's life as daughter of mother and mother of daughter within the framework of patriarchy or we can say, in male dominated society.

It is assumed that the close relationship between parents and daughter provides a child with a sense of security and comfort, but sometimes mother perpetually sees her daughter as her reflection and wants her daughter to be like her. In adolescent age daughter strive towards autonomy, which causes complexity in her relationship with the mother. Sometimes this conflict causes the destruction of the family. Psychoanalyst thinker Doris Bernstein in connection with this conflict says— *"The Struggle for autonomy-individuation occurs in two directions – in relation to the girl's own body and in the relationship with the mother."* (Bernstein D. 1993, p. 538). This way mother's inability to see daughter as separate identity from her, becomes one of the reasons of alienation in relationship between mother and daughter.

In the essay *"And the One Doesn't Stir Without the Other,"* L. Irigaray imagines herself as a daughter in the Oedipal phase and talks about her experience, the difficulties she faced in her relationship with her mother. She also talks about the reasons for such mother-daughter relationships. For example, the mother's overprotectiveness of her daughter, either because she is too similar to her mother, or sometimes because of the mother's inaction, who, under the pressure of patriarchal thinking, is unable to make independent decisions about her daughter's future. As a result, the girl distances herself from her mother and leans more toward her father. Daughter begs for release from this relationship, which seems to her an icy mirror of similarity with her mother, in which she froze, petrified — *"I want no more of this stuffed, sealed up, immobilized body. No, I want air. And if you lead me back again and again to this blind assimilation of you-but who are you?- if you turn your face from me, giving yourself to me only in an already inanimate form, abandoning me to competent men to undo my/your paralysis, I'll turn to my father. I'll leave you for someone who seems more alive than you. For someone who doesn't prepare anything for me to eat. For someone who leaves me empty of him, mouth gaping on his truth. I'll follow him with my eyes, I'll listen to what he says, I'll try to walk behind him. He leaves the house; I follow in his steps. Farewell, Mother, I shall never become your likeness."* (Irigaray L. 1981, p. 63). This way French philosopher and feminist Luce Irigaray depicts, how daughter caught in a real dilemma about assimilation of her identity with mother's or fight for it. But fight with whom - the mother or the real suppressor of her identity, which is actually a patriarchal thinking of the society.

The main reason of daughter's detachment with the mother is fear of hers becoming like her own mother. Daughter has seen her mother doing compromises, self-sacrifices for her whole life and sometimes being victimized, traumatized and exploited by others. But an adult daughter has her own identity, aspirations, likes and dislikes and she wants an independence. Daughter's fear is in that she doesn't want to be her mother's replica. A. Rich has analysed the phenomenon as 'matrophobia' in her work. In

her understanding, it means ‘fear of the mother’; more precisely, this phenomenon is described as the fear that a girl experiences when she becomes similar to her mother. In her book, the author says — *“Thousands of daughters see their mothers as having taught a compromise and self-hatred they are struggling to win free of, the one through whom the restrictions and degradations of a female existence were perforce transmitted. Easier by far to hate and reject a mother outright than to see beyond her to the forces acting upon her.”* (Rich A. 1976, p. 235)

In this regard Mannu Bhandari (1931-2021) and Victoria Tokareva (1937-) deserve special attention. Their contribution to the world of fiction dates to the 1960s onwards. They have written in and experimented with variety of genres of literature like the short story novel, short story political novel, drama, and screenplay etc.

Victoria Tokareva is considered eminent woman writer of Russian Literature in second half of twentieth century, similarly Mannu Bhandari is considered eminent woman writer in post-independence Hindi literature by the critics. Mannu Bhandari was also considered the short story writer of Nayi Kahani¹⁵ movement and Victoria Tokareva writing style is often compared to that of Anton Chekhov. Both women writers expressed their sexual complexes in the name of authenticity of experiences. Although both the writers belong to different countries and cultures, but despite the geographical and cultural differences, the issues related to women’s life, raised by both the writers, find a common plot in their writings, because social conditions of women are same in both the societies. Both the societies have used motherhood as an instrument to control women’s life as they have so many expectations from women in role of mother.

A good mother should always be caring, loving, selfless, self-sacrificing and as well as brave enough only to fight when her family is in crisis but not for her own rights. Mother has been

¹⁵ The Nayi Kahani Andolan (New Story Movement) was a significant literary movement in Hindi literature, emerging in the 1950s, that shifted from traditional storytelling to focus on the social, personal, and psychological aspects of life

confined in a sacred image, even given place after God. It's also her duty to mentally or physically prepared her daughter to fit in to this role in future. This situation is true for both the societies, where Patriarchy has imprisoned motherhood, in an oppressive framework, which alienates women from their own bodies. The victimization of the mother is transferred to the daughter and gives rise to an unnatural or abnormal relationship. The above-mentioned reasons of abnormal relationships between mothers and daughters are very much visible in both the works selected for this paper from Hindi and Russian literature.

Mannu Bhandari was born in 1931 in Madhya Pradesh. She already became a famous writer in 1960s. She is considered as a Feminist writer. In her works, she mentions problems and restrictions that women face in the Indian society. In an interview she said that in her stories the main characters are most often women, who struggle in society to reclaim their rights. Mannu Bhandari may not have written too many stories, but she introduced the middle-class mindset as well as the psychology of an individual, whether it's female psychology or male psychology. Through the psychological analysis, she tried to open layers of the middle-class mindset of Indian society in every way. Her stories have been depicting every problem related to women of the present time, whether it is love, truth, marriage, freedom, exploitation, or the Battle of woman's existence. In her works she puts up burning issues of the society such as: extra marital affairs, problems of alcoholism, adoration, exploitation of women, relation amongst family members and disintegration of families etc.

"Trishanku" is one of the Mannu Bhandari's most well-known stories. The word *Trishanku* literally means **"caught in the middle,"** and the writer uses this term to describe the situation of the younger generation, who feel trapped between traditional values and modern ways of life. In the story, Bhandari shows the struggles of a young girl, who faces restrictions created by society especially for women. These restrictions and expectations become the source of conflict between mother and daughter, reflecting the larger tension between societal pressures and individual freedom.

In the beginning of the story author shows friendly relation between the teen-age girl named Tanu and her parents, who pretended themselves as open-minded, progressive, and modern but going further reality takes a different shape.

“हमारा घर, यानि बुद्धिजीवियों का अड्डा! यहाँ सिगरेट के धुएँ और कॉफी के प्यालों के बीच बातों के बड़े-बड़े तुमार बाँधे जाते हैं... बड़ी-बड़ी शाब्दिक क्रांतियाँ की जाती हैं। जिस बात की हमारे यहाँ सबसे ज्यादा कताई होती है, वह है- आधुनिकता। यह है ठेठ बुद्धिजीवियों की आधुनिकता! यह वह होती है जिसमें लीक छोड़ने की बात बहुत सुनाई देती है।... बहसों में तो दुनिया-जहान के विषय पीसे जाते हैं पर एक विषय शायद सब लोगों को बहुत प्रिय है और वह है शादी। शादी यानी बर्बादी। हल्के-फुल्के ढंग से शुरू हुई बात एकदम बौद्धिक स्तर पर चली जाती है। विवाह-संस्था एकदम खोखली हो चुकी है... पति-पत्नी का सम्बन्ध बड़ा नकली और ऊपर से थोपे हुआ है... और फिर धुंधाधार ढंग से विवाह की धज्जियाँ उड़ाई जाती हैं।” (Bhandari M. 1995, p. 251)

“Our home, the hub of intellectuals! Here, amidst clouds of cigarette smoke and cups of coffee, long-winded discussions are spun... grand verbal revolutions are waged. The topic most often discussed here is modernity. This is the modernity of hard-core intellectuals! It's the one where we often hear talk of breaking away from convention. ... Debates cover a wide range of topics, but there is one topic everyone seems especially fond of: marriage. Marriage means ruin. What begins as casual banter soon turns into an intellectual discourse. The institution of marriage has become completely hollow... the husband-wife relationship, entirely artificial and imposed. Then, with great flourish, the very idea of marriage is torn to shreds.” (Translated version)

In the story, writer shows monolog of a young girl, who faces the pressure of the society, passes on her through her mother. She realizes that her parents stand somewhere in the middle of the traditional and modern society. They give freedom to her daughter, but because of the societal norms they also

want to push her back. Once, some boys, who started to living in neighboring house, teased Tanu. When she complained to her mother about this, her mother invited them to her house for tea so that Tanu and those boys could be friends. Initially, Tanu feels offended on her mother's reaction. Her mother shows that she is a modern woman and she doesn't want to make traditional boundaries for her daughter. Tanu was very happy to hear that. Initially everybody was appreciating mother's healthy outlook towards things. Although her mother was trying to show that she was a modern mother but later the same rebellious woman who defies her father and willingly marries the man of her choice, at the same time when it comes to her daughter she started feeling pressure of the society. Boys started to visit Tanu's house more often. In the beginning mother did not say anything, but after listening from her friends, who during their visits often see these boys with Tanu, that Tanu is going very fast, mother's behavior changed towards Tanu and boys. She started scolding her daughter and said a young girl should not sit between boys, instead she should focus on her studies. At that time Tanu did not say anything, but there was wrath inside her.

“फब्लियों की जगह बाकायदा हमारा वार्तालाप शुरू हो गया... बड़ा खुला और बेझिझक वार्तालाप।... ही हम लोग चालू होते, पास-पड़ोस की खिड़कियों में चार-छः सिर और धड़ आकर चिपक जाते।... और मोहल्ले वाले जब अपनी पैनी नज़रों से ऐसे किसी रहस्य को जान लेते थे तो बड़ा सन्तोष उन्हें होता था।... हुआ यह कि धीरे-धीरे छत की मजलिस मेरे अपने कमरे में जमने लगी। रोज ही कभी दो, तो कभी तीन या चार लड़के आकर जम जाते। शाम को ममी-पापा के मित्र आते तो इन लोगों में से कोई न कोई बैठा ही होता। शुरू में जिन लोगों ने 'मुक्त रहो और मुक्त रखो' की बड़ी प्रशंसा की थी, उन्होंने मुक्त रहने का जो रूप देखा तो उनकी आँखों में भी कुछ अजीब-सी शंकाएँ तैरने लगीं। ममी की एकाध मित्र ने दबी जुबान में कहा भी- 'तनु तो बढ़ी फास्ट चल रही है।' ममी का अपना सारा उत्साह मन्द पड़ गया था और लीक से हटकर कुछ करने की थिल पूरी तरह झड़ चुकी थी। और ममी की स्थिति यह थी कि वे न इस स्थिति को पूरी तरह स्वीकार कर पा रही थीं और न अपने ही

द्वारा बड़े जोश में शुरू किए इस सिलसिले को नकार ही पा रही थीं। "आखिर एक दिन उन्होंने मुझे अपने पास बिठाकर कहा- "तनु बेटे, ये लोग रोज-रोज यहाँ आकर जम जाते हैं। आखिर तुमको पढ़ना-लिखना भी तो है। मैं तो देख रही हूँ कि इस दोस्ती के चक्कर में तेरी पढ़ाई-लिखाई सब चौपट हुई जा रही है। इस तरह तो यह सब चलेगा नहीं।" (Bhandari M. 1995, p. 256-257)

"Instead of the taunts, we began to have a proper conversation... an open and uninhibited exchange. ... As soon as we started to talk, four or six heads would appear in the neighboring windows. ... And when the neighbors managed to uncover some such "mystery" with their sharp eyes, it gave them immense satisfaction. Gradually, the gatherings that used to happen on the terrace began shifting to my own room. When Mom and Dad's friends visited in the evening, one or the other of these boys would always be found sitting around. At first, the very people who had praised the slogan "Be free and let others be free" started having strange doubts in their eyes once they actually saw what this freedom looked like. One of Mom's friends even whispered, "Tanu is going quite fast." Mom's enthusiasm had completely faded, and the thrill of doing something out of the ordinary had worn off entirely. She was now caught in a dilemma — unable to either fully accept the situation or outright reject the arrangement she herself had initiated so passionately. Finally, one day, she made me sit beside her and said, "Tanu, dear, these boys come over every day and just hang around here. After all, you have your studies too. I can see that in the name of friendship, your studies are completely going downhill. Things can't go on like this." (Translated version)

With time Tanu falls in love with one of those boys, named Shekhar. Whenever Shekhar comes to their house, her mother always starts wandering around her room. Such behavior from her mother made her even more nervous. Since childhood Tanu and her mother were like close friends and they usually talk about the world and the other things. Dad also treats her like friend, but in other way, like playing chess, arm wrestling and completing the firm's occupancy but she shares her personal things with mother only. Tanu wanted to talk to her about

Shekhar also, but she couldn't share her feelings with the mother as things were changed now. The views of the people in her neighborhood, along with her parents' friends, began to control and influence her mother's thinking.

“जो भी हो, मम्मी की इस परेशानी ने मुझे भी हल्के से विचलित ज़रूर कर दिया। मम्मी मेरी माँ ही नहीं, मित्र और साधिन भी हैं। दो घनिष्ठ मित्रों की तरह ही हम दुनिया-जहान की बातें करते हैं – हँसी-मज़ाक करते हैं। मैं चाहती थी कि इस बारे में भी कोई बात करें, पर उन्होंने कोई बात नहीं की। बस, जब शेखर आता तो वे अपनी स्वाभाविक लापरवाही छोड़कर बड़े सहज भाव से मेरे कमरे के इर्द-गिर्द ही मंडराती रहतीं। एक दिन मम्मी के साथ बाहर जाने के लिए मैं नीचे उतरी तो दरवाजे पर ही पड़ोस की एक भद्र महिला टकरा गई। नमस्कार और कुशल-क्षेम के आदान-प्रदान के बाद वे बात के असली मुद्दे पर आ गई। “ये सामने की छत वाले लड़के आपके रिश्तेदार हैं क्या?” “नहीं तो।” “अच्छा? शाम को रोज़ ही आपके घर बैठे रहते हैं तो सोचा आपके ज़रूर कुछ लगते होंगे।”

“तनु के दोस्त हैं।” मम्मी ने कुछ ऐसी लापरवाही और निस्संकोच भाव से यह वायव्य उछाला कि बेचारा तीर निशाने पर न लगने का ग़म लिए ही लौट गई। वे तो लौट गईं पर मुझे लगा कि इस बात का सूत्र पकड़कर ही मम्मी अब ज़रूर मेरी थोड़ी धुनाई कर देंगी।” (Bhandari M. 1995, p. 258)

"Anyway, Mom's trouble did slightly upset me. She is not just my mother, but also my friend and confidant. Like two close friends, we talk about everything, laugh and joke. I wanted us to talk about this too, but she never brought it up. Whenever Shekhar came over, usual nonchalance and hover naturally around my room. One day, as I stepped downstairs to go out with Mom, I bumped into a respectable lady from the neighborhood at the door. After exchanging greetings and well-wishes, she got straight to the point. "Are those boys, staying in the neighbor's rooftop opposite your house, your relatives?"

"No, they're not."

"Really? They hang out at your house every evening, so I thought you must know them."

"They're Tanu's friends." Mom replied with such casualness and lack of embarrassment that the poor woman, her question left unanswered, had no choice but to walk away in disappointment." (Translated version)

When her mother got the letters, which Shaker gave to Tanu, mother got angry on Tanu and she started scolding her, as per her Tanu was going against the societal norms. Tanu was shocked and scared both to hear her grandfather's words from mother's voice. Tanu feels that her mother has changed and she is not her friend at all. She feels herself lonely and restless.

“पास आई तो पहली बार ध्यान गया कि मम्मी का चेहरा तमतमाया हुआ है। मेरा माथा ठनका। उन्होंने साइड टेबल पर से एक किताब उठाई और उसमें से कागज़ की पर्चियाँ निकालकर सामने कर दी। ‘तौबा!’ मम्मी से कुछ पढ़ना था तो जाते समय उन्हें अपनी किताब दे गई थी। गलती से शेखर की लिखी पर्चियाँ उसी में रह गई।

“तो इस तरह चल रही है शेखर और तुम्हारी दोस्ती? यही पढ़ाई होती है यहाँ बैठकर - यही सब करने के लिए आता है वह यहाँ?” ... “तुमको छूट दी - आज़ादी दी, पर इसका यह मतलब तो नहीं कि तुम उसका नाजायज़ फायदा उठाओगी।” ... “बिते-भर की लड़की और करतब देखो इनको! जितनी छूट दो उतने ही पैर पसरते जा रहे हैं इनके। एक झपाड़ दूँगी तो सारा रोमांस झड़ जाएगा दो मिनट में- ” (Bhandari M. 1995, p. 259)

"When I came closer, I noticed for the first time that Mom's face was flushed with anger. My heart sank. She picked up a book from the side table and pulled out pieces of paper from it and placing them in front of me. 'Oh God!' Mom had something to read, so I had given her my book when leaving. By mistake, Shekhar's notes were left in it. "So this is how your friendship with Shekhar is going on? Is this what studying here, when you sit here together? this is what he comes here for?"... "I gave you freedom,

I gave you independence, but that doesn't mean you'll take unfair advantage of it." ...

"Look at her, a girl of just a few years old! The more freedom I give, the more she expands. One slap and all the romance will vanish in two minutes." (Translated version)

Mother started to control her emotionally. She started to say that she has seen dreams about her daughter's future. But Tanu thought, mother had already dreamt about her own life and now why is she dreaming about my life. Mother tried to convince her by telling the story of her own life and experiences but Tanu couldn't connect with the mother's arguments and started feeling that mother can't understand her as there is a generation gap between them.

"कभी बड़ी भावुक होकर कहतीं- 'तू क्यों नहीं समझती बेटे, कि तुझे लेकर कितनी महत्वाकांक्षाएँ हैं मेरे मन में। तेरे भविष्य को लेकर कितने सपने सँजो रखे हैं मैंने।"

मैं हँसकर कहती- "ममी, तुम भी कमाल करती हो। अपनी ज़िन्दगी को लेकर भी तुम सपने देखो और मेरी ज़िन्दगी के सपने भी तुम्हीं देख डालो... कुछ सपने मेरे लिए भी तो छोड़ दो।" कभी वे समझाने के लहजे में कहतीं- "देखो तनु, अभी तुम बहुत छोटी हो। अपना सारा ध्यान पढ़ने-लिखने में लगाओ और दिमाग से ये उलटे-सीधे फितूर निकाल डालो। ठीक है बड़े हो जाओ तो प्रेम भी करना और शादी भी।..." अपने चुनाव के रिजेक्शन को मैं समझ जाती और पूछती "अच्छा ममी, बताओ, जब तुमने पापा को चुना था तो नाना को वह पसन्द था?"

"मेरा चुनाव! अपनी सारी पढ़ाई-लिखाई खत्म करके पच्चीस साल की उमर में चुनाव किया था मैंने खूब सोच-समझकर और अक्ल के साथ, समझीं।"

पढ़ने लिखने में मैं अच्छी थी और रहा, उम्र का सवाल, सो उसके लिए मन होता कि कहूँ- 'ममी, तुम्हारी पीढ़ी जो काम पच्चीस साल की उम्र में करती थी, हमारी उसे पन्द्रह साल की उम्र में ही करेगी, इसे तुम क्यों नहीं समझतीं।"

पर चुप रह जाती। नाना का जिक्र तो चल ही पड़ा है, कहीं वे ही जाग उठे तो?
(Bhandari M. 1995, p. 262)

"Sometimes, she would say, very emotionally, "Why don't you understand, dear, how many ambitions I have for you? I have cherished so many dreams for your future." I would laugh and say, "Mummy, you are amazing. You dream about your life, and you dream about mine too... Please leave some dreams for me as well."

Sometimes, she would try a persuasive tone, "Look, Tanu, you are still very young. Focus all your attention on studying and get these crazy thoughts out of your mind. Okay, when you grow up, you can fall in love and get married too..."

I would understand the rejection of my choice and ask, "Mummy, tell me, when you chose Papa, did your father like him?"

"My choice! I had made my choice at the age of twenty-five, after completing all my education, after careful consideration and wisdom. I understood."

I was good at studies, and as for the age issue, I felt like saying, "Mummy, the work your generation did at twenty-five, ours will do at fifteen. Why don't you get this?" But I kept quiet. After all, Grandpa's mention had slipped in — what if he actually sprang to life in mom behavior? (Translated version)

After that whenever Tanu wants to go outside with her friends, mother always tries to stop her, but Tanu always goes against her mother's will. Conflicts always take place between mother and daughter. Tanu thinks about how mother used to say that her father (Tanu's grandfather) always tried to make boundary of societal norms around her, but now she was doing the same thing. All these things were always running through Tanu's mind and she comes to the conclusion that mother would never understand her and now she also doesn't need any one in her life. Finally, Tanu decided that if Mother had to behave like her grandfather, she would have to be like her mother as well and she would have to take decisions as her mother took and now her mother can't drag her back. All these things show how a

daughter started to go against her mother's decisions. When mother learned from the neighborhood that Tanu goes to Shekher's house, she became furious and insisted that Tanu had brought disgrace upon the family, asking how they would ever face society.

“उस दिन मैं अपनी सहेली के घर से लौटी तो ममी की सख्त आवाज़ सुनाई दी
"तनु, इधर आओ तो।" आवाज से ही लगा कि यह खतरे का सिगनल है। एक
क्षण को मैं सकते में आ गई। पास गई तो चेहरा पहले की तरह सख्त।

"तुम शेखर के कमरे पर जाती हो?" ममी ने बन्दूक दागी। समझ गई कि पीछे
गली में से किसी ने अपना करतब कर दिखाया। "याद नहीं है, मैंने शुरू में ही
तुम्हें मना कर दिया था कि तुम उनके कमरे पर कभी नहीं जाओगी। तीन-
तीन घण्टे वह यहाँ धूनी रमाकर बैठता है, उसमें जी भरा नहीं तुम्हारा?"

दुख, क्रोध और आतंक की परतें उनके चेहरे पर गहरी होती जा रही थीं और मैं
समझ ही नहीं पा रही थी कि कैसे उन्हें सारी स्थिति समझाऊँ?

"वह तो बेचारे सामने वालों ने मुझे बुलाकर आगाह कर दिया जानती है, यह
सिर आज तक किसी के सामने झुका नहीं, पर वहाँ मुझसे आँख नहीं उठाई
गई। मुँह दिखाने लायक मत रखना हमको कभी भी। सारी गली में थू-थू हो
रही है। नाक कटाकर रख दी।"

ग़ज़ब! इस बार तो सारा मोहल्ला ही बोलने लगा ममी के भीतर से। आश्चर्य है
कि जो ममी आज तक अपने आसपास से बिल्कुल कटी हुई थीं... जिसका
मजाक ही उड़ाया करती थीं... आज कैसे उसके सुर में सुर मिलाकर बोल रही
हैं।" (Bhandari M.1995, p. 263-264)

"That day, when I returned from my friend's house, I heard
Mummy's stern voice, "Tanu, come here." Her tone alone itself, I
sensed danger. It was a warning signal. For a moment, I was
frozen. When I went closer, her face was as stern as ever.

"Do you go to Shekhar's room?" she fired the question like a
bullet. I immediately realized someone from the back alley had

pulled a trick again." Didn't I tell you right at the beginning that you were never to go to his room. Isn't it enough for you that he sits here for hours, lost in his meditations, sometimes three whole hours at a stretch?" Are you not satisfied with that, hmm?"

Layers of hurt, anger, and fear deepened on her face, and I stood there, not knowing how to make her understand what had really happened.

"The neighbors across the way called me over to warn me — can you imagine! This head, which has never hung down before anyone, could not even be lifted there. Now you have given me reason to hide my face in shame. The whole street is gossiping. You have dragged our name through the mud!"

How astonishing — this time, the entire neighborhood seemed to speak through Mummy. The very woman who had always lived apart from society, who used to mock its pettiness and moral posturing — today, how easily she had joined its chorus!"
(Translated version)

In the end of the story, a daughter thinks, that how can she go against her mother because she loves and respects her. Her mother's father was a strict person that's why her mother went against him. But her mother is not fully conventional and traditional like her grandfather, sometimes she is very broad-minded and supportive but sometimes she becomes so conservative and prejudice so it was very difficult for Tanu to fight with this mother, who behaves for a moment as a maternal grandfather, and then for a moment mummy.

In the given story the author wishes to convey that this relationship should not be viewed merely as one between a mother and daughter, but rather as a relationship between two women. This story reflects, how under societal pressure one woman's aspirations, fears, and judgments can deeply influence another woman's life—her daughter's.

An educated and broad-minded mother may also, at times, become patriarchal and can be biased toward her own daughter. Over time, often without realizing mother begins to impose those

expectations on her daughter, what society once demanded from her. In doing so, the mother becomes both a victim of societal pressures and an enforcer of them. The daughter, however, sees this differently. For her, these expectations feel like constraints that violate her freedom to live according to her own wishes. Thus, what begins as love and care from the mother slowly turns into a source of conflict, as the daughter struggles to assert her individuality against the weight of inherited expectations. It is also true that this kind of highly educated and modern family doesn't represent the Indian society fully, as still majority of the population is not educated or highly educated and living life with conservative mindset, if one highly educated and modern woman can behave differently under societal pressure so one can assume the situation of majority of the women, who are deprived of basic education, rights and are in vulnerable position.

On the other side, we see the same mother-daughter dyad in Victoria Tokareva's story 'Marina' but in this story we see little extremist side of the mother. We find the same conflict in mother-daughter relations, although the reasons of conflict are different in this story but the source of the conflict is same- the society and its patriarchal mindset.

Victoria Tokareva was born in 1937 in Leningrad in the former Soviet Union. In her works she wrote about the problem of increased number of divorces, abortion, death, single mother, alcoholism, difficulties in upbringing of the children etc. *"In Tokareva's stories, ordinary experiences are interrupted by turning points such as an infidelity, tragic accidents, death, unrequited love, divorce, rape and abortion"* (Popov L. & Balasubramanian R. 2006, p. 7). She also paid attention to the themes; like status and role of women in the family and the problems that they face while performing the role of a spouse, mother, and daughter.

In the story "Marina", the author shows that the relationship between parents and a daughter is not always harmonious. Marina, the main character of the story, spends her life searching for real love, as she never received it from her parents

in childhood. Despite this, she always loved her family deeply, especially her mother, and respected her opinion—even when her mother yelled at her. As a child and later as an adolescent, Marina obeyed her parents in everything, often giving up her own wishes and desires. She never complained, even in the face of her mother's constant scolding or her brother's endless quarrels. Instead, she chose to be patient and self-sacrificing, hoping that future generations would follow her example of love and endurance. In this way, Marina tried to overcome the scars of her humiliated childhood. When she herself became a mother, she longed for her daughter to love her with the same devotion she had once shown to her own parents.

“Однако – детство, начало жизни, ее нежное сияние. Марина любила постоянно орущую мать, постоянно дерущегося брата. Любят ведь не за что-то. Просто любят, и все.” (Токарева В., 2000)

“However – childhood, the beginning of life, its tender radiance. Marina loved her constantly shouting mother and her perpetually fighting brother. After all, one does not love for any particular reason. One simply loves — that's all.” (Translated version)

Marina was never allowed to pursue higher education because her parents did not see any value in it. In their eyes, a girl's duty was limited to managing the household and giving birth to children. They believed that for such responsibilities, education beyond the basics was unnecessary. To them, Marina did not need a deep understanding of mathematics or advanced knowledge to perform simple tasks like buying groceries for the family. This way of thinking reduced her potential to the narrow roles of wife and mother, ignoring her intellectual abilities and her desire to learn more.

«Зачем глубинные знания восточным девочкам? После школы выйдут замуж, будут рожать детей. Математика понадобится только для того, чтобы считать деньги на базаре. А русский может не понадобится вообще.» (Токарева В., 2000)

“Why do Eastern girls need profound knowledge? After completing school, they’ll get married and have children. Mathematics will only be useful for counting money at the market. And Russian might not be needed at all.” (Translated version)

In the story the author also addresses the other painful realities of patriarchal society like betrayal by men, the struggles of abandoned children, and the hardships faced by single mothers. After marriage, Marina found out that her husband, Volodya was having an extramarital affair and by then she already had one child with him. When Marina shared this news with her mother, she was advised not to let her husband leave for another woman and holding on to hope, if she gave birth to a daughter, her husband would surely stay, believing that fathers always love their daughters. However, even after the birth of her daughter, he abandoned his wife. Following a conflict in which Marina’s brother beat him, he left the city forever. Left alone, Marina had no choice but to raise her children as a single mother. She did everything to manage lives of her children and ensure their education.

Another example of the impression of patriarchal thinking on Marina can be seen in her own outlook. Marina grew up embodying the typical qualities that a patriarchal society demands from women. She became the ideal woman in the eyes of society—obedient, loving, and selfless—yet her own individuality and desires were silently erased. She expected the same from her children. Marina wanted to be treated with utmost respect and care, since she had sacrificed everything for her children and believed that mother should be given sacred place, *«Мама – это святое. Марина поверила.»* (Токарева В., 2000) *“Mother is sacred. Marina believed.”* (Translated version). However, in return, her children did not respect her that way. Her son married without her permission. She wants her daughter to marry a rich man, but her daughter refuses.

When Snezhana, daughter of Marina was in high school. Her classmate Maqsood Huseynov was in love with her. Maqsood’s father was a Minister. Marina was very glad that her daughter

would live a rich & prestigious life. And Marina's status would also be upgraded.

«Марина замерла в сладостном предчувствии. Ее дочь войдет в богатый, престижный дом. И тогда статус Марины резко поднимется.» (Токарева В., 2000)

“Marina stood still in sweet anticipation. Her daughter would enter a wealthy, prestigious household. And then, Marina’s status would surely rise.” (Translated version)

Marina believed that if her daughter gets married to Maqsood Huseynov, Marina would no longer need to work as a junior schoolteacher. The Huseynov family was wealthy enough to provide for their children, grandchildren, and even generations to come. With such security, Marina could give up extra classes and even leave her job altogether. But her dreams were shattered when a terrible thing happened—Snezhana fell in love with a poor boy, a Tatar named Oleg. Oleg, the eldest of eleven children, came from a struggling family. Marina soon learned from neighbors that Oleg sees her daughter off every day and that the two were often hanging out together. Marina realized that, she had no time to despair. She decided she had to separate her daughter from Oleg immediately. Acting on this resolve, she forcibly sent Snezhana to her brother in Moscow to pursue higher education. However, this decision created a rift between mother and daughter. Snezhana grew angry, feeling that her mother was controlling her life and putting unbearable pressure on her. In her frustration, she told Marina:

«— Ты иди, — участливо предложила Снежана. — Я сама улечу.

Марина растерянно посмотрела на Джамилю.

— Идите, идите... Я за ней присмотрю.

— Что за мной смотреть? — пожала плечом Снежана. — Что я, ребенок?

Марина поняла, что серьезного разговора с дочерью не получится. Слишком тесно стоят их души. Снежане эта теснота невыносима. Ей будет спокойнее, если Марина

уйдет и перестанет мучить. Марина ушла. Она ехала на автобусе и тихо плакала. Снимала слезы со щеки. Как медленно тянулся каждый день. И как мгновенно промчались семнадцать лет. И теперь вот Снежана уезжает. И хорошо, что уезжает. Первая любовь – нестойкая. С глаз долой, из сердца вон.» (Токарева В., 2000)

“You go,” Snezhana said kindly. “I’ll go on my own.”

Marina looked at Jamilya in confusion.

“Go, you go please,” Jamilya said. “I’ll keep an eye on her.”

“What’s there to keep an eye on?” Snezhana shrugged. “I’m not a kid anymore.”

Marina realized she wouldn’t be able to have a serious talk with her daughter. Their souls stood too close. That closeness was unbearable for Snezhana. She would be calmer if Marina left her alone and stopped tormenting her. Marina left. She rode by the bus, quietly crying, wiping tears from her cheeks. How slowly each day dragged by — and how swiftly those seventeen years had flown past. And now Snezhana was leaving, it was good that she was leaving. First love is fragile. Out of sight — out of heart. (Translated version)

Marina was struck by the paradox of time as she was facing the timeless conflict between generations. Her own mother had never known love and therefore could not understand her. Yet now, despite having once experienced the fire of passionate love herself, Marina found she could not understand her own daughter. A bitter thought rose unbidden in her mind, sharp and cutting as broken glass: perhaps every mother is destined to wound her daughter in the very place she once bled. This truth settled in her stomach like a stone. The so-called “generation gap” was just a convenient shadow in which to hide the simple, painful fact that her daughter was making a terrible mistake.

«Мать не знала любви и не понимала Марину. Но ведь Марина знает, что такое любовь-страсть, а тоже не понимает дочь. Что это? Конфликт поколений? Нет. Если бы Снежана выбрала Максуда – воспитанного и

начитанного мальчика, золотого медалиста, – никакого конфликта поколений не было бы.» (Токарева В., 2000)

“The mother had never known about love and could not understand Marina. But Marina herself knew what passionate love was — and yet she, too, could not understand her daughter. What was it, then? A generation gap? No. If Snezhana had chosen Maksud — a well-mannered, well-read boy, a gold medalist — there would have been no clash between generations at all.” (Translated version)

Against mother's will Snezhana married to Oleg. After marriage Snezhana and her husband were going through financial crisis. They took money on credit from gangsters and could not return it, so they started living with Marina. When the daughter lived with her mother, the mother wanted the daughter to live according to her rules, so they often argue. Mother wanted to organize her daughter's personal life and it led to the fact that to pull the maximum daughter's attention the mother started saying (“I did not give birth to you to...”). There always took place such arguments. Mother wanted her daughter to leave her husband and live with her, but daughter refused, because she loved her husband. Their argument grew tense, and the daughter, in anger, made a hurtful remark about her mother's life. The words pained her mother so much that she began to cry.

«– Ты должна его бросить, – втолковывала она. – Пусть он уезжает, а ты и Аля оставайтесь здесь. Я буду вас содержать.

– Я не хочу его бросать и не хочу оставаться здесь. Я хочу быть с Олегом, – спокойно реагировала Снежана.

– И носить передачи в тюрьму...

– Если понадобится, буду носить.

– Декабристка... – комментировала Марина.

– А что лучше? Всю жизнь – в любовницах?

Снежана ударила по самому больному: под дых.

– Я любила, – отозвалась Марина.

– И я люблю. И не лезь в мою жизнь. Чего ты добиваешься? Чтобы я разошлась и сидела у тебя под юбкой?

Марина заплакала.» (Токарева В., 2000)

“You have to leave him,” Marina insisted. “Let him go away, and you and Alya stay here. I’ll take care both of you.”

“I don’t want to leave him, and I don’t want to stay here. I want to be with Oleg,” Snezhana replied calmly.

“And you ready to take food to prison?”

“If necessary, I will do.”

“A real Decembrist’s wife...” Marina commented bitterly.

“What’s better then? To be someone’s mistress for the rest of my life?”

Snezhana had struck her right in the most painful spot — straight to the heart.

“I loved,” Marina said quietly.

“And I love him too. And stay out of my life. What do you want from me? For me to break up and sit here under your wing?”

Marina burst into tears.” (Translated version)

Marina forced her daughter to choose between her and her husband. Here, the daughter either becomes a captive of her mother's whims, or a conflict occurs in which Marina is left alone.

«Марина сглотнула наконец. Повернулась к дочери. Раздельно произнесла:

– Или я. Или он.

– Он, – ответила Снежана.

– Ты меняешь родную мать на чужого мужика? – задохнулась Марина.

– Мы же говорили... – спокойно напомнила Снежана.

Вот и весь разговор. Коротко и ясно.» (Токарева В., 2000)

“Marina finally swallowed hard and turned to her daughter. She spoke each word separately:

“Either me. Or him.”

“Him,” Snezhana replied.

“You’re choosing a strange man over your own mother?” Marina gasped.

“We’ve already discussed this...” Snezhana calmly reminded her.

That was the whole conversation. Brief and to the point.”
(Translated version)

The daughter was tired of the constant arguments. Seeing no other way out, she decided to leave her mother, who had ultimately given her no real choice. Whatever happened, that shocked Marina deeply and she began to think about her whole life—her struggles, her compromises, and the weight of everything she had endured as a woman, a wife, and a mother. Marina somewhere in her heart wanted to live her life fully. She lost herself in daydreams. She thought that if her daughter had been married to a rich person, Marina would have started her own business. She believed she had many abilities that were never explored. In her imagination, a new Marina appeared—one who could drive a car, travel to Moscow, attend parties, and maybe even be shown on TV. She imagined having admirers, enjoying life with manicures and highlighted hair, and living like a young, energetic woman. She knew deep inside those fifty years is not old. What makes a person old is not age, but poverty and ingratitude. This could seem like selfishness, but in reality, it was the disappointment of a poor woman who wanted to do many things in life but never got the chance. Slowly, depression took hold of her. Marina lay in bed for three days and then decided to put an end to what she called her failed life. She remembered Marina Tsvetaeva’s words about ‘returning the

ticket to the Creator.’ She felt she had travelled enough through this world. She did not blame anyone. She simply felt she no longer needed herself, or anyone else.

Within patriarchal structures, the daughter often serves as a mirror to the mother, in whom the mother sees her own reflection. This makes mothers subconsciously identify their daughters with themselves, blurring the boundaries of the mother-daughter relationship. Marina, too, saw her daughter as an extension of herself, which made it difficult for her to recognize her daughter as an independent individual. She expected from her daughter the same love and obedience that she had once shown to her own mother. But Snezhana was neither as obedient nor as devoted as Marina had hoped. This difference created conflict between them—conflict that eventually drove Marina be left alone.

For Marina, her whole life was defined only by three things: her children, housekeeping, and Rustam (her lover) and without them her life had no meaning. She was an excellent cook who loved creating magic in the kitchen, hardworking, caring for her children, self-sacrificing, perfectly fulfilling society's expectations from a woman but beyond that she didn't have any identity. This situation forced us to ask: What is the purpose of a woman's life?

Conclusion

In a patriarchal society, women are forced to live without aims or ambitions of their own. By showing the restrictions placed on Marina, the writer highlights the patriarchal mindset of the Russian society. It reflects the belief that girls do not need higher education, but should only marry and bear children. In such a world, a woman's worth is measured mainly by her marriage and motherhood, not by her mind or abilities. It is also true that the given Russian story even depicts the real picture of Indian society too and reader can relate the similarities in both the societies. Both the societies are patriarchal by nature and by giving women a secondary status in society, they make them vulnerable towards the victimization.

It should be also noted that many positive changes vis-a-vis in the status of women in Russia took place in the XX century. Though a truly equal position of women in the society was prevented by various prejudices and myths, still present in the Russian society of XXI century and this holds true even for the current Indian society, where the majority of the women are still governed by societal prejudices and values. In the story *Trishanku*, the writer shows that the real colors of patriarchy go even further. Tanu's parents were educated and open-minded, and they give her freedom and support her education. Yet the patriarchal mindset of Indian society put pressure on them to restrict freedom of their daughter—simply because she was a girl. Because of this societal pressure interpersonal relationship between mother and daughter becomes inharmonious.

There may be a conflict of interests and of views of the two generations. We also see a conflict between mother and daughter in both the stories. The main reason for such conflicts often revolves around the concern of parents for well-being of children and sometimes parent's desires to achieve their unfulfilled ambitions through their children on one side, and desire of children for freedom on the other side. In the story "Trishanku" a daughter understands her mother's internal conflict of traditional and modern values; on the other hand, in story "Marina" daughter does not try to understand her mother's situation. A mother always thinks that her daughter will never face those difficulties in her life, which she herself faced, because Marina was born in poor family. When she knew that a rich boy loves her daughter then she feels that now her daughter will live a good life. In the "Trishanku" we can see that Tanu's mother faced the social traditional norms and she doesn't want her daughter to face those norms. Somehow, she was connected to those traditional rules, and she behaves like a woman with a patriarchal mind and that is why sometimes she started to behave like her own father.

Despite the geographical and cultural differences, we can say that social conditions of women are same in both the societies as in both the stories one can see the sufferings of women in role

of mothers and as well as in role of daughters, because of secondary status imposed on them by male dominating society.

References:

- Rich A. (1976) *Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution* (New York: W. W. Norton & Co.), p. 225.
- Bernstein D. (1993). *Weibliche genitale Aengste und Konflikte. Psyche* 47: 530-559.
- Sahni B. (2012) "Hindi Kahani Sangrah: An anthology of Modern Hindi Short Stories" Sahitya Akademi.
- Diane Barth, F. (2019) "Mothers and Adult Daughters: Building a Healthy" Relationship <https://www.psychologytoday.com/us/blog/the-couch/201902/mothers-and-adult-daughters-building-a-healthy-relationship> (Accessed on 15/03/2020)
- Hirsch M. (1981) *Mothers and Daughters*, The University of Chicago Press, Vol. 7, No. 1, Autumn, P. 202.
- <http://www.jstor.org/stable/3173518> (Accessed on 29.07.19)
- Irigaray L, and Hélène V. W. (1981) *And the One Doesn't Stir without the Other. II Signs*, vol. 7, no. 1, P. 63. JSTOR, www.jstor.org/stable/3173507. (Accessed 2.03.2021)
- Kochurani J. (2013), "Mannu bhandari ki kahaniyon mai nari monovigyan", Research Centre P.G & Research Department of Hindi ST. Thomas College, Pala,
- <https://shodhganga.inflibnet.ac.in/handle/10603/28481>
- Li, L. W., & Seltzer, M. M. (2005)., "Relationship Quality with Parent, Daughter Role Salience, and Self-Esteem of Daughter Caregivers"
- https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1300/J002v37n01_06
- Marks NF., Jun H., and Song J. (2007) "Death of Parents and Adult Psychological and Physical Well-Being: A Prospective U.S. National Study", (Accessed on 15/03/2020)
- <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2638056/>
- Onayli, S. (2010) "The Relation between mother-daughter relationship and daughter wellbeing"
- <https://etd.lib.metu.edu.tr/upload/12612609/index.pdf> (Accessed on 25/02/2020)
- Onayli S. & Baker O. E. (2013) "Mother-daughter Relationship and Daughter's Self Esteem",

- https://www.researchgate.net/publication/270849571_Mother-daughter_Relationship_and_Daughter's_Self_Esteem/link/555761ac08ae6943a874b00f/download (Accessed on 20/02/2020)
- Popov L. (2006), Balasubramanian, Radha, "Introduction to Viktoria Tokareva's Life and Works" University of Nebraska - Lincoln, 2/03/2020
- <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1006&context=modlangrussian>
- Mannu Bhandari shaksatkar part- 1
- <https://www.youtube.com/watch?v=zc1oxFH3POQ> (Accessed on 15/03/2020)
- Белл К. (1998) «Мать и дочь – трудное равновесие» (Перевод Г. М. Дашевског) Московский психологический журнал, 1998, № 1, р. 2.
- https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/1998_n1/cpp_1998_n1_Bell.pdf (Accessed on 15/08/2025)
- Токарева, Виктория «Марина»
- https://loveread.ec/read_book.php?id=3226&p=1#gl_1 (Accessed on 15/03/2016)

Анупма Шарма
Научный сотрудник
Кафедра русского языка
Панджабский университет
Сектор 14, Чандигарх, Индия

Anupma Sharma
Research Scholar
Department of the Russian Language
Punjabi University
Sector - 14,
Chandigarh, India

**Оксана робски - родоначальник «жанра гламура» в
русской массовой литературе**

**Oksana Robski - Founder of the "Genre of Glamour" in
Russian Mass Literature**

Аннотация: 90-е годы XX века представляют собой уникальный этап в истории русской литературы. Отличительной чертой этого периода стало многообразие стилей и направлений. В результате расширения творческой свободы после перестройки читатели столкнулись с огромным количеством произведений разного стиливого и жанрового спектра. Наряду с традиционными формами художественного творчества возникает массовая литература, которая становится одним из доминирующих направлений, отражающим социальные и культурные изменения в обществе. В начале XXI века внутри массовой литературы появляется новое течение - «гламур», родоначальником которого стал роман Оксаны Робски «Casual» (2005). Написанный представителем молодой элиты, роман открывает эпоху «гламурной прозы» в русской массовой литературе. Оксана Робски впервые вводит понятие

«гламурного героя», воплощающего новую эстетику успеха в обществе потребления. Целями данной статьи является уточнение понятия «гламур», выявление причин появления и условий формирования гламурного жанра в русской массовой литературе начала XX века; определение жанровых особенностей гламурных произведений на примере романа «Casual» Оксаны Робски).

Ключевые слова: гламур, человек гламурный, массовая литература, российские элиты, волшебная сила, модные вещи

Annotation: The 90s of the 20th century are one of the most special periods in the development of Russian literature. The main feature of the literature of the 90s is its extraordinary diversity. As a result of the creative freedom following perestroika, readers were simultaneously familiar with the extremely varied texts created by writers throughout the century in completely different ways in style. Among the general genre diversity of modern literature, mass literature emerged as a new trend in Russian literature and brought about social and cultural changes. Russian writers began to write their novels on the topic of mass literature and people began to read them for entertainment. At the beginning of the 21st century, a new cultural phenomenon "glamour" appeared in Russian literature in the genres of mass literature. This new phenomenon is closely related to Oksana Robski's novel "Casual". In 2005, Oksana Robski, a member of the new Russian elite, wrote the novel "Casual" and opened the door to the genre of glamour in Russian mainstream literature. In this novel, she introduced a new type of character, the "glamorous man." In this article we will discuss the following topics: What is "glamour"; when and how it appears as a new literary genre in Russian mass literature of the 21st century; features of the genre of glamour; what world and what type of characters are depicted in the works of this genre. (In this context, we will analyze the novel "Casual" by Oksana Robski.)

Keywords: glamour, glamorous person, mass literature, Russian elites, magic power, fashionable things

Оксана Робски: биографическая справка.

Российская писательница Оксана Робски, работающая в жанре гламурной прозы, родилась в 1968 году в Москве. Широкую известность она получила благодаря своему

дебютному роману «Casual», опубликованному издательством «Росман» в 2005 году.

Сегодня Робски является автором шести крупных художественных произведений, среди которых: «Casual» (2005), «День счастья завтра» (2005), «Про Любофф/он» (2006), «Устрицы под дождем» (2007), «Casual 2. Пляска головой и ногами» (2007) и «Эта Тета» (2009). Робски также является автором сборника рассказов «Жизнь заново» (2007). Произведения Робски переведены на восемнадцать языков мира, суммарный тираж составил более двух миллионов экземпляров. Роман «Casual» стал первой ласточкой в области гламурной литературы, показавшим широкому кругу читателей внутренний мир московских бизнесменов, нуворишей и представителей богатой верхушки российского общества.

Понятие «гламур»: к истории вопроса

Гламур — это новый культурный феномен современности (от англ. *glamour* — «чары, очарование»). Впервые слово «гламур» в значении «волшебная сила», благодаря которой обычные люди, дома и места кажутся великолепными, впервые использовано в 1805 г. в поэме В. Скотта «Песнь последнего менестреля» [6, с.33]. Априори это понятие было тесно связано с роскошью и внешним блеском. Но в XXI веке концепт понятия получил новую интерпретацию, в рамках которой этот термин стал использоваться для новой культуры глянцевого журналов, пропагандирующих высокую моду, индустрию красоты, потребление предметов роскоши и гедонистический образ жизни. Это слово тесно связано с культурой общества потребления. Гламур проецирует видение красивой жизни как через потребительские практики, так и через средства массовой информации.

Культура гламура в литературе:

«Гламур — это то, что можно продать, упаковав очень красиво и сделав национальной мечтой.» [5], заявила Оксана Робски в одном из интервью радиостанции «Эхо Москвы» 5 апреля 2007 года. Будучи плотью от плоти представителем общества новой русской элиты, Оксана

Робски получила свою минуту славы в 2005 году, когда ее дебютный роман в одночасье стал бестселлером. Литературная критика назвала роман манифестом гламурной жизни, отметив, что в этом произведении появился совершенно новый тип героя - «человек гламурный». Сюжет романа незамысловат и уходит корнями в биографию самой писательницы: молодая богатая женщина живет в роскошном особняке на Рублевке, элитном пригороде Москвы, и проживает свою жизнь. Робски подробно описывает успешные и безуспешные попытки своей героини сделать карьеру в бизнесе, детально описывает ее развлечения: шоппинг, кокаиновые вечеринки, модные обеды, посещения спа-салонов, роскошный туризм, сеансы ботокса, пластическую хирургию и сплетни общества. Роман «Casual» даёт сообщение, что внешний вид и видимость — это то, к чему следует стремиться.

Общие сведения о романе «Casual» Оксаны Робски:

Этот роман был написан в 2005 году. «Casual» — дебютный роман Оксаны Робски, созданный на основе её личного опыта жизни в привилегированной среде высшего общества России. Идея написать книгу возникла у неё, когда её финансовое положение пошатнулось после развода с третьим мужем, немецким предпринимателем Мишелем Робски.

Роман «Casual» вскоре после выхода был переведён на английский язык и стал бестселлером своего времени. Творчество Оксаны Робски было неоднозначно воспринято критиками: в 2005 году Оксана Робски была удостоена национальной премии «Лучший бестселлер», но в 2007 году стала обладателем «Серебряной калоши» за сомнительные достижения в области литературы. Несмотря на этот факт, критики единодушны в том что именно Оксана Робски стала той писательницей, которая правдиво представила образ жизни «новых русских» в литературе рубежа веков, отметив, что «Робски выступает именно как представительница нашей высшей прослойки, а её творчество представляет собой своеобразный манифест»[1]. Таким образом, можно

утверждать, что именно Оксана Робски заложила основу этой тематики в русской литературе. Впоследствии многие авторы продолжили развивать тему роскоши и образа жизни элитных слоёв населения, однако Робски остаётся первопроходцем и лидером жанра.

Название романа — английское слово «Casual», которое сопровождается русским подзаголовком «Повседневное». Это подчёркивает идею романа: показать будничную жизнь определённого слоя российского общества. Подробно описаны эпизоды повседневной жизни обитателей Рублёвского шоссе, символизирующего статус и богатство современной России.

Краткое содержание романа «Casual»:

Роман «Casual» частично основан на жизненном опыте самой писательницы. На страницах романа разворачивается история молодой богатой женщины, которая с мужем Сержем и их общей девятилетней дочерью счастливо живет в престижном районе Московской области до момента убийства мужа. Героиня ошеломлена, подавлена, пытается самостоятельно распутать сложный клубок убийства, тем более что полиция подозревает ее саму в совершении этого преступления. Она обращается за помощью к старому другу, который по совместительству является киллером и может вести переговоры с теми людьми, с которыми никогда не будут разговаривать представители правоохранительных органов. Одновременно с этим женщина пытается сохранить свой статус богатой дамы, поэтому она решает открыть свой бизнес. Однако отсутствие опыта сказывается очень быстро, так что ей предстоит пережить банкротство и продажу имущества для покрытия долгов.

У многих читателей героиня вызывает искреннее сочувствие как из-за сложной ситуации, в которой она внезапно оказалась, так и из-за черт ее характера: женщина добра, всегда готова помочь другим: она дает деньги на лечение пострадавшего водителя, который был рядом с ее мужем в момент его убийства, она помогает беременной подруге

своего мужа. Не получив даже толику благодарности за свои поступки, героиня решает уехать в Индию, где обретает внутренний покой. Несмотря на то, что Москва не отпустила ее, заставив вернуться, героиня дает себе слово, что однажды она вернется в Индию навсегда.

Анализ романа в контексте гламурного жанра массовой литературы

Автор делает попытку осветить жизнь нуворишей в условиях жизни в России в 90-х гг. Основываясь на собственном личном опыте, Оксана Робски создает художественное произведение, отражающее истинную жизнь российских миллионеров с их проблемами и бедами, радостями и печалью. Автор детально описывает Рублевку – место проживания новых деловых магнатов, политиков, известных писателей и просто богатых людей – символ богатства и роскоши новой России.

Персонажи книги принадлежат к тогдашней элите российского общества, их мир — это гламурные вечеринки, дорогие рестораны, экстравагантные наряды, наркотики, косметологи высокого класса и другие атрибуты беспечной и роскошной жизни.

Роман становится своего рода каталогом потребительских предпочтений богатых россиян, подчеркивая, насколько важна демонстрация материальных благ для поддержания социального положения. Это одновременно сатирический портрет мира, где внешний блеск маскирует внутренние проблемы и пустоту человеческих взаимоотношений. Первые страницы романа изобилуют информацией о салонах красоты, клубах, дизайнерах, идет бесконечное перечисление модных торговых марок.

На обложке книги изображен кукольный домик с рукой, держащей игрушечный стул. Каждой главе предшествует изображение игрушек или бытовых аксессуаров. Психологи связывают подобное явление с формированием определенного образа мышления: герои надевают маски, не желая показывать миру свое истинное лицо. Героиня романа часто позиционирует себя как дорогую куклу. В этом

же ключе она воспитывает свою дочь, покупая ей коллекцию Барби как модель для подражания.

Она, взрослая женщина, и для себя выбирает ту же модель жизни. Новые платья, новые прически, новая мебель - ежедневные покупки дают ей возможность почувствовать свою значимость. Она мечтает о большом белом доме в Индии, где будет жить вместе со своим Кеном. Кстати, в книге героиня находит своего Кена – богатого бизнесмена Костю. История их взаимоотношений заканчивается предложением, которое написано на последней странице: «Костя согласился финансировать этот проект. И все остальные проекты в моей жизни тоже...» [4]. Счастливый финал напоминает о сказке, заставляя посмотреть на всю рассказанную историю под этим углом. Жанр сказки здесь не явлен однозначно, но ряд своих отличительных признаков все-таки передал роману Робски. Но героиня, в отличие от большинства русских сказок является не истинной, а ложной, поскольку исповедуют ложные ценности. В отличие от сказочных Аленушек и Настенек, ей чужды глубокие переживания. Внешняя сторона жизни затмила внутренние переживания. Она получает известие о смерти мужа, но даже в этот миг задумывается лишь о том, в какой одежде ей надо идти в полицию. «Придирчиво выбирала одежду в шкафу. Жена Сержа должна выглядеть сногшибательно. Даже в милиции. Надела розовые шелковые брюки. Мне их купил муж» [4].

Красивое тело намного лучше прекрасной души, поэтому духовная Пустота красной нитью проходит через всю историю. Деньги и только деньги имеют для нее значение. Эта тема не является новой в русской литературе. Достаточно вспомнить произведение Валентина Распутина «Деньги для Марии» (1967), где тема богатства и ослепления роскошью тоже получили широкое освещение.

В литературной критике можно встретить мысль о том, что «Феминизация жесткого и несентиментального мира новых русских осуществляется в этих романах по рецептам гламурных журналов. Мир каждой героини представлен списком вещей (домов, машин, мебели,

одежды), как правило, с точным указанием цены и фирмы производителя, а также услуг: массажных и косметических салонов, закрытых клубов и ресторанов, модных развлечений и так далее. Более всего этот художественный метод напоминает каталог или магазин мод. В сущности, каждый персонаж в романах Робски становится каталогом модных (или немодных) вещей»[3].

Женщины, показанные Робски в ее романе, очень отличаются от женщин, показанных в русской литературе до сих пор. Их единственная цель в жизни - выглядеть красиво, чтобы они могли соблазнять мужчин. Они думают о себе как об объекте мужского развлечения. Например, женщина здесь заводит собаку в соответствии со своим платьем, чтобы она могла выглядеть привлекательно и сексуально. Самое сильное желание женщины – найти в качестве спутника жизни богатого мужчину и обеспечить себе безбедное существование.

Робски не ставит целью показать свою героиню идеальной женщиной, матерью, женой. Героиня Робски очень близка к реальности. Она - амбициозна, и стремится жить хорошей и счастливой жизнью. Между местью и прощением она выбирает месть. Вместо того, чтобы терять все в страданиях, она предпочитает двигаться вперед по жизни. Она предпочитает забывать прошлое и жить настоящим.

В конце анализа можно делать следующие выводы:

Эта книга написана в стиле глянцевого журнала. Оксана Робски представила «гламур» как новое понятие в литературе. Она писала о новых людях, новом обществе богатых бизнесменов, возникших после перестройки. Это новые люди и совершенно новые герои в литературе. Но герой Робски не «Новый человек», которого можно найти в произведениях Чернышевского; он далек от нового человека, изображенного в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети». Это «новый человек» XXI века, принадлежащий к «Поколению ОК» (Оксана Робски). Он «Человек гламура».

Роман «Casual» похож на личный дневник жены Нового русского и некоторые события совпадают с личной жизнью писательницы. Повествование в романе ведется от первого лица и в романе нашли отражение детали личной жизни самой Робски.

Это первый романа гламурного жанра массовой литературы. Робски создавала роман, используя простой язык с простой композицией и простым сюжетом. Роман «Casual» представляет жизнь новых русских. Персонажи этого романа - жители Рублево-Успенского. Главным персонажем в романе является женщина, пытающаяся из всех сил удержаться на верхушке мира

Мир новой России показан глазами нуворишей. Центральное место занимают описание семейных отношений в семьях. Автор наглядно демонстрирует смещение ценностей в сторону материальных богатств.

Автор убедительно доказывает, что в центре мировоззрения новых русских стоят деньги. Именно они являются мерилем всего и вся, так что персонажи романа убеждены, что за деньги можно купить все. "Robski's novels nevertheless constitute an illuminating case of the functioning of glamour culture, in which happiness, as manifested by "status" and "success," is not the result of certain achievements, but their very foundation. Although in most cases the characters are already "made" in money and status, the origins of their privilege are never quite clear" [2, p.266].

Голубой фишкой романа является детализированное изображение жизни новых русских, которое становится энциклопедией жизни России XXI века как новой модели общества потребления.

Красной нитью проходит утверждение, что доказательством материального благополучия является внешний вид. Здесь же автор романа играет понятиями «внешний вид» и «видимость».

Важной темой романа становится поиск причины зарождения нового класса российского общества, как и

почему люди, у которых было советское детство с ценностями и моралью, вдруг внезапно переродились в свои антиподы.

Робски – далеко не первая писательница, обратившаяся к теме гламура, но ее заслуга в том, что она максимально подробно, в деталях описала зарождение, развитие нового класса российского общества, создав настоящую энциклопедию русского гламура и дав начало новому жанру в русской литературе.

Несмотря на то, что художественная ценность данного произведения продолжает оставаться достаточно низкой, оно заполнило определенную нишу современной российской литературы, дав новые понятия и концепции, без которых общая картина не была бы полной.

Несмотря на то, что автор априори писала роман исключительно для развлечения публики, произведение поднимает серьезные темы и проблемы, что является отличительной чертой русской литературы.

Жизнь персонажей романа отражает уровень потребительской культуры, которая процветала в российском обществе в конце 90-х гг.

Заключение:

Роман О. Робски «Casual» — это рассказ о жизни в постсоциалистическую и постсоветскую эпохи, в период, когда восстанавливается капитализм. Типичные черты капиталистического общества - конкуренция, нечестность, погоня за прибылью любой ценой – формирует новый склад личности, которая на первое место ставит идею личного обогащения.

Роман Оксаны Робски в полном на то основании можно назвать энциклопедией жизни гламурного общества, которая приоткрыла завесу тайны над жизнью этой прослойки населения России. Подавляющая часть населения России жила совсем в других условиях и не имела

ни малейшего понятия о том, как живет самопровозглашенная элита Россия.

Литература:

- Бугославская О., "Вот моя деревня..." феномен Оксаны Робски., <http://magazines.russ.ru/znamia/2005/9/bo19.html>).
- Goscilo H., Strukov V., *Celebrity and Glamour in Contemporary Russia, Shocking Chic*. Edited By Helena Goscilo, Vlad Strukov. Page no. 266 total pages 320. <https://www.taylorfrancis.com/books/e/9780203845035/chapter-s/10.4324/9780203845035-14>
- (Intransliteration) Госкило Х., Струков В. Знаменитость и гламур в современной России, *ShockingChic*. Под редакцией Елены Госкило, Влада Струкова. № страницы Всего 266 страниц 320. <https://www.taylorfrancis.com/books/e/9780203845035/chapter-s/10.4324/9780203845035-14>
- Михайлова Т., Инъекция гламура: политика прозы Оксаны Робски. http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_62/3364-inekcija-glamura-politika-prozy-oksany.html.
- Робски О., Casual., <https://knijky.ru/books/casual-povsednevnoe>.
- Рудова Л., Гламур и постсоветский человек., http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_68/5149-larisa-rudova-glamur-i-postsovetskij-chelovek.html
- Черняк В.Д и Черняк, М.А., Массовая литература в понятиях и терминах: учеб. словарь-справочник., Издательство «ФЛИНТА». Москва. (2015) (стр. 33/192)

Д-р Рашми Гири
Преподаватель, переводчик
Индия

Dr Rashmi Giri
Teacher, Translator
India

**Образ Кавказа в творчестве А.С. Пушкина и А.И.
Приставкина**

**The image of the Caucasus in the works of A.S. Pushkin and
A.I. Pristavkin**

Аннотация: *Тема Кавказа является популярной в русской литературе. Этническая неоднородность населения Кавказа, разнообразие традиций и обычаев коренных народов, их радикальная непохожесть на жителей средней полосы России привлекали внимание русских писателей.*

Александр Сергеевич Пушкин явился новатором, введя тему Кавказа в пространство русской литературы. Писатель впервые увидел Кавказ вследствие вынужденной ссылки, тогда как Анатолий Игнатьевич Приставкин посетил регион в силу иных обстоятельств — будучи сиротой, он проживал там в детском доме. Ни тот, ни другой не избрали поездку на Кавказ сознательно, следовательно, важно рассмотреть, какое восприятие Кавказа сформировалось у авторов в результате пребывания в регионе.

Цель настоящей статьи заключается в сопоставительном анализе художественных текстов, созданных этими авторами, — поэмы Александра Сергеевича Пушкина «Кавказский пленник» и повести Анатолия Игнатьевича Приставкина «Ночевала тучка золотая».

Ключевые слова: *Кавказ, «Кавказский пленник», А.С. Пушкин, «Ночевала тучка золотая», А.И. Приставкин, свобода, переселение.*

Annotation: The Caucasus has always been a mystery to Russians. The land of the Caucasus differs from other regions of Russia, filled with mountains and rivers. The people there are ethnographically diverse, they have different customs and beliefs. Alexander Sergeevich Pushkin was a pioneer who made the "Caucasus" the main theme on the map of Russian literature. Pushkin and Pristavkin both ended up in the Caucasus by accident. Pushkin was exiled to the Caucasus, and young Pristavkin ended up in the Caucasus with orphans. Both writers ended up there against their will. That is why in this article we want to study their impressions of the Caucasus. For our work, we have chosen the poem "The Prisoner of the Caucasus" by A.S. Pushkin and the story "The Inseparable Twins" by A.I. Pristavkin. This paper analyzes how these two authors depicted the "Caucasus" in their works.

Keywords: Caucasus, "The Prisoner of the Caucasus", A.S. Pushkin, "The Inseparable Twins" A.I. Pristavkin, Freedom, Resettlement.

Кавказ занимает особое место в русской литературной традиции как географический, культурный и символический феномен. Его образ, насыщенный экзотикой, этнографической самобытностью и природной грандиозностью, неоднократно становился объектом художественного осмысления. Кавказ стал главной темой для обоих авторов, когда их отправили на Кавказ. Пушкин был отправлен в ссылку на Кавказ в 1820 году. Красота местной природы вдохновила его на новые литературные опыты. там у него появилось вдохновение написать об этом месте и его дикой природе. Приставкин, который был сиротой, был отправлен в детский дом на Кавказе. Приставкин написал автобиографическую повесть «Ночевала тучка золотая» об ужасах, через которые прошли дети того времени. Несмотря на значительную временную и жанровую дистанцию между этими произведениями, оба автора описывают Кавказ как пространство, оказавшее влияние на судьбы их героев и самих писателей. Цель данной статьи — проанализировать художественное воплощение Кавказа в названных произведениях, выявив различия и сходства в авторском восприятии, а также показать, как личный опыт, исторический контекст и

литературный стиль формируют образ Кавказа в русской литературе.

В своей поэме «Кавказский пленник» в части «Посвящении Н.Н. Раевскому» А.С. Пушкин пишет, что во время ссылки на Кавказ он увидел величественные горы и сияющие вершины, которые стали для него горами вдохновения. Для Пушкина Кавказ – его вдохновение, это земля свободных людей. Это символ «Свободы». Этот дикий край произвел на него огромное впечатление. Автор пишет

“Напоминали мне Кавказ,
Где пасмурный Бешту пустынный величавый,
Аулов и полей властитель пятиглавый,
Был новый для меня Парнас.
Забуду ли его кремнистые вершины,
Гремучие ключи, увядшие равнины,
Пустыни знойные, края, где ты со мной
Делил души молодые впечатленья;
Где рыскает в горах воинственный разбой,
И дикий гений вдохновенья
Таится в тишине глухой?” (Пушкин А. П Кавказский
пленник)

Для Пушкина Кавказ становится средоточием поэтического вдохновения и романтической возвышенности. В посвящении Н. Н. Раевскому из «Кавказского пленника» поэт описывает горную местность как своего рода мифический «Парнас» — священное место художественного и духовного обновления. Изображение Пушкина соответствует романтической традиции, где природа идеализируется, а чужбина становится метафорой свободы, тайны и внутреннего преображения. Его ссылка на Кавказ, хотя и политически мотивированная, парадоксальным образом становится освобождающим и эстетически обогащающим опытом.

Повесть Приставкина начинается ярким объяснением края «Кавказ». Приставкин в своей повести сравнивает Кавказ с Москвой. По сравнению с грязной Москвой далекий Кавказ с его горами похож на красивый пейзаж. Здесь живут

сильные горцы, отстоявшие свою землю. Приставкин говорит, что о Кавказе существует странная фантазия, что люди говорят о нем как о волшебном месте. Автор пишет *«Да и что за странная фантазия в грязненьком Подмоскovie говорить о каком-то Кавказе, о котором лишь по школьным чтениям вслух (учебников-то не было!) известно детдомовской шантрапе, что он существует, верней, существовал в какие-то отдаленные непонятные времена, когда палил во врагов чернобородый, взбалмошный горец Хаджи Мурат,...»* (Приставкин, Ночевала Тучка Золотая)

В отличие от Пушкина, изображение Кавказа у Приставкина основано на послевоенной советской действительности и сформировано травматическим опытом детей-сирот. Его повествование начинается с резкого сопоставления: грязные окраины Москвы и воображаемое величие далекого Кавказа. Однако этот образ быстро становится проблематичным. Приставкин подчеркивает абсурдность и искусственность детских фантазий, отмечая, как мифы о регионе возникают из невежества и лишений. Здесь Кавказ конструируется как иллюзия — недоступное, мифологизированное место, существующее только в устном фольклоре и фрагментарных школьных чтениях.

В своей поэме Пушкин тоже рассказывает о храбрых людях, живущих на Кавказе. Они любили свою свободу и боролись за нее изо всех сил. Они тоже жили мирно, их будни были наполнены живописными видами. Он объясняет, как после захода солнца люди возвращаются домой с урожаем и зажигают огонь. И вскоре это место среди гор будет выглядеть так, будто Кавказ окутан тучами. Кавказ здесь показан как спокойное место.

“Уж меркнет солнце за горами;
Вдали раздался шумный гул;
С полей народ идет в аул,
Сверкая светлыми косами.
Пришли; в домах зажглись огни,
И постепенно шум нестройный

Умолкнул; все в ночной тени
 Объято негою спокойной;
 Вдали сверкает горный ключ,
 Сбегая с каменной стремнины;
 Оделись пеленою туч
 Кавказа спящие вершины...” (Пушкин А. П. Кавказский
 пленник)

В поэме «Кавказский пленник» А.С. Пушкин изображает Кавказ не только как величественный природный ландшафт, но и как родину благородных, любящих свободу людей. Его описание подчеркивает гармонию между человеком и природой, особенно в спокойных вечерних сценах, когда крестьяне возвращаются с полей, а горы погружаются в ночное безмолвие. Поэтический образ — «все в ночной тени объято негою спокойной» — вызывает ощущение умиротворения, общности и вечного природного ритма. Кавказ в романтическом воображении Пушкина предстает как идиллическое пространство, где красота повседневной жизни сливается с величием природы. Это видение отражает более широкий романтический идеал поэта, в котором Кавказ символизирует как естественную чистоту, так и человеческое достоинство.

Для героев Приставкина это место похоже на сказочную страну, где они наконец-то смогут поесть, и никто их не остановит. Люди там счастливые и сытые. Им не нужно беспокоиться о хлебе. Здесь горы и зеленая трава, но для бедных сирот самое главное – это еда. Автор пишет “Горы, размером с их детдом, а между ними повсюду хлеборезки натыканы. И ни одна не заперта. И копать не надо, зашел, сам себе свешал, сам себе и поел. Вышел, а тут другая хлеборезка, и опять без замка. А люди все в черкесках, усатые, веселые такие. Смотрят они, как Сашка наслаждается едой, улыбаются, рукой по плечу бьют: «Якши», — говорят. Или еще как! А смысл один: «Ешь, мол, больше, у нас хлеборезок много!” Было лето. Зеленела травка на дворе. Никто не провожал Кузьмёнышей, кроме воспитательницы Анны Михайловны, которая небось тоже не об их отъезде думала, глядя куда-то поверх голов

холодными голубыми глазами.” (Приставкин, Ночевала Тучка Золотая)

В повести А.И. Приставкина *«Ночевала тучка золотая»* герои поначалу воспринимают Кавказ как сказочную землю изобилия и доброжелательности — полную противоположность их прежней жизни, наполненной лишениями. Воображаемый пейзаж детей включает в себя волшебные «хлеборезки», которые всегда открыты, где никто не голодает, а окружающие люди приветливы и щедры. Однако, это утопическое видение является скорее проекцией отчаянной потребности сирот в безопасности и пище, чем реалистическим отражением кавказской действительности. Контраст между поэтическим спокойствием у Пушкина и мечтательной фантазией, продиктованной голодом у Приставкина, подчеркивает глубокий тематический сдвиг: если у Пушкина Кавказ служит эстетическому и философскому созерцанию, то у Приставкина — это пространство социального выживания и иллюзий, вызванных травмой. Оба автора восхищаются красотой региона и его жителями, но их образы выполняют разные функции: у Пушкина Кавказ романтизирован, у Приставкина — подвергнут сомнению.

У Пушкина есть романтический герой, даже когда он в плену и у него нет никакой надежды на освобождение. Он смотрит на горы и их великолепную красоту.

“В час ранней, утренней прохлады,
Вперял он любопытный взор
На отдаленные громады
Седых, румяных, синих гор.
Великолепные картины!
Престолы вечные снегов,
Очам казались их вершины
Недвижной цепью облаков,
И в их кругу колосс двуглавый,
В венце блистая ледяном,
Эльбрус огромный, величавый,
Белел на небе голубом.” (Пушкин А. П Кавказский пленник)

Но для героев повести Приставкина это прекрасное место наполнено странной тишиной. Близнецы видят горы, зеленое поле, засаженное посевами, но людей нет. Они видят прекрасную землю, но без ее счастливых людей им кажется странно.

“За весь наш многочасовой путь не попалась нам ни подвода, ни машина, ни случайный путник. Пусто было кругом. Поля дозревали. Кто-то их засеивал, кто-то пропалывал, убирал. Кто?.. На долгом нашем пути была деревня, кто-то ведь в ней жил... Отчего же так пустынно и глухо встретила нас эта красивая земля? Отчего даже здание техникума со скоропалительной дурацкой дощечкой, напоминавшей нам о нас, о нашей одинокости, было пустынным, без единого человека?” (Приставкин, Ночевала Тучка Золотая)

В эпилоге произведения Пушкин называет Кавказ своей музой, спутницей своих мечтаний. Он был очарован красотой края, тем, как люди одеваются, даже когда идут на войну. Он был очарован спокойствием деревень и черкесскими песнями; тихим кладбищем и беспокойным ржанием лошадей.

“Так Муза, легкой друг Мечты,
К пределам Азии летала
И для венка себе срывала
Кавказа дикие цветы.
Ее пленял наряд суровый
Племен, возросших на войне,
И часто в сей одежде новой
Волшебница являлась мне;
Вокруг аулов опустелых
Одна бродила по скалам,
И к песням дев осиротелых
Она прислушивалась там;
Любила бранные станицы,
Тревоги смелых казаков,
Курганы, тихие гробницы,
И шум, и ржанье табунов.

Богиня песен и рассказа,
Воспоминания полна,” (Пушкин А. П Кавказский пленник)

В своем произведении Приставкин не только показывает нам красоту Кавказа, но даже дает мрачное описание этого места. Когда одного из братьев Сашу убивают чеченцы, близнец Колька видит во сне, что гора превратилась в огромную стену, и его брат падает с нее. Эти горы когда-то были символом надежды и красоты, теперь стали частью кошмара для близнецов.

“Ему снилось: горы, как стены, стоят, и ущелья вниз опадают. Идут они с Сашкой, он к самому краю подошел, а не видит, не видит... И уже тихо по льду начинает вниз скользить, катиться, а Колька его за пальто, за рукав ловит... Не может схватить! Покатился Сашка отвесно вниз, дальше и дальше, аж сердце заболело у Кольки, что упустил он брата и теперь он руки-ноги поломает и сам разобьется вдребезги. Далеко-далеко комочек черный катится... Проснулся от страха Колька” (Приставкин, Ночевала Тучка Золотая)

В заключении можно сказать, что Пушкин смотрит на Кавказ как на место красоты, где люди живут свободно. Герои Приставкина тоже смотрели на Кавказ как на место, где была свобода, счастье и самое главное еда. Герой Пушкина попал в плен, но жил спокойно, глядя на красивые пейзажи, он смирился со своим пленом. Герои Приставкина покинули Москву в поисках покоя, им хотелось просто жить. Но Кавказ стал для них местом кошмара. Это красивое живописное место стало полем войны. Близнецы, которых никогда не разлучали, разлучились, и один из них погиб.

Для Пушкина Кавказ был облечен романтическим ореолом. В произведении А. Приставкина Кавказ лишен флера романтики и становится местом развенчания надежд, и мечтаний. Иными словами, для Пушкина Кавказ - это рай, это мечта, а для Приставкина – это место кошмара и лишений.

Анализ поэмы А.С. Пушкина и повести А.И. Приставкина позволяет выявить две принципиально разные парадигмы восприятия Кавказа. В творчестве Пушкина Кавказ предстает как романтический символ свободы, вдохновения и величия природы — пространство, вызывающее эстетическое восхищение и философские размышления. В повести Приставкина Кавказ становится ареной трагических событий, где утрачиваются детские иллюзии и сталкиваются человеческие судьбы с жестокой реальностью. Таким образом, Кавказ в русской литературе представляет собой как многозначное художественное пространство, способное воплощать как идеализированные представления о свободе, так и глубоко травматический опыт. Сопоставление этих двух подходов позволяет расширить представление о динамике литературного образа Кавказа, а также о связи между личной биографией автора и созданным им художественным миром.

Литература:

- Пушкин, А. П. *Кавказский пленник*. Culture.ru, <https://www.culture.ru/poems/4435/kavkazskii-plennik>
- Приставкин Анатолий, *Ночевала Тучка Золотая*. Loveread.ec, https://loveread.ec/read_book.php?id=19858&p=1
- Литовченко, Сергей. “Пребывание Пушкина на Кавказе. Kavtoday.ru, 1 June 2021,” <https://kavtoday.ru/article/606204/08/2025>
- Дзейтова Ф.М., Ужахова Р.К. “Тема Кавказа В Творчестве А.С. Пушкина” CyberLeninka <https://cyberleninka.ru/article/n/tema-kavkaza-v-tvorchestve-a-s-pushkina/viewer>
- Guru. “Анализ повести Анатолия Приставкина ‘Ночевала тучка золотая.’” Litsite.ru, 15 Oct. 2024, <https://literaguru.ru/analiz-povesti-anatoliya-pristavkina-nochevala-tuchka-zolotaya/>
- Зенкова, Евгения Николаевна, *Анатолий Приставкин. Ночевала тучка золотая*, ГАУК ТОДНБ, <https://db.tonb.ru/100/prist>

- Пирагис Р. А. “О повести А. И. Приставкина «Ночевала тучка золотая»” *Litsite.ru*, 1 Aug. 2008, <https://www.litsite.ru/2008/08/01/a-i-pristavkin-nochevala-tuchka-zolotaya/>

Д-р Дипика Вашист
Аспирант,
Дели, Индия

Dr Deepika Vashist
Research Scholar,
Delhi, India

**Женский голос против стереотипов: критика
образования, брака и предустановленного призвания
женщин в повести «И про и contra, мечты и думы
надворной советницы лисицыны» (1863) Софы
Соболевой**

**‘Woman’s Voice’ Against Stereotypes: A Critique of
Education, Marriage, and Women’s Pre-Established
Vocation in Sofya Soboleva’s Story “I Pro I Contra, Mechty I
Dumi Nadvornoy Sovetnitsy Lisitsynoy (1863)”**

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу повести Софы Соболевой «И про и contra, мечты и думы надворной советницы Лисицыны (Pro and Contra, the Dreams and Thoughts of Court Councilor Lisitsyna)» (1863) в контексте критики русского патриархального общества XIX века. В центре анализа — критика традиционного воспитания девочек и бессмысленного образования женщин, критика брака и «предустановленного обществом призвания женщин». С помощью образа главной героини Лисицыны писательница выявляет противоречия между предустановленными социальными нормами и личными устремлениями женщины того времени. Выбранная повесть является значимым произведением русской женской литературы XIX века, в которой отражается процесс зарождения женского самосознания о своих правах. Повесть демонстрирует особые решения «женского вопроса», связанного с образованием и права женщин в дореволюционной России. Целью данной статьи является представление

критики устоявшихся патриархальных нормах и социальных стереотипов.

Ключевые слова: Русские писательницы XIX века, Софья Соболева, Критика брака, образование женщин, Социальные стереотипы

Annotation: This article analyses Sofya Soboleva's story «И pro u contra, мечты и думы надворной советницы Лисицыны (Pro and Contra, the Dreams and Thoughts of Court Councilor Lisitsyna)» (1863) in the context of criticism of XIX century Russian patriarchal society. The analysis focuses on the criticism of traditional upbringing of girls and meaningless education of women, criticism of marriage, and the 'socially pre-established female vocation'. Through the character of the protagonist Lisitsyna, the writer reveals contradictions between pre-established social norms and personal aspirations of women at that time. The selected story is a significant work of Russian women's literature of the XIX century which reflects the emergence of female consciousness about their rights. The story demonstrates alternative and unique solutions of women's problem related to education and women's rights existed in prerevolutionary Russia. The purpose of this article is to present criticism of established patriarchal norms and social stereotypes.

Keywords: Russian women writers of the XIX century, Sofya Soboleva, Critique of marriage, Women's education, Social stereotypes.

Введение

В древнерусском и средневековом обществе представления о роли и предназначении женщины формировались под влиянием патриархальных норм, которые закрепляли за ней преимущественно семейно-бытовые функции. Уже в дохристианскую эпоху образ женщины был связан с святыми функциями хранительницы рода и домашнего очага, однако с распространением православия он все более ограничивался рамками покорной дочери, верной жены и самоотверженной матери.

Домострой — один из наиболее ярких памятников XVI века — прославляет образ «доброй жены» как идеал древнерусского общества: трудолюбивой, смиренной,

послушной мужу и заботливой хранительницы дома. Она рассматривается не как самостоятельная личность, а как венец и награда мужу, делающая его добродетельней. В 23-ем главе этого поучительного документа написано, что *«если подарит кому-то Бог жену хорошую – дороже это камня многоценного <...> И встанет средь ночи, и даст пищу дому и дело служанкам <...> Доброй женою блажен и муж, и число дней его жизни удвоится – добрая жена радует мужа своего и наполнит миром лета его: хорошая жена – благая награда тем, кто боится Бога, ибо жена делает мужа своего добродетельней <...> Жена добрая, трудолюбивая, молчаливая – венец своему мужу, если обрел муж такую жену хорошую-только благо выносит из дома своего».* (Протопоп Сильвестр, *Домострой*).

Даже среди знати женщина оставалась заложницей стереотипов: образование имело ограниченный характер, а ее социальная роль сводилась к брачно-родовым функциям (Пушкарева, 1989). Таким образом, в культурном сознании древней и средневековой Руси утвердился устойчивый стереотип женственности как символа подчинённости, пассивности и служения, что ограничивало формирование женской индивидуальности и независимой социальной идентичности.

Во второй половине XIX века в России началось активное обсуждение «женского вопроса» — прав женщин на образование, труд и личную свободу. На фоне Великих реформ Александра II женщины начали требовать доступа в университеты, возможности участвовать в общественной жизни и получать профессию. Эти запросы отражены и в литературе. Однако, каноны XIX века закрепили в первую очередь имена писателей-мужчин — Льва Толстого, Федора Достоевского, Ивана Тургенева, — тогда как женское письмо оказалось на периферии (Келли, 1994).

«Женский Вопрос» в России

Начало XIX века было периодом перелома в истории России. Одним из знаков появления этого переломного периода является повесть «Бедная Лиза» (1792) Кармзина и

знаменитые слова героини *«и крестьянки любить умеют»*, которые обратили внимание на чувства простого народа. На фоне подъема демократического настроения в первой половине XIX века говорили о «крестьянских правах» и еще о правах женщин. «Женские вопросы», связанные с воспитанием девушек, их образованием, неравным положением женщин в браке и участием женщин в общественной жизни, стали главными проблемами 50-60-х годов XIX века. Интеллектуалы, историки и литературоведы обсудили «женские вопросы» в журналах и в газетах. Например, Михаил Ларионович Михайлов написал статью *«Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе»* (1860), которая считается ключевым этапом в возникновении дискуссии о правах женщин. Он написал, что *«надо открыть женщине свободный доступ ко всем родам деятельности, теперь составляющим исключительную привилегию мужчины; иначе самое образование не будет достигать цели, будет мёртвым капиталом для общества и часто тяжёлым преимуществом для женщины, которой нет возможности применить к делу свои дарования и сведения»* (Михайлов, 2005). В основном он вносил предложение коренного преобразования женского воспитания и образования, чтобы они могли участвовать в промышленности, в труде, в науке и в искусстве.

Роман известного русского философа и критика Н. Г. Чернышевского *«Что делать?»* (1863) тоже стал значительным произведением по женскому вопросу, в котором автор предлагал, что «фиктивный брак» является единственным способом эмансипации женщин. «Фиктивный брак», основанный на равенстве и свободе супругов, позволял женщинам учиться и уезжать за границу для получения высшего образования, заняться наукой и искусством, стать самостоятельной женщиной.

Таким образом, «женский вопрос» получил весьма популярность в русской публицистике и в литературе во второй половине XIX века. Еще можно обратить внимание на мнение, что «женский вопрос» в России инициирован

исключительно мужчинами интеллектуалами. Например, известный историк Ричард Стайтс пишет, что *«Впервые в России серьезная дискуссия по женскому вопросу была инициирована мужчиной, поэтом и радикальным публицистом М.Л. Михайловым <...> До появления статей Михайлова полемика по данной проблематике не пользовалась в России особой популярностью»* (Stites, 1978).

Однако современные историки и литературоведы доказывают, что сами женщины-писательницы отразили свои проблемы в своих творческих работах и предлагали решения на основе собственного опыта. Неправильно утверждать, что женщины были немymi наблюдателями своей собственной борьбы и не требовали доступ к образованию, свои политические и экономические права. В XVIII веке русские женщины из дворянского сословия, например княгиня Екатерина Вторая (1729-1796) и Екатерина Дашкова (1743-1810), Екатерина Александровна Сумарокова (1746-1797), Елизавета Васильевна Хераскова (1737-1809), Екатерина Сергеевна Урусова (1747-после 1817) и другие участвовали в литературной деятельности и сочинили творческие произведения. Некоторые из них переводили книги из иностранных языков. Современная исследователь А. Н. Мезенцева пишет о творчестве ранних женщин-писательниц, что *«Первоначально, женщин начали привлекать к литературным занятиям с целью способствовать развитию просвещения и любви к чтению. В это время возможность женщин проявить свой литературный талант совпала со сроком правления Екатерины II, когда частное женское начало в прямом смысле сливается с государственным, имперским, что способствовало поощрению женских литературных занятий как со стороны императрицы, так и со стороны писателей-мужчин»* (Мезенцева).

Далее в XIX веке появилась целая плеяда писательниц, которые сами формировали литературный дискурс о своей эмансипации. К ним относятся Каролина Павлова, Евдокия Ростопчина, Анна Бунина, Зинаида Волконская, Мария

Жукова, Надежда Хвощинская, Софья Соболева, Софья Ковалевской, Ольги Шапир и другие. Однако до настоящего времени они не могли занимать центральное место в истории русской литературы.

Среди имен писательниц второй половины XIX века упоминается имя Софьи Павловны Соболевой (1824–1884). Она известна также под псевдонимом В. Самойлович и занимала важное место в истории русской женской словесности. Она писала повести и преимущественно детскую литературу. Как отмечает Келли, поворотный момент в творческой деятельности Софьи Соболевой объясняется тем, что *«the reason for the change appears to have been that she had taken in a brood of poor children whom she was fostering, so that she needed money for their education and support; no doubt considered more suited to the 'feminine pen' than writing for adults, children's writing by women seems to have found a readier market in the nineteenth century»* (Kelly, "The First-Person 'Other'" 1995). Ее повесть *«И pro u contra, мечты и думы надворной советницы Лисицыны»* была опубликована в журнале «Отечественные записки» в 1863 году.

Повесть *«И pro u contra: мечты и дум надворной советницы Лисицыны»* Софьи Соболевой написана от первого лица т. е. от главной героини надворной советницы Лисицыны. Сопоставляя «за» (аргументы в пользу использования одобряемой модели общества) и «против» (сомнения и протест), в первой части повести героиня рассказывает об уровне своего образования, отношениях с родителями, об учебе, молодости, а во второй части о своих отношениях с мужем и о супружеских правах. Ее аргументы свидетельствуют о том, что она вполне сознательна о своем положении. Ее внутренний диалог позволяет увидеть, как формируется женское самосознание в патриархальном русском обществе.

Критика образования

Одним из лейтмотивов повести является тема женского воспитания и образования. Лисицына иронично заметила,

что ее учили лишь светским манерам и навыкам поведения дома, но не давали настоящих знаний. Постепенное образование превратило женщину в «украшение», а не в личность.

Она пишет, что «...у меня не было голоса, но мне взяли учителя пения; у меня не было музыкального слуха – а мне взяли учителя, чтобы продолжать музыку <...> Девушек воспитывали совсем иначе. Никаких идей нам не позволялось иметь, а тем более ломать над ними голову, или увлекаться ими. Даже я никогда не слыховала, чтобы моя татап высказывала какие-нибудь другие идеи, кроме тех, которые удерживала ее память из прочитанных романов» (Соболева, 1863).

Она критикует общепринятые принципы патриархального общества, где мужчины занимались службой, а женщины — домашними делами, воспитанием детей и светскими развлечениями. Образование девочек сводилось к поверхностным знаниям, музыке и рукоделию, что не давало им возможности для профессиональной самореализации. Эти традиции без изменений передавались из поколения в поколение и ограничивали развитие женщин. Она пишет, что *«Взглянем только на ту степень развития и труда, которые у нас доступны женщине. Общество предоставило ей кое-какие весьма поверхностные познания в науках, которые не приносят никакой действительной пользы ни ей, ни другим – фортепiано и иголку» (Соболева, 1863).*

Она рисует поразительную картину русского общества, где в отсутствие полезного и профессионального образования женщины имели лишь ограниченный выбор занятий — гувернантки, учительницы музыки или швеи. Эти профессии приносили столь малый доход, что женщина не могла даже поддержать больную мать или помочь младшим сестрам. Недостаток образования препятствовал не только их материальной независимости, но и интеллектуальному и нравственному развитию, поэтому семья часто рассматривала брак как единственный путь к благополучию

и моральной опоре. Осознавая эти проблемы, Соболева подчеркивает необходимость дать женщинам возможность изучать науки, чтобы расширить выбор профессий. Она предлагает создать женские университеты, куда девушки поступали бы после гимназии и осваивали современные дисциплины и древние языки. При этом главное внимание должно было уделяться углублённому изучению одного предмета, который в дальнейшем обеспечил бы достойный заработок. Подобная система, по мнению писательницы, могла бы привести к развитию и эмансипации женщин, хотя часть из них, не имея интереса или усердия, вероятно, прекращала бы обучение.

Критика брака

Главная героиня повести согласилась на брак под давлением своей родителей. Способом брака она нашла возможность обрести свободу от своей семейной тирании, покоя и поиска своей идентичности. Она верила в том, что брак не просто является союзом двух человека, а как две равные самостоятельные личности, которые могут по-разному относиться к жизни. Она хорошо ознакомлена с своими имущественными правами, поэтому стать хозяйкой и управляющей имением. Она вела домашние дела, стала терпеливой и послушной женой, распоряжалась доходами и твёрдо отстаивала своё право собственности, считая деньги единственной гарантией независимости жены. Она сказала мужу, что *«Я отдала тебе, мой друг мою руку и сердце. Но деньги – совсем другое дело. Деньги с моего имения созданы именно для того, чтобы быть моими и не доставаться никому, пока я жива»* (Соболева, 1863). Она осуждала стремление мужчин жить за счёт жён, называя это низостью, и предлагала мужу трудиться самостоятельно, перечисляя достойные профессии. По её убеждению, женщина сохраняет ценность лишь тогда, когда не позволяет мужчине использовать её ради богатства и пишет, что *«Если же мужчина женится для того, чтобы посредством своей жены приобрести удобства и роскошь жизни, то и самая ограниченная поймет наконец,*

что она – нуль, как в отношении к мужу, так и в отношении к обществу» (Соболева, 1863).

Муж героини боялся слово «эмансипация и прогресс» и верил в том, что они опасные и неверные для супругов. Героиня Соболевой, разделяющая идеи прогресса, опровергает этот стереотип. Лисицына размышляет о судьбе женщин в условиях патриархальных традиций. Она убеждает мужа, что верность и ценность женщины не зависят от традиций, а от её личных убеждений и честности.

Критика «призвания женщин»

Нет сомнений в том, что издавна призвание женщин связано с рождением и воспитанием детей. Её роль сводилась к ведению домашнего хозяйства, заботе о семье и созданию уюта, тогда как мужчины занимались службой и общественной деятельностью. Общество утверждало, что женщина создана для самопожертвования, поддержки мужчин и охраны семейного очага. Женщине не предоставлялось возможности для самореализации, образования и развития. Великий русский писатель и критик Белинский пишет об обязанностях мужчин и женщин, что *«целый мир есть открытое поприще деятельности мужчины; целый мир есть его владение; какое же поприще, какой же мир отдан во владение женщине? <...> Итак, поприще женщины - возбуждать в мужчине энергию души, пыл благородных страстей, поддерживать чувство долга и стремление к высокому и великому - вот ее назначение, и оно велико и священно! Для нее - представительницы на земле красоты и грации, жрицы любви и самоотвержения»* (Белинский, 1835).

Однако повесть *«И pro и contra: мечты и думы надворной советницы Лисицыны»* разоблачает мифологию женского «предназначения». С помощью образа главной героини София Соболева критикует предустановленное призвание женщин. Обсуждая права мужа и жены в браке, героиня демонстрирует сложное и противоречивое представление о ролях супругов. Лисицына обращается к мужу: *«Ведь ты создан, право, не для труда, а для того, чтобы*

наслаждаться жизнью. Я хочу, чтобы ты был совершенно счастлив. При том же, неужели ты женился на мне из-за моего состояния?» (Соболева, 1863). Можно утверждать, что Соболева показывает, что «призвание» женщины — не биологическая данность, а социальная конструкция.

Оценивая идеи взаимной ответственности и личной честности в супружеских отношениях, Селли Лавингстон пишет, что в повести Софии Соболевой *«we see a mature heroine who understand the role of economics in marriage <...> Sobolevs's story is all the more extraordinary in the heroine's refusal to allow her husband to control her land and in her declaration that husbands should earn their own keep. The lesson on the story is that to be valued, you must have values, which is as true for men as it is for women»* (Livingston, 2012).

Заключение

Повесть Софии Соболевой *«И pro и contra: мечты и думы надворной советницы Лисицыны»* занимает значимое место в развитии русской женской литературы XIX века. В центре повествования — внутренние размышления и переживания главной героини т.е. надворной советницы Лисицыны. Через форму внутреннего монолога автор раскрывает процесс формирования женского самосознания, способствующее формированию феминистского воззрения в русском обществе на рубеже XIX-XX веков.

Это произведение представляет собой не громкий революционный манифест, а скорее тихий, но настойчивый женский голос, направленный против устойчивых социальных стереотипов. Образ героини позволяет писательнице затронуть актуальные «женские вопросы», связанные с традиционным бесполезным воспитанием девушек, бессмысленным ограниченным женским образованием, неписаными супружескими правилами и общепринятыми «женскими призваниями». Она ломала стереотипы о предустановленном призвании женщин, поставляя противоположные гендерные роли для себя и мужа. В повести прозвучала критика трёх ключевых

стереотипов: ограниченности женского образования, брака и женского призвания, что делает его актуальным для изучения русской женской литературы. В этом смысле текст Соболевой можно рассматривать как своеобразный «документ женского сознания» XIX века (Kelly, 1999).

References

- Belinsky, V. G. *Zhertva... Sochinenie g-zhi Monborn*. 1835. http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1560.shtml.
- Burry, Jennifer. *Women in Russian Literature: 1780–1860*. Cambridge University Press, 2004.
- Clements, Barbara Evans. *A History of Women in Russia: From Earliest Times to the Present*. Indiana University Press, 1979.
- Kelly, Catriona. *A History of Russian Women's Writing, 1820–1992*. Clarendon Press, 1994.
- Kelly, Catriona. *An Introduction to Nineteenth-Century Russian Women's Writing*. Oxford University Press, 1999.
- Kelly, Catriona. "The First-Person 'Other': Sofia Soboleva's 1863 Story 'Pros and Cons' (I pro, i contra)." *The Slavonic and East European Review*, vol. 73, no. 1, Jan. 1995, pp. 20–40. JSTOR, <http://www.jstor.org/stable/4211714>.
- Livingston, Sally A. "Mid-Nineteenth-Century Russia: Women Writers Reject the Marriage Plot." In *Marriage, Property, and Women's Narratives*, Palgrave Macmillan, 2012.
- Mikhailov, Mikhail. "Zhenshchiny, ikh vospitanie i znachenie v semye i obshchestve." In *Muzhskie otvety na zhenskiy vopros v Rossii. Vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX vv.: antologiya*, edited by V. I. Uspenskaya, vol. 1, Tver: Tver State University, 2005, pp. 45–78.
- Pushkareva, Natalia. *Zhenshchiny Drevney Rusi*. Moscow: Mysl', 1989.
- Soboleva, Sofya. *I pro i contra, mehty i дума nadvornoy sovetnitsy* Lisitsynoy. 1863. http://az.lib.ru/s/sobolewa_s_p/text_1863_i_pro_i_contra_oldorfo.shtml.
- Stites, Richard. *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860–1930*. Princeton University Press, 1978.
- Протопоп Сильвестр. «Домострой». https://azbyka.ru/otechnik/Silvestr/domostroj/#note60_return
- Мезенцева А.Н. Женская литература как феномен: генезис и эволюция. <https://www.cross-kpk.ru/documents/.doc>

Д-р Кунвар Кант
Старший преподаватель
Университет английского и иностранных языков
Хайдарабад

Dr Kunwar Kant
Assistant Professor
EFL University, Hyderabad

**Одиночество и идентичность: трансформация
деревенского мужчины в городской среде у В.М.
Шукшина¹⁶**

**Loneliness and Identity: the Transformation of a Village Man
in an Urban Environment in V.M. Shukshin's Works**

Аннотация: В статье рассматриваются особенности репрезентации одиночества молодых мужчин деревенского происхождения в городской среде на материале рассказов В. М. Шукшина «Ленька», «И разыгрались же кони в поле» и «Чередниченко и цирк». Анализ осуществляется с опорой на теоретическую рамку, включающую подход Л.Ю. Айвазяна к изучению одиночества и классификацию схем Джеффри Янга. Совокупное применение указанных моделей позволяет выявить глубинные механизмы формирования чувства одиночества, а также показать, каким образом художественный текст фиксирует внутренний конфликт между деревенской идентичностью и требованиями городской жизни. Полученные результаты подчеркивают актуальность изучения феномена одиночества в контексте миграции и социокультурной адаптации.

Ключевые слова: В.М. Шукшин, деревенская проза, одиночество, деревня и город, идентичность.

¹⁶ Настоящая статья основана на материалах кандидатской диссертации, защищенной в 2019 году, и продолжает и углубляет анализ образа одиноких молодых мужчин деревенского происхождения в рассказах В.М. Шукшина, предпринятый в диссертационном исследовании.

Annotation: *The article explores the representation of loneliness among young men of rural origin in an urban environment, based on V. M. Shukshin's short stories "Lenka", "And the horses played out in the field", and "Cherednichenko and the Circus." The analysis relies on a theoretical framework combining L.Y. Ayvazyan's approach to loneliness and Jeffry Young's classification of loneliness. The integrated use of these models makes it possible to reveal the underlying mechanisms of loneliness and to demonstrate how literary texts capture the inner conflict between rural identity and the demands of urban life. The findings emphasize the relevance of studying loneliness within the context of migration and sociocultural adaptation.*

Keywords: *V.M. Shukshin, village prose, loneliness, village and city, identity.*

Введение

Василий Макарович Шукшин — писатель, актер и режиссер, в творчестве которого деревенская и городская жизнь представлены с редкой для литературы правдивостью. Он знал особенности жизни и в деревнях, и в городах не понаслышке: родился в 1929 году в алтайском селе Сrostки, провел детство в деревне, а затем многократно пытался закрепиться в городе. Первый опыт переселения - когда ему было всего тринадцать-четырнадцать лет. Тогда город не принял его, и Шукшин вернулся домой. Позднее, окончив семилетнюю школу, он вновь отправился в Бийск, но вскоре оставил учебу, в семнадцать лет уехал на заработки, сменил множество профессий, а в 1953 году вернулся в деревню больным. Лишь в 1954 году он окончательно распрощался с деревней и отправился в Москву. Он жил в Москве, но всегда поддерживал связи с деревней *Сrostки*, переписывался с матерью, и побывал у нее время от времени.

Все творчество Василия Макаровича основано на его собственном жизненном опыте - на опыте его переселения из деревни в городскую обстановку. Тема одиночества отражается на двух уровнях в его рассказах - одинокие родители в деревнях и одинокие дети в городах. Настоящая статья сосредоточивается на одиночестве молодых мужчин, покинувших деревню в поисках карьеры в городе.

Теоретические предпосылки исследования

В качестве теоретической основы настоящего исследования используются современные психологические подходы к классификации одиночества. Прежде всего, мы опираемся на типологию, предложенную Л. Ю. Айвазяном, в рамках которой одиночество анализируется через три ключевых критерия: объективность/субъективность, длительность переживания и значение одиночества для личности.

Вместе с тем употребляется классификация предложенную Джеффри И. Янгом, который выделяет три формы одиночества: преходящее, ситуативное и хроническое.

Обзор литературы

В существующих исследованиях прозы В.М. Шукшина тема одиночества рассматривается фрагментарно и преимущественно в контексте других проблем. Так, Е.Н. Карташова в своей статье акцентирует внимание на психологических состояниях героинь и их изоляции от окружающего мира, но не затрагивает одиночества мужчин деревенского происхождения. Анализируя мотив жизни и смерти в прозе В. М. Шукшина, Берзкина Е.П. раскрывает экзистенциальный подтекст в рассказах Шукшина, однако одиночество в нём рассматривается как часть более широкого философского контекста, а не как самостоятельный предмет исследования.

А.И. Куляпин и Т.А. Тарасенко посвящают свои работы философско-экзистенциальным аспектам творчества В.М. Шукшина. В этих статьях герои Шукшина описываются как внутренне замкнутые люди, ведущие диалог с самим собой, но при этом их социальная и культурная идентичность — особенно связанная с деревенскими корнями — остается на периферии анализа.

Таким образом, хотя в научной литературе существует ряд работ, в которых упоминается тема одиночества, они в основном касаются либо женских персонажей, либо философской интерпретации внутреннего кризиса без учета социокультурных факторов. Недостаточно изученной остаётся именно тема одиночества молодых мужчин деревенского происхождения, оказавшихся в городской обстановке и испытывающих разрыв между своими корнями и новой социальной средой.

В настоящей статье проводится анализ трёх рассказов В.М. Шукшина (из 127 рассказов, написанных им) — «Ленька» (1962), «И разыгрались же кони в поле» (1964) и «Чередниченко и цирк» (1970) — с использованием аналитической рамки, основанной на теории Л.Ю. Айвазяна и классификации Джеффри Янга.

Анализ

Хронологически первым рассказом Шукшина, в котором он изображает деревенского молодого человека, страдающего от одиночества в городе, является «Ленька». Главный герой — «человек мечтательный» (Шукшин 1, 57), любящий уединение. Переехав из деревни в город, он чувствует себя оторванным от привычной жизни: «Часто, окончив работу, уходил за город, в поле... смотрел на горизонт, и у него болела душа... в городе не было горизонта» (Шукшин 1, 57). Скучая по дому, Ленька вспоминает запах полыни и дыма и чувствует, что в городском пространстве ему тесно.

Случайная встреча с городской девушкой Тamarой становится для него источником тепла и надежды. Он спасает её во время аварии, и её реакция проникает прямо в сердце: «Какой же вы молодец! Милый...» (Шукшин 1, 58) — говорит она, глядя на Леньку «ласково, точно гладила по лицу ладошкой» (Шукшин 1, 58). Автор отмечает, что Ленька возвращался в общежитие «спокойный», медленно «нёс своё огромное счастье» (Шукшин 1, 60). Постепенно он

начинает мечтать о совместной жизни с Тamarой в деревне, представляя, что нашел настоящего спутника.

Однако идиллия рушится, когда он случайно видит Тamarу с другим парнем. На приглашение пойти в цирк она отвечает: «Я не могу» (Шукшин 1, 61), при этом «непонятно, незнакомо прищурилась» (Шукшин 1, 61). Шукшин пишет, «Две недели жил он невыносимой жизнью. ... Один раз стало так больно, что он закусил зубами угол подушки и заплакал – тихонько, чтобы не слышали товарищи по комнате» (Шукшин 1, 61).

Это становится для Ленки вторым ударом одиночества: первый был связан с тоской по деревне, второй — с разочарованием в отношениях и пониманием того, что городские нравы отличаются от деревенских. Тaмaрa впоследствии ведёт себя так, будто ничего не случилось, и даже упрекает Ленку в обидчивости, но их связь уже теряет прежнюю эмоциональную насыщенность. В конце рассказа Ленка решается на откровенность: «Я больше не приду к тебе... Тяжело почему-то. Не сердись» (Шукшин 1, 62).

Одиночество Ленки имеет двойной характер. С одной стороны, оно объективно, так как связано с социальной изоляцией и отсутствием близких в городе; с другой - субъективно, ведь его усиливает тоска по деревне и несоответствие ценностей. Переживание носит длительный характер: даже временное воодушевление от отношений с Тamarой не устраняет чувства отчужденности.

Если рассматривать ситуацию по классификации Джеффри Янга, в начале мы видим ситуативное одиночество, вызванное переездом, которое постепенно перерастает в хроническое из-за неспособности Ленки приспособиться к новым условиям и справиться с разочарованием. Причинами становятся разрыв с привычным укладом, непонимание городских норм и болезненная реакция на их несоответствие его ожиданиям. Динамика состояния очевидна: от тоски и изоляции к временной надежде, а затем к окончательному эмоциональному закрытию. Через

образ Ленки автор показывает, как культурный разрыв между деревней и городом способен сделать человека «чужим» в новой жизни, даже если формально он находит общение и близость.

Рассказ «И разыгрались же кони в поле» раскрывает тему разлуки и одиночества молодых людей, вынужденных покинуть деревню ради учебы или работы в городе. Здесь акцент сделан не только на переживаниях самого героя, но и на чувствах его близких, остающихся в родном доме. Минька, приехавший из деревни в город учиться, живет в общежитии. Однажды его навещает отец. Их встреча пронизана теплом, вниманием и взаимным любопытством: они без устали задают друг другу вопросы обо всём и делятся подробностями жизни.

Отец рассказывает, как мать тоскует по Миньке: однажды ночью она вскочила с постели, потому что ей показалось, будто кто-то зовёт её в окно. Минька, встревоженный, пытается узнать подробности, но отец успокаивает его, говоря, что это «стариковские дела» и что подобное естественно, когда близкие живут далеко друг от друга. В разговоре отец осторожно спрашивает, не сможет ли сын приехать летом. Минька, искренне этого желая, понимает, что учеба требует всё больше времени и сил. Он не решается дать отцу обещание и отвечает уклончиво: «Не знаю. Кружок тут один веду... Не знаю, может, приеду». Эти слова отражают внутренний разрыв между долгом, мечтами и невозможностью совместить оба мира.

Вопросы Миньки о деревне выдают его тоску по дому. Отец, понимая настроение сына, прямо спрашивает: «Тоскуешь здесь?» Но Минька не хочет открыто признаваться в этом, стараясь звучать бодро: «Тут тоже хорошо. Пойдешь, например, в Парк культуры Горького – там весело». На самом деле он переживает тяжёлое чувство одиночества. Когда он провожает отца на вокзале, его охватывает сильное, почти физическое ощущение утраты: «На вокзале Миньку охватило сильное чувство, похожее на боль. Тяжело вдруг

стало». Его мысли устремлены к деревне: «Туда поедет отец. Там мать, ребята-друзки...» Он понимает, что останется в городе один, тогда как весь его родной мир останется далеко.

Чтобы не попасть сразу в пустую комнату общежития, Минька решает идти пешком, намеренно сворачивая в переулки, чтобы устать и заснуть без долгих размышлений: «Шёл до самого общежития пешком. Шел бездумно, нарочно сворачивал в какие-то переулки – чтоб устать, и прийти, и сразу уснуть». В этой детали заключено многое: желание избежать острого переживания одиночества, оттянуть момент, когда оно обрушится на него полной силой.

В терминах Л.Ю. Айвазяна одиночество Миньки имеет и объективный, и субъективный характер. Объективный характер имеет разлука с семьей, необходимость жить в городской среде без привычного круга близких. Субъективным же является скрытая тоска, которую он не хочет признавать даже перед отцом. Его переживание так же носит длительный характер: оно сопровождает Миньку всё время его учёбы, и даже кратковременная встреча с отцом не снимает его полностью. По своему значению для личности это одиночество в равной степени и конструктивно, и деструктивно: оно становится ценой образования и выполнения семейных надежд, но в то же время подтачивает эмоциональное состояние.

Согласно классификации Джеффри Янга, одиночество Миньки в начале была ситуативным, вызванное переселением и сменой окружения, но в городе оно приобретает черты хронического одиночества. Минька не теряет связи с родными, но физическая дистанция и разный ритм жизни создают непреодолимый барьер. Его нежелание прямо говорить о тоске - вид психологической защиты, попытка сохранить внутреннее равновесие.

Так в рассказе раскрывается не только личное чувство Миньки, но и более широкая тема - цена, которую платит

деревенская молодёжь за возможность реализовать свои мечты в городе.

В рассказе «Чередниченко и цирк» Василий Шукшин рисует психологически насыщенный портрет зрелого мужчины, который, достигнув определённых высот в профессиональной и материальной сфере, внезапно сталкивается с осознанием собственной личной пустоты. Николай Петрович Чередниченко посвятил свои молодые годы работе и карьерным устремлениям. Теперь он работает плановиком на мебельной фабрике, заканчивает заочно сельхозинститут, и уверен, что к пятидесяти лет станет заместителем директора. Однако ему уже сорок два года, и он одинок. Когда-то он был женат, но брак распался, оставив после себя не столько обиду, сколько отстраненную насмешливость в отношении женщин.

Ощущение одиночества становится для Чередниченко всё более ощутимым: он хочет «порядочную невестку» и видит в этом не просто бытовую потребность, а желание согреть свой дом, наполнить его детскими голосами, создать в нём мир и покой. Его внимание привлекает циркачка Ева Игнатьевна - гибкая, смелая артистка, покоряющая публику сложными трюками под куполом цирка. Уверенный в себе на работе и привычный действовать решительно, Чередниченко быстро находит ее адрес и, почти не колеблясь, делает ей предложение, сопровождая его обстоятельным перечнем своих достоинств: «Я человек одинокий, положение в обществе занимаю хорошее... У меня большой дом... сад, огород...»

Сцена признания подана Шукшиным с лёгким юмором: Чередниченко излагает всё «деловито, обстоятельно и честно», даже назначает способ передачи ответа через служителя цирка. Ева реагирует с улыбкой, обещает оставить записку, но её смех и отсутствие серьезности уже намекают на исход дела.

По дороге домой в Чередниченко закрадывается сомнение: он понимает, что действовал слишком поспешно, ничего толком не узнав о женщине, которая «столько, наверно, видела-перевидела этих Адамов». Он мысленно сравнивает Еву со вдовой-учительницей из их городка, взвешивая, с кем бы он выглядел «солиднее» и «спокойнее».

На следующий день он получает записку: «Николай Петрович, в сорок лет пора быть умнее. Ева». Ответ Евы оказывается отказом, но вызывает у Чередниченко не разочарование, а облегчение: «Ну вот и хорошо», — произносит он вслух. Таким образом, герой избавляется от необходимости принимать решение, которое само по себе его тяготило.

С точки зрения Л.Ю. Айвазяна, одиночество Чередниченко — это в первую очередь субъективное состояние, укоренившееся в его мировосприятии и жизненном опыте. Оно связано не столько с внешними обстоятельствами, сколько с внутренней неготовностью к глубоким эмоциональным отношениям.

По классификации Джеффри Янга, здесь можно говорить о добровольном одиночестве, в котором внешнее желание изменить ситуацию сталкивается с внутренней установкой на сохранение автономии. Чередниченко ищет спутницу скорее по рациональным критериям — «порядочная», «хозяйка», «мир и покой» — чем по чувству. Его попытка сблизиться с Евой быстро наталкивается на собственные сомнения, которые он воспринимает как предостережение.

Шукшин изображает своего героя без осуждения, но и без прикрас. Это портрет человека, для которого одиночество стало привычной средой обитания, и любые попытки ее нарушить вызывают тревогу.

Заключение

Анализ трёх рассказов В.М. Шукшина «Ленька», «И разыгрались же кони в поле» и «Чередниченко и цирк»

позволяет выявить многоплановую картину феномена одиночества в художественном мире писателя. Несмотря на различия в возрасте, социальном положении и жизненных обстоятельствах персонажей, их объединяет общее чувство внутренней оторванности от близких, невозможности или трудности преодоления психологической дистанции.

В «Леньке» одиночество предстает как болезненное следствие ухода от малой родины, усиливающееся непониманием между носителями деревенской и городской культур. В «И разыгрались же кони в поле» оно проявляется через вынужденную разлуку и тоску по родным, которую испытывают как оставшиеся в деревне родители, так и уехавший в город сын. В рассказе «Чередниченко и цирк» одиночество уже не только эмоциональное, но и мировоззренческое, так как оно стало привычным состоянием зрелого мужчины, оно препятствует любым подлинным переменам в личной жизни.

Использование типологии Л.Ю. Айвазяна позволило рассмотреть одиночество персонажей как сочетание объективных (социальная изоляция, географическая разобщенность) и субъективных (эмоциональная замкнутость, страх близости) факторов, а также определить его временные формы — от кратковременных эпизодов тоски до хронического состояния. Модель Джеффри Янга, выделяющая преходящее, ситуативное и хроническое одиночество, помогла проследить, как жизненные обстоятельства и личный опыт героев трансформируют их внутреннее состояние: от острой боли разлуки до принятой, даже удобной для них формы самоизоляции.

Таким образом, в шукшинских рассказах одиночество становится не только личной драмой, но и отражением более широких социальных и культурных процессов.

Литература:

- Айвазян, Л.Ю. “Понятие одиночества как методологическая проблема в современной психологии.” *APRIORI. Серия: Гуманитарные науки*, т. 2, 2014. *Cyberleninka*,
<https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-odinochestva-kak-metodologicheskaya-problema-v-sovremennoy-psihologii>. Дата обращения 13 Июля 2015.
- Берзкина, Е.П. “Мотив жизни-смерти в произведениях В.М. Шукшина.” *Вестник Бурятского государственного университета. Филология*, №. 2, 2020, сс. 35-40. *SciUp*,
<https://sciup.org/motiv-zhizni-smerti-v-proizvedenijah-v-m-shukshina-148316613>. Дата обращения 08 Августа 2025.
- Карташова, Е.Н. “Особенности репрезентации образа одинокой женщины в прозе В.М. Шукшина.” *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*, Т. 30, № 3, 2018, сс. 64-67. *Cyberleninka*,
<https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-reprezentatsii-obraza-odinokoy-zhenschiny-v-proze-v-m-shukshina>. Дата обращения 08 Августа 2025.
- Куляпин, А.И. “Сон разума: Экзистенциальные мотивы в рассказе В.М. Шукшина “Думы.”” *Имагология и компаративистика*, №. 17, 2022, сс. 316-327. *Cyberleninka*,
<https://cyberleninka.ru/article/n/son-razuma-ekzistentsialnye-motivy-v-rasskaze-v-m-shukshina-dumy>. Дата обращения 08 Августа 2025.
- Тарасенко, Т.А. “Философская (экзистенциальная) проблематика и типы героев в рассказах В. Шукшина.” *Вестник науки и образования*, №. 8-1, 2019, сс. 80-83. *Cyberleninka*,
<https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskaya-ekzistentsialnaya-problematika-i-tipy-geroev-v-rasskazah-v-shukshina>. Дата обращения 09 Июля 2025.
- Шукшин, В.М. *Собрание сочинений в 8 тт.* Под ред. О.Г. Левашова, т. 8, Барнаул, ООО Изд. Дом "Барнаул", 2009.
- Янг, Джеффри. “Одиночество, депрессия и когнитивная терапия: теория и ее применение.” Пер. З. Каганова. *Лабиринты Одиночества*, Прогресс, 1989.

Д-р Радха Мохан Мина
Преподаватель
Центр русских исследований
Университет имени Джавахарлала Неру, Нью Дели

Dr Radha Mohan Meena
Assistant Professor
Center of Russian Studies
Jawaharlal Nehru University
New Delhi

Применение индийских поэтических теорий в переводоведении

Application of Indian Poetic Theories in Translation Studies

Аннотация: В данной статье обсуждается значимость индийских поэтических теорий в определении значения слов и их использования в переводе. Теории, выдвинутые такими выдающимися учёными, как Маммат (Кавьяпракаша), Бхартрихари (Вакьяпадия), Анандвардхана (Дхвани) и т.д. обсуждаются подробно. Индийские учёные указали на несколько факторов, таких как место, контекст, сочетание, которые играют существенную роль в определении значения. Эти аспекты помогают переводчику исключить любые двусмысленности и передать соответствующее и верное значение.

Ключевые слова: индийская поэтика, перевод, контекстуальные факторы, Дхвани.

Annotation: This article discusses the importance of Indian poetic theories in determining the meaning of words and their application in translation. Theories propounded by prominent scholars such as Mammata (Kavyaprakasha), Bhartrhari (Vakyapadiya), Anandvardhana (Dhvani), etc., are examined in detail. Indian scholars have identified

several factors, like place, context, combination, which play a significant part in determining the meaning. These aspects help the translator to resolve ambiguities and convey appropriate and adequate meanings.

Keywords: *Indian poetics, translation, contextual factors, Dhvani.*

Проблема перевода на протяжении долгого времени была в центре интересов филологов, философов и культурологов. Ясно, что тема о том, что именно должен передавать переводчик, буквальное значение или глубокую суть текста, обсуждалась как в западной, так и в индийской традиции перевода. Если в западной традиции долгое время преобладала буквализация (от Цицерона и Иеронима до стремлений к «формальной эквивалентности» в XX веке), то индийская философия с самого начала предлагала иной подход.

В XX веке западная лингвистика в основном рассматривала перевод как процесс поиска эквивалентов. Выдающийся лингвист и теоретик литературы Роман Jakobson определил перевод как «перекодирование двух эквивалентных сообщений в различных кодах» и выделил три типа перевода: внутриязыковой, междязыковой и межсемиотический (Jakobson, 1959). Американский лингвист и теоретик перевода Юджин Найда предлагает теорию формальной и динамической эквивалентности. Согласно Ниде (1964), первая стремится к точному сохранению структуры оригинала, т.е. к дословному переводу, а вторая стремится к «эквивалентному эффекту» для читателя. Иными словами, это перевод «смысл в смысл», то есть свободный перевод. Современные исследователи подчёркивают, что ни содержание, ни форма перевода не могут полностью передать культурные концепции, на которых основан оригинальный текст. Они подчёркивают, что данные модели не всегда адекватно отражают культурно-специфические нюансы исходного текста.

В течение многих лет индийская традиция перевода считала, что контекст определяет смысл. Согласно

Джаминия Ньяя Мала-Вистара Мадхава, *jatasyakathanamanuvadah* — это раскрытие значений, что и является истинным переводом.

Таким образом, можно сказать, что перевод означает не просто буквальное повторение слов исходного текста, а точное выражение его содержания и смысла. Толкаппияр, выдающийся тамильский учёный III века до н. э., утверждает, что знание контекста любого текста необходимо для его лучшего понимания. Профессор Индранат Чоудхури подчёркивает этот факт в своей книге «К индийской теории перевода». Он пишет, что перевод — это не просто формирование структуры предложения или грамматики. Следовательно, знание контекстного анализа помогает прояснить семантическую неоднозначность. (Choudhuri 7).

Шри Ауробиндо также высказал своё мнение о дилемме буквального и парафразного перевода. В качестве примера он привёл трудности перевода древнеиндийского религиозного текста «Веды». Он признаёт, что, несмотря на многочисленные усилия, сложно правильно сохранить смысл и дух мантр древних мудрецов, поскольку дословный перевод искажает смысл текста, а попытка выразить всё его содержание превращается в своего рода интерпретацию. Шри Ауробиндо предлагает срединный путь решения этой дилеммы, говоря: «Я принял своего рода срединный путь – свободную и гибкую форму, которая следует ритму оригинала и в то же время допускает некоторые интерпретационные приёмы, чтобы свет ведической истины мог проникнуть сквозь завесу символов и образов». (Aurobindo)

Лингвист, философ, грамматик санскрита и поэт Бхартрихари родился примерно в V веке н.э. Он написал философский трактат по санскритской грамматике под названием «Вакьяпадая». В этой книге он подробно рассмотрел философию слова, его природу, предложение и язык. По его мнению, слово может иметь множество значений: первичное, вторичное (упалакшана) и

контекстуальное. Выбор конкретного и адекватного значения зависит от контекста. По мнению Бхартрихари, значение окружающих слов, цель говорящего (прайогьяна), синтаксические связи, уместность (аучитья), место и время вместе составляют «значение». Следовательно, для правильного понимания значения слов необходимо знать контекст ситуации, в которой они используются. (Bhartṛhari).

В этом контексте стоит упомянуть также важный вклад кашмирского учёного VIII–IX веков Анандавардханы. Он является автором трактата «Дхваньялока» и разработал теорию дхвани, которая подчеркивает решающую роль контекста в понимании смысла. Он объясняет, как значение часто формируется контекстом, в котором слова используются в языке, особенно в поэзии и литературе. Согласно Анандавардхане, значение действует на трёх взаимосвязанных уровнях, поскольку слова часто имеют дополнительные значения помимо своего основного значения: абхидха (буквальное значение), лакшана (предполагаемое значение) и вянджана (подразумеваемое или эстетическое значение, также известное как дхвани). Следовательно, значение слов определяется на основе контекста, в котором они используются. Далее, объясняя вянджану, он описывает, что именно эмоциональное или суггестивное значение вызывает расу, то есть эстетическое переживание, посредством глубины, культурных нюансов и эмоционального отклика. Вкратце, можно сказать, что для перевода литературных произведений переводчики должны обладать глубоким культурным и контекстуальным пониманием соответствующего текста, а также хорошим знанием обоих языков. (Anandavardhana).

Маммата (XI–XII вв.) — один из основных авторов санскритской поэтической традиции, имеет решающее значение в этой области. В своём трактате Kavyaprakasa он подробно рассматривает вопросы семантики, контекста и выразительности в поэтическом языке. Он уделяет особое внимание тому, как контекст решает значение многозначных слов. Маммата выделяет пятнадцать контекстуальных элементов в рамках этого подхода, которые

ограничивают и уточняют смысл слов, используемых в художественных текстах. (Mamṭaṭa) Эти элементы связаны с положениями Бхартрихари (Vakyapadiya), согласно которым значение слова определяется его связью (*saṃbandha*) с другими словами и условиями высказывания. (Mamṭaṭa)

Маммат предложил учитывать следующие пятнадцать контекстуальных аспектов для определения правильного значения текста

- I. Санъёг (соединение): По мнению Мамматы – это такое сочетание слов в предложении, при котором адекватное значение слова зависит от его связи с другими словами. Он приводит пример: «Хари с раковиной и диском» слово «Хари» может означать «лёгкий», «зелёный», «обезьяна». Хотя эти слова в сочетании со словами «раковина» (*saṅkṣ*) и «диск» (*cakṛa*) указывают на то, что «Хари» относится только к Вишну Богу. Этот метод сужения смысла согласуется с мнением ученого Бхартрихари о том, что значение слова понимается через его взаимосвязь с другими словами в предложении, а не отдельно.
- II. Випрайога: Это означает определение значения слова при отсутствии нескольких элементов. Это совершенно противоположно Санъёге. Например, хотя значение слова «Хари» может меняться в зависимости от контекста, но фраза «Хари без раковины и диска» всегда указывает на бога Вишну, поскольку эти слова тесно связаны с ним. Иными словами, випрайога помогает понять, сосредоточившись на том, что не учтено.
- III. Сахчарья (ассоциация) помогает определить значение слов, поскольку взаимосвязь между словами также определяет их значение. Например, в выражении *Ramalaksmanau* «Рам и Лакшман» слово «Рам» может иметь разные значения, поскольку «Рам» может означать приятного, любимого или даже нескольких персонажей с этим именем. в некоторых ведических контекстах это может означать «тёмного» или

«чёрного». Но в выше приведённом выражении значение слова «Рам» определяется благодаря его связи с Лакшманом. Сразу понятно, что здесь речь идёт о Раме, старшем брате Лакшманы и сыне Дашаратхи.

- IV. Объясняя Виродхиту, или противопоставление, Маммат утверждает, что значение слова проясняется при его сопоставлении с другим понятием или объектом. Например, фраза «Рама и Арджуна» может указывать на то, что оба героя обладают общими качествами, такими как смелость или храбрость. В этом контексте значение имени «Рама» уточняется через его противопоставление Парашураме, а значение имени Такие сопоставления помогают читателю различать одного героя от другого и понимать, к какому именно персонажу относится каждое имя.
- V. Артха (цель) определяет значение слова через его предназначение. Например, хотя слово «Sthanu» может иметь множество значений, фраза «поклонение Sthanu с целью удаления кандалов мира» указывает на божество Шиву, поскольку достижение цели (устранение страданий) требует поклонения определенному объекту.
- VI. Пракаран (контекст) Пракаран, или контекст, означает, что контекст ограничивает значение высказывания. Например, в выражении *«Дева знает всё»* слово «Дева» может означать любое божество или даже уважаемого человека. Однако по контексту «ты» понятно, что речь идёт не о любом божестве, а о конкретной личности, к которой обращается говорящий, в данном случае королю.
- VII. Линга, или характеристика, определяет смысл слова с помощью его качеств или свойств. Например, в фразе «Макарадхваджа злится» слово «Макарадхваджа» может иметь множество значений, но, учитывая контекст и качество «гнев», понятно, что оно относится к Камадеве, божеству любви. Это связано с тем, что качество гнева можно обоснованно приписывать только живым или божественным существам, а не абстрактным объектам, таким как океан.

- VIII. Близость к другому слову, помогает лучше понять смысл слова благодаря его связи с другим словом. Например, слово «дева» само по себе может означать любое божество. Но когда встречается выражение «деवासья-пурарати», сразу понятно, что «пурарати» в этом контексте означает бога Шиву. В таких случаях близость слов в контексте помогает убрать двусмысленность.
- IX. Самартхья значит, что слово понятно по тому, что объект умеет делать. Например, в предложении «кукушка опьянена Мадху» слово «Мадху» значит весну, потому что только весна может «опьянять» птицу, поэтому мёд или вино тут не подходят.
- X. Аучитгья (совместимость) уточняет смысл через логическую совместимость слова с контекстом. Например, в выражении «*Patu vo dayitamukham*» слово «*Patu*» может означать «пить» или «защищать». Но из контекста, «противостояние лицу возлюбленного», понятно, что в данной ситуации можно использовать только слово «защищать». (https://archive.org/stream/KavyaPrakash/kavyaprakash_djvu.txt)
- XI. Дэш (место) объясняет значение через пространственный контекст. В выражении «*Paramesvara shines here*» слово «*Paramesvara*» определяется как король благодаря упоминанию королевской столицы.
- XII. Кал (время): По мнению Мамматы Бхатты, значение слова меняется в зависимости от контекста времени, в котором оно используется. Например, когда говорят: «*Читрабхану сияет*», слово *Читрабхану* может означать «солнце» или «огонь». Но контекст времени помогает здесь понять и выбрать значение, например, если это сказано днем, это будет означать солнце, но если это будет сказано ночью, это будет означать огонь.
- XIII. Въякти (род) уточняет значение через грамматический род. В «*Митра сияет*» слово в среднем роде обозначает «друг», а в мужском — «солнце».

- XIV. Маммат описывает Свар (интонацию) как еще один важный факт, который помогает нам понять правильное значение слова, фразы и т. д. посредством правильного ударения. Например, во фразе «Индрашатру» смысл зависит от ударения. Если ударение падает на первый элемент, «Индра», значение фразы будет «Убийца, которой является Индра». Если ударение падает на второй элемент, «Сатру», значение меняется на «убийца Индры».
- XV. Kriya (Жест): Цитируя примеры из *вакьяпадии* Маммта пишет, что Крия (Жест) проясняет смысл через движения персонажей, выражение лица или действия. Например, в предложении «все эти дни ее глаза уменьшались *до этого*, пока (отмечено жестами)» смысл слов проясняется только действием. Без таких визуальных или физически выраженных сигналов невозможно точно определить эмоциональное состояние или намерения персонажа. уточняет смысл через движения, мимику или действия персонажей
(https://archive.org/stream/KavyaPrakash/kavyaprakash_djvu.txt)

Все вышеперечисленные причины подчёркиваемые Мамматой, показывают, что слова могут иметь множество значений. Но просто знать значения недостаточно, а важно понять, какое именно значение подходит в конкретном случае. Маммата подробно объясняет теорию дхвани Анандавардханы в «Кавьяпракаша». Он определяет дхвани не просто как звук, а как более глубокий смысл, скрытый за словами. По его мнению, тексты содержат скрытый смысл, который воспринимается читателем и который прямо не выражен в тексте, но важен для понимания текста. Эта теория объясняет, что смысл текста не ограничивается прямым значением слов или звуками, а включает в себя и скрытый, намёками передаваемый смысл. В итоге можно сказать, что индийские поэтические теории Мамматы, Бхартрихари и Анандаварданы показывают, что перевод — это не просто передача слов, а передача смысла, контекста и эмоций. С помощью контекстуальных факторов, таких как

сочетание слов, ассоциации, противопоставления, время, место, род, акцент и жесты, можно снять двусмысленность и донести глубину текста.

Литература:

- Anandavardhana. Dhvanyaloka. 1957. <https://ia801408.us.archive.org/31/items/in.ernet.dli.2015.487459/2015.487459.Dhvanyaloka-of.pdf> and <https://archive.org/details/DhvanyalokaKashi/page/460/mode/2up>. Accessed 09 Sep. 2025)
- Aurobindo, Sri. The Foundations of Indian Culture. Sri Aurobindo Ashram, 1965.
- Bhartṛhari. Vakyapadiya. Edited by Raghavan Pillai, Motilal Banarsidass, 1971.
- Choudhuri, Indranath. "Towards an Indian Theory of Translation." Indian Journal of Linguistics, vol. 12, 2005.
- Cobell, Edward B. The Jaiminiya-Nyaya-Mala-Vistara of Madhavacharya. 1878. <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.283270>. Accessed 09 Sep. 2025
- Jakobson, Roman. "On Linguistic Aspects of Translation." Stanford University. <https://web.stanford.edu/~eckert/PDF/jakobson.pdf>. Accessed 09 Sep. 2025.
- Jha, Ganganath, and Mahamahopadhyaya. Kavyaprakasha of Mammata with English Translation. Bhartiya Vidya Prakashan, 1967.
- Nida, Eugene. Toward a Science of Translating. E.J. Brill, 1964

Д-р Сушма Кумари
Приглашенный преподаватель, Пенджабский
университет
Чандигарх

Dr Sushma Kumari
Guest Faculty, Panjab University
Chandigarh

**Отцовство как сопротивление: центральная роль
отцовской любви в романе Гузель Яхиной «Дети
мои»**

**Fatherhood as Resistance: the Central Role of Paternal Love
in Guzel Yakhina's "My Children"**

Аннотация: *Лауреат литературных премий «Большая книга» и «Ясная Поляна» 2015 года за роман «Зулейха открывает глаза», Гузель Яхина в 2018 году выпустила ещё один роман — «Дети мои», в котором основной сюжет посвящён судьбе немцев Поволжья через историю Якоба Баха, школьного учителя, чья жизнь в условиях ранней советской эпохи трансформируется через опыт отцовства во время жестоких потрясений. Цель данной статьи — показать и доказать, что любовь отца, главного героя романа, служит как эмоциональной связью между ним и его детьми, так и формой экзистенциальной защиты от исторической катастрофы советского времени. Этот период и общество, ставшие свидетелями политических репрессий и социальной дезинтеграции, лишали людей самостоятельности. В таком страшном времени преданность и любовь героя к своей дочери становятся хрупким убежищем человечности. В романе «Дети мои» отцовство показано не только как любовь, но и как искусство рассказывания историй, преодоление исторического насилия и*

обращение к мифам. Таким образом, роман Яхиной демонстрирует, как личная любовь становится противовесом бесчеловечному давлению коллективизации, репрессий и изгнания.

Ключевые слова: Отцовство, поволжские немцы, историческое насилие, Советский режим и Сталин

Annotation: Winner of the 2015 Big Book literary prize and the Yasnaya Polyana Literary Award for her novel "Zuleikha Opens Her Eyes," Guzel Yakhina released another novel in 2018, "My Children," in which the main plot focuses on the fate of Volga Germans through the story of Jacob Bach, a schoolteacher whose life in the early Soviet era transformed through the experience of fatherhood during a time of severe upheaval. The purpose of this article is to show and prove that the love of the father, the main character of the novel, serves both as an emotional bond between him and his children, and as a form of existential protection from the historical catastrophe of the Soviet era. This period and society, which witnessed political repression and social disintegration, deprived people of independence. In such a terrible time, the hero's devotion and love for his daughter become a fragile refuge for humanity. In the novel "My Children," fatherhood is shown not only as love, but also as the art of storytelling, overcoming historical violence, and turning to myths. Thus, Yakhina's novel demonstrates how personal love becomes a counterweight to the inhuman pressure of collectivization, repression and exile.

Keywords: Fatherhood, historical violence, Soviet regime and Stalin, Volga Germans

Литературу всегда рассматривается исследователями и литераторами как нравственная сила, которая имеет способность формировать жизненные принципы и также наполняет энергию человеческую душу. И не только о русской классике можно сказать это, современная

литература тоже очень близко и ярко напоминает нам человеческую душу, боль с которым связывал настоящий современный россиянин. Когда говорим о настоящей боли и его отражение в литературе то имя Г. Яхиной звучит побольше.

Гузель Яхина по этносу татарина, писательница, которая удостоена в 2015-ом году больших литературных премий «Большая книга» и «Ясная Поляна» за дебютный роман «*Зулейха открывает глаза*». ¹⁷ Критики, читатели романа Яхиной оценивают произведения автора как его личная и семейно-жизненная память переплетается с историческим опытом. Яхина сама неоднократно сказала об этом что что её бабушка подверглась репрессивным мерам сталинской эпохи и была среди депортированных во время массовых выселений и раскулачивания. ¹⁸

Видимо, писательский мир Г. Яхиной становится сферой и пространством, где личный опыт её предках разворачивается универсальным нарратом о боли и коллективной травме, пережитой народами во время и условиях авторитарного режима.

Роман Яхиной «*Дети мои*» говорит об историческом опыте поволжских немцев, живущие на берегу реки Волги. Судьба этих русскоговорящих немцев (которые по временам эмигрировали в Россию) определялась отношениями с русскими, которые явились большинство в эту волжскую долину. Яхина написав этот роман сохраняет традицию литературного повествования о бурном прошлом, так как она делает провинциального немецкого школьного учителя из Поволжья как главный персонаж и центральный протагонист своего романа. Главный протагонист отец двоинной дочерей. Его зовут Якоб. Он до остоновления отцом был мягким и пугающим человеком. Но когда его родилась

¹⁷ <https://daily.afisha.ru/archive/news/vozduh-laureatom-premii-yasnaya-polyana-stala-guzel-yahina/> доступно 21/09/25

¹⁸ <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/forging-hope-exile-interview-guzel-yakhina-author-zuleikha-opens-her-eyes#:~:text=Guzel%20Yakhina:%20As%20my%20heroine,learned%20from%20my%20first%20book..> Accessed on 19.08.2025

дочь он сначала испугал принять себя роль отца, потому что он не мог относиться с новым отношением, которое появилось с рождением дочери. Но приняв себя на роли отца, Якоб переживает значительные в избытке мучительные внутренние изменения. Душа учителя изменяется с замкнутого и развитого педагога он оборачивается в любящего и заботливого оца, для которого дети становятся источником и надеждой жизни. И с этого, тема отцовства устанавливает в романе главным сюжетом написания.

Отцовство здесь означает любовь, забота провинциального учителя, который сначала сыновляет и потом у него рождается дочь. Он станет заботливым и волющим отцом думающий о лучших жизнях своих детей. Он не хочет что его дети не переживали государственного давления, не чувствовали замкнутым как он и люди с его временем чувствовали. Он пожелает своим детям светлее будущее, свободу от страха и поэтому отцовство стала нравственным ориентиром и примером морального и располагающего мира.

Принятие героем роли отца не только преобразует его внутренний облик — из замкнутого и отрешённого представителя интеллигенции он постепенно становится заботливым и любящим человеком, — но и наделяет его существование экзистенциальной значимостью. В художественном произведении отцовство трактуется не как простая биологическая обусловленность, а как особая форма моральной ответственности, выходящей за рамки кровного родства. Оно выступает символом сохранения человеческого достоинства и этическим противовесом разрушительным историческим потрясениям. Таким образом, образ отца в повествовании предстает не только частной биографией, но и аллегорией культурной памяти, способной противостоять процессам распада и обезличивания. Настоящая статья сосредоточена на анализе отцовской любви как проявления сопротивления, где отцовство Якоба интерпретируется как выражение

свободы выбора и стратегия духовного выживания в условиях насилия истории.

Роман «*Дети мои*» не только говорит об отцовстве, он занимается и переосмысляет опыт поволжских немцев, живущие на берегу Волги. Поэтому историческая база этого романа является ярким представителем раненной исторической депрессии во время сталинского режима. Судьба меньшества по этносу поволжских немцев теперь зависит от большинства живущие люди и том районе и отношение с этими людьми. Представление главного протогониста, Якоба Баха, становится ключевым пунктом связи личного и коллективного опыта меньшество людей живущих во времена Сталина.

История поволжских немцев в россии

По этнической принадлежности поволжские немцы представляют собой сравнительно небольшую группу переселенцев из Германии, обосновавшихся на берегах Волги на юге России. Их приглашение в страну было инициировано императрицей Екатериной II. В книге «*От привилегий к лишению собственности: поволжские немцы (1860–1917)*» редактор и автор Джеймс В. Лонг анализирует, как радикальный национализм и государственные реформы изменили социально-экономическое положение этого этнического меньшинства.¹⁹ В статье Тимоти Олина «*Колониальные мечты, неоднозначные результаты немецкой колонизации в бассейне реки Волги и на Балканах*» утверждается, что разрушение общин, массовые переселения и последующее воссоединение с Германией спустя десятилетия были обусловлены ростом национализма, нацизма и коммунистически-националистической политики сталинской эпохи.²⁰ Яхина

¹⁹ Long, James W. *From Privilege to Dispossession: The Volga Germans, 1860–1917*. Moscow: Nauka, 2014.

²⁰ Olin, Timothy. "Colonial Dreams, Ambivalent Realities: The Outcomes of German Colonization in the Volga Basin and the Balkans." *Journal of Historical Sociology*, vol. 27, no. 4, 2014, pp. 482–500.

уделила особое внимание проблеме поволжских немцев и сделала её центральной темой своего романа *«Дети мои»*, показав её через жизнь главного героя, разочарованного и одновременно глубоко травмированного историей своего народа. Его связь с дочерью становится формой противостояния: личный и интимный нарратив, который сопротивляется забвению на фоне коллективной катастрофы.

Тема отцовства как личностной трансформации

В романе *«Дети мои»* тема отцовства представлена как личная трансформация героя. В начале произведения Якоб, главный герой, показан человеком, разочарованным в обществе и политике, с которыми он был связан. Его идентичность выражается скорее через книги, которые он читает, и язык, на котором он говорит, а не через человеческие отношения. Он даже усыновляет мальчика, но делает это скорее из стремления наладить отношения со своим сообществом, чем из личной привязанности. Однако с рождением дочери эмоциональное состояние героя меняется. Забота о ребёнке становится для него источником глубокой внутренней перемены, и именно отцовство помогает Якобу пройти путь личной трансформации.

«Бах часто размышлял о дне, когда Анче захочет покинуть хутор. Уйдет ли она за Васькой... Обещал себе не препятствовать её выбору... И вдруг полюбил зимы: дети не ушли бы с хутора в мороз и снегопад... Эти краткие и сладкие часы, когда дети были полностью в его власти... наполняли его сердце тихой и стыдной радостью.»²¹

Можно заметить эмоциональное пробуждение героя, когда он открывает в себе любовь и заботу к дочери, и именно это изменяет его восприятие жизни. Теперь у него появляется причина жить, а вместе с этим в его поведении проявляются стойкость и сила сопротивления ради дочери.

²¹ Яхина, Г. Ш. Дети мои : роман / Гузель Яхина. — Москва : АСТ, 2018. — 512 с. — ISBN 978-5-17-109208-0.

«...Что оставалось ему теперь? Только любить своих детей. Любить издалека. Любить не видя. Детей, которые никогда не слышали его голоса и вряд ли уже услышат. Детей, которые говорят на другом языке. Которые готовы покинуть его, забыть и предать. Этих странных и чужих детей, которых он почему-то возомнил своими...»²²

Этическая ответственность пробуждается внутри героя, и он посвящает свою жизнь дочери. Ради неё герой превращается в человека, способного на насилие, грубость и жестокость, лишь бы защитить свою дочь от всего.

«Подумалось: вот он, момент настоящей жизни — сидеть у порога и оберегать детский сон....»²³

Наследие показанное в тени отцовства

В пределах наследия автор стремится осмыслить глубокие смыслы человеческого существования. История сталинской эпохи наполнена кровопролитием и резнёй советских народов, которые в условиях сталинского режима оказывались «ненужными» для государства. Массовые депортации народов во время гражданской войны, коллективизация ценой человеческих жизней, масштабные репрессии – все эти события свидетельствуют о преступном характере советской политики по отношению к простым людям и к человечеству в целом. Историки и экономические мыслители могут по-разному оценивать эти процессы, однако нельзя забывать, что для миллионов людей они обернулись трагедией.

И авторы, такие как Яхина, вновь и вновь возвращаются к этим темам, чтобы говорить и писать о них. И поэтому мы смотрим повараживание героя преступником; как Зулейха

²² См. Там же стр. 189.

²³ См, там же стр. 210.

тоже остаётся убицей в романе Яжины, *Зулейха открывает глаза*²⁴.

Больезные границы отцовста

Мы видим серьёзные стремления героя защитить своих детей от этнической и исторической трагедии того времени, которая разрушает жизнь Якоба и его семьи. Но Якоб, как отец, противостоит до конца. Яхина показывает, что даже величайшая семейная любовь, лежащая в основе фундаментальных человеческих чувств (понимания, защиты и заботы), не в силах уберечь людей от тоталитарного государства. Поэтому автор подчёркивает: само человечество, в своей сути, становится формой выживания.

*«Даже самая сильная любовь отца к ребёнку оказывается бессильной перед лицом всеобщей беды. Но именно эта любовь делает жизнь героя наполненной смыслом и даёт ему силы сопротивляться трагедии».*²⁵

Заключение

Отцовство является центральной темой романа Гузели Яхиной *«Дети мои»*. Эта тема выступает контрапунктом исторической трагедии, пережитой поволжскими немцами — этническим меньшинством, проживавшим на юге России. Будучи меньшинством, они сталкивались с потрясениями и катастрофами, и поэтому отцовская любовь и преданность главного героя своим детям носят скорее экзистенциальный, чем романтический характер. Перед лицом власти он оказывается уязвимым, но его неповиновение репрессиям становится проявлением заботы о будущем поколении, которому он стремился обеспечить пусть и тяжёлое, но свободное и достойное будущее.

²⁴ Зулейха не убивает человека, а медведя в романе Зулейха открывает глаза. Но, метафорически показано что робкая женщина как Зулейха убивает медведя. И смелость убийства рождается в неё после длиных пытки, репрессии и убийства его родственников прямо у неё на глазах.

²⁵ См.там же. Стр. 301

Яхина бросает вызов традиционным представлениям интеллигенции и переосмысливает личную любовь как моральную позицию, подчеркивая трансформирующую силу отцовства. Роман показывает, что даже если люди и общества могут быть раздавлены историей, любить и защищать ребёнка — это акт сопротивления дегуманизации. Таким образом, «*Дети мои*» подтверждают непреходящую способность литературы выражать интимные, нравственные и глубоко человеческие формы противостояния.

Литература

- Лонг, Джеймс В. От привилегий к лишению собственности: поволжские немцы (1860–1917). М.: Наука, 2014.
- Олин, Тимоти. «Колониальные мечты, неоднозначные: результаты немецкой колонизации в бассейне реки Волги и на Балканах». *Journal of Historical Sociology*, т. 27, № 4, 2014, с. 482–500.
- Яхина, Гузель. *Дети мои*. Москва: АСТ, 2018.
- Виола, Линн. *Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements*. Oxford University Press, 2007
- Engel, Barbara Alpern. *Breaking the Ties That Bound: The Politics of Marital Strife in Late Imperial Russia*. Cornell University Press, 2011.
- Long, James W. *From Privilege to Dispossession: The Volga Germans, 1860–1917*. Moscow: Nauka, 2014.
- Olin, Timothy. "Colonial Dreams, Ambivalent Realities: The Outcomes of German Colonization in the Volga Basin and the Balkans." *Journal of Historical Sociology*, vol. 27, no. 4, 2014, pp. 482–500.
- Viola, Lynne. *The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements*. Oxford University Press, 2007.
- Viola, Lynne. *Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance*. Oxford University Press, 1996.

- Yakhina, Guzel. *Children of the Volga*. Translated by Lisa C. Hayden, Oneworld Publications, 2020.
- Werth, Nicolas. *Cannibal Island: Death in a Siberian Gulag*. Princeton University Press, 2007.
- Zink, Harold. "The Volga Germans in Russia." *The American Historical Review*, vol. 45, no. 1, 1939, pp. 33–51.
- Hosking, Geoffrey. *Russia and the Russians: A History*. Belknap Press of Harvard University Press, 2001

Д-р Инду Шекхар
Преподаватель
Университет Бароды имени Махараджи Саяджирао

Dr Indu Shekhar
Assistant Professor
Maharaja Sayajirao University of Baroda

**Традиционный кавказский текст и современная
литературная обстановка: Кавказский пленный
Маканина**

**Traditional Caucasian Text and Contemporary Literary
Setting: Makanin's Caucasian Prisoner**

Аннотация: Кавказская тема оказывается одной из самых популярных тем современной русской литературы и составляет сегодня один из крупнейших и пестрых корпусов литературных произведений. Данная статья представляет собой аналитическое исследование рассказа Владимира Маканина «Кавказский пленный» в контексте традиционного «кавказского текста» русской литературы. Отличительной чертой маканинского рассказа «Кавказский пленный» оказывается его интертекстуальность. Интертекстуальные связи рассказа с произведениями Пушкина, Лермонтова и Л.Толстого заставляют нас пересматривать классические мотивы кавказского текста русской литературы, такие как плен, красота и война. Рассказ Маканина не просто напрямую связывается с другими рассказами на ту же тему (и иногда с тем же названием), но и пытается установить диалогическую связь также и с Достоевским. Маканин апеллирует к Достоевскому, отмечая: «Красота спасёт мир», который становится постоянным мотивом и проблематикой, как в маканинского рассказа так и кавказского текста русской литературы.

Annotation: *The Caucasian theme is one of the most popular themes in contemporary Russian literature and constitutes one of the largest and most diverse bodies of literary works. This article is an analytical study of Vladimir Makanin's story "The Prisoner of the Caucasus" in the context of the traditional motifs and questions posed in the "Caucasian text" of Russian literature. A distinctive feature of Makanin's story "The Prisoner of the Caucasus" is its intertextuality. The intertextual connections of the story with the works of Pushkin, Lermontov and Tolstoy force us to reconsider the classic motifs of the Caucasian text of Russian literature, such as captivity, beauty and war. Makanin's story does not only have direct connection with other stories on the same theme (and sometimes with the similar title), but also tries to establish a dialogical connection with Dostoevsky. Makanin appeals to Dostoevsky, noting: "Beauty will save the world", which becomes a constant motif and problematic of both Makanin's story and the Caucasian text of Russian literature.*

Рассказ **«Кавказский пленный»** Владимира Маканина впервые появляется в журнале «Новый мир» (1995, № 4). Написал он его в течение четырёх месяцев (июнь – сентябрь 1994 г.). Своим выходом в свет рассказ вызвал сильные критические и противоречивые отзывы. С одной стороны, в нем рассматривается отражение еще не начатой первой чеченской войны (она начинается только к концу 1995 г, по официальным датам - 11 декабря 1994 года, и так Маканин, во всяком случае, заканчивал свой рассказ до начатой войны), с другой стороны, его сильно критиковали за слабое изображение современной кавказской реальности, а также за его **«игру в классики на чужой крови»**²⁶.

²⁶ Опираясь на то, что творчество Маканина, особенно этот рассказ, имеет не одни полемические отношения с произведениями классической традиции, литературовед и литературный критик Павел Басинский написал отзыв о рассказе Маканина в литературной газете

Рассказ Маканина критиковали осуждали также за изображение гомосексуального влечения русского солдата к кавказскому пленному. Тем не менее рассказ заслуживает нашего внимания, не лишь только за то, что привлекало соответствующие противоречивые отзывы, а еще за то, что данный рассказ имеет глубокие интертекстуальные связи с текстами классической традиции. В данном рассказе встречаются сложные переплетения традиционных мотивов кавказского текста русской литературы XIX века.

Между рассказом «Кавказский пленник» Л.Толстого и рассказом В. Маканина «Кавказский пленный» стоит интервал более столетия. Рассказ Л. Толстого был опубликован в 1872 году, однако данный длинный отрезок времени сокращен Маканиным с помощью своеобразной характеристики своей прозы – интертекстуальность. Интертекстуальность и многоголосие являются характерными чертами творчества зрелого Маканина:

Гораздо позднее, в 1990 году, критик А. Агеев определил центральную тему зрелого Маканина как драматическое противоборство индивидуального и роевого или хорового начал в душе человека. Авторитетность идеи приоритета «роевого» (народного, соборного) над личностным глубоко укрупнена в русской классической традиции. Не случайно многие маканинские тексты строятся на прямых или косвенных отсылках к Гоголю («Человек свиты»), Чехову («Отдушина»), Л.Толстому («Кавказские пленный»), Лермонтову

(1995. – 7 июля. - №22) под этим же названием. Маканина. Цитирована в: критике Олега Павлова, опубликована в журнале знамя (1996, №1). Еще можно расс. Лейдерман Н. Л. и Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950-1990-е годы. В двух томах. – М. Academia. 2003. Том. 2. 1968-1990. - С. 635

(«Андеграунд или Герой нашего времени») (Лейдерман and Липовецкий).

Как известно, сюжет русского в плену горцев оказывается основным в кавказском пласте русской литературы. Под одноименным названием «Кавказский пленник» существуют сходные сюжеты у Пушкина, Лермонтова и Л. Толстого. Однако, рассказ Маканина имеет полемические отношения не только со сходным сюжетом, но и еще с другими рассказами и повестями, т. е. основными мотивами кавказского текста русской литературы.

Интертекстуальную характеристику маканинского творчества и проблему сложности «современности» литературного процесса в его историческом понятии можно охарактеризовать высказыванием М.М. Бахтина, который постигает современность не в изолированном протекании временного пространства, а рассматривает его как диалог всей литературы, в котором непрерывно сталкивается прошлое с современным в узком его понимании. Таким образом, временное пространство литературной деятельности воспринимается М. М. Бахтиным, чаще всего, круглым или кольцевым, где автор может начинать свое повествование с любого места, не перерывая общий ход действия.

Автор-создатель свободно движется в своем времени; он может начать свой рассказ с конца, с середины и с любого момента изображаемых событий, не разрушая при этом объективного хода времени в изображенном событии. Здесь ярко проявляется различие изображаемого и изображенного времени.

Но тут возникает более общий вопрос: из какой временно-

пространственной точки смотрит автор на изображаемые им события?

Во-первых, он смотрит из своей незавершенной современности во всей ее сложности и полноте, причем сам он находится как бы на касательной к изображаемой им действительности. Та современность, из которой смотрит автор, включает в себя прежде всего область литературы, притом не только современной в узком смысле слова, но и прошлой, продолжающей жить и обновляться в современности (Бахтин).

Прямое линейное восприятие временного пространства литературной деятельности может лишить автора развития свободного хода событий, а в противопоставлении круглого восприятия он может начинать с любого места. Однако, кроме этого, наиболее важным оказывается диалогический характер ощущения современности, который четко выражен Маканиным в данном коротком рассказе.

В рассказе Маканина встречается некая переработка исторического материала, которую он наследовал от великих имен русской литературы: Пушкина, Лермонтова, Л.Толстого. Однако основной конфликт рассказа построен в полемическом отношении с известным высказыванием Ф.Достоевского о том, что «красота спасет мир» (из романа «Идиот»), Маканин в ходе рассказа размышляет над этой теорией и старается постигать мысли этого великого писателя:

И вновь – на самом выходе из теснины — высокая трава. Ничуть не пожухла. Тихо колышется. И так радостно перекликаются в небе (над

деревьями, над обоими солдатами) птицы. Возможно, в этом смысле красота и спасает мир. Она нет-нет и появляется как знак. Не давая человеку сойти с пути. (Шагая от него неподалеку. С присмотром.) Заставляя насторожиться, красота заставляет помнить (Маканин).

В своем рассказе Маканин отходит от традиции одноименного названия и изменяет имя существительное «*пленник*» именем прилагательным «*пленный*». И насколько же существенным оказывается соответствующее небольшое изменение? Несмотря на то, что оба слова передают одно и то же значение, но, заменяя существительное прилагательным, Маканин делает его атрибутивным и оно оказывается более подвижным, имея в виду, кому оно обращено. Кроме того, в отличие от традиции классиков, в плену оказывается не русский солдат, а красивый молодой кавказец, однако мотивировка плена оказывается все та же. Выкуп, но не денежный, а пропуск проезда: горцы заперли русских в тупике, объезда нет, вот пленник нужен лишь, для того, чтобы провести переговоры и получить проход. Итак, в рассказе Маканина мотив плена оказывается крайне сложным, он не прямолинеен, как в предыдущих рассказах. Кроме конкретной объективности, мотив также является абстрактом, тесно сплетенным с мотивом красоты. Сложность мотива плена, прежде всего, четко и дословно выражена в разговоре подполковника Гурова с Алибековым:

— *И чего ты упрямишься, Алибек!.. Ты ж, если со стороны глянуть, пленный. Все ж таки не забывай, где ты находишься. Ты у меня сидишь.*

— *Это почему же — я у тебя?*

— *Да хоть бы потому, что долины здесь наши.*

— Долин ваши — горы наши. Алибеков смеется
 — Шutiшь, Петрович. Какой я
 пленный... Это ты здесь пленный! —
 Смеясь, он показывает на Рубахина, с
 рвением катящего тачку: — Он
 пленный. Ты пленный. И вообще каждый
 твой солдат — пленный!
 Смеется:

— А я как раз не пленный (Маканин)

Рассказ также наиболее значительным образом отличается от предыдущих рассказов (в частности, от рассказов Пушкина и Лермонтова) изображением любовной интриги. От рассказа Пушкина рассказ Маканина отличается тем, что изображает гомосексуальные влечения русского солдата Рубахина к пленному молодому кавказцу. За это критики резко презирали Маканина, найдя в нем неправдивость изображения, не желая верить в то, что можно найти такого красивого женоподобного кавказца среди кавказских горцев:

Женоподобие презирается у
 горцев и даже карается. И того юноши
 женоподобного, которого Маканин
 пишет, как воина, никак и никогда не
 могло в боевом отряде горцев
 существовать - да еще с оружием в
 руках. Горцы, с их почти
 обожествлением мужественности и
 силы, такого бы юношу, возьми он в
 руки, как и они, оружие, брось он на них
 хоть один самый безвинный взгляд,
 удушили бы первее, чем тот русский
 солдат (Павлов).

Критик О. Павлов здесь не оказывается жертвой

своих предрассудков, предрасположенной к стереотипам. Сколько времени прошло с чеченской войны, но критик еще твердо верит в то, что все боевики-горцы бывают похожими друг на друга. Тем не менее во взглядах критика своеобразно развёртывается главный конфликт рассказа, который еще и является одним из главных конфликтов кавказского текста русской литературы романтического периода, и, отчасти, раннего реалистического периода, - красота и война. По мнению критика, такой красивый женоподобный солдат не в состоянии держать ружье в руках (ведь традиционно красота всегда, по мнению критика, будет нежна, но ни к чему не годна), он не способен к ужасным делам войны. Однако критик не утверждает, что таких женоподобных красивых горцев не встречается в Кавказе. Несомненно, такое мнение выражало бы крайние предрассудки. А если такие горцы бывают, и не участвуют в войне, это никак не означает того, что их красота спасет их от ужасов войны, и они никогда не станут жертвой войны.

Гомосексуальное влечение Рубахина к молодому кавказцу выражено в рассказе как чувствительная, духовная реакция к красоте, рождённая, прежде всего, красотой, именно поэтому является таким же нежным и духовным, чем и отличается от «мимолетного романа» Вовки-стрелки. Противопоставление этих двух «романов» обнаруживает их истинную характеристику. **«Вовкин роман ни в чем не выходит за пределы солдатской обыденности, солдат просто удовлетворяет сексуальный голод, сводя эмоциональную сторону “дела” к краткому ритуалу “заигрывания” ...»** (Лейдерман и Липовецкий). Чувства Рубахина были рождены, прежде всего, красотой и были лишены «солдатской обыденности», ибо пробуждены они «духовным озарением красоты». Чувства Рубахина были также скоротечны, как и его инстинкт самосохранения перед двумя отрядами боевиков. Перед инстинктом самосохранения сила красоты не выдерживает и дела

заканчиваются «потрясающим сценами» удушения молодого кавказца²⁷. Красота не смогла спасти его.

Кусочки описания природы несут в себе отпечаток классической традиции. Однако эти картинки

²⁷ Ирина Роднянская, описывая сюжет тревоги в творчестве Маканина, рассматривает не мотив самозащиты в убийстве молодого пленного, а отмечает, что, он был убитым в следствие. прежде всего, тревоги Рубахина, которую он не мог сдержать: (рубахин) мучительно робеет и теряется перед непонятной, но очевидной для него силой. Он реагирует, и реакция его, непроизвольно физиологическая, со стороны души разрушительна: невыносимо нарастающая тревога. Возникает уверенность: прекрасный пленник должен быть убит, независимо от того, опасен он для двух русских солдат или нет, потому что такую тревогу долго терпеть не с руки.

Бахтин, М. М. *Тероия романа (1930-1961 гг.)*. М.: Язык славянских культур, 2012.

Лейдерман, Н. Л. и М. Н. Липовецкий. *Современная русская литература: 1950-1900-е годы (в двух томах)*. М.: Academia, 2003.

Маканин, Владимир. «Кавказский пленный.» *Новый мир* (1995).

Павлов, Олег. «Критика.» *Знамя* (1996 № 1).

Ремизова, Мария. «Война внутри и снаружи.» *Октябрь* (2002 №7).

Роднянская, Ирина. «Сюжет тревоги: Маканин под знаком "новой жестокости".» *Новый мир* (1997 № 4).

оказываются разбитыми прикреплением скобок. Данные описания передают «повторный» взгляд на один и тот же предмет, **«сначала словно бы безмятежно-вскользь, а потом вострепёнувшись и насторожившись, с зорким, подозрительным прищуром» (Родняская)**

Куда вдруг делись горы? Залитое солнцем пространство напомнило Рубахину о счастливом детстве (которого не было). Особняком стояли над травой гордые южные деревья (он не знал их названий). Но более всего волновала равнинную душу эта высокая трава, дышавшая под несильным ветром (Маканин).

Особенно значительным оказывается описание гор, которое в классическом кавказском тексте воплощает красоту. Но в данном рассказе, в отличие от традиционных текстов, красота пугает человека. Русские оказались пленными среди этой поразительной красоты. Мотив красоты, природной и всякой другой, и плена оказываются сложно причислены:

Каждый раз, собираясь послать на хер все и всех (и навсегда уехать домой, в степь за Доном), он собирал наскоро свой битый чемодан и... и оставался. “И что здесь такого особенного? Горы?..” - проговорил он вслух, с озленностью не на кого-то, а на себя. Что интересного в стылой солдатской казарме — да и что интересного в самих горах? — думал он с досадой. Он хотел добавить: мол, уже который год! Но вместо этого сказал:

*“Уже который век!..” — он словно бы
проговорился; <...> Но все-таки – горы?!.
Там и тут теснятся их желтые от
солнца вершины. Горы. Горы. Горы.
Который год бережит ему сердце их
величавость, немая
торжественность – но что,
собственно, красота их хотела ему
сказать? зачем окликала? (Маканин)*

Итак, символ кавказской красоты – горы, (из кавказского текста романтического периода) оказываются значительно протянутыми, до такой степени, что становятся однообразными и вызывают чувство раздражительности, однако имеют непрерывное, губительное тяготение, которое не разрешает Рубахину уехать от себя. Уже прошёл век, но горы все такие же, имеют прежнее тяготение. Недаром, вместо года, он скажет – «уж который век!», как будто судьба его отождествляет с судьбой прошлого. Мотив возвышенной красоты, которая сколь поразительна, столь и раздражительна, еще появляется в неких текстах. Появляется она в виде волшебницы в «Кавказском пленнике» Пушкина:

*Ее пленял наряд суровый
Племен, возросших на войне,
И часто в сей одежде новой
Волшебница являлась мне
(Кавказский
Пленник, Пушкин).*

Подобным образом раздражают горы Оленина, который, посмотрев на них, сначала радуется,

испытывает восторг, но скоро однообразный вид гор надоедает ему, и он не может чувствовать ничего другого, кроме гор. Соответствующие аналогии сближают рассказа Маканина с кавказским текстом Л.Толстого.

Война изображена как «ярчайшее воплощение социального хаоса», четко выражена в противопоставленных ситуациях: подполковник Гуров мирно и лениво, легкомысленно за чаем обсуждает проблему обмена российского оружия за провиант и прокорм, безразличный к тому, что солдаты пришли за помощью, **«ему даже смешно слушать, чтобы он направил куда-то своих солдат выручать грузовики, которые по собственной дурости влипли в ущелье!»**. Так война изображается как рутина и вечная статика, через которую протекают будничные дела. Война, как бесконечные горы, остается фоном и только оружие здесь имеет покупательную способность.

Насилие в рассказе Маканина тесно сливается с красотой. Недаром она пугает. С целью развертывания главного конфликта рассказа, Маканин тесно сплетает изображение насилия с картинами разных типов красоты: природной, человеческой, духовной. Насилие в рассказе Маканина – это будничная реальность Кавказа, как рутина войны. Никто не признает ее присутствия и относится ко всему этому с полным равнодушием. Ефрейтор Боярков отсутствует в отряде, его отсутствие замечено, но никак не мотивирует предпринимать какие-то меры за это, даже когда решено, «что он в бегах». Здесь стоит вспомнить сцены раннего рассказа «Рубка леса» Л.Толстого, где также отсутствует солдат, но отыскать его послали ефрейтора Антонова.

Насилие является неотделимой частью действительности данного красивого места. Оно никак не тревожит душу человека. Для персонажей всякий тип насилия оказывается равноправным, либо это найти

убитого солдата в красивом чистом поле, либо удушить красивого молодого, который привлекал несколько минут назад, — все это равнозначно. Ирония рассказа содержится в том, что в столь необычно красивом месте насилие и жестокость не тревожит душу человека, а тревожит, прежде всего, красота молодого кавказца.

С расцветом литературного направления нового реализма в русской литературе, рассказ Маканина критиковали за то, что в нем не выражена реальность войны, что имеет посредственное отношение к военным делам. Мария Ремизова в своей статье «Война внутри и снаружи» («Октябрь 2002, №7») осуждает рассказ за неподходящее время его публикации.

Такие тексты хорошо писать, когда войны нет. Когда она есть, требуется несколько менее кабинетный подход. От утонченного психоаналитика на поле боя пользы, в общем-то, никакой, куда больше ее можно ждать от грубого санитара (Ремизова).

Несмотря на то, что рассказ был написан перед началом чеченской войны, вопросы, отражённые в нем, раскрывают их большой спектр, соприкасающийся с войной, как в общественном сознании, так и в ее художественном восприятии, что, в свою очередь, предполагает необходимость всестороннего развития литературной деятельности, которое оказывается необходимым для молодого литературного направления, чтобы полно развивать и исчерпать свои творческие силы.

Харша Наранг
Центр русских Университет имени Джавахарлала
Неру, Нью Дели, Индия

Harsha Narang
Centre of Russian Studies
Jawaharlal Nehru University

**Гендерные вопросы начала XX века в произведениях
Лидии Зиновьевой-Аннибал, Анны Мирэ и Анны Мар**

**Gender issues of the early 20th century in the works of Lydia
Zinovieva-Annibal, Anna Mire and Anna Mar**

Annotation: *The article is devoted to understand Russian women's literature of the early 20th century. Russian modernism arose following rapid revolution of the 20th century and as a rejection of positivism and realism. The 1905 Revolution and the harsh repression that followed, as well as the relaxation of censorship in 1906, encouraged some women writers to write about previously taboo subjects related to love and gender issues. The themes were bold and provocative. They described their personal experiences, revealed their identities. The new modern era characterized by creativity and development touched upon themes "forbidden" during those times. For example, Lydia Hannibal touched on the theme of free love between three lovers at the same time along with a lesbian theme. She demonstrated a different form of love that was widely criticized as such works were ahead of their time. Anna Mar's "Women on the Cross" touches on the theme of sadomasochism. Anna Mir's works describe the lives of models, prostitutes, and maids. The article will try to focus on the problems and issues faced by these women writers and the range and nature of the themes depicted by the them during the beginning of twentieth century.*

Key words: *women's literature, modernism, themes, taboos, problems, L.Annibal, A.Mire, A.Mar, 20th century*

Аннотация: *Статья посвящена осмыслению русской женской литературы начала XX века. Русский модернизм возник в*

результате бурных революционных событий XX века и как отказ от позитивизма и реализма. Революция 1905 года и последовавшие за ней жестокие репрессии, а также ослабление цензуры в 1906 году побудили некоторых писательниц писать на ранее табуированные темы, связанные с любовью и гендерными вопросами. Темы были смелыми и провокационными. Они описывали свой личный опыт, раскрывали свою идентичность. Новая модернистская эпоха, характеризующаяся креативностью и развитием, затрагивала темы, «запретные» в то время. Например, Лидия Ганнибал затрагивала тему свободной любви между тремя влюблёнными одновременно, наряду с лесбийской темой. Она продемонстрировала иную форму любви, которая подверглась широкой критике, поскольку подобные произведения опережали своё время. В произведении Анны Мар «Женщины на кресте» затрагивается тема садомазохизма. Произведения Анны Мир описывают жизнь моделей, проституток и служанок. В статье предпринята попытка сосредоточиться на проблемах и вопросах, с которыми сталкивались эти писательницы, а также на спектре и характере тем, которые они изображали в начале XX века.

Ключевые слова: женская литература, модернизм, темы, табу, проблемы, Л.Аннибал, А.Мир, А.Мар, XX века.

Женская литературно-творческая деятельность стала яркой приметой русской культурной эпохи начала XX века. Это явилось следствием развития женского движения.

В России после отмены крепостного права в 1861 году экономическое положение дворянского сословия ухудшилось, и они больше не могли содержать многих своих незамужних молодых женщин, которым приходилось искать работу. Все большему числу русских женщин стало необходимо работать и достигать экономической независимости посредством работы.

С конца XIX века активно обсуждалось положение женщин, были расширены их права, стали появляться женские общества и организации, женщинам было разрешено получать среднее и высшее образование, увеличилось число женщин, занятых в разных профессиях. Одним из доступных и распространенных занятий стала литературная

деятельность. К концу XIX века число женщин-прозаиков росло, поскольку у женщин возросли способности и стремление участвовать в русском литературном процессе. Это было связано в основном с расширением прав женщин: в частности, с большими образовательными и социальными возможностями, открытыми для женщин. К концу века большему числу женщин стало возможным получить среднее и высшее образование (хотя процент женского населения, которое получило образование, был все еще очень мал, и только в революционные годы 1905–1907 годов был достигнут значительный прогресс в высшем образовании женщин). (Stites 166-178)

Тем не менее, многие из женщин-писательниц, появившихся в конце 1880-х годов, посещали Высшие женские курсы, впервые основанные в России в 1860-х годах, или Бестужевские курсы для женщин в Санкт-Петербурге. Социальный статус многих женщин менялся, поскольку Россия преобразовывалась индустриализацией и урбанизацией.

Подсчитано, что к 1897 году в России уже было шесть миллионов женщин, живущих на собственную зарплату. (Kazakova 135) Поскольку многие другие профессии, такие как юриспруденция, университеты, местные земские собрания и государственная бюрократия, оставались в значительной степени закрытыми для женщин до 1905 года, литература и журналистика стали одними из самых доступных и популярных профессий для образованных русских женщин. Многие женщины-писательницы, такие как Анастасия Вербицкая, Варвара Цеховская («Ольнем») и Надежда Лохвицкая («Тэффи»), начинали свою карьеру в качестве журналистов.

В начале двадцатого века был основан ряд новых журналов, которые специально публиковали произведения женщин, такие как «Женское дело» (1899–1900), «Женский вестник» (1904–1916) и «Журнал для женщин» (1914–26). По мере того, как женщины становились все более влиятельными в литературном мире, русская литературная общественность,

в свою очередь, становилась более терпимой к женскому творчеству.

Возможно, самым значительным препятствием для принятия женской литературы было постоянное отсутствие интереса к ней как к отдельному жанру в самой России. Русские женщины-писательницы и критики часто отрицают, что существует такое явление, как «женская литература»; или, если они признают ее существование, они принижают ее в терминах, похожих на те, которые используют мужчины-критики. Женщины были воспитаны в такой атмосфере, где наивысшей похвалой, которая может быть дана русской женщине-писателю, является то, что она «поэт», а не «поэтесса», «писатель», а не «женщина-писатель», и что она пишет «мужской рукой» или «мужским пером». (Gilbert 29-45) Желая быть принятыми в мейнстрим литературы общества, которое ущемило, маргинализировало и исключило их, многие русские женщины-писательницы приняли точку зрения, схожую с точкой зрения Марины Цветаевой: «В искусстве нет женского вопроса. Есть только женские ответы на человеческий вопрос». (Karlinsky 96-97)

«Серебряный век» русской литературы с 1890-х годов до Революции оказался важным периодом и для женщин, поскольку он стал свидетелем появления разнообразной группы талантливых авангардных писательниц и актрис, которые критиковали устаревшие представления о мужчинах и женщинах и характере их ролей. (Rosenthal 32)

По словам Шоуолтер, «женщины писали, стремясь сравняться с интеллектуальными достижениями мужской культуры, и усваивали ее предположения о женской природе» “women wrote in an effort to equal the intellectual achievements of the male culture, and internalized its assumptions about female nature.” (Showalter) что началось во времена правления Екатерины Великой.

Появление модернизма в 1890-х годах, в период Серебряного века, продвигало художественное творчество как дело, достойное преданности. Модернизм отвергал традиционное реалистическое искусство и литературу,

отвергая методы имитации жизни в пользу иррационализма и абсурда. Модернизм продемонстрировал несколько последовательных эстетических принципов и творческих методов, которые привели к фундаментальному пересмотру универсальных ценностей, которые ранее были культурно доминирующими. Символизм, акмеизм, футуризм, имажинизм, импрессионизм, дадаизм и сюрреализм, каждый из них представлял собой восторженный разрыв с позитивистским культурным наследием и гуманистическими убеждениями девятнадцатого века. Это было движение скептицизма. Иногда оно открыто нападало на моральные ценности общества, но иногда экспериментировало с самой формой и просто игнорировало моральные вопросы. Это была эпоха («искусства ради искусства»), творчества, оторванного от социальных или интеллектуальных обязанностей

Это привлекло многих женщин в литературу, несмотря на препятствия к такой карьере и критику, которая все еще сопровождала женщин за нарушение их традиционных ролей. Изменение политического климата также оказало значительное влияние на русских женщин. Во время реакции 1890-х годов и впоследствии, после провала революции 1905 года, искусство представляло собой побег от всеобщего разочарования в политических действиях. В рубеже XIX – XX веков в русской литературе появились много женщин- писательниц. В том числе и Ольга Шاپир, Анастасия Вербицкая, Поликсена Соловьева, Елизавета Дмитриева, Анна Герцык, Зинаида Гиппиус, Надежда Тэффи, Софья Парнок, Анна Мар, Анна Мирэ, Анна Ахматова, Мария Цветаева и другие. Об этом сказал один критик: «Никогда в русской литературе не было так много женщин- писательниц, как в настоящее время...Писательница с именем, журналистка, сотрудница газеты, переводчица – далеко не редкое явление в русском обществе». (Чуйко. В 23)

В то же время такие модернисты, как Зинаида Гиппиус и Лидия Зиновьева-Аннибал, выбирают такие темы, как женская индивидуальность и сексуальность. Раньше почти все русские писательницы были дворянками, но к 1880-м

годам большинство из них были выходцами из городских семей мужчин-профессионалов, государственных служащих и военных офицеров, в то время как некоторые происходили из более скромных слоев: Дмитриева родилась в семье образованных крепостных, мать Милицыной была крестьянкой, а Надежда Санжар была дочерью государственного крестьянина и донской казачки. Роль писательницы менялась: критик К. Ф. Головин подчеркивал, что наблюдается не только рост количества, но и качества женской прозы. (Golovin) В то время как Н. Надеждин отмечал, что содержание женских произведений расширяется, выходя за рамки чисто «женских тем» (Надеждин 290).

Хотя некоторые критики поддерживали женскую литературу, однако, русские писательницы все еще часто не ценились за предполагаемую личную безнравственность, чрезмерную эмоциональность или узкий выбор тем. Некоторые такие жалобы имели мало общего с внутренними достоинствами или недостатками женской прозы, но в основном возникали из-за женоненавистничества критиков-мужчин и недоверия к женской автономии и сексуальности.

Растущая уверенность женщин-писательниц тем не менее нашла отражение в том факте, что к этому времени все меньше из них использовали псевдонимы, особенно мужские псевдонимы.

Мотивы женщин стать писателями были разными: от чистой материальной нужды до чувства «призвания», а в некоторых случаях и комбинации этих мотивов. Большинство женщин начали писать рано, в детстве. Несколько, кто пришел к писательству поздно, сделали это по необходимости. Развод заставил Ариадну Тыркову и Екатерину Эк заняться писательством; вдовство сделало то же самое для Надежды Лухмановой.

Но противодействие со стороны членов семьи и семейные обязательства также были серьезными препятствиями для некоторых женщин.

Еще одно препятствие, с которым сталкивались женщины, помимо общественного и родительского неодобрения и уныния, было психологическим: отсутствие уверенности.

и промышленной жизни.

В этот период женщины-писательницы, помимо создания прозаического текста, также использовали другие пространства, такие как автобиографические произведения и поэмы, чтобы продемонстрировать свой внутренний опыт и проблемы, с которыми сталкиваются женщины. женщины-писательницы описывали свой личный опыт, раскрывали свою личность и обсуждали запретные темы, связанные с любовью и гендерными проблемами. они пытались сломать гендерные стереотипы, которые пытались навязать женщинам определенное поведение.

Женщины-писательницы начала 20 века часто отходили от обычных клишированных тем романов и подчеркивали более трагические проблемы в своих произведениях. они часто были связаны с их собственным личным опытом. например, Лидия Аннибал затронула тему свободной любви одновременно между тремя влюбленными наряду с лесбийской темой. она продемонстрировала другую форму любви, которая была широко раскритикована, поскольку такие произведения опережали свое время. Анна Мар «Женщины на кресте» затрагивает тему садомазохизма. произведения Анны Мир описывают жизнь моделей, проституток, служанок. она показывала женщин в фатальных ситуациях, неспособных достичь внутреннего покоя из-за несчастной любви.

Л. Зиновьева-Аннибал, А. Мар и А. Мире через личный опыт активировали авторское начало повествования, тем самым раскрывая, усиливая и усиливая свой авторский голос, не скрывая своей личности, не пряча её за вымышленным персонажем и не максимально приближая себя к своим героям. Более того, их творчество отличается тем, что они пытались выйти за рамки традиционной для женского творчества любовной темы,

хотя присущее женщинам особое, обострённое эмоциональное восприятие всего происходящего буквально пронизывает каждую строку их произведений, посвящённых другим темам. (Mikhailova. M)

В начале 1907 года Зиновьева-Аннибал опубликовала провокационную повесть «Тридцать три уroda». История представляет собой дневник, рассказанный безымянной молодой героиней, которая пытается найти себя. У неё интимная связь с женщиной, актрисой, которая позже покончила с собой, и она возвращается к более стандартной модели, став любовницей художника, продолжая при этом вести свой дневник. «Тридцать три уroda» спровоцировали скандал, поскольку впервые в истории русской литературы автор написал о любви между двумя женщинами. Фактически, основной мотив сюжета обращается к теме красоты и Эроса как пути к высшей реальности, теме, близкой символистам. В этом произведении поднималась тема «любви, творчества, красоты, вины». Это было одно из немногих произведений своего времени, открыто обсуждавших лесбийские отношения, и это имело не меньшее значение. В 1907 году Зиниада Аннибал опубликовала сборник своих рассказов «Трагический зверинец». Блок писал об этой книге: «Вся книга говорит о бунте, о юности, об опьянении, о любви к телу, о жестокости животных и людей, словом, обо всём том, в чём цивилизованные люди боятся признаться себе, чего они избегают или тщательно скрывают». Образ героини Веры совершенно не похож на традиционный «чистый» образ ребёнка в русской литературе. Она полна противоречий, глубоко чувствует, погружена в себя, склонна к пессимизму и самоанализу. Смерть животных, свидетельницей которой она становится, а порой и виновницей, оказала огромное влияние на формирование и изменение характера девочки. (Михайлова. М, Страсти по Лидии. Творческий портрет Л. Зиновьевой-Аннибал)

Жизнь Мирэ даёт яркий образ тех «женщин пера», как их называли в конце XIX – начале XX веков, которые решили зарабатывать на жизнь собственным литературным трудом, самостоятельно прокладывая себе путь в литературном мире. Смертельные случаи, непредсказуемое поведение, нелогичные поступки — безнадежность, мучения, смерть вместо надежды и веры — таковы настроения и общая характеристика рассказов в ее первом сборнике; во втором, «Черная пантера» (1909), преобладают меланхолия, одиночество, непонимание и отчуждение. . Все эти силы, наряду с присущей миру силой воли, становятся законами, могущественно управляющими жизнью. «Тёмные силы», воля «к разрушению», становятся центральным элементом творчества А. Мире. По её мнению, они стали следствием отворачивания Бога от человечества, оставив его уделом страдания и скорби. (Михайлова.М)

В рассказе «Проповедник смерти» (1906) Смерть предстаёт в образе живого существа, наделённого чудовищной волей к разрушению, играя роль верховного палача. В рассказе («Рамбеллино») появляется человек-автомат, наделённый способностью испытывать муки ревности и потому покидающий своего хозяина. Чёрная пантера из одноимённого рассказа, вызывающая непреодолимое влечение героя, олицетворяет Зло «огненных сфер, уходящих в Вечность». Подобно любви, она одновременно обещает неземное наслаждение и несёт неизбежную смерть. В момент наивысшего любовного опьянения «её хищные, смертоносные когти» пронзают сердце юноши. В её рассказах мелькают реалии окружающего мира, философские проблемы. В её рассказах появляется мистический колорит; условность и фантастика играют важную роль. (Михайлова.М)

Анна Мар пользовалась огромной популярностью в последние годы жизни. Её последний роман, «Женщина на кресте», был сразу же экранизирован под названием «Оскорблённая Венера». В романе «Женщина на кресте», название которого вдохновлено знаменитой картиной

Фелисьена Ропса, автор с излишней назидательностью выражает свою излюбленную идею о вечном стремлении женщины к страданию. Героиня романа, Алина Рушиц, мечтает о том, чтобы её высекал любимый мужчина, Генрих Шемиот. Она, как и он, получает от этого величайшее удовольствие, наблюдая за её слезами и унижениями. Книга имела оглушительный успех: тираж был распродан за десять дней и получил более пятидесяти критических отзывов. Однако этот успех не обошелся без скандала: почти все рецензии были отрицательными. И, как писала сама Мар в частном письме, после публикации романа некоторые дома перестали его принимать. (Михайлова. М, Диалог мужской и женской культур в русской литературе Серебряного века: «Cogito ergo sum» - «Amo ergo sum»)

Однако критики не указывали на художественные недостатки романа. Практически никто из них не отрицал таланта писательницы; они даже отмечали глубокую экспрессивность её стиля, изящество и остроту языка. Однако «острота и пикантность» сюжета, в котором садистские и мазохистские эпизоды, а также элементы лесбийской любви играли важную роль, вызвали крайнее возмущение. Но возмущение вызывали не столько сами темы (в русской литературе уже были «Крылья» М. Кузмина, затрагивавшие гомосексуальную тематику), сколько то, что их поднимала женщина, которая вела беседу с «неженской последовательностью». Возможно, что если бы о садизме и мазохизме писал мужчина, его взгляды были бы мягче и не было бы речи ни о каких «высотах бесстыдства» (как называлась одна из статей). Это была та самая беспощадная «мужская критика», травля и притеснения со стороны которой известная поэтесса Любовь Столица назвала одной из причин трагической гибели Анны Мар в статье, посвящённой памяти безвременно ушедшей. Мар утверждает, что садизм и мазохизм — слова, приобретающие вульгарное значение только в устах обычного человека. (Михайлова. М, Диалог мужской и женской культур в русской

литературе Серебряного века: «Cogito ergo sum» - «Аmo ergo sum»)

По словам Евы Комисарук, «в начале XX в. некоторые писательницы больше не просили, чтобы их услышали, потому что домогались права иметь свой собственный голос и сами его себе предоставляли. Как подчеркивает Н. В. Воробьева, именно в это время формируются две разновидности женской литературы, которые будут последовательно развиваться в будущем. С одной стороны, это творчество Л. Зиновьевой-Аннибал, Е. Нагродской, А. Мирэ, Н. Петровской и А. Мар, настроенное на бунт, инновацию, разрушение известных идеологических и стилистических конвенций. С другой – дамские романы и повести А. Вербицкой, Л. Чарской и Н. Лаппо-Данилевской, полностью подчиненные условностям. Представительницы первой группы женского творчества, включенные в так называемое авангардистское движение, демонстрировали в своих произведениях «новые, интимные стороны отношений между мужчиной и женщиной. В своих текстах, нередко окрашенных эротизмом, они вывели на обсуждение проблемы пола и женской эмансипации, обращая при этом внимание на рискованные темы свободной любви, телесности, а также женщины как подлинного автора-творца искусства.» (Еленьска 57-58)

Хотя в современной России мы видели много женщин-писательниц, пишущих хорошие произведения, им всё же иногда было трудно опубликовать свои произведения, поскольку редакторы, которые по-прежнему в основном мужчины, порой критикуют их так же, как и с конца XVIII века: за сосредоточенность на «личной жизни» и за то, что они пишут на тривиальные темы. Женщине трудно понять, почему такие «вечные» темы, как рождение, любовь, семья, человеческие отношения, страдания и смерть, считаются более тривиальными, чем традиционно «мужские» темы, такие как политика и история, которые, по крайней мере в российском контексте, оказались гораздо более изменчивыми и эфемерными.

Писательницы, как Анастасия Крандиевская, Татьяна Щепкина-Куперник, Анастасия Вербицкая, Ольга Шاپир и Александра Коллонтай, обращались к темам, которые до сих пор волнуют женщин их собственной и других культур в конце двадцатого века, изображая сложности современной женщины, разрывающейся между стремлением к независимости и такими «атавистическими» женскими эмоциями, как потребность в любви и безопасности. (Marsh. Rosalind 15)

Заключение

Будет правильным сказать, что одной из важных характеристик женской литературы является то, что это направление зародилось, жило и формировалось в очень сложных ситуациях. Многие современные критики критиковали их работы. Вклад женщин-писателей в российскую литературу является неоценим. Как поэтессы, прозаики, авторы романов и повестей и рассказов, переводчики, драматурги, даже критики и публицисты, они создали великие творчества, но их социальные условия были очень сложными. Эти писательницы, несомненно, потрясли, казалось бы, незыблемые устои, открыв тем самым шлюзы мощному потоку личных, индивидуальных и беззастенчиво раскрепощённых мировоззрений, которые осмелился принять в искусстве только XX век. Именно эти женщины отважились на богохульство, смешав истерику, эротизм, религиозный экстаз и потребность в вере. Они не боялись обнажать не духовные и психологические глубины, а инстинктивные, подсознательные влечения, в которых смешиваются самые низменные и самые возвышенные порывы. Они стремились к откровенному обсуждению интимных подробностей, как это делали художники и скульпторы на протяжении всей истории, и стремились преодолеть этот барьер и поднять планку.

По словам Шоуолтер, не всем известно, и в России меньше, чем на Западе, что в России существовала процветающая традиция феминистских произведений, которая появилась с 1880-х годов до революции и позже, в 1920-е годы.

Литература

- Burgin. D. "'Laid Out in Lavender: Perceptions of Lesbian Love in Russian Literature and Criticism of the Silver Age, 1893–1917,'" (2014): 182-184.
- Engel. B. "Mothers and Daughters." (1983): 201-202.
- Gilbert, S. "What do feminist critics want? A postcard from the volcano." Showalter. *The New Feminist Criticism*. n.d. 29-45.
- Golovin, K. "Russkii roman i russkoe obshchestvo." (1897).
- Karlinsky, S. "Marina Tsvetaeva: the Woman, her World and her Poetry." (1986): 96-97.
- Kazakova, I. "Criticism and Journalism at the Turn of the Century on the Work of Russian Women Writers." (1994): 135.
- Marsh. Rosalind, M. *Gender and Russian Literature: New Perspective*. Cambridge University Press, 1996.
- Mikhailova. M. "The fate of women writers in literature at the beginning of the twentieth century: A. Mire', Anna Mar, Lidiia Zinoveva-Annibal." (1996): 141-154.
- Rosenthal, C. "The Silver Age: highpoint for women?" (1992): 32. <<https://doi.org/10.1017/CBO9780511520877.004>>.
- Showalter, E. "Towards a feminist poetics." Jacobus, Mary. *Women Writing and Writing about Women*. London, 1979.
- Stites, R. *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860–1930*. (Princeton, NJ, 1978.
- Еленьска, В. "Авангардистские творческие установки русских писательниц серебряного века." (n.d.): 57-58.
- Михайлова, М.В. "ЖЕНЩИНЫ-ДРАМАТУРГИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА." (n.d.).
- Михайлова. М. "Диалог мужской и женской культур в русской литературе Серебряного века: «Cogito ergo sum» - «Amo ergo sum»." (n.d.). <https://a-z.ru/women_cd1/html/mihailova_b.htm>.
- —. "Страсти по Лидии. Творческий портрет Л. Зиновьевой-Аннибал." (n.d.). <https://a-z.ru/women_cd1/html/mihailrddd.htm>.
- Михайлова.М. "Я женщина с головы до ног." (n.d.). <http://www.a-z.ru/women_cd1/html/preobrazh_1_1993_2.htm>.
- Надеждин, Н. "Женщины в изображении современных русских женщин-писательниц." *Новый мир* № 92 (1902).
- Чуйко. В. «Современные женщины писательницы.» *Наблюдатель* №. 4. (1889).

Проф Ранджана Банерджи
Центр русских исследований
Университет им. Джавхарлала Неру, Нью Дели

Prof Ranjana Banerjee
Centre of Russian Studies
Jawaharlal Nehru University

**Вымышленная и реальная Индия в творчестве
писателей периода советской России
(На основе романа Всеволода Иванова
«Похождение факира» и романа Александра
Беляева «Ариэль»)**

**Fictional and Real India in the Works of Soviet Russian
Writers**

**(Based on Vsevolod Ivanov's novel "The Fakir's
Adventures" and Alexander Belyaev's novel "Ariel")**

Аннотация: Образ Индии вызывал интерес у жителей России с древних времен. Индия представала как чудесная, райская страна, край полный несметных сокровищ. С течением времени, сказочный и романтизированный образ Индии стал постепенно уступать в сознании русских людей более приземленной и реальной действительности. Отойти от сказочного, романтизированного образа Индии и прикоснуться к реальной действительности во многом позволили путевые заметки тверского купца, Афанасия Никитина «Хождение за три моря» (XV век) и исследовательская работа индологов. Однако, продолжилась тенденция романтического восприятия Индии, питаемая интересом многих поэтов и писателей серебряного века и постреволюционного периода к ее духовным ценностям.

Роман Всеволода Иванова «Похождение факира» и роман Александра Беляева «Ариэль» являются удачными примерами вымышленных и реальных представлений Индии. В обоих этих

произведениях играют особую роль образ факира в обновлении образа Индии.

Ключевые слова: Индия, вымышленная, реальная факир, Советская Россия, духовные ценности.

Annotation: *Since ancient times, the Russians have been fascinated by the image of India. India was seen as a paradise, a land of treasures. Over time, the fabulous and romanticized image of India began to gradually give way to a more grounded and realistic image in the minds of Russian people. The 15th century travelogue of the merchant from Tver, Afanasy Nikitin, "Voyage Beyond the Three Seas", and the research works by Russian Indologists, were largely responsible for this shift. However, the trend of romantic perception of India, its spiritual world, did not cease to fascinate the Russian literary world, especially the poets and writers of the silver age and of the post-revolutionary period.*

Vsevolod Ivanov's novel "The Adventure of the Fakir" and Alexander Belyaev's novel "Ariel" are true examples of fictional and real-life representation of India. In both of these works, the character of the fakir plays a significant role in unfolding the image of India.

Key words: *India, real, fictional, Fakir, Soviet Russia, spiritual values*

Образ Индии вызывал интерес у жителей России с древних времен. В России впервые узнали об Индии благодаря переводам греческой литературы на древнеславянский язык. Эти источники позволили россиянам познакомиться с теми представлениями об Индии, которые сложились в средневековой Европе. Одно из первых упоминаний об Индии встречается в переводе на русский язык греческого текста «Александрия». Известное, как «Сказание об Индийском царстве», оно являлось составной частью рукописного наследия Ефросина, монаха Кирилло-Белозерского монастыря. Другим древним источником информации об Индии является текст «Хождение Зосимы к рахманам». Многие исследователи считают, что под рахманами автор имел в виду брахманов. Несколько позднее появилось еще несколько интересных публикаций об Индии «Христианская топография» Козьмы Индикоплова, «Деяния Фомы» и «Евангелие от Фомы». В этих древних письменных источниках Индия представляла как

чудесная, райская страна, край полный несметных сокровищ. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что появлялись и иного рода литературные труды, такие, например, как «Луцидариус», в которых Индия описывалась в совершенно ином, сугубо негативном ключе.

С течением времени, сказочный и романтизированный образ Индии стал постепенно уступать в сознании русских людей более приземленной и реальной действительности. Этому в немалой степени способствовало расширение торгово-экономических связей между двумя странами. Новым источником сведений об Индии стали сами индийцы, и, прежде всего, индийские купцы, обосновавшиеся в Астрахани и других городах России в первой половине XVII века.

В XVIII веке интерес к Индии стал возрастать и в литературной среде – российские писатели и литературные критики, такие как Н.И. Новиков, Н.Г. Чернышевский, М.А. Добролюбов и многие другие уделяли со своих трудах особое внимание освещению событий, происходивших в колониальной Индии. Некоторые рассуждения «о русском рабстве» в творчестве А.Н. Радищева по утверждению самого автора были «порождены раздумьями над судьбами индийского народа.»²⁸ Известный русский литературный критик 19-го века В.Г. Белинский писал об Индии, как о стране исторически богатой.

Отойти от сказочного, романтизированного образа Индии и прикоснуться к реальной действительности во многом позволили путевые заметки тверского купца, Афанасия Никитина «Хождение за три моря» (XV век). Хотя дневники русского первопроходца в Индии оказались в забвении почти на три столетия и стали достоянием общественности лишь в начале 19-го

²⁸ Шифман, Лев Толстой и Восток.Изд.Восточной литературы.Москва.1960.с.12

столетия благодаря усилиям известного русского историка Н.М. Карамзина, можно без преувеличения сказать, что его записки существенно обогатили и расширилось представление русских об Индии.

Большой вклад в изучение Индии внесли такие выдающиеся русские ученые индологи, как О.О. Ботлинг, К.К. Коссович, И.П. Минаев, С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Щербатской и многие другие. С другой стороны, в эти годы продолжилась тенденция романтического восприятия Индии, питаемая интересом многих поэтов и писателей серебряного века и постреволюционного периода к ее духовным ценностям. Роман Всеволода Иванова «Похождение факира» и роман Александра Беляева «Ариэль» являются удачными примерами вымышленных и реальных представлений Индии. В обоих этих произведениях играют особую роль образ факира.

Роман «Похождения факира» (1935 г.) Всеволода Иванова вышел период превалирования в России коммунистических идеалов, когда на литературном поприще принято было изображать героев в стиле социалистического реализма. В отличие от установленной нормы, жизненным путеводителем героя Иванова стал созданный им воображаемый мир Индии, о котором повествуется на протяжении всего романа.

Иванов был одним из русских писателей, вся жизнь которых была наполнена Индией, кто восхищался её культурой, богатейшим религиозным и культурным наследием. Индия для Вс. Иванова стала, по образному сравнению внучкой автора, Елены Папковой, «страной духовной свободы и небывалых возможностей человека».²⁹

Он всю свою жизнь увлекался учением Будды, с интересом занимался йогой – древней индийской наукой духовных, физических и психических практик,

²⁹ Папкова, 2008, 163

изучал её теорию и практику, что отложило серьезный отпечаток на его мировоззрении и творчестве. Душа Иванова настолько тяготела к Индии, что он отважился предпринять пешее путешествие в эту далёкую страну в 1913 году. С этим намерением он прошёл весь Турксиб, но, к сожалению, до Индии добраться так и не смог. Но мечта о далекой Индии не покидала его. Несмотря на тревожные годы, которые переживала Россия в начале XX века, Иванов настойчиво продолжал духовный поиск Индии, что зримо отразилось в таких его произведениях, таких как «Похождение факира», «Мы идём в Индию».

Роман «Похождение факира» о жизненном странствии факира и дервиша Бен Али Бей. Роман начинается с преамбулы «Подробная История замечательных походов, ошибок, столкновений, дум, изобретений знаменитого факира и дервиша Бен Али Бея, правдиво описанных им самым в пяти частях». ³⁰ Среди очерков о ниспосланных ему судьбой различных испытаниях и жизненных хитросплетений, находят место очерки о поисках далекой, полной чудес Индии.

Автор романа очерчивает краткий обзор жизненного пути героя, объясняющий его пристрастие к романтическому миру. Будучи не в состоянии принять происходящее вокруг него в постреволюционной России (атмосфера города с присущей ей злобой и отчуждением), герой находит спасение в созданном им воображаемом мире. Причина ухода в мир воображения поясняется в следующем высказывании Иванова: «*«- Я писатель-самоучка, которых теперь немного. Мы учились в гуще жизни бестолковой и мало знающей. Я невольно отрывался от нее и уходил в фантазию.»*» ³¹

³⁰ Иванов, 1985, с. 11

³¹ Волобуева, Картинки литературной жизни. «Мы идем в Индию»

По словам героя, он решил завести дневник о своей неправильной реальной жизни, однако писал он об ирреальном мире, о том, как его «везёт какой-то корабль по тихому морю, и все округ тихое». ³² «Речь тут идёт об Индии. «Погода хорошая. Острова...Индия!.....Опять Индия! Опять проехали дальше». ³³ Так начинается его путешествие по воображаемому миру этой страны. Индию герой определяет по-разному. Порой он описывает её как чрезвычайно сладкую, что, видимо, являлось синонимом счастья. Иной раз он даёт акварельную картину Индии. Его отображение Индии приобретает зрительные формы. При этом герой признается, что несмотря на всего его старания адекватно описать реальный мир, акварельный мир выходил другим, чем тот, с которого он списывал. «Люди по-прежнему получались мутными. Небо пемзовое. Деревья в какой-то пёстрой ряби. Цветы крапчатые. Из-за туч непрестанно выплывала порфи́рная луна, и радужные звезды, рубиново красные, ухмылялись ей!» ³⁴. Творец сам удивился своим творением. Это была картиной Индии. Воображение героя затмевает реальность.

Подобную удивительную картину Индии мы встречаем не только в представлении героя, но и его спутника, Алеши. «Алешко во сне видел Индию, страна очень походила на ту страну, о которой думал я. Небо розовое, а не такой, как у нас серое. Деревья распускаются наверху громадными пучками листьев, а не так, как у нас ель ползёт от самой земли мелкой, как песок, хвоей. Медведя, самого крупного нашего зверя, лёгким ударом хобота убивает слон. А у нас слоны хоронены подо людьми, для того чтобы не было

Вопросы литературы.
2004-04-30 VOL-№. 002 с.325

³² Иванов, 1985, с. 41

³³ Тамже, 1985, с. 42

³⁴ Тамже

обидно, мы их называем по-иному- «мамонтами». ³⁵ Розовое романтическое, серый цвет - символ мрачности.

Причина тяготения к воображаемому миру Индии отражается в высказывании героя, «Индия не такая, как реальная Сибирь, не серая». ³⁶ Этот ирреальный мир становится антиподом реального мира. Примерно так рассуждает Е. Краснощекова, которая считает, что Индия, предстаёт как «прекрасный сон, рождённый отталкиванием от окружающей обыденности. Образ Индии и создаётся по принципу: все там не так, как у нас». ³⁷

Искания и познания мира героем начинается с воображаемом облике индийского принца. Принц символ власти, силы, могущества, своеволия. Маской индийского принца он как бы старается завоевать все в реальной жизни, однако скорее ощущает свою ошибку.

«Он стал жалким индийским принцем, над которым смеялись те, которых он хотел поразить своей величиественностью (прогулка на яру) и силой (борьба на арене цирка)». ³⁸

Разочарованный, он с раскаянием замечает: «Ну зачем нужен мне был этот детский лепет об индийском принце... Вымаливать у мещан веру в дикую и нелепую выдумку, разве в этом заключается твоя воля, Всеволод Вячеславович?». ³⁹

От этого осознания у героя происходит метаморфоза, и он начинает жить жизнью индийского факира.

«Отныне я не принц. Отныне я человек низшей касты, но воспитавший в среде чудовищную волю, перед

³⁵ Тамже, с. 259

³⁶ Тамже

³⁷ Краснощекова, 1980, с. 203

³⁸ Иванов, 1985, с. 201

³⁹ Тамже, с. 128

которой должен преклониться мир. Да, я теперь факир!»⁴⁰ - гордо заявляет герой романа.

Так рождается индийский факир, самозванец Бен-Али-Бей. Оказавшись в воображаемом облике факира, герой осмеливается заняться самовоспитанием и самообразованием. Для этого он пускается в поиски гуру (учителя) и Волшебной библиотеки, которые могли бы научить ему той мудрости, для которой он был готов.

Если рассматривать этот переход от принца к факиру с точки зрения индийской философии, то кажется герой опознал, что самый могучий не тот, у которого в руках власть и золото, а тот, который в силах отвергать их. Путь от принца к факиру, можно объяснить жизненной стадией древнего индуса, от грихастхи к санньясы, которая сообразована по ведийским канонам варнашрама-дхарма (варна означает сословие, ашрама, стадия жизни и дхарма имеет в виду роль в жизни). Грихастха является стадией жизни, когда человек в основном занимается земными обязанностями, вопросами. Санньяса, последняя стадия жизни человека, когда он избавив себя от всяких земных пристрастий, занимается лишь духовным совершенствованием.

Новоиспеченный индийский факир выбирает цирк для испытания своих сверхъестественных возможностей. Он прокалывает себя иглами, глотает горящую паклю, шпаги, прыгает и танцует на ножах, подвешивает на себя немыслимые тяжести – одним словом совершает невероятное. И все же он справляется и говорит: «мне казалось, что грудь моя сорвана, что широко хлынула кровь. Я не чувствовал тяжести гирек, но словно громадный чёрный гвоздь входил мои ребра».⁴¹ В итоге он гордится своим подвигом, тем, что оказался настоящим факиром и победил самого себя. Он также

⁴⁰ Там же, с. 129

⁴¹ Там же, с. 166

приходит к убеждению, что практика факиризма может оказаться чрезвычайно полезной в условиях России.

При всей их умозрительности и утопичности, подобные размышления Иванова, несомненно, свидетельствуют о его хорошем знании древнеиндийской философии жизни, глубоком понимании сущности аскетизма. В них кроется глубокий философский и жизнеутверждающий смысл: тот, который способен пожертвовать мирскими удобствами, развлечениями и роскошью, оберегать себя от всевозможных жизненных соблазнов, он может быть уподоблен садху и санту (аскеты), суфи и факиру, может быть могущественнее и сильнее всех. Такой человек может достичь нирвану (освобождение от страданий), совершенства, завоевать весь мир и управлять силой самоотречения.

Таким образом герой старается продолжить собственные духовные поиски, созвучные пути к познанию самого себя, которому следовали многие индийские мыслители. При этом главная цель героя остается неизменной: хоть какими бы то ни было способами добраться до Индии, побывать в этой удивительной стране. Он мечтает поехать в Индию, приобрести полное знание об этой стране, которое, в отсутствие этой возможности, он пытается компенсировать волшебным путем, с помощью чар факира.

Поиск героем мифической волшебной библиотеки неразрывно связан с поиском духовной Индии, ее философии. Свою волшебную библиотеку герой черпает из заказных бандеролей о магии, о медицине, психологии, в книгах о спиритизме, магнетизме, гипнотизме, что помогает ему понять учение йоги: «Наука о дыхании индийских йогов», «Религия и тайные учение Востока», и учение Соуми Абедананды, «Как сделаться йогом». Герой отмечает: «Эти были люди высокого духовного достижения подчиняли себе

силы природы высшего порядка и употребляют свои знания для блага и развития человечества».⁴²

Разносторонние знания автором классических систем индийской философии отражаются в его упоминаниях о разных жизненных системах, таких как санкхья, адвайта-веданта и йога Патанджали. Все это безусловно свидетельствует о том, что автор главным образом увлекался изучением этих систем и был очарован поэтикой йоги. Как отражено в тексте, значение древней индийской науки о дыхании, йоги, являющейся столь популярной по всему миру в современный период, было осмыслено Ивановым еще в начале XX века.

Заслуга этого писателя заключается и в том, что он имел чёткое представление об этой науке, верно определяет её, как форму не только физической, но и духовной гармонии человека. Следует также отметить, что Свами Абедананда, о ком упоминается в тексте, был реальным лицом. Учеником Свами Рамакришны, он проповедовал учение Веданты и возглавил в США «Общество Веданты». Очевидно, Иванов не только просто развлекался, но и серьёзно занимался культурой Индии. Можно сказать этим и определяется волшебная библиотека автора.

Воображаемый мир героя продолжается в его рассказах о бродячих факирах, с которыми он якобы скитался по Индии. С целью воспроизведения эффекта присутствия он даже заменяет названия русских сел индийскими.

Вырваться в Индию, оторвавшись от реального мира, герой оказывается не в состоянии. Он постоянно перемещается между реальным и вымышленным пространством. Первое, полное неудач, разочарований и лишений, а второе очаровательное, акварельно-иллюзорное, погоня за мечтой. Состояние героя очень чётко передаётся в следующем

⁴² Иванов, 1985, с. 261

высказывании: «Я сочинял стихи об Индии, но тяжёлый путь, песок и ветер сокрушали меня. Я верил, что дойду до Индии, но стихи не верили».⁴³

Следует отметить, что хотя образ Индии в романе по преимуществу вымышленный, в нём всё же можно обнаружить точные сведения об этой стране. Как уже упоминалось, в письме Иреме Шмидт герой называет разные штаты (называя их городами) Индии, такие как Пенджаб, Бегар (Бихар), Гузератт (Гуджарат). Приводимые автором данные очевидно свидетельствуют о том, что он имел не поверхностное представление о географических особенностях этой страны.

Особое место в романе занимает мотив странствования. Путешествие по воображаемому миру дало герою возможность постичь реальный, окружающий его мир. Путешествие освобождает человека от замкнутого пространства, даёт силу переходить сложную границу. Видимо оттого все наши духовные мудрецы всегда путешествовали и их называли странствующими аскетами.

Уникальная тема странствия описана уникальной литературной формой автобиографизма, т.е. преломление материала из биографии в художественных произведениях.

Другой роман, в котором речь идет о факире – это последний научно-фантастический роман Александра Беляева, «Ариэль», изданный в 1941 году. Изображение Индии Беляевым доказывает, что он был хорошо знаком с ее культурой бытом, нравом. Как отмечает Евгения Ванина в своей статье «Retracing the India of the “Soviet Jules Verne”» “Not many know of his love for India and its beautiful and nuanced evocation in Ariel.... The bed-ridden writer was fond of reading just

⁴³ Иванов, 1985, с. 182

about anything he could get on India.”⁴⁴ Как и Иванов, Беляев тоже не раз затрагивает тему Индии в своих произведениях. Еще в 1930 году Беляев опубликовал „Рами“, рассказ о маленькой девочке из колониальной Индии, принадлежащей к касте неприкасаемых.

Действие фантастического романа «Ариэль» происходит в Индии.

Настоящее имя Ариэля Аврелий Гальтон осиротевший в раннем возрасте был родом англичанином. После смерти его отца два адвоката, его опекуны, мистер Бордени и мистер Хеслон, жаждущие завладеть наследством ребенка, привозят его в Дандарат, в секретную школу-интернат, находящуюся в Мадрасе. Оказывали поддержку Дандарату оккультные и теософические организации. Там вырос и жил Ариэль под строгим тоталитарным режимом. Цель Дандарата заключалась в том, чтобы обезволить всех воспитанников, оторванных от корней, где наставники были хозяевами души и тела своих воспитанников, прибегая к помощи гипноза, магии и оккультных наук. Обучали их творить чудеса факиры, медиумы, ясновидящие. Они верили в то, что дух должен торжествовать над телом. Воспитанники не должны были быть чувствительными к голоду, к холоду, к жаре и боли. Они научились есть жесткие орехи, принимая их за бананы или рисовые лепешки. После этого многие из них не выдержали-умерли или сошли с ума.

Автор говорит, что для воспитанников было два пути - для слабых - сдаться, а для физически сильных и интеллектуальных спасти с помощью напитка тончайшего лицемерия. Ариэль принадлежалк последнему типу. Он обладал уникальным физическим преимуществом, что помогло ему

⁴⁴ Vanina E., Retracing the India of the “Soviet Jules Verne”: (электронный ресурс). 2016. URL: https://www.rbth.com/arts/literature/2016/12/02/retracing-the-india-of-the-soviet-jules-verne_652953 (Дата обращения: 09.01.2025)

обучению левитации. Однако, как настоящий факир, он не воспользовался своим сверхчеловеческим статусом в своих интересах, а помогал безвольным и слабым. Он спасает слабого Шарада освободиться от тирани Дандарата. Вместе с Шарадом он отправляется в новое приключение, улетает в Бенгалию: знакомится там с бедным «неприкасаемым» Низматом и его внучкой, молодой вдовой Лолитой, которым он оказывает помощь. В дворце местного раджи (короля) он знакомится со всеми существующими догмами. «Подарки Раджи Ариэлю всегда переходили в руки безвольных, бедных слуг.»⁴⁵

Узнав о своем дворянском происхождении, об огромном наследстве, Ариэльне тянется к этому. Отвергая свой статус, материальное благо в Англии, он тайно возвращается в Индию к бедной Лолите. Настоящим факиром в романе является Ариэль, который способен пожертвовать мирскими удобствами, развлечениями и роскошью, уберечь себя от всевозможных жизненных соблазнов, завоевать весь мир и управлять силой самоотречения.

Неудивительно, что особое место в жизненной истории факира Беляева также занимает мотив странствования. Если у героя Иванова странствие происходит по воображаемому миру, странствование героя у Беляева представлен по реальной Индии. Герой старается постичь реальный, окружающий его мир.

Другой мотив, который звучит в романе Беляева, – это мотив библиотеки как средство познания индийской традиции и культуры. Сестра Ариэля, Джейн, прежде чем отправиться в Индию на поиски брата, посещает библиотеку и «ее нетерпение познакомиться с этой страной было так велико, что девушка открывала наугад страницу за страницей и читала. Ее голова наполнялась каким-то сумбуrom. Все было так сложно,

⁴⁵ Беляев, Глава – 23, 1941, с. 302

необычно, непонятно... Смешение рас, смешение племен, языков, наречий, каст, религий... Смуглокожие арийцы, индусы, кофейные дравиды, еще более темные туземцы... Арийские языки – хиндустани, бенгали, маратхи; дравидские – телугу, тамиль, тибето-бирманские... Больше двухсот наречий... Касты – браминов-жрецов, кшатриев-воинов, вайшиев-торговцев, промышленников и шудра-земледельцев, с внутренними кастовыми подразделениями, число которых доходит до 2578.»⁴⁶

Индия Беляева, в отличие от Иванова не розовая, не идиллическая, а черно-белая со всеми ее достоинствами и недостатками. В романе упоминается Теософское общество. Следует отметить, что Е.П. Блаватская, одна из основателей Теософского общества играла большую роль в оживлении интереса к индийской культуре. Учение теософов произвело впечатление на многих писателей, таких как А.А. Фет, Л.Н. Толстой, К.Д. Бальмонт, Н.С. Гумилёв, В.И. Иванов и других авторов. Очевидно также, что и Беляев интересовался Теософским обществом.

Автор очень умело представляет представителей духовного мира из южного штата Тамил Наду:

«Здесь были важные смуглые седобородые старики в шелковых одеждах, украшенных жемчугами и драгоценными камнями, и тощие факиры, и представители разных каст со знаком касты на лбу, начертанным глиной из Ганга, одетые в грубую дхоти(*1) и старомодную короткую куртку, украшенную лентами, в башмаках деревенской работы с загнутыми носками.»⁴⁷

Очень наглядно изображен южный базар в городе Мадрас:

«На лугу перед деревней уже шумел базар. Продавцы

⁴⁶ Беляев, Глава – 9, 1941, с. 140

⁴⁷ Тамже, Глава – 2, с. 32

фруктов, сыра, остуженной воды, гирлянд из цветов, рыбы, сушеных цветов громко зазывали прохожих, полуголые дети толпились возле продавцов игрушек-свистков из пальмового листа, раскрашенных палочек, деревянных трещоток, стеклянных куколок. Под деревом баэль сидел сухой, как скелет, в огромной чалме индус и играл на свирели, надув щеки. Из его плоской корзины, качая головами, поднимались змеи.

Толпа на значительном расстоянии окружала заклинателя змей. Худенький мальчик обходил зрителей с деревянной чашкой, и крестьяне бросали мелкие монеты не больше анна (6 пайс). Рупии водились лишь в карманах самых богатых крестьян.»⁴⁸

Беляев упоминает различные явления, связанные с религией; рассказывает о шастрах и упоминает таких богов, как Вишну, Раму и Кришну. Также упоминается Гуру-шишья-парампара, то есть традиция гуру-учеников.

Автор поднимает различные актуальные вопросы того времени, существующие доктрины, связанные с положением вдов, обычаи детских браков и самосожжения, кастовую дискриминацию и проблему неприкасаемости. Он отмечает:

«Чистые касты враждуют друг с другом, боятся прикоснуться друг к другу... Каменщики презирают трубочистов, трубочисты – кожевников, кожевники – обдирателей падали. Одно дыхание париев оскверняет на расстоянии 24-38-46 и даже 64 шагов.»⁴⁹

Описывая догмы, связанные с вдовами Индии, он отмечает:

Вдовы «в Индии не имеют права вторично выходить замуж... Вдовам бреют головы, ломают стеклянные браслеты на руках и ногах, родственники мужа

⁴⁸ Беляев, Глава –10, с. 152

⁴⁹ Тамже, Глава– 9, с. 141

отбирают драгоценности.»⁵⁰

Ссылка на общество Брахмо-самадж показывает, что автор был хорошо осведомлен о передовой работе, проводимой членами этого общества для преодоления всех суеверий и догм. Как известно, этому обществу приписывают проведение различных реформ в индийском обществе XIX века, в том числе отмену сати, введение обычая повторных браков вдов и снятие кастовых табу.

В романе автор не идеализирует духовный мир, а обращает внимание на злоупотребления в религиозных учреждениях, таких как Дандарат; показывает лицемерие многих их служащих. Глава Дандарата – Дхарава был участником заговора против богатого наследника Ариэля. Много детей было похищено у родителей по его приказанию. Многие из них были загублены, изуродованы, или покончили самоубийством.

Сопоставление роскошной жизни раджи с простой жизнью Низмата и Лолиты (слуг Раджи) иллюстрирует неравенство между классами.

Поскольку автор не был досконально знаком с индийской действительностью, в романе обнаруживаются некоторые неточности и несоответствия. Например, бенгальское выражение «Чай чури, чай?» (нужен ли вам браслет?) не использовалось бы на базарах тогдашнего Мадраса. Кроме того, на бенгальском языке жена раджи-обращается как «рани», тогда как Беляев использует тамильский эквивалент этого слова –раджина. Непостижимо, что автор имел в виду под словом 'Раджкutr'. В бенгальском языке такого слова нет; есть раджутир (королевский дворец) или раджпурто (принц).

Бенгальскую королеву (раджину) автор описал в ладе

⁵⁰ Там же

русской барыни:

«Шьяма, говорила по-французски, как парижанка. Раджина явилась в модном парижском платье и туфлях с необыкновенно высокими каблуками.»⁵¹

Описывая религиозных представителей (тамилские брахманы) из южной Индии, автор говорит: «они были со знаком касты на лбу, начертанным глиной из Ганга». ⁵² По всякой вероятности знак начертан из сандаловой пасты.

Это некоторые примеры мифа или неверного представления об Индии в русском тексте Беляева.

В то же время необходимо учитывать сам по себе фантастический жанр этого произведения, допускающий и предполагающий художественный вымысел автора.

В заключении хотелось бы отметить, что в годы советского режима оба писателя, Всеволод Иванов и Александр Беляев, не побоялись выйти за рамки общепринятой официальной идеологии; и том и другом романе отражается не только глубокий интерес у этих авторов к Индии, но и их своеобразное представление об Индии. Главный герой в произведениях обеих этих авторов является факиром, человеком выбирающий путь самоотвержения, аскетизма; истинными последователями духовного наследия Индии. Мотив странствия, как путь к просвещению, самосовершенствованию занимает особое место в этих двух романах. Однако цель у этих авторов были разными. Цель Иванова заключалась в воспевании духовной Индии, ее древней духовной науки. Следовательно, образ Индии в романе Иванова чисто метафорически, разрисован в романтическом ладе. Беляев в своем произведении пытается подчеркивать соц.-культурные специфичности Индии

⁵¹ Беляев, Глава –19, с. 249, 253

⁵² Тамже, Глава –2, с. 32

начала XX века и тем самым освещать актуальные проблемы своего пространства, России. Он представляет Индию как красочную страну с богатыми традициями и в то же время осуждает различные пороки, которые проникли в индийскую систему и представили древнюю цивилизацию в искаженном виде. При описании Дандарата автор делает акцент на тяжелых последствиях тоталитаризма — диктатуре и тюремном заключении - и тем самым намекает на бедственное положение российских граждан при советской диктатуре. Однако диктатура не была характерна для Индии в целом. Улетев из Дандарата и оказавшись среди духовно богатого народа, полного любви и духовной красоты, главный герой Беляева обрел свободу и доступ к богатым традициям Индии. Можно сказать, что Индия Беляева представлена во всем ее богатстве и сложности с некоторой фантазией.

В общем романы «Похождение факира» Всеволода Иванова и «Ариэль» Александра Беляева вносят ощутимый вклад в ознакомление российской читательской аудитории с индийской культурой и действительностью.

Литература:

- Беляев А.Р., Ариэль, Ленинград, Советский писатель, 1941, Глава 2, С. 32, Глава 9, С. 140, 141, Глава 10, С. 152, Глава 19, С. 249, 253, Глава 23, С. 302.
- Иванов, В.В., Похождение Факира, Том первый, Москва: Художественная литература, 1985, С. 11, 41, 42, 128, 129, 166, 182, 201, 259, 261.
- Краснощёкова Е. А., Художественный мир Всеволода Иванова, Москва: Советский писатель, 1980. С. 203.
- Е., Волобуева Ирина. Картинки литературной жизни. «Мы идем в Индию», Вопросы литературы. 2004-04-30 VOL-№. 002 с.325
- Шифман.А.Лев Толстой и Восток.Изд.Восточной литературы.Москва.1960. С. 12
- Vanina E., Retracing the India of the “Soviet Jules Verne”: (электронный ресурс). 2016. URL: <https://www.rbth.com/arts/literature/2016/12/02/retracing-the->

india-of-the-soviet-jules-verne_652953 (Дата обращения: 09.01.2025).

- Фрагмент статьи по роману Всеволода Иванова был опубликован в журнале "Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах" (отв.ред. В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2017)

Д-р Рохит Радж
Центр русских исследований
Университет им. Джавахарлала Неру

Dr Rohit Raj
Centre of Russian Studies, SLL&CS
Jawaharlal Nehru University

**Взаимосвязь психологической глубины и
нарративной структуры в русских народных сказках
The Connection of Psychological Depth and Narrative
Structure in Russian Folktales**

Аннотация: Герои и злодеи русских народных сказок, известных как сказки, на протяжении поколений казались глубоко знакомыми, оставляя неизгладимый след в памяти каждого, кто их слышал. В данной статье исследуется, что делает эти образы столь притягательными, на примере главных героев двух любимых и знаменитых русских сказок: «Волшебное кольцо» и «Морозко». Чтобы получить полную картину, мы рассмотрим этих персонажей с двух разных точек зрения. Начнём с обсуждения теории архетипов Карла Юнга — универсальных моделей или характеристик Героя, Злодея и Волшебного Помощника, чтобы понять, почему эти персонажи так сильно резонируют на психологическом уровне. Сопоставляя эти две точки зрения или идеи, мы можем увидеть, как классический русский народный герой создаётся из мощного сочетания: одна — универсальных человеческих моделей, описанных Карлом Юнгом, а вторая — структуры повествования, предложенной Проппом.

Ключевые слова: русские народные сказки, Карл Юнг, Владимир Пропп, архетип, повествовательная функция, герой, злодей, морфология.

Abstract: For generations, the heroes and villains of Russian folktales, known as *skazki*, have felt deeply familiar, leaving a lasting mark on anyone who hears their stories. This paper explores what makes these figures so compelling by examining the main characters in two beloved and famous Russian tales: “The Magical Ring” and “Frost” (Morozko).

To get a full picture, we'll look at these characters from two different angles. We'll start with discussion of Carl Jung's theory of archetypes—the universal patterns or characteristics of the Hero, Villain, and Magical Helper, to understand why these characters strongly resonate on a psychological level. By placing these two perspectives or idea together, we can see how the classic Russian folk hero is created from a powerful combination: one is the universal human patterns described by Carl Jung and the second one is story structure proposed by Propp.

Keywords: *Russian Folktales, Carl Jung, Vladimir Propp, Archetype, Narrative Function, Hero, Villain, Morphology.*

Introduction

We've all read and heard Russian folktales and have seen the classic characters — the kind-hearted hero, the cruel, evil villain, and the wise old helper. These figures feel so familiar and timeless, but why is that? Because they are echoes of patterns (Many different archetypes, including images or archetypes of individuals around, mythological characters, and others) that live deep within us. These archetypes are not only connected to a particular social space, such as Russia, but they also exist universally. How one's action is considered good and he/she himself/herself considered as a hero? How do these stories leave their mark on us so consistently? Is it because they follow a fixed or universal storytelling formula, or because they are embedded in our shared human psychology and knowledge? To understand and analyse these tales, we have included two different lenses. We will look through lens of Carl Jung's theory of archetypes to see the stories as a map of the human mind. Second, we have included theory of Vladimir Propp, Function of Folktales to see the pattern that all these tales follow.

As it is highlighted in Propp's work, that further on his journey, when the hero is called to an adventure, which transfer him from his ordinary world "The Departure" (Propp, 2015). To test his courage, intelligence and

morality, he faces immense trials. While facing the challenges, he is supported with an aid by supernatural forces or a magical helper "The Donor" (Propp, 2015). This helper are usually, a wise old man, a magical creature or others, provides the hero with the tools, wisdom, or encouragement, which are necessary to solve the challenge he is facing. These magical helpers represents the hero's own developing instinct, intuition or a connection to a higher power, which is his own subconscious.

This paper will examine the protagonists of "The Magical Ring" and "Frost," two tales collected by Alexander Afanasyev (Афанасьев, 2019). The analysis will first establish the theoretical frameworks of Carl Jung (archetypes) and Vladimir Propp (Morphology of Folktales). Then these frameworks will be applied in a case studies of each tale, taking the examples and quotations from the tales to illustrate the function of the central characters, how the function both as psychological archetypes as well and these are the essential components in a narrative structure.

Carl Jung's Theory of Archetypes

According to Carl Jung the human psyche contains inherited, universal patterns of thought, knowledge, wisdom and countless images, which are known as **archetypes**.

"There are as many archetypes as there are typical situations in life. Endless repetition has engraved these experiences into our psychic constitution, not in the form of images filled with content, but at first only as forms without content, representing merely the possibility of a certain type of perception and action. When a situation occurs which corresponds to a given archetype, that archetype

becomes activated and a compulsiveness appears, which, like an instinctual drive, gains its way against all reason and will, or else produces a conflict of pathological dimensions, that is to say, a neurosis." (Jung, 2014)

Our minds are full of countless basic patterns based on timeless human experiences. These patterns are not specific images, they are formless, shapeless and just empty outlines, but rather they are predispositions to mixture of experience gained by the surroundings. It helps one to observe and represent the world in certain manner or ways. A rough picture or an outline, not a certain image, but a new picture is made of various information, knowledge, and experiences and it also has a different figure than any other can imagine. With these elements, knowledge, wisdom and others, one creates a new archetype, which may vary from one individual to another.

There are as many archetypes as many people exist in the world but In the context of mythology and folklore. we have selected three dramatic personage and their archetypes for the analysis are here:

The Hero: The hero archetype represents the ego's journey toward self-realization, a process to become complete self, or what Jung called **individuation**. The hero's story is one of struggle, transformation, and overcoming darkness (the Shadow- the darker side of self). The central dramatic personage or hero so frequently has a humble, miraculous or a tragic beginnings. It shoes that the greatness to the hero is not a given but is earned through immense trials and challenges. The beginning highlights, that their Ego, a psyche part, which is developed in a particular social space. It helps one to take the decision and solve any problem in a socially accepted way, a particular social space. When the journey of central dramatic personage

starts and the social space around him changes, a challenge is given to the hero, which has not come crossed his path ever. In that particular moment his already existed Ego goes in his subconscious. To solve the problem, the hero act in a particular manner in the given circumstances or condition and the face or mask he will use, will be the new archetype. (this new archetype shall have new characteristic, human emotion and other quality, which is required to be considered as good, according to him) (Jung, 2014)

“Natural transformation processes announce themselves mainly in dreams. Elsewhere, I have presented a series of dream-symbols of the process of individuation. They were dreams which without exception exhibited rebirth symbolism. In this particular case there was a long- drawn-out process of inner transformation and rebirth into another being. This “other being” is the other person in ourselves—that larger and greater personality maturing within us, whom we have already met as the inner friend of the soul.”[235] (Jung, 2014)

- **The Villain (The Shadow):** The Shadow is the "dark side" of one's personality. It is not necessarily evil, but it's the part of ourselves that we hide away because we find it unacceptable in the social space in which we live. It is a mixture of the feelings and qualities, which are considered "bad" or "wrong" in the society — e.g. selfishness, greed, anger, lust and primitive instincts. As having these traits are considered bad in the social space around us, we don't want to admit these traits are part of us, we continuously repress them and start pretending as they don't exist.

The problem is, the more we repress or ignore the Shadow, the more powerful becomes in the dark. In our lives, it often comes out unexpectedly as a

sudden angry outburst or a self-sabotaging behaviour.

- **The Magical Helper:** If we think of a moment, when we are completely stuck on a difficult problem, and then suddenly, an unexpected idea emerges from inner unconscious, a piece of advice is received from a friend, or a random memory gave you the exact key to solve it. That external help or assistance, insightful path shown by our own unconscious is the concept of the Magical Helper in archetype.

In folktales, this inner psychological even is placed or presented as human form, sometimes other beings (e.g. animal, mythological characters or things). It becomes a dramatic personage: the Wise Old Man or Wise Old Woman. This characters — e.g. Babayaga, Dumbledore in Harry Potter , or a fairy godmother—represents a kind of higher intuitive wisdom and knowledge. They never try to solve the problems, that the hero is facing, but they help them at a critical moment, exactly then, when it is needed, when the hero is desperate and exhausted their own abilities.

The Helper's role is to provide the hero with what they lack, whether it's a crucial piece of advice, a magical tool (like a sword or a map), or a bit of encouragement. This symbolizes the way our own unconscious mind can offer up hidden wisdom or a new perspective right when we need it most, allowing us to overcome an obstacle and continue our journey of growth.

“The frequency with which the spirit-type appears as an old man is about the same in fairytales as in dreams.

The old man always appears when the hero is in a hopeless and desperate situation from which only profound reflection or a lucky idea—in other words, a spiritual function or an endopsychic automatism of some kind—can extricate him. But since, for internal and external reasons, the hero cannot accomplish this himself, the knowledge needed to compensate the deficiency comes in the form of a personified thought, i.e., in the shape of this sagacious and helpful old man.”[401] (Jung, 2014)

Vladimir Propp's Morphology of the Folktale

If Carl Jung unveils to us the **soul** (The psychological aspect) of the tale, then Vladimir Propp puts the **skeleton** of the tale in front of us. Jung was interested in the deep psychological reasons *why* the tales are told about heroes and villains, Propp, a Russian formalist, was fascinated by *how* those stories are built (structure and components of the tales).

His approach was scientific, with the analysis of hundred Russian folktales (magical tales) to see if he could find a hidden universal pattern. His discovery was ground-breaking: according to his methodology it doesn't matter, whether the hero is a prince or a peasant, or if the villain is an evil human, supernatural spirit, dragon, a witch or a step mother. The names and other irrelevant things may change, but the **jobs** or the tasks performed by characters in the story stay remarkably the same. Their archetypes are the same, they, in some manner, share the same characteristics.

“The folktale evidences seven dramatis personae. The functions of the preparatory section are distributed among the same characters (8, y-ſ& «-€, n-@); but the distribution follows an irregular pattern, making the definition of the

characters impossible according to these functions.”
(Propp, 2015)

According to Propp, these fundamental job and tasks of character are **"functions"** and he also realized that, they always takes place in a chronological order, forming the structural map of the tale. Based on these functions, he identified seven fundamental character types or **dramatis personae**. (Propp, 2015) The key point was that, these roles, which they perform are defined by their actions (Actions can also be place in the frame of an archetype). As per Propp, a character's true identity can be identify by the function they perform, not their name, personality or title. The key roles relevant to this analysis are:

The Hero:

According to Vladimir Propp's methodology, the courage, strength, or moral virtue are not the definition of a **Hero**, but their specific role in the structure of a tale. The Hero is simply the character who the plot moves around: they are the one who are either victim of villain's actions or he is sent on a quest to resolve a problem.

Propp Characterized heroes into two categories based on how their journey begins:

The Seeker Hero is the more active hero. They are one, who are **dispatched from home on a quest or mission**. A king might send them to find a magical object, or they might volunteer to go on a quest to right a wrong. Their story begins with them actively seeking something. E.g., a common names of heroes like **Ivan Tsarevich** from Russian tales, who is often sent by his father, the Tsar, to find the Firebird or Koschei the Deathless (THE DEATH OF

KOSHCHEI THE DEATHLESS). He is an active agent sent on a quest.

The Victimized Hero is not accelerated by interdiction at the start. Their journey is set in motion, when they become a **direct victim of the villain's actions**. They are not prepared for a quest; rather, the conflict finds them and force them to set their course. Sometimes they are exiled, captured, or something precious is stolen from them, and their further journey is a reaction to this misfortune by the action of the Villain. E.g., **Step daughter in the tales** (Step daughter/падчерица in the tale The Frost/ Морозко) is a perfect victimized heroine.

The Villain:

As per Propp's theory, the **Villain** is the fire, which ignites the very beginning of the tale. This character is not recognized by being evil, scary, ugly, but by their one essential action: to **create the central problem** that the hero must be assigned to solve. The villain is the one who disturbs the initial peace and harmony in the tale. They must be the one perform an immoral act of "**villainy**," and this specific function creates a state of misfortune or lack of something. This is the spark that ignites the entire plot to send the hero on their journey.

The Donor:

The character who tests the hero and provides them with a magical agent or helper, but first tests the hero's character. The Donor rewards them with a "magical agent", after the hero passes the test assigned by him. The magical agent can be piece of information, a sword, a ring, golden flower of life or a crucial tool, which heroes need to successfully

complete their quest. This figure directly corresponds to Jung's Magical Helper.

Analysis

"The Magical Ring"

In this tale, the poor peasant's son, Martynka, spends last of his money to save a dog, a cat, and a snake from beaten. The snake reveals that she is daughter of an underworld king of snakes and rewards Martynka with a magical ring that could fulfil any wish. (A.П., 2012-2022)

Jungian Analysis

- **Martynka as the Hero:** Martynka is a perfect example of the hero archetype. He begins with a very humble background "a simple peasant's son". His qualities, which defined him as a hero, are not his strength but compassion, empathy to another being—an inner wisdom or virtue. His journey begins when he saves the animals, symbolizing empathy to another beings and an alliance and friendship with the natural world. The magical ring, which is received as a reward reflects the power he gains through this qualities, a tool for his individuation. His marriage to a princess and the building of a crystal palace signify his initial success, but his journey is incomplete.
- **The Villain** The villain is his deceiving wife, the princess. She represents the **anima** (the inner feminine figure) turned negative. She has the quality of betrayal, greed, and deception. Her act of stealing the ring and abandoning Martynka on a deserted island fits in Jung's theory of Villain.

- The Magical Helpers: Martynka has multiple helpers.
 - The snake is the primary helper, a classic chthonic (underworld) creature that holds ancient wisdom. By saving the snake, Martynka proves his worth.
 - The cat and dog are secondary helpers. They represent animalistic loyalty and instinct. Their journey across the sea to retrieve the ring is a heroic quest in miniature, undertaken out of pure devotion to their master

Proppian Analysis

Propp's framework maps onto the plot with remarkable precision.

- **Martynka as the Hero (Seeker):** He is the central figure whose actions drive the plot. In the tale the compassion towards nature is shown by the hero, when he saves the dog, cat and a snake. These kind of quality in a man is required for the society to keep it in an order and a person having these quality are consider good or a hero in civilised society. Hence, his kind action is rewarded and makes him a hero. (Propp, 2015)
- **The Serpent/Snake as the Donor:** The serpent acts as Propp's Donor. Martynka is implicitly tested on his character when he chooses to spend his last kopeks on saving a life. By passing this test of compassion, he receives the magical agent (Function F)[ibid].

E.g. Martynka gives away all of his money, and the Snake, says, *"You have done me a great service, Martynka, the peasant's son... I will give you a ring from my finger. If you move it from one hand to the other, twelve youths will at once appear."* This is a classic Donor-Hero interaction.

- **The Princess as the Villain:** Her actions resonates with the function of Villainy (*Function A*).[ibid]
 E.g. *"While Martynka was away hunting, the princess stole the ring from him... moved it from one hand to the other, and the twelve youths appeared. 'Take me up,' she said, 'with my crystal palace... and carry me away to my own kingdom.'"*

This act of theft (Illegally gaining the magical ring) and abduction is the act of villainy that Martynka must overcome.

"Frost" (Morozko)

This tale features a virtuous stepdaughter, and a cruel stepmother. The stepmother orders her stepdaughter to be left in the winter forest to die from the cold. There, she meets the spirit of winter, Morozko (Father Frost), who tests her.

Jungian Analysis

- **Step daughter as the Heroine:** She is an archetype of the patient, enduring female central protagonist/heroine. Her heroism is not shown in action but in her unshakeable wisdom, virtue, kindness and respect even at the time of extreme of suffering. Her tests in the forest is psychological. By enduring the cold without complaint, she

demonstrates mastery over her own fear and misery. This is a journey of inner self, rather than outer quest or journey.

In this tale “Morozko” the stepdaughter through her life struggle and suffer at home because of her stepmother, but these were not her tests, which would have been rewarded. She is being tested in the forest by Frost. Her quality of being kind, her uncompliant nature even in the face of suffering, are those qualities, which are appreciated by the people in society. These are also the parameter for being good girl or women. That is why she is being rewarded in the jungle by the Frost.

- The Villain : there can be many archetype of villain, but figure of stepmother is similar as the Terrible Mother archetype— envious, destructive and life-denying force. She demands the death of the beautiful and good (based on her characteristics). Her own daughter, is a reflexion of the stepmother's shadow qualities: she is rude and greedy.
- Morozko as the Magical Helper: Morozko is an example of the raw, untameable power of nature. He functions as the Wise Old Man archetype in his role as a tester. He is neither inherently good nor evil; he is a force of judgment who rewards based on inner character.

E.g., As he makes the cold more and more intense, he repeatedly asks, *"Are you warm, little maiden?"* her polite and humble replies, *"I am warm, dear Father Frost,"* she shows her respect for his power. This is the key that helps her unlock his aid. Jung would see Morozko as a powerful,

non-personal force of the collective unconscious that the heroine must properly relate to in order to receive its boon.

Proppian Analysis

- **Step daughter as the Hero (Victimized):** She never even wish for a quest; the conflict is forcefully placed upon her. The initial stage is one of injustice, when he is sent to the forest.
- **The Stepmother as the Villain:** She commits the act of Villainy (*Function A*) by exiling her stepdaughter.

E.g. *"Take her away, take her away, old man... take her to the open field and leave her there in the biting frost."* (Афанасьев, 2019) This is a clear villainous act, setting the main plot in motion.

- **Morozko as the Donor:** He directly fulfils the Donor's role. He subjects the heroine to a test (*Function D*).

E.g. His repeated questioning about the cold is the test. When she passes through her endurance and politeness, he rewards her (*Function F*). *"Morozko took pity on her, wrapped her in furs, and warmed her with blankets."* He then gives her a chest filled with rich gifts. In contrast, when the stepmother's daughter, is tested and she fails miserably by being rude and she is punished with death (*Function U*, or punishment of a false hero).

Conclusion

In the end, our journey through "The Magical Ring" and "Frost" reveals the powerful dual-side that carries these tales. The characters don't just act; they act with a meaning that works on two levels at once. We saw how Martynka's

inner, archetypal compassion (**Jung**) was the very thing that allowed him to pass the Donor's test and receive the magical ring (**Propp**). Likewise, the stepdaughter's in "Morozko" heroic inner resilience was the element, what prepared her to pass the narrative trial set by Morozko. The psychological state of the character directly fuels their success within the story's structure. This is why the stories feel so complete. The Proppian framework and his methodology gives us the logical satisfaction of a well-settled and arranged plot, while the Jungian archetypes gives us insight that, the story resonates on a much deeper, personal and collective level. These tales have survived for centuries not just because they are well-narrated or told, but also because they are profoundly true, they reflect the hidden architecture of our own complex minds, back at us in the form of a simple tale.

Литература

- Jung, C. (2014). *The Archetypes and the collective unconscious*. London & New York: Routledge, Taylor & Francis Group.
- Propp, V. (2015). *Morphology of the folktles*. Mansfield Centre: Martino Publishing.
- А.П., П. (2012-2022). *Волшебное кольцо*. Retrieved from Сказка.ру : <https://www.skazka.ru/story/platonov/volshebnoe-koltso/>
- Афанасьев, А. (2019). *Народные Русские Сказки*. Moscow: Эксмо.
- Andreas, Holger, and Frank Zenker. "Basic Concepts of Structuralism." *Erkenntnis* (1975-), vol. 79, 2014, pp. 1367–72. *JSTOR*, <http://www.jstor.org/stable/24021377>. Accessed 31 Dec. 2023.
- Bronner, Simon J., editor. "Structuralism and Folklore." Meaning of
- Dundes, Alan (2007). *The Meaning of Folklore : The Analytical Essays of Alan Dundes / edited and introduced by Simon J. Bronner*. Utah: Utah State Universtiy Press.
- Dundes, Alan, *Interpreting folklore*, Indiana university press, Bloomington, 1980.
- Haring, Lee. "Context, History, Interpretation." *How to Read a Folktale: The "Ibonia" Epic from Madagascar*, 1st ed., vol. 4, Open Book

- Publishers, 2013, pp. 37–56. JSTOR,
<https://doi.org/10.2307/j.ctt5vj7.9>. Accessed 2 Aug. 2025.
- Jung, C. G. (1921). *Psychological Types*. Princeton University Press.
- Speer, Speer A. (2005). *Gender Talk: Feminism, Discourse and Conversation Analysis*. New York: Routledge

Хем Чандра Панде
Бывший декан, SLL&CS
Университет им. Джавахарлала Неру
Нью-Дели

Hem Chandra Pande
Former Dean, SLL&CS
Jawaharlal Nehru University
New Delhi

**Заметки по «смерти»
(на основе анализа повести В. Распутина «Последний
срок» и рассказа Л. Толстого «Три смерти»)**

**Notes on "Death"
(based on an analysis of V. Rasputin's novella "The Last
Term" and Leo Tolstoy's short story "Three Deaths")**

Аннотация: Статья представляет собой сравнительное исследование произведений Валентина Распутина «Последний срок» (1970) и Льва Толстого «Три смерти» (1859). В статье рассматривается различный подход обоих писателей к универсальной теме смерти. В то время как Толстой подчёркивает неизбежность смерти, называя её напрямую, Распутин использует аллегорическое название, намекая на закат человеческой жизни. Несмотря на стилистические и тематические различия, оба автора сосредоточены на моменте умирания и осознании человеком своей смертности. Сравнение показывает, как каждый из них изображает смерть как явление одновременно личностное и универсальное.

Ключевые слова: Валентин Распутин, «Последний срок», Лев Толстой, «Три смерти», человеческая жизнь

Abstract: The Article is a comparative study of Valentin Rasputin's *The Last Term* (1970) and Leo Tolstoy's *Three Deaths* (1859). It focuses on

the both writers' differing approaches to the universal theme of death. While Tolstoy emphasizes the inevitability of death by naming it directly, Rasputin uses an allegorical title, suggesting the twilight of human life. Despite stylistic and thematic contrasts, both authors centre on the moment of dying and human awareness of mortality. The comparison highlights how each author portrays death as both a personal and universal phenomenon.

Keywords: *Valentin Rasputin, The Last Term, Leo Tolstoy, Three Deaths, human life*

И смерть и жизнь – родные бездны:

Они подобны и равны,
Друг другу чужды и любезны,
Одна в другой отражены.

Одна другую углубляет,
Как зеркало, а человек
Их съединяет, разделяет
Своей волею навек.

Д.С. Мережковский. *Двойная бездна* (1901)⁵³

Повесть Валентина Распутина «Последний срок» (1970) и рассказ Льва Толстого «Три смерти» (1859) обращают наше внимание на различие подходов писателей к общей теме – теме «смерти». Если Толстой прямо называет свое произведение словом «смерть», подчеркивая ее неизбежность, то Распутин называет свое произведение аллегорически – «последний срок», намекая на закат человеческой жизни.

Различные названия двух произведений подчёркивают различия в подходе авторов к изображению смерти.

⁵³ Мережковский Д.С. Двойная бездна. 1901. URL: <https://www.culture.ru/poems/25690/dvoynaya-bezdna> (дата обращения: 11.10.2025).

Однако несмотря на внешние отличия, оба автора сосредоточены на одном и том же аспекте – приближающейся кончине персонажей. Через внутренний монолог старухи Анны, главной героини своей повести, Распутин раскрывает переживания умирающего человека перед лицом конца жизни. Лев Толстой, напротив, проводит параллели между концом жизни дворянской женщины – барыни, простого мужика-ямщика и деревом, показывая разные способы восприятия и осознания смерти представителями разных социальных слоев и природы. Для сравнительного анализа наиболее продуктивным представляется сопоставление внутреннего состояния Анны с образом жизни и смертью простолюдина-ямщика и природного явления – гибели дерева, предложенных Толстым. Это позволяет выявить схожести и различия в восприятии смерти людьми разного социального положения и отношения к окружающему миру. Смерть барыни выделяется особым отношением Толстого: «Моя мысль была: три существа умерли – барыня, мужик и дерево. Барыня жалка и гадка, потому что лгала всю жизнь и лжёт перед смертью. ... Зачем умирать, когда хочется жить? ... Мужик умирает спокойно... его религия – природа, с которой он жил. Он сам рубил деревья, сеял рожь и косил её, убивал баранов, и рожались у него бараны, и дети рожались, и старики умирали, и он знает твёрдо этот закон... Дерево, срубленное для креста на могилу, умирает спокойно, честно и красиво. Красиво – потому что не лжёт, не ломается, не боится, не жалеет» [9: 12].

Распутин создает образ смерти в своей повести «Последний срок» через непосредственное восприятие самой умирающей старухи Анны. Её размышления отличаются глубокими эмоциональными оттенками и философским подтекстом, заставляя читателя остро ощущать хрупкость человеческой

жизни и неизбежность конца. Для раскрытия сути подхода писателя необходимо привести фрагменты текста, поскольку отдельные реплики не способны передать всю полноту переживаний и глубину идеи, заложенной автором.

1) *«Старуха Анна лежала на узкой железной кровати возле русской печки и **дождалась смерти, время** для которой вроде **приспело**: старухе было под восемьдесят. Она долго пересиливала себя и держалась на ногах, но три года назад, оставшись совсем без силенок, она **сдалась и слегла**»⁵⁴.*

Фразы «дождалась смерти», «время ... приспело», «сдалась и слегла» ясно показывают, что старуха Анна находится на грани жизни и смерти. Эти выражения подчеркивают её физическое истощение и осознание близкой кончины, создавая атмосферу неизбежности и смирения перед судьбой.

2) *«В этот раз все шло к тому, что старухе **не перезимовать**. Уже с лета, как только оно пошло на убыль, старуха стала **обмирать** и только уколы фельдшерицы **доставали ее с того света**»⁵⁵.*

Фразы «не перезимовать», «обмирать», «доставали ее с того света» демонстрируют, что состояние старухи не оставляет надежд на выздоровление. Никаких признаков на улучшение здоровья и желание бороться за жизнь у нее не наблюдается.

3) *«Приходя в себя, она тоненько, не своим голосом, стонала, из глаз ее выдавливались слезы, и она причитала: – 'Сколь раз я вам говорила: не трогайте меня, дайте мне самой **на покой уйти**'»⁵⁶.*

Фраза «на покой уйти» показывает, что старуха Анна прекрасно осознает завершение своего жизненного

⁵⁴ Распутин В.Г. Повести и рассказы. Последний срок. 1970. URL: <https://azbyka.ru/fiction/povesti-i-rassказы-rasputin/> (дата обращения: 11.10.2025).

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

пути, поэтому выражает желание покинуть мир самостоятельно и достойно.

4) «В начале сентября на старуху навалилась другая напасть: **ее стал одолевать сон**. Она уже не пила и не ела, а только спала. Тронут ее – откроет глаза, глянет мутно, ничего не видя перед собой, и опять заснет. А трогали ее часто – чтобы знать: жива, не жива. **Высохла** и ближе к концу вся пожелтела – **покойник покойником**, только что **дыхание не вышло**»⁵⁷. Фразы «**ее стал одолевать сон**», «**высохла**», «**покойник покойником**», «**дыхание не вышло**» показывают, что состояние старухи демонстрирует очевидные признаки скорой кончины: физическая слабость, отсутствие аппетита, постоянная усталость.

5) «Сошлись все у старухиной кровати – и Надя, Михайлова жена, тут же, и Нинка. Старуха лежала недвижимо и стыло – **то ли в самом конце жизни, то ли в самом начале смерти**. Варвара ахнула:

– **Не жива**.

На нее никто не цыкнул, все испуганно зашевелились. Люся торопливо поднесла ладонь к открытому рту старухи и **не почувствовала дыхания**.

– Зеркало, – вспомнила она. – Дайте зеркало.

Надя кинулась к столу, на ходу вытирая о подол осколок зеркала, подала его Люсе; та торопливо опустила осколок к бескровным старухиным губам и с минуту подержала. **Зеркальце чуть запотело**.

– **Жива**, – с облегчением выдохнула она. – **Жива** наша мама»⁵⁸.

Фразы «**то ли в самом конце жизни, то ли в самом начале смерти**», «**Не жива**», «**не почувствовала дыхания**», «**зеркальце чуть запотело**», «**жива**» свидетельствуют о том, что собравшиеся вокруг

⁵⁷ Распутин В.Г. Повести и рассказы. Последний срок. 1970. URL: <https://azbyka.ru/fiction/povesti-i-rasskazy-rasputin/> (дата обращения: 11.10.2025).

⁵⁸ Распутин В.Г. Повести и рассказы. Последний срок. 1970. URL: <https://azbyka.ru/fiction/povesti-i-rasskazy-rasputin/> (дата обращения: 11.10.2025).

постели старухи ее родственники становятся свидетелями трагичного момента, мастерски воплощенного писателем: тщательно подобранные детали и выразительные образы делают картину предельно реалистичной.

6) *«Старуха была все так же: жива и не жива. Все умерло в ней, и только сердце, разогнавшись за долгую жизнь, продолжало шевелиться. Но видно было: совсем-совсем мало осталось ему держаться. Может, только до утра»*⁵⁹.

Фразы «жива и не жива», «все умерло в ней, и только сердце», «мало осталось ему держаться» иллюстрируют, что присутствующие вокруг кровати старухи испытывают тревогу и неопределенность, периодически проверяя, дышит ли еще старуха, настолько слабо проявляется ее дыхание.

7) «Они стояли вокруг матери, со страхом смотрели, не зная, что думать, на что надеяться, и **этот страх совсем не походил на все прежние страхи**, которые выпадали им в городской и деревенской жизни, потому что **он был всего страшнее и шел от смерти** – казалось, теперь она заметила всех их в лицо и больше уже не забудет. Страшно было еще и видеть, как это происходит: когда-нибудь это должно было произойти и с ними, а они считали, что это то самое, и не хотели смотреть, чтобы не помнить о нем постоянно, и все-таки не могли отойти или отвернуться. Еще и потому нельзя было отойти, что она (имеется ввиду «смерть»), занятая их матерью, могла остаться этим недовольной, а обращать лишний раз на себя ее внимание никому не хотелось. И они стояли, не двигались»⁶⁰.

Фразы «этот страх совсем не походил на все прежние страхи», «он был всего страшнее и шел от смерти» указывают, что дети старухи Анны, собравшиеся возле ее кровати, были охвачены необычайным чувством страха, который отличался от обычных страхов, испытанных

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

ими ранее в повседневной жизни. На этот раз ими охватило чувство тревоги и беспомощности перед надвигающейся смерти, неизведанным финалом, которого невозможно предотвратить.

8) Кульминационный момент повести «Последний срок» заключается в описании последнего свидания старухи Анны со смертью. Писатель показывает, насколько близко подошла Анна к принятию своего конца, словно смерть стала ее подругой. Такой философский подтекст подчеркивает мудрость и принятие человеком собственного жизненного цикла.

«В эту же ночь, не откладывая, **старуха решила умереть**. Делать больше на этом свете ей было нечего и **отодвигать смерть стало ни к чему**. Пока ребята здесь, пускай похоронят, проводят, как заведено у людей, чтобы в другой раз не возвращаться им к этой заботе»; «Теперь бы уж давно готовенькая лежала и забыла, что она была, жила – **обо всем бы забыла, от всего освободилась**»⁶¹.

Фразы «старуха решила умереть», «отодвигать смерть стало ни к чему», «обо всем бы забыла, от всего освободилась» передают решительное и осознанное принятие старухой Анны факта своей близкой смерти, не сопротивляться болезни и усталости, примириться с собственным положением, освободиться от проблем земной жизни и избавления от страданий.

9) «Выдавливая из себя голос, старуха позвала Варвару, но никто ей не ответил: голос был слишком тихим и ушел недалеко. Старуха крикнула еще, на этот раз сильнее. Варвара услышала, пришла.

– Чё тебе, матушка?

– Сядь, – старуха глазами показала на кровать возле себя. Варвара села.

– Чё, матушка?

⁶¹ Там же.

– Погоди. – Старуха собралась со словами. – **Помру я...**

– Не говори так, матушка, – запыхтела Варвара.

– Помру я, – повторила старуха и сказала: – **Обвыть меня надо.**

– Чё надо?

– **Обвыть.** Оне не будут. Тепери ни ребенка ко сну укачать, **ни человека в могилу проводить – ничё не умеют.** Одна надёжа на тебя. Я тебя научу, как. Плакать ты и сама можешь. **Нардо с причитаньем плакать.**

Похоже, Варвара поняла, на лице ее выступил страх»⁶².

Фразы «помру я», «обвыть», «ни человека в могилу проводить – ничё не умеют», «нардо с причитаньем плакать» указывают на то, как старуха Анна заранее готовится к собственному уходу и жизни. Разговор с дочерью демонстрирует ее желание облегчить близким процесс прощания. Инструкция о подготовке тела к погребению подчеркивает важность соблюдения традиций и уважения к памяти умершего.

10) «Старуха слушала, не отвечая, и уже не знала, могла она ответить или нет. Ей хотелось спать. Глаза у нее смыкались. До вечера, до темноты, она их еще несколько раз открывала, но ненадолго, только чтобы вспомнить, где она была. Ночью старуха умерла»⁶³.

Писатель завершает рассказ сценой, где старуха Анна пережив мучительное ожидание конца тихо покидает этот мир поздней ночью. Возле нее находился ее младший сын. Несмотря на то, что сюжет охватывает лишь трехдневный период, события разворачиваются таким образом, что оказывают сильное воздействие на читателя. Стоит отметить, что образ старухи Анны вдохновлен реальной фигурой –

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

родной бабушкой самого Валентина Распутина, что придает рассказу особую значимость и эмоциональность.

Таким образом, приведенный анализ демонстрирует изобилие изобразительных средств, используемых писателем для передачи чувства приближающегося конца жизни старухи Анны. Слова, словосочетания и выражения, который автор использует в тексте для придания образности, эмоциональности включают прямые указания на физическое состояние и психологический настрой персонажа: *«дождались смерти», «решила умирать», «обмирать», «отодвигать смерть стало ни к чему», «жива не жива», «все умерло в ней, и только сердце продолжало шевелиться».* Контекстуальные определения усиливают эффект путем детализации обстановки и реакции окружающих: *«доставали с того света», «высохла», «пожелтела», «стон не стон, храп не храп», «зеркальце чуть запотело», «впала в беспамятство», «давно готовенькая лежала», «последний срок».*

Заключение

Было бы уместным упоминать в данной заметке рассказ В. Шукшина «Как помирал старик» (1967), также посвящённой теме *смерти*. Старый крестьянин Степан находится при смерти, но он желает еще жить. Вместе с тем он жалеет, что всю жизнь плохо обращался со женой и детьми. В этот предсмертный час кроме жены и одного соседа никого нет рядом с ним. В этом отношении герой рассказа В. Шукшина имеет сходство с барыней Л. Толстого, которая тоже не хочет умереть и вела себя плохо со своими близкими. Мы замечаем, что способы реализации мотива смерти в повести В. Распутина и рассказе Л. Толстого разные. Вместе с тем условия, в которых находятся герои

анализируемых произведений, также неодинаковые. В повести «Последний срок» мы видим, что старуха Анна знает, что ее жизнь подходит к концу, ей скоро умереть. Она не боится смерти и начинает размышлять о смерти, как бы разговаривая с ней. Лев Толстой в своем рассказе «Три смерти» сравнивает два социальных слоя общества с природой, и когда их жизнь подходит к концу, и писатель, несомненно, сочувствует мужику и дереву. Название повести «Последний срок» символично и двусмысленно: оно может трактоваться как непосредственно относящееся к самому процессу умирания, так и обозначать состояние, предшествующее физической смерти. Тем не менее целесообразно интерпретировать название именно как отражение периода, предшествующего смерти, когда герой проходит важные пути внутренней трансформации и духовного очищения. Изображая предсмертное состояние старухи Анны, писатель показал свое художественное мастерство. Лев Толстой в рассказе «Три смерти» нарисовал иную картину смерти, сравнивая три разных случаев смерти. Поэтому подход двух писателей к теме смерти совсем разный, хотя оба писателя заставляют читателя размышлять о смерти, о предсмертном состоянии человека.

Литература:

- Гладышев, А.К. Эстетика и физиология смерти в рассказе Л.Н. Толстого «Три смерти». *Филологический класс*, 27/2012, С. 51-54.
- Мережковский Д.С. Двойная бездна. 1901. URL: <https://www.culture.ru/poems/25690/dvoynaya-bezdna> (дата обращения: 11.10.2025).
- Хем, Ч. П. Свидание со смертью: отражение приближающейся смерти в повести "Последний срок" Валентина Распутина / Ч. П. Хем // Язык. Текст. Дискурс. – 2019. – № 17. – С. 230-236.

- Распутин В.Г. Повести и рассказы. Последний срок. 1970. URL: <https://azbyka.ru/fiction/povesti-i-rasskazy-rasputin/> (дата обращения: 11.10.2025).
- Распутин, В. Прощание с Матерью. Живи и помни. Последний срок. Деньги для Марии. Кишинев: «Картя Молдовеняскэ», 1981. – 540 с.
- Толстой, Лев. Повести и рассказы. Изд. «Русский язык», М. 1988, С. 231.
- वलेन्तीन रस्पूतिन. 'अन्तिम घड़ी', तीन रूसी उपन्यास, अनु. - हेमचन्द्र पॉंडे, साहित्य अकादेमी, 1996, पृ. 13-204.
- वसीली शुक्शीन. 'मृत्यु के कगार पर बूढ़ा व्यक्ति', अनु. - किरण सिंह वर्मा, रूसी अनुवाद विविधा-5, गोयल पब्लिशर्स, 2020, पृ. 28-33.

Нагендра Шринивас
Доцент
Центр русских исследований
Университет им. Джавахарлала Неру

Nagendra Shreeniwas
Associate Professor
Centre of Russian Studies, SLL&CS
Jawaharlal Nehru University

Образ Индии в цикле стихов К.Д. Бальмонта
«Индийские травы»
The image of India in K.D. Balmont's cycle of poems
"Indian Herbs"

Аннотация: Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942) является выдающимся поэтом русского символизма. В его поэзии наблюдается мистические поиски трансцендентных истин. В этом отношении, индийские духовно-религиозно-философские образы, в его стихах, служат как идеальные символистические образы потусторонней неиспорченной красоты. В этой статье анализируется его цикл стихов «Индийские травы», чтобы найти и понять те художественные образы, которые отражают индийские духовно-религиозно-философские мотивы.

Ключевые слова: Бальмонт, символизм, Индия, Двайта, Адвайта, Сансара

Abstract: Konstantin Dmitrievich Balmont (1867–1942) is a prominent poet of Russian Symbolism. His poetry reveals a mystical quest for transcendental truths. In this regard, Indian spiritual, religious, and philosophical imagery in his poems serves as ideal symbolic representations of otherworldly, unspoiled beauty. This article analyzes his poem cycle "Indian Herbs" to identify and understand the artistic images that reflect Indian spiritual, religious, and philosophical motifs.

Keywords: Balmont, Symbolism, India, Dvaita, Advaita, Samsara

Русская интеллигенция, к концу XIX века, увлекали Индией и ее религиозно-духовно-философскими идеями. В том числе, и русские символистские поэты также уделяли свои внимания к индийским мотивам. Ряд санскритских текстов был переведен на русский язык. Поэты-символисты, которые были в поиске неиспорченного духовного идеала и знания, нашли свою возвышенный идеал, загадочный мистический мир и абсолютную красоту в индийских духовно-философских мотивах. Разные религиозно-духовные мотивы и философские понятия из Индии были употреблены такими поэтами как художественные образы и идеальные символы в их произведениях.

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942) тоже был под сильным влиянием индийской философией. Он не только познакомился с разными древнеиндийскими текстами, но и также перевел из на русский язык. Он хорошо знал ведийские гимны, буддийские сутры, философские идеи *упанишад*, произведения Калидасы и т.д. Бальмонт, сравнивая разные культурные аспекты славянского и индийского обществ, подчеркивал близость духовных мировоззрений и верований обоих. Бальмонт является одним из таких писателей России, который подробно использовал древнеиндийские философские мотивы, чтобы творить поэтические образы и символы. Через такие образы и символы он мастерски превратил свою лирику в мистически-философские произведения, чтобы передал свою символический мир загадочных идеалов.

Индия для Бальмонта является священной страной, страной знаний, которая умеет показать путь всему миру. В его стихи «Три страны», он представляет мир как единая гармоничная ткань, которую соткали из мыслей

и чувств. Но, дело в том, что в таком восприятии мира, поэт рисует образ Индии как источник священной духовной силы, как образ чистоты и первоисточника, как «свет», «святыня» и «мать», которая не только рождает мудрость, но и хранит ее. Он пишет:

«Мир опутать светлой тканью мыслей-паутин,
Слить душой жужжанье мошки с грохотом
лавин,
В лабиринтах быть как дома, все понять,
принять, —
Свет мой, Индия, святыня, девственная мать.»⁶⁴

Цикл стихов Бальмонта «Индийские травы» занимается лирическим осмыслением и символизацией индийских духовно-философских идей и мотивов. В этом цикле, в основном, центральной темой является так называемое индийское философское понятие *майя*, т.е. иллюзорное состояние этого мира. Кроме понятия *майи*, поэт выбирает такие понятия, как путь к духовному освобождению и слиянию *Атмана* (т.е. вечной личной души) с *Брахманом* (т.е. Абсолютом) и т.д.

Первое же стихотворение этого цикла, которое также называется «Майя», обращается к пониманию иллюзорности существующего мира при помощи поэтического образа *майи*. Здесь дается многозначительное философское значение этого понятия. Замечается, что *майя*, для поэта-символиста, становится способом выражения не только иллюзорности действительности, но и двойственности вселенной. Все чувственное восприятие этого мира, как будто, становятся лишь тенью реального идеального бытия. Для поэта, *майя* создает множество видимостей, изобилие форм и явлений: людей, богов,

⁶⁴ Бальмонт, К. Д. *Собрание сочинений в 7 томах*. Том-2. Стихотворения. Москва. Книжный Клуб Книговек, 2010. стр.113

животных, времени, пространства, а также причин и целей. Все это, то, что существует в этом мире, несмотря на видимую реальность, рассматривается поэтом как иллюзия, которые не имеют никакой абсолютной истины или бессмертной красоты.

«Тени, и люди, и боги, и звери,
Время, пространство, причина, и цель,
Пышность восторга, и сумрак потери,
Смерть на мгновенье, и вновь колыбель.
Ткань без предела, картина без рамы,
Сонмы враждебных бесчисленных «я»,
Мрак отпадения от вечного Браны,
Ужас мучительный, сон бытия.

Бешено мчатся и люди и боги...»⁶⁵

Бальмонт определяет понятие *майи* как «лучистый обман», «бездушный немой океан», «призрак». Он, будто, противопоставляет два взгляда на понимание *майи*. Первый взгляд – это для невежественных мирских людей, которые воспринимают иллюзорную *майю* как реальность, как «жизнь». А также существуют умные, мудрые, которые знают, что эта воспринимаемая жизнь является «призраком» (т.е. *майя*). Только они (т.е. *йоги*) умеют преодолеть её, и умеют познаваться с той истиной, которая окружается обманчивой *майей*.

«Майя! О, Майя! Лучистый обман!

«Жизнь — для незнающих, призрак — для йоги,
Майя — бездушный немой океан!»⁶⁶

Такие мудрые *йоги* стремятся разорвать временные обманчивые обложки существа, и достигать вечного прекрасного абсолюта. Это стихотворение предлагает то, что этот воспринимаемый человеческий мир, чаще всего, обманчивый из-за *майи*. Чтобы достигать

⁶⁵ Бальмонт, К. Д. *Собрание сочинений в 7 томах*. Том 1. Стихотворения. Москва. Книжный Клуб Книгозек, 2010. стр.296-297

⁶⁶ там же. стр.297

освобождения от жизненного призрака, человеку следовать путем духовного созерцания. Через духовное созерцание, человек способен достичь освобождения освободить себя от иллюзии *майи*. Поэт рисует картину майи, не только как обман, а также, как основа этого существующего мира, и только мудрец обладает умением превосходить ее своим просветлением.

Через такой мистический образ, поэт-символист, как будто, опять сравнивает лирического героя с великими индийскими мудрецами (*йоги*), которые умеют познать потустороннюю вечную красоту. Словно, как эти мудрецы считали жизнь и явления существующего мира искаженными и ничтожными для духовного совершенствования, символисты тоже считали этот мир неподлинным и неподходящим для искусства и поэзии, и были в поисках более прекрасного неискаженного образа иного мира.

Бальмонт изображает тему единства человека с миром. В своей поиске абсолютной истины, он предлагает то, что человеку надо вернуться к своему внутреннему миру, надо искать внутреннюю, т.е. духовную истину. Тот, кто найдет свою внутреннюю истину, умеет видеть истину внешнего мира. Для этого, человеку приходится преодолеть иллюзорные материальные существования ради отыскания высшей духовной реальности. Поэт мастерски соединяет противоположные образы – сон и существование: «Ужас мучительный, сон бытия»⁶⁷, иллюзию и реальность, жизнь и смерть: «Смерть на мгновенье, и вновь колыбель»⁶⁸, – чтобы показать древнеиндийский духовный путь к пронизательности и гармонии. Поэт-символист, как будто сравнивает лирического героя с

⁶⁷ там же. стр.296

⁶⁸ там же

древнеиндийским мудрецом *йоги*. Этот лирический герой воспринимает себя как избранника, мудреца, стремящегося к потусторонности от земного существования. Поэт-символист стремится к слиянию с вечным духовным источником. Следовательно, он воплощает в стихах мотив переселения душ, интуитивного переживания мира и освобождения от страданий, характерные для древнеиндийской философии *сансара*.

Следующее стихотворение этого цикла «Круговорот» раскрывает такую же тему бесконечного цикла жизни и перемен. Здесь также изображается философская идея Буддизма, что жизнь является главной и единственной причиной печали в этом мире. В основе этого стихотворения лежит дуальность существования (*двайта*), т.е. противостояние жизни и смерти, света и тьмы, радости и скорби. Поэт использует мотив неумолимого «круговорота» зимнего существования. В таком неумолимом круговороте не только люди испытывают тоску и страдания, но и даже великие боги «несут тяжелый плен». Боги, герои и люди – все они являются пленниками постоянных изменений и неопределенности.

«Не только люди и герои,
Волненье дум тая,
Томятся жаждой в душном зное
Земного бытия.
Но даже царственные боги
Несут тяжелый плен,
Всегда витая на пороге
Все новых перемен.»⁶⁹

Здесь, в этом стихотворении, как в предыдущих стихотворениях, Бальмонт продвигает древнеиндийский мотив *сансара* и двоemiрия.

⁶⁹ там же. стр.297

Непрекрасный мир существующий (*сансара*) и тот идеальный мир прекрасный (возвышенный духовный мир). Все, что существует в этой существующей жизни, является частью неизбежного процесса перемен. Все постоянно меняется. Все существа находят себя в постоянный вечный цикл перемены; но никто не может достигать вечного покоя. Поэт продвигает философский мотив капризности существующей жизни. Жизнь употребляется как символ печали, постоянной перемены, всечасного бесконечного желания, безвыходного цикла тяжелых пленов, иллюзию. словно древнеиндийские мудрецы, или Будда, поэт показывает один только путь, чтобы преодолеть эти иллюзии и страдания земного бытия – духовное очищение и совершенствование через поиск внутренней тишины и вечной истины. В то же время противопоставление бренного мира и высшего, неподвижного начала представляет идеалы *веданты*, где высший принцип пребывает вне перемен и страданий.

Все существа бренной жизни постоянно в безвыходном цикле тяжелых пленов и мучений. Одно только есть вечный, которое заботится о всем. Это неведомый простому существу высший надзиратель, который управляет всеми существами этого бренного мира. Этот созерцатель живет вне этих теней (существ). Он вечный и спокойный. Он принимает существующий мир со всем его многообразием и противоречиями. Для него эта бренная жизнь мгновенная игра, мимолетный сон. Этот созерцатель – никто другой, а понятие из *Упанишада* – *Брахман*, которое рисуется как символ божественного начала. В нем заключена чистая гармония и вечная свобода от земных страданий, изменений и плена. Он символ вечности, постоянности, восторга.

«И только Он, Кто всех их видит
 С незримой высоты,
 Кто бледной травки не обидит,
 В Чьем лоне я и ты, —
 Лишь только Он, всегда блаженный,
 Ничем не утомлен,
 И жизнь с ее игрой мгновенной
 Пред ним скользит, как сон.»⁷⁰

Упанишадское понятие *Брахмана*, Бальмонтом представляется, как высшее существо, которое наблюдает за всем своим творением с невидимой высоты. Это высшее существо – постоянное, вечное, благодушное, блаженное, неутомленное, восторженное. Оно заботится о всех существах, и который даже «бледной травки не обидит»⁷¹, и «любит свет и тьму»⁷². Оно показывается как символ абсолютного, вечного принципа. Оно остается неизменным и свободным от страданий, переживаний и изменений. Только оно управляет всем миром. Здесь поэт противопоставляет бренный, изменчивый мир живых и неведомый духовный мир. В том неведомом мире, который только *йоги* и сам поэт умеют видеть, все существа земли получают свое начало и конец. Тот мир вечный, неподвижный, спокойный.

Это стихотворение отражает идеи древнеиндийской философии *сансары*, которая говорит о цикле рождения, смерти и перерождения, бесконечном круге превращений и душевных опытов, из которого стремится выйти духовный искатель. Идея вечного возвращения, переменчивости бытия и страданий связана с буддийской и индуистской концепцией *майи* (иллюзии мира), а также с поиском вечного

⁷⁰ там же

⁷¹ там же.

⁷² там же.

освобождения (*мокши* или *нирваны*) от этого цикла перерождения.

Здесь также отображается символ *атмана* и *парам-атмана* (т.е. *Брахмана*). Эти мотивы поэт выбирает из *Упанишады*, *Вхагвад гиты*. *Парам-атман* или *Брахман* является самым началом и самой целью. *Атман* вытекает из *Парам-атмана* и втекает в тот же *Парам-атман*. Высшее начало (т.е. *Брахман*), к которому стремятся все существа, непознаваемо и никакому бренному существу не понятно. Оно одинаково принимает и свет, и тьму. Вся жизнь – это круг, который мы проходим, чтобы прийти именно к нему. Поэт сравнивает наше движение в мире с лучом солнца, который, скользя через тьму, направляется к святому покою этого высшего начала. В конечном итоге мы вновь воссоединяемся с ним – состоянием вечного покоя и блаженства.

«И круг заветный мы свершаем,
Чтобы придти к Нему.
Как луч от Солнца, в жгучем зное,
Сквозь бездну мглы скользим,
И вновь — к Нему, в святом покое,
И вот мы снова — с Ним!»⁷³

Смысл этого жизненного цикла заключается в том, что для вечного покоя нам (*атман*) надо вернуться к Брахмане. Конечная цель каждого *атаманы* – это возврат к самому началу, т.е. к духовному источнику (т.е. к *Брахмане*). Слияние с *Брахманом* – это цель всех мудрых существ.

Такой же идеал также отображается в стихотворении «Индийский мотив». Здесь прежде всего отражается идея освобождения души и слияния с Абсолютом. Элементы древнеиндийской философии, включая понятия *майи* и путь йога к освобождению,

⁷³ там же. стр.298

прослеживаются в символах. В основе опять лежат учения *Упанишад*. Здесь воплощена концепция *Брахмана*, т.е. единое вечное начало, и *Майи*, т.е. иллюзорности мира, где материальное бытие воспринимается как мнимая игра или сон бога. Образы стихотворения строятся вокруг идеи преодоления противоречий земного существования, принятия иллюзорности жизни и устремления к духовной вершине. То, что существует в этом мире – это иллюзия. Человеку надо преодолеть этого иллюзорного мира (т.е. *майи*), чтобы узнать вечную абсолютную истину (*Брахман*), потому что этот существующий мир – это «сновидение иного сновиденья»:

«Так жизнь с восторгами и с блеском
заблужденья

Есть сновидение иного сновиденья.»⁷⁴

Бальмонт, будучи поэтом-символистом, представляет своего лирического героя как избранного, который способен видеть иной, духовный мир. Этот лирический герой представлен, будто, он способен узнать вечную абсолютную истину (*Брахман*). Он тот избранник, который выбирает путь посвящения и раскрытия высших тайн бытия. Такое же чувство превосходства поэта-символиста еще раз наблюдается в стихотворении «Индийский мудрец», где лирический герой также представлен как индийским мудрецом, который «беседовал с веками», «свой дух вернул к первичной простоте», «молчальником... приобщился в Бrame» и «утонул в бессмертной красоте», чтобы достигнуть абсолютной истины и бессмертной красоты.⁷⁵

Здесь через грандиозный образный символ индийского мудреца, т.е. *йоги*, поэт намекает на его

⁷⁴ там же

⁷⁵ там же. стр.300

духовные пробуждения. Он намекает на свое духовное путешествие от мира материального и достижения внутренней тишины. Его лирический герой, как великий мудрец, умеет беседовать с *Брахманом*, чтобы видеть мир – абсолютный, вечный и неизменный. Поэт, как будто, выражает философскую концепцию освобождения души. Он подсказывает, что просветление достигается через познание истинной природы мира и своей внутренней души, через преодоление пределы обычного человеческого восприятия и через слияние с высшим началом.

В стихотворении «Жизнь» также, существующий жизнь рисуется как иллюзорный и мимолетный мир, как путь духовного преображения. Поэт через образы эфемерности и иллюзорности передает идею *майи* – фундаментальной иллюзии, которая покрывает истинную реальность бытия. Поэт совсем мастерски рисует это при помощи его метафорические образы, сравнивая жизнь с отражением луны на воде («Жизнь – отражение лунного лика в воде»⁷⁶), с мутным облаком («Дымное облако, полное скрытых лучей»⁷⁷). Последняя строчка представляет очень сильный символ мимолетной жизни. Здесь жизнь сравнивается со сном. Поэт продолжает подсказать, что она создана избытком многообразия людей и явлений, но она иль принадлежит всем, иль для ничему, т.е. смысл иллюзорной жизни заключается в сплочённости: «Сон, создаваемый множеством, всех — и ничей».⁷⁸ Здесь «сон» употребляется как синоним жизни и символизирует иллюзорность и неопределенность восприятия реальности, создаваемой «множеством», т.е. многообразием людей или явлений. Такое многообразие порой одновременно влияют и путают

⁷⁶ там же. стр.298

⁷⁷ там же. стр.299

⁷⁸ там же

сознание, делая реальность размытым и неопределенным образом. Через такой троп, поэт подчеркивает главный символистский мотив *майи* – мир как иллюзия, сны в снах, где нет окончательной истины и четкой границы между реальностью и сновидением.

Стихотворение «Как паук» продолжает этот мотив и намекает на единство и многосложности бренной жизни через образ паука. Паук создает свою паутину, которая тонкая и воздушная, но одновременно прочная и значимая. Здесь паук и паутина оба употреблены как символ. Образ паука символизирует космический процесс творения. Образ паутины символизирует бренную существующую жизнь. Совокупность обоих символов обозначает философскую взаимосвязь между вечным началом и индивидуальным «я» – *атманом* и *Брахманом*.

«Как паук в себе рождает паутину,
И, тяжелый, создает воздушность нитей, –
Как художник создает свою картину,
Закрепляя мимолетное событий, —»⁷⁹

В стихотворении раскрывается идея двойственности существования. Первое – неподвижное, вечное начало, которое не жаждет и не стремится. А другое – личностное сознание «я», связанное с образом творца, поэта-символиста. Эта двойственность отражает философские представления о мироздании, где вечное и временное, неподвижное и изменчивое составляют целое.

«Так из Вечного исходит мировое —
Многосложность и единство бытия.
Мир один, но в этом мире вечно двое: —
Он, Недвижный, Он, Нежаждущий — и я.»⁸⁰

⁷⁹ там же

⁸⁰ там же

В стихотворении «Из Упанишад» представлен мотив единства всех сущностей и вселенной, и мотив единства бесконечности перемены и духовного озарения. Стихотворение дает образ мира как единой, слитной ткани. В таком мире каждое существо существует внутри всеобщего безличного вечного начала – *Брахман*.

Последнее стихотворение цикла «Индийские травы» – «Молитва вечерняя» является обращением поэта-символиста к вечному и бесконечному началу – *Брахману*. Только *Брахман* видит и слышит всё, что происходит в душах людей. Поэт рисует его образ, как неподвижного, вечно живущего и не уставшего. В нем же рождаются и уходят все явления жизни. Это стихотворение пишется как символ единства всего вселения. Весь мир – лишь мимолетная тень, проходящая перед *Брахманом*. Здесь, Бальмонт дает художественный образ древнеиндийской философии *Адвайта*, т.е. недвойственность, в строчке «Только Тот есть вечно – я»⁸¹, т.е. только Атман является вечной и нетленной. По философии *Адвайта*, конечная реальность – это единый неделимый *Брахман* (т.е. Абсолют), который включает в себе индивидуальные вечные души (*Атман*) и все материальные существо является иллюзорным (*майя*).

Цикл стихов К.Д. Бальмонта «Индийские травы» изображает мир как иллюзию (*майя*), а жизнь как мимолетный сон. Поэт, дает сильные образы единства личного существа *Атман* с абсолют *Брахманом*. Цикл раскрывает идею освобождения души через знание высшей реальности, освобождение от страданий и иллюзий материального существования. Поэт показывает древнеиндийские духовные символы

⁸¹ там же. стр.300

как ключ к пониманию смысла жизни и достижению вечного покоя.

Список литературы:

Бальмонт, К. Д. *Собрание сочинений в 7 томах*.

Москва. Книжный Клуб Книговек, 2010.

Бонгард-Левин, Г. М. *Индийская культура в*

творчестве К.Д. Бальмонта // Ашвагхоша. Жизнь

Будды. Драмы. Калидаса / пер. К. Бальмонта. Москва.

Художественная литература, 1990, с. 6-30. URL:

[https://psv4.userapi.com/s/v1/d/NxNUGADeLiBzP_jpZ1nUd552obFkR-1u_hnQGmLpgNnMJtgpGMZrZpkVtza-SCi4eVPS38An2ajuvDjOmR2qlO1A4s0C1eyFsldTgMcPW_AJ_sBNR/Ashvagkhosha - Zhizn Buddy Kalidasa - Dramy - 1990.pdf](https://psv4.userapi.com/s/v1/d/NxNUGADeLiBzP_jpZ1nUd552obFkR-1u_hnQGmLpgNnMJtgpGMZrZpkVtza-SCi4eVPS38An2ajuvDjOmR2qlO1A4s0C1eyFsldTgMcPW_AJ_sBNR/Ashvagkhosha_-_Zhizn_Buddy_Kalidasa_-_Dramy_-_1990.pdf)

Концова, Е. В. *Восточная тема в творчестве К.Д.*

Бальмонта. Молодой ученый. 2009, № 3 (3), с. 118-124.

Фисковец, Е. В. *Индия в лирике Бальмонта (На*

материале стихотворения «Майя»). Вестник

Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.

Литературоведение. 2009, № 6 (2), с. 116–120. URL:

[http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/999999999_West_2009_6\(2\)/18.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/999999999_West_2009_6(2)/18.pdf)

Шашнева, Е. Н., Михайлов А. А. *Индия в творчестве*

К. Д. Бальмонта: культурные парадигмы буддизма.

Мир науки. Социология, филология, культурология.

2022. № 4. Т. 13. URL: [https://sfk-](https://sfk-mn.ru/PDF/21KLSK422.pdf)

[mn.ru/PDF/21KLSK422.pdf](https://sfk-mn.ru/PDF/21KLSK422.pdf)

Дорожкина Полина Викторовна
лаборант-исследователь лаборатории когнитивных и
лингвистических исследований Государственного
института русского языка им. А.С. Пушкина

Polina Viktorovna Dorozhkina
Research Assistant, Laboratory of Cognitive and
Linguistic Studies, A.S. Pushkin State Institute of the
Russian Language

**Лексико-семантическое поле «родина» в русской
поэзии: корпусный подход**

**Poetry of Data: A Digital Exploration of the Image of the
Motherland in Russian Lyric Poetry**

Аннотация. В данном докладе представлен опыт цифрового литературоведческого исследования, направленного на выявление лексических закономерностей, связанных с темой Родины в русской лирике. Анализ осуществлён на основе собранного корпуса из 945 стихотворений, размещённых на портале «Культура.рф», и охватывает произведения 119 авторов. Исследование проведено с использованием языка программирования R для корпусной обработки и визуализации данных. С помощью методов количественного анализа определяются наиболее частотные для стихотворений о Родине существительные, прилагательные и глаголы. Применение TF-IDF позволяет выявить слова-маркеры, характеризующие индивидуальные представления об образе Отечества даже в пределах единой темы. Этот подход позволяет с количественной точки зрения выявить различия

лирики ряда поэтов, не прибегая к субъективной интерпретации, а опираясь на частотные и весовые характеристики лексем, например: «царь» и «государь» у Пушкина, «партия» и «рабочий» у Маяковского, «мельник» и «грусть» у Есенина. Работа демонстрирует потенциал цифровых инструментов в литературоведении и подчёркивает, как технологии могут дополнить традиционные методы анализа, не разрушая, а наоборот — углубляя наше понимание художественного текста.

Ключевые слова: цифровые методы в гуманитарных науках, русская поэзия, анализ текста, R, TF-IDF, корпусное исследование.

Abstract. *This paper presents the experience of a digital literary study aimed at identifying lexical patterns related to the theme of the Motherland in Russian lyric poetry. The analysis is based on a corpus of 945 poems collected from the «Kultura.rf» portal, covering the works of 119 authors. The study was carried out using the R programming language for corpus processing and data visualization. Through quantitative methods, the most frequent nouns, adjectives, and verbs in poems about the Motherland are identified. The application of TF-IDF makes it possible to detect marker words that characterize individual representations of the image of the Motherland, even within a single theme. This approach allows one to quantitatively reveal differences in the lyrics of various poets without relying on subjective interpretation, but instead drawing on frequency and weight characteristics of lexemes—for example: «tsar» and «sovereign» in Pushkin, «party» and «worker» in Mayakovsky, «miller» and «sorrow» in Yesenin. The study demonstrates the potential of digital tools in literary scholarship and emphasizes how*

technologies can complement traditional methods of analysis—not undermining but rather deepening our understanding of the literary text.

Keywords: *digital humanities, Russian poetry, text analysis, R, TF-IDF, corpus research.*

*Кто-то учит нас и просит
Постигать и мерить.*

С.А. Есенин [1]

«Страна, в которой человек родился и гражданином которой является; отечество» [2]. Такое определение Родины мы встретим в Большом толковом словаре русского языка под редакцией С.А. Кузнецова. Однако это бесспорно верное определение едва ли способно вместить в себе все те невыразимые смыслы, которые вкладывают люди в это слово. Тем более оно не способно отразить глубину тех представлений об образе Родины, которые закладывают поэты.

Обратившись к лирике патриотической тематики русских классиков, мы обнаружим множество образов и ассоциаций: *родина-мать* (Андрей Белый “Пепел. Россия. Отчаянье”), *родина злая* (Андрей Белый «Родина»), *в своей простой шинели, в пудовых сапогах* (Александр Вертинский «Пред ликом Родины»), *люди — родина моя* (Евгений Евтушенко «Люди — родина моя»), *холодная Родина* (Иосиф Бродский «Анне Андреевне Ахматовой»), *родина милая* (Николай Рубцов «Моя родина милая»), *тихая моя родина* (Николай Рубцов «Тихая моя родина»), *ох, Родина-Русь, Неподкованный конь!* (Марина Цветаева «Следок твой непытан...»), *родина кроткая* (Сергей Есенин “Русь”), *мать моя —*

родина (Сергей Есенин “Иорданская голубица”). Цитаты, приведённые выше, отражают не только многообразие эпитетов о Родине, но и порой параллельное восприятие этого образа. Во многом это обусловлено эпохой и историческими событиями, выпавшими на период жизни автора. Тема Родины звучит в текстах и о восстании декабристов, и о революции, и о Екатерине II, и о Великой Отечественной войне.

Так можно ли ответить на короткий вопрос: Родина — она какая? Возможно ли это понятие обобщить, привести к общему знаменателю, составить единую картину из множества противоположных ассоциаций? Измерить это понятие нельзя, однако можно попытаться выявить лексические закономерности, связанные с темой Родины в русской лирике. В стихотворении Алексея Ивановича Фатьянова звучит тезис, который, с одной стороны, отражает приведённые выше размышления о разнообразии связанных с отечеством образов, неполноте словарного толкования и, с другой стороны, предваряет дальнейший анализ: «Здесь *Родину не меряют* страной: // Здесь Родина — простая деревушка, // Здесь Родина — берёзка под луной // Да старая отцовская избушка» [3].

В статье с помощью цифровых методов, применимых к гуманитарному знанию мы, во-первых, составили общий «лексический портрет» образа Родины, используя морфологические категории; во-вторых, составили списки ключевых слов в индивидуальном восприятии для русских лириков.

Сбор и обработка материала

Для исследования был собран корпус из стихотворений с тегом «Родина», размещённых на портале «Культура.рф» — «гуманитарном просветительском проекте, посвященном культуре России» [4]. Тексты были собраны автоматически благодаря использованию веб-скрапинга — процесса, извлекающего и собирающего информацию со страниц веб-сайтов. Коллекцию текстов составляют произведения 119 авторов. В итоге получился корпус, состоящий из 945 стихотворений. Таблица составлена в соответствии с принципом «опрятных данных» («tidy data») [5]. В столбцах указаны признаки, в строках — наблюдения. В качестве признаков выбраны: автор лирического произведения («Автор»); название стихотворения («Название»), текст стихотворения («Текст»)[Илл. 1].

Автор	Название	Текст
1 Михаил Лермонтов	Бородино	— Скажи-ка, дядя, ведь не даром Москва, спаленная по
2 Александр Пушкин	К Чаадаеву	Любви, надежды, тихой славы Недолго нежил нас обм
3 Константин Симонов	Жди меня, и я вернусь...	Жди меня, и я вернусь. Только очень жди. Жди, когда на
4 Николай Заболоцкий	Слово о полку Игореве	Не пора ль нам, братья, начать О походе Игоревом слов
5 Анна Ахматова	Реквием	Нет, и не под чуждым небосводом, И не под защитой чу
6 Михаил Лермонтов	Родина	Люблю отчизну я, но странною любовью! Не победит е
7 Александр Пушкин	Я памятник себе воздвиг нерукотворный...	Я памятник себе воздвиг нерукотворный, К нему не зар
8 Александр Блок	Россия	Опять, как в годы золотые, Три стертых треплются шлеи
9 Михаил Лермонтов	Мцыри	Вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю. 1-я Книга Ца
10 Сергей Есенин	Гой ты, Русь, моя родная...	Гой ты, Русь, моя родная, Хаты — в ризах образа... Не ви
11 Сергей Есенин	Шаганэ ты моя, Шаганэ...	Шаганэ ты моя, Шаганэ! Потому, что я с севера, что ли, ъ
12 Михаил Лермонтов	Тучи	Тучки небесные, вечные странники! Степью лазурною, ц
13 Анна Ахматова	Мужество	Мы знаем, что ныне лежит на весах И что совершается
14 Александр Пушкин	Клеветникам России	О чем шумите вы, народные витии? Зачем анафемой гр
15 Иван Тургенев	Русский язык (Стихотворение в прозе)	Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах
16 Николай Некрасов	Железная дорога	Ваня (в кучерском армячке)-«Палаша! кто строил эту до
17 Александр Блок	Двенадцать	1 Черный вечер. Белый снег. Ветер, ветер! На ногах не с
18 Евгений Евтушенко	Хотят ли русские войны?..	Хотят ли русские войны? Спросите вы у тишины над ши

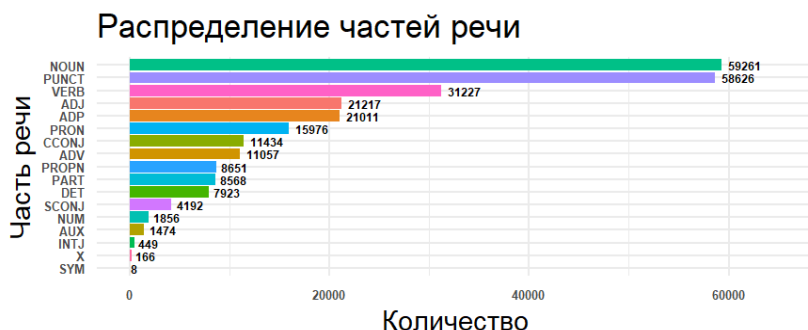
Илл. 1 Корпус текстов в программе RStudio

Исследование проведено с использованием языка программирования R для корпусной обработки и визуализации данных. С коллекцией текстов можно ознакомиться по ссылке [6] в репозитории *MotheRland*

на платформе *Github*. Руководствуясь принципом воспроизводимости, для повторения и расширения исследования на той же странице размещены код с комментариями на языке программирования R и используемые в статье иллюстративные материалы. Первым этапом обработки материала стала лемматизация (приведение слов к начальной форме). Затем с помощью модели «*russian-syntagrus-ud-2.5-191206.udpipe*» мы аннотировали все тексты, то есть разбиты на токены — минимальные значимые единицы текста, и провели POS-tagging (частеречную разметку). Последним этапом предобработки текста стало удаление стоп-слов, то есть не несущих смысла слов в тексте, таких как местоимения и служебные части речи. Суммарно количество токенов в корпусе до обработки составило 263096, после обработки — 133984.

Анализ текстов

Работа с обработанным текстом началась с разведывательного анализа. Мы обратились к морфологической разметке, чтобы определить распределение по частям речи в корпусе [Илл. 2].

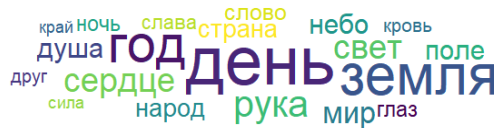

Илл. 2 Распределение по частям речи в корпусе
русской поэзии о Родине

Исключая пунктуацию, ожидаемыми лидерами стали существительные (59261 токен), глаголы (31227

токенов), прилагательные (21217 токенов). С помощью 20 самых частотных слов этих частей речи мы обозначим обобщённый «лексический портрет» образа Родины.

Абсолютная частота, представленная на графиках в формате облаков слов, позволяет определить чаще всего повторяющиеся слова среди всех авторов корпуса текстов о Родине [Илл. 3], [Илл. 4], [Илл. 5]. Эти слова отражают ключевые темы, ценности и образы, связанные с понятием Родины в представлении поэтов. Частота кодируется размером шрифта слова, для удобства слова окрашены в разные цвета. Облако слов было создано программой RStudio автоматически.

Илл. 3 Облако слов из 20 самых частотных существительных корпуса

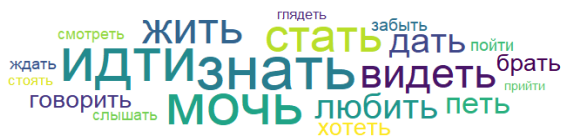
При анализе существительных был подтверждён тезис о том, что образ Родины является не только очень разным, но и противоположным в представлениях авторов. Мы отмечаем антонимы: *день* и *ночь*, *небо* и *земля*. То же с группой частотных прилагательных: *родной* и *чужой*, *первый* и *последний*, *новый/молодой* и *старый*. Интересно, что для слова *белый* можно выделить сразу несколько антонимических пар: привычное всем сочетание *белый* и *чёрный* (цветовая метафора восприятия противостояния между добром и злом) и отражающее политические взгляды в период Гражданской войны *белый* и *красный*. Второе

словосочетание считается только теми, кто погружён в исторический контекст России начала XX века. Эти смыслы позволяют глубже понимать контекст значительной части стихотворений корпуса уже благодаря дальнему чтению (*distant reading*) [7].

Мы можем выделить следующие лексико-семантические группы 20 самых частотных имён существительных:

1. Природа и окружающий мир (день, земля, свет, небо, поле, ночь).
2. Человек и тело (сердце, рука, душа, глаз, кровь)
3. Государство (страна, народ, край)
4. Ценности (мир, слава, сила, друг)

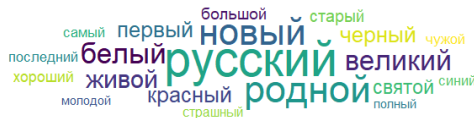
Оставшиеся слова не подходят под выделенные группы, но также являются значимыми: год как слово из категории времени и слово, подчёркивающее неразрывную связь родного языка и родной земли. Выделенные же архисемы лексико-семантических групп отражают ключевую лексику в лирике о Родине. Ожидаемым оказалось то, что, обращаясь к патриотической теме, поэты используют слова, связанные с государством и его населением. Чаще всего тема Родины сопровождается существительными со значением природы или явлений окружающей действительности. Мы предполагаем, что в лирике часто используется такой троп как олицетворение, что подчёркивает лексика, связанная с человеческим телом.

Илл. 4 Облако слов из 20 самых частотных глаголов корпуса

На первый взгляд, глаголы оказываются не такими значимыми для выявления лексических закономерностей. Нам встречаются довольно частотные для любого текста слова: говорить, жить, мочь, дать, знать. Однако важно не только наличие определённых слов, но и их отсутствие. Обратившись к группе глаголов движения (*идти, пойти, прийти, стоять*), мы не увидим быстрых и динамичных движений, передвижения с помощью транспорта. Глаголы восприятия и познания включают целых три глагола, связанных со зрением (*видеть, смотреть, глядеть*) и один со слухом (*слышать*). Это может свидетельствовать о восприятии поэтами Родины в большей степени через созерцание и неспешность, желание запечатлеть момент как фотографию.

Не менее важным для анализа «отсутствием» является и скупая категория глаголов, связанных с чувствами и эмоциями: *любить, хотеть, ждать*. Причём два последних глагола по своей семантике устремлены в будущее. Это указывает на надежды на лучшее или даже стремление поэтами сделать прогноз о судьбе Отечества, что многим классикам действительно удавалось. Ведь, цитируя Е.А. Евтушенко, «Поэт в России — больше, чем поэт».

Илл. 5 Облако слов из 20 самых частотных прилагательных корпуса

Кроме отмеченных выше значимых антонимических пар, прилагательные также можно разделить на лексико-семантические группы. В них не входят два самых частотных слова *русский* и *родной*.

1. Время и порядок (*новый, первый, последний, старый, молодой*)
2. Размер и степень (*великий, большой, полный, самый*)
3. Цвета (*белый, красный, чёрный, синий*)
4. Качества и оценка (*живой, святой, хороший, страшный, чужой*)

Лишь в группе размера и степени нет противоположных по смыслу слов (все они подчёркивают масштаб; было бы странно увидеть иное у авторов из самой большой страны). В первой («Время и порядок») и четвёртой («Качества и оценка») на три слова с положительной коннотацией приходится два с отрицательной. Из двадцати слов четыре относятся к категории цвета. Интересно, что среди них есть все цвета флага Российской Федерации: *белый, синий и красный*.

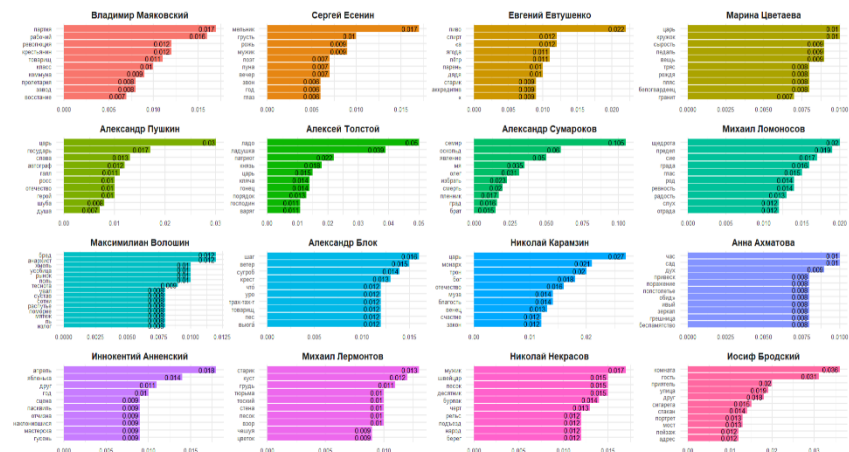
С одной стороны, абсолютная частотность позволяет сделать некоторые выводы относительно лирики о Родине, составить собирательный образ из разных ассоциаций, эпох и мировоззрений. С другой стороны, у этого подхода есть существенный недостаток — он не даёт представление о специфике текстов по отдельности. Поэтому для дальнейшего анализа вместо абсолютной частоты встречаемости слов мы использовали меру TF-IDF (Term Frequency — Inverse Document Frequency), позволяющую выявить наиболее характерные, а не наиболее частотные слова для отдельного текста. Чем выше *tf-idf*, тем более характерно некое слово для документа.

Мы создали коллекцию токенов для каждого автора, созданную с помощью объединения всех предобработанных токенов стихотворений в нашем корпусе. Затем были выявлены 16 поэтов по количеству представленных в коллекции стихотворений за их авторством. Если бы мы составляли список авторов не по количеству вхождений, а по количеству токенов, то в него попал бы, например, Николай Заболоцкий с его единственным лирическим произведением в корпусе — переводом “Слова о полку Игореве”. Нам интересна сбалансированная выборка, поэтому было принято решение смотреть показатели авторов с максимальным количеством стихотворений в корпусе. Ими оказались: Владимир Маяковский, Сергей Есенин, Евгений Евтушенко, Марина Цветаева, Александр Пушкин, Алексей Толстой, Александр Сумароков, Михаил Ломоносов, Максимилиан Волошин, Александр Блок, Николай Карамзин, Анна Ахматова, Иннокентий Анненский, Михаил Лермонтов, Николай Некрасов, Иосиф Бродский. В статье представлены графики TF-IDF по трём частям речи для этих поэтов [Илл. 6], [Илл. 7], [Илл. 8].

Метрика TF-IDF позволяет выявлять слова, характерные именно для того или иного автора, раскрывая индивидуальное лирическое видение. С ее помощью можно оценить стилистические особенности отдельных авторов. В патриотической лирике Маяковский, например, на каждом из графиков представлена лексика, связанная с революцией и активной гражданской позицией: *партия, рабочий, класс, коммуна, крестьянин, завод; ударный, советский, ленинский, левый; соревноваться, здравствовать.*

Без предварительного знания биографии автора возможно угадать его эпоху по метрике TF-IDF. Например, в лексике А. Сумарокова преобладают как

устаревшие книжные слова *любезный*, *несчастливый*, *зреть*, *пребывать*; так и слова, которые отражают публичную, гражданскую роль личности, идею служения и активного формирования судьбы Родины — всё то, что было так характерно для русского классицизма XVIII века.

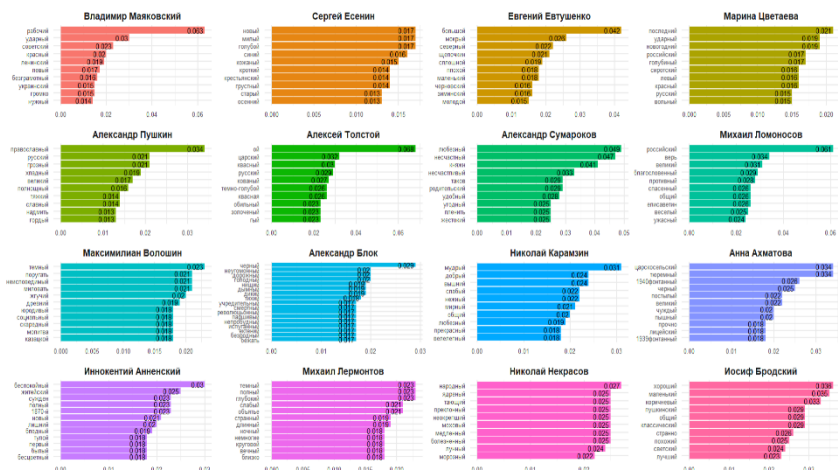
Илл. 6 График TF-IDF для существительных

Метрика позволяет определить специфические для каждого поэта эпитеты. Например, график показывает, что прилагательные *голубой* и *синий* являются ключевыми в лирике С. Есенина о Родине. Это же подтверждается как в других цифровых гуманитарных исследованиях [8], так и литературоведами: “Синий цвет и его оттенки (напр., голубой) в лирике С.Есенина ассоциируется с Россией. В стихотворении «Гой ты, Русь, моя родная» автор использует метафору синь сосёт глаза, чтобы показать бескрайние просторы родины. Синь — это и небесный простор (синий цвет неба), и реки, озёра Руси” [9].

Илл. 7 График TF-IDF для глаголов

Графики позволяют выявить не только поэтику, но и детальнее разобраться с тематикой. В лирике А. Пушкина преобладает гражданская тема, идея служения. Он склонен использовать динамичные глаголы движения, преодоления, а прилагательные подчеркивают патетические и этико-религиозные основания образа Родины: *царь, государь, слава, автор, отечество, герой; православный, русский, грозный, величественный, тяжкий, славный; сбыться, страшиться, пылать, покорить, приветствовать, хватать, презирать, миновать, посетить.*

Илл. 8 График TF-IDF для прилагательных

Необходимо отметить, что на графиках некоторых из авторов видно влияние определённого произведения, составившего весомую часть подкорпуса. Например, *старик* — слово с самым высоким TF-IDF в лирике М. Лермонтова, напрямую отсылает нас к поэме “Мцыри”. А *швейцар* на графике Н. Некрасова явно из “Размышлений у парадного подъезда”.

Несмотря на влияние определённых текстов на общую картину подкорпуса, TF-IDF-фильтрация выделяет уникальные ключевые слова каждого поэта, помогает анализировать индивидуальные стиль и тематическое поле, а также обнаруживать неожиданные ассоциации (как *пиво* и *спирт* у Е. Евтушенко). Этот подход особенно важен для больших корпусов: он позволяет балансировать между культурным «фоном» и авторскими акцентами, делая авторские голоса отчётливо различимыми.

Заключение

Гипотеза о многогранности и противоречивости образа Родины в русской поэзии в исследовании подтвердилась. Найденные на графиках частотностей множественные антонимические пары свидетельствуют о неоднозначности образа Родины в

восприятию поэтов. Осуществленный с помощью частеречной разметки корпуса анализ помог выявить особенности поэтического языка, главным из которых стала специфика лексики глаголов: статичные и созерцательные действия преобладают над динамичными. Применение метрики TF-IDF определило слова-маркеры для каждого из поэтов, выйдя за рамки абсолютной частотности.

Наше исследование подтверждает, что цифровые инструменты значительно расширяют возможности привычного литературоведческого анализа и служат объективной основой для последующей качественной интерпретации, позволяя избежать предвзятости, а также обнаружить неочевидные закономерности в больших массивах текстов.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в нескольких направлениях. Во-первых, это создание аналогичного корпуса лирики о Родине индийских поэтов с целью последующего сравнительного исследования. Это поможет выявить универсальные черты в поэтическом осмыслении концепта Отечества в двух странах и обнаружить новые точки пересечения в культурах. Во-вторых, полученные результаты обладают прикладным потенциалом в сфере преподавания русского как иностранного. Выявленные лексические закономерности будут использованы для создания учебных материалов.

Литература

- “Певущий зов.” *Культура.РФ*, <https://www.culture.ru/poems/43703/pevushii-zov>.
- “Родина.” *Грамота.ру*, <https://gramota.ru/meta/rodina>.
- “Родина.” *Культура.РФ*, <https://www.culture.ru/poems/7802/rodina>.
- Культура.РФ*, <https://www.culture.ru/>.
- Wickham, Hadley. “Tidy Data.” *Journal of Statistical Software*, vol. 59, no. 10, 2014, pp. 1–23.
- Github repository*, <https://github.com/polya2dorozhki/MotheRland>

Моретти, Франко. *Дальнее чтение*. Перевод А. Вдовина, О. Собчука, А. Шели, Издательство Института Гайдара, 2016.

“Цветокоррекции в стихах Сергея Есенина.” *Системный блок: журнал о гуманитарных науках*, <https://sysblok.ru/philology/cvetokorrekcii-v-stihah-sergeja-esenina/>.

Буданова, Н. Э., и Г. Н. Тюрина. “Синий цвет в лирике С. А. Есенина.” *Молодой ученый*, no. 6.4 (110.4), 2016, pp. 3–5. *Молодой ученый*, <https://moluch.ru/archive/110/27251/>.

Сону Саини
Доцент
Центр русских исследований
Университет им. Джавахарлала Неру
Нью Дели

Sonu Saini
Associate Professor
Centre of Russian Studies
Jawaharlal Nehru University, New Delhi

Мир женщин в период Второй Мировой войны
The World of Woemn in the period of Second World
Ward

Abstract: *The article is a study of the women's representation during the Second World War through the novel "The Unwomanly Face of War" written by Svetlana Alexievich. The novel is written in the form of 'documentary prose'. The work discusses that how literature work as mirror of society where one can see the real and imagined picture of the society. A brief of documentary and the distinction between fiction and documentary writing is presented in this article. It has also been shown, how Alexievich's polyphonic narrative combines both elements to give voice to female soldiers. The author has presented emotional and psychological dimensions of the war which were largely could not be expressed by male authors. The paper presents the courage, suffering memory, struggle during and after the war by women depicted in the work written by the Nobel Prize winner Svetlana Alexivich.*

Keywords: *Alexievich Svetlana, War and Women, Documentary War, Gender Perspective of War, Memory, Testimonies of War.*

Аннотация: *Статья посвящена исследованию образа женщин во время Второй мировой войны на примере романа Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо». Роман написан в формате «документальной прозы». В ней обсуждается роль литературы как зеркала общества, где можно увидеть реальную и воображаемую картину общества. В статье кратко излагается понятие документального жанра и проводится различие между художественным и документальным жанрами. Также показано, как полифоническое повествование Алексиевич сочетает оба элемента, чтобы дать голос женщинам-солдатам. Автор представила эмоциональные и психологические аспекты войны, которые во многом не смогли выразить авторы-мужчины. В статье представлены мужество, страдания, память, борьба во время и после войны, которые пережили женщины, изображенные в произведении лауреата Нобелевской премии Светланы Алексиевич.*

Ключевые слова: *Светлана Алексиевич, война и женщины, документальная война, гендерный взгляд на войну, память, свидетельства войны.*

Принято считать, что художественная литература является зеркалом общества. Это зеркало часто показывает мир, похожий на реальный, который писатель воспроизводит в своем произведении при помощи своей эстетической позиции. В художественной литературе в основном функционирует вымысел автора. Здесь автор часто использует вымышленные имена, названия, место, концепция, и т.д.

Мы согласны с мнением критика, в том, что «литература как искусство слова базируется на соотносении тенденций документальности (воспроизведение подлинных обстоятельств реального мира) и художественности (образное воссоздание реальности). Жанр «документальная проза» до сих пор мало изучен в научно-практическом плане. По мнению критиков, большинство ученых старались

отделять жанр «документальная проза» от «художественной прозы»[1].

По мнению Т.Г. Симонова «Литература воспроизводит действительность, переустраивает ее, создавая условный художественный мир, либо подобный настоящему, либо принципиально выделяющийся от него. Эти задачи осуществляются в разноплановых видах повествования, что приводит к возникновению документальной и художественной литературы»[2]. Так можно утверждать, что художественное повествование в литературе дает эстетическое изображение человека и общества. Основным признаком художественной литературы является то, что автор часто фантазирует, прибегая к вымыслу, описывает образ общества и времени. Автор может задать вопрос о том, каков есть изображаемый мир или же каков он должен быть. В «документальной литературе» нет место вымышленным персонажам и отсутствует вымысла. Главным образом «документальная литература» отличается от литературы вымысла, тем что, в первой существует «другой» процесс создания образности. В этом и жанре написана работа «У войны не женское лицо» Светланы Алексевич. Она получила нобелевскую премию за свои полифонические работы. Этот роман с человеческими судьбами сохраненным в документах или с литературой личных свидетельств является пересказом истории Второй Мировой войны.

В истории бывшей СССР Вторая Мировая война считается самой жестокой и кровопролитной из всех войн в мире минувшего века[3]. Ибо на войне умерли более 20 миллионов советских людей.

Много писателей писало об этой войне во время войны и после войны. Много фильмов было снято на тему войны. Это война оставила вечный отпечаток на сознании советского человека. Все произведения своеобразно описывали Вторую Мировую войну. Однако, почти все писатели, которые написали о Второй Мировой войне были мужчины. Можно говорить, что видение войны в литературе второй половины минувшего века было мужским. Здесь

целесообразно рассмотреть вопрос о женском состоянии, о женской точке зрения на военные события.

С.А. Алексиевич подчеркивает необходимость и выдвигает важную мысль о том, почему голоса женщин и их внутренний мир нужен нам всем. «Уже были тысячи войн - маленькие и большие, известные и неизвестные. А написано о них еще больше. Но... Писали мужчины и о мужчинах - это понятно сразу. Все, что нам известно о войне, известно с «мужского голоса». Мы все в плену ‘мужских’ представлений и ‘мужских’ ощущений войны. «Мужских» слов. А женщины молчат».[4] Известно, что большинство страниц истории написаны мужчинами. Слова женщин с трудом упоминаются на страницах истории до XX века.

В этом смысле можно привести слова критика: «Множество признанных официальной идеологией произведений о войне, созданных писателями-мужчинами, сделали привычными позиции: патриот – предатель, отважный – трусливый и т.п.».[5] Рассматривая вопрос о войне глазами женщин, С.А. Алексиевич написала историю войны хором женских голосов.

Есть основания сказать, что женский подход может сильно различать от мужского. В своем известном художественном произведении «Мужчины с Марса, женщина с Венеры» [1996] Джон Грей старается показать, как по-разному думают мужчины и женщины. По автору, мужчины и женщины ведут себя неодинаково в одном и том же положении. Психологическое мышление у обоих членов общества не совпадает в разных ситуациях. Данное произведение входит в ряд популярной литературы. На более серьезном плане можно сказать, что мир мужской отличается от женского, ибо у них разное мировое видение.

Особенность женщин в изображении событий и показывает Светлана Алексиевич. В своем художественно-документальном произведении «У войны не женское лицо» писательница выбирает голоса женщин и показывает, что мир женщин отделен от мира мужчин.

Произведение «У войны не женское лицо» также написано в жанре художественно-документальной прозы. Рассказывая об особенностях женской памяти С.А. Алексиевич говорит: «женская память охватывает тот материк человеческих чувств на войне, который обычно ускользает от мужского внимания... И то, что она запомнила, вынесла из смертного ада, сегодня стало уникальным духовным опытом беспредельных человеческих возможностей, которые мы не вправе предать забвению».[6] В различных научных исследованиях отмечается, что «у женщин память развита гораздо лучше, чем у мужчин».[7] Благодаря этой особенности С.А. Алексиевич собрала голоса разных женщин-солдат, участвующих во Второй Мировой войне. Голоса женщин-солдат необыкновенно изображают войну.

В своем произведении «У войны не женское лицо» С.А. Алексиевич говорит «Мне кажется, что я уже не различаю лиц и голосов, а вижу и слышу хор. Женский хор памяти...»[8]. Чтобы передать подлинную историю, автор выбрала жанр художественно-документальной прозы.

Произведение состоит из двухсот свидетельств женщин-солдат из всех слоев армии. Необходимо отметить, что в период Второй Мировой войны женщины служили лейтенантами, сержантами, командирами, капитанами, снайперами, врачами, медсестрами. Они были участницами войны, как и мужчины. Данное художественно-документальное произведение не только о войне, но и о положении женщин на войне. Как автор говорит «хочу написать историю этой войны. Женскую историю».[9]

Эта история женщин, представляет альтернативную историю Второй Мировой войны. По нашему мнению история или литература, написанная о войне мужчинами, чаще всего носит героический и мужественный характер рассказа. Но С.А. Алексиевич в своем произведении собирала мелочи, которые не были услышаны и не были замечены писателями-мужчинами. По словам автора «женщины даже по прошествии почти 40 лет сохраняли в памяти большое количество мелочей военного быта, которые мужчины забывали в тот же день. Для женщины,

дающей жизнь, — прелесть бытия самоценна, неизбывна даже в кромешном аду».[10]

Известно, что образ Советской женщины в России XX века, в советской художественной литературе, изображал развитую и равноправную женщину. Была создана монументально-героическая картина советских женщин в обществе. Вместе с мужчинами женщины равноправно являлись активной частью общества строителей коммунизма: спортсменки, комсомолки, ударницы.

В период Второй Мировой войны в Советском Союзе изображали особенно сильный образ женщин. Журналы были полны изображений советских матерей, которые поощряли своих сыновей к бою,[11] например «Бей крепче, сынок!», «Доблестные воины, крепче бейте врага!» Вместе с тем в литературе находили отражение картины, как женщины сами готовились поехать на фронт, служить родине, воевать.

Во второй половине XX века тема Второй Мировой войны глазами женщин предстает не только в литературе, но и в кинематографе. «На протяжении почти двух «брежневских» десятилетий советский кинематограф пополнился множеством кинокартин разных жанров, в которых тема женщины на войне была центральной или развивалась параллельно с главной темой войны («Женя, Женечка и Катюша» (1967), «Крепкий орешек» (1968), «Песнь о Маншук» (1969), «Белорусский вокзал» (1970), «А зори здесь тихие» (1972), «В небе „Ночные ведьмы“» (1981) и др.). Даже в условиях советской цензуры в этих фильмах оставалось место для неформального, женского взгляда на войну. Благодаря популярности кинематографа, этот взгляд постепенно «вплетался» в канву коллективной советской памяти о Великой Отечественной войне».[12]

Чтобы понять настоящее психологическое состояние женщин вовремя и после войны, анализ произведения С.А. Алексиевич «У войны не женское лицо» обсуждается по следующим смысловым блокам:

Духовный опыт женщин на войне

Известно, что после любой трагедии человек старается поделиться своей болью, своим рассказом с другими. А если человек не может рассказать свою историю, то это означает, что он хранит боль в сердце. Были некоторые женщины солдаты, которые не хотели вспоминать или рассказать о своем опыте в войне. Говорит одна из участниц: «Я? Я не хочу говорить... Хотя нет... Короче... Про это нельзя все рассказать...».[13] Такая ситуация появляется, во-первых, когда человеку запретили раскрыть какую-то тайну и, во вторых, человек сам не хочет открыться перед кем-то.

Когда человек рассказывает свою историю, это облегчает его сердце. Были многие женщины, которые хотели рассказать всю правду. Им было легко, когда они высказывали свою правду о войне. Поделиться своим страшным или приятным опытом – это срабатывает как терапия. «Я хочу говорить... Говорить! Выговориться! Наконец-то и нас хотят выслушать. Мы столько лет молчали, даже дома молчали. Десятки лет. Первый год, когда я вернулась с войны, я говорила-говорила».[14] Так же говорит и одна из участниц войны: «Все тебе будут рады. Ждут. Я тебе объясню: страшно вспоминать, но куда страшнее не вспоминать». «Теперь я понимаю, почему они все-таки говорят...».[15] И так можно сказать, что после войны, в обществе на одной стороне были воевавшие солдаты, которые не хотели открыто говорить или вспоминать свое прошлое. А на другой стороне были люди, которые ждали кого-то поделиться своим рассказом, опытом переживаниями.

Одной из главных забот у женщин являются размышления о собственной судьбе после войны, о том, какое место они займут в жизни, где будут работать. Многие женщины служили в армии в свои ранние годы жизни, из-за чего они не могли получить какой-нибудь специальности: «Страх перед мирной жизнью... Подружки институты успели окончить, а кто мы? Ни к чему не приспособленные, без специальности. Все, что знаем, - война, все, что умеем, - война».[15]

Женщины воевали на войне как настоящие солдаты и забывали все то, что было признаком их женской сути. Говорит одна из свидетельниц: «Вернулась, и все надо было начинать сначала. В туфлях училась ходить, на фронте же три года в сапогах».[16] Другая женщина-солдат свидетельствует: «...надела первый раз платье, слезами обливалась. Сама себя в зеркале не узнала, мы же четыре года – в брюках»[17]. Чтобы служить на войне женщинам пришлось изменить свой вид, стричь косы. По словам капитана: «Девушки приехали в училище с длинными косами... С прическами... Наш командир Марина Раскова велела всем косы состричь. Девчонки стригли и плакали. А Лиля Литвяк, впоследствии прославленная летчица, никак не хотела со своей косой расстаться».[18]

Когда женщины шли на фронт, они испытывали страх смерти, четкое осознание того, что не вернутся домой живыми. «Мама прибежала к поезду... Смотрит... Долго... Я поняла, что больше уже никогда не увижу свою маму. Я это почувствовала... Захотелось бросить все, отдать вещи мешок и вернуться домой. Мне стало всех жалко... Бабушку... И братиков...».[19]

Советский Союз победил во Второй Мировой войне, везде царили радость и гордость, но женщинам было грустно. После войны им казалось, что лучше было бы, если они не вернулись живыми. «Оттуда, даже если живой вернешься, душа болеть будет. Теперь думаю: лучше бы в ногу или в руку ранило, пусть бы тело болело. А то душа... Очень больно».[20] Ясно, что победа не означала, что жизнь женщин будет радостной.

Война продолжалась всего четыре года, но страдание от этого продолжалось всю жизнь для женщин. Рассказывает одна из героинь: «Мама меня схватит, прижмет к себе и уговаривает... «Проснись, проснись. Война кончилась. Ты – дома». Я приходила в сознание от ее слов: «Я – твоя мама. Мама...» Говорила она тихо...Тихо... Громкие слова меня пугали...».[21]

Война страшно влияет на психологию человека. Тема страшных снов много раз повторяется в воспоминаниях женщин. «Я ходила в разведку после войны лет пятнадцать. Каждую ночь. И сны такие: то у меня автомат отказал, то нас окружили. Просыпаешься – зубы скрипят. Вспоминаешь – где ты? Там или здесь?».[22] Такие же мысли можно увидеть в словах другой участницы: «Теперь я просыпаюсь ночью от страха, мне снится, что я на войне... Самолет летит, мой самолет, набирает высоту и падает... Я понимаю, что я падаю. Последние минуты... И так страшно, пока не проснешься, пока этот сон не улетучится».[23] Из выше данных свидетельств вытекает, что страшные мысли о войне могут мешать человеку долго в мирной жизни.

Можно отметить, что война мешает спокойно жить не только миллионам солдат, но и простым людям тоже. Одна из участниц рассказывает, как ей пришлось сделать аборт из-за военного периода. «Жду второго ребенка... У меня сыну – два года, и я беременная. Тут-война. И муж на фронте. Я поехала к своим родителям и сделала... Ну. Вы понимаете? Аборт... Хотя это тогда запрещалось... как рожать? Кругом слезы... Война! Как рожать среди смерти?».[24] Да, действительно появляются такие трагические ситуации во время войны. Самым страшным жертвами этой войны являются женщины.

Высокая духовность и человечность женщины на войне также находит отражение в воспоминаниях. «Я не забыла, я ничего не забыла. Но я не могла бы ударить пленного, хотя бы потому, что он уже беззащитен. Вот это каждый решал для себя, и это было важно».[25]

Другой распространенный образ в воспоминаниях женщин – это образ сильной, храброй, полной любви к Родине советской женщины. «Вы представляете: беременная идет с миной... Ну, ждала же она ребенка... Любила, хотела жить. И, конечно, боялась. Но она шла... Не ради Сталина шла, а ради своих детей. Их будущей жизни. Она не хотела жить на коленях... Покориться врагу... Может быть, мы были слепые, и даже не буду отрицать, многого мы тогда не знали и не понимали, но мы были слепые и чистые одновременно».[26]

Свои патриотические чувства женщины выражали и в строчках стихов, которые сочиняли на фронте:

«Девчонка смелая вскочила на броню

И защищает Родину свою.

Ей нипочем ни пули, ни осколки –

Сердце горит у той девчонки,

Запомни, друг, ее неброскую красу,

Когда на плащ-палатке понесут...»[27]

Вполне вероятно, что победа в Великой Отечественной войне не несла радость и гордость всем. Но после войны были такие случаи, когда женщины странно почувствовали, их не считали героями войны. Рассказывает одна из собеседниц Алексиевич: «А первое время мы таились, даже награды не носили. Мужчины носили, а женщины нет. Мужчины – победители, герои, женихи, у них была война, а на нас смотрели совсем другими глазами. Совсем другими... у нас, скажу я вам, забрали победу. Тихонько выменяли ее на обычное женское счастье. Победу с нами не разделили. И было обидно... Непонятно... Потому что на фронте мужчины относились к нам изумительно, всегда оберегали, я не встречала в мирной жизни, чтобы они так относились к женщинам».[28]

Заключение

Таким образом на основе выше упомянутого материала т.е. «голоса» женщин показал не обнародованную сторону жизни послевоенного общества. Героизм, храбрость, идеология все черты Советского человека сделано из лакированной литературы страны. Если писатель пишет по заказу субъективно, то цель литературы потеряется. В начале войны нескольким тысячам женщинам отказали участвовать в войне. Положение неравноправности, и другие вопросы были перед женщинами в армии. Эти же вопросы обсуждаются голосами собеседниц в произведении Алексиевич. Хотя произведение «У войны не женское лицо» включает свидетельства женщин

участвующих в Великой Отечественной войне, но поведение или отношение мужчин создает обычный образ патриархального общества.

**Данная статья является частью диссертации PhD автора.*

Литература

- [1]Борев Ю.Б., ломая сложившуюся традицию, в недавно изданном авторском словаре уверенно называет «документалистику» «художественной литературой. (См. Местергази Е.Г.. Специфика художественной..... литературы". 2007. с. 3.
- [2]Симонова Т.Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра. Учебное пособие. Гродно. ГрГУ. 2002. с.6.
- [3]10 самых кровопролитных войн в истории человечества. <http://scientificrussia.ru/articles/10-bloodiest-wars> (22.9.2025).
- [4]Алексиевич С.А. У войны не женское лицо. Время. Москва. 2007. с. 8-9.
- [5] Николаева Е.А. «Женское видении» (Военная тема в произведениях русских писательниц). Синтез документального и художественного в литературе и искусстве: Сборник статей и материалов международной научной конференции. Казанский университет. Казань. 2007. с.184.
- [6] См.Николаева Е.А. «Женское видении» (Военная тема в произведениях русских писательниц). Синтез документального и художественного в литературе и искусстве: Сборник статей и материалов международной научной конференции. Казанский университет. Казань. 2007. с.182.
- [7] Ученые доказали, что женская память развита лучше мужской
<http://ria.ru/science/20100714/254708448.html>
(22.9.2025).
- [8] www.litmir.net/br/?b=50544&p=32 (22.9.2025).
- [9] Алексиевич С.А. У войны не женское лицо. Время. Москва. 2007. с. 9.

- [10] Биографический указатель
http://www.hrono.info/biograf/bio_a/alexeevichsa.php
(12.9.2025).
- [11] Палوماки А.М. Анализ образа женщины на основе языкового материала «крестьянок» 1985, 1995 и 2005 гг. Кеват. 2008.
www.helsinki.fi/venaja/opiskelu/graduaja/palomaki.pdf
(12.9.2025).
- [12] Ольга Никонова. Женщины, война и "фигуры умолчания" <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ni32-pr.html> (18.9.2025)
- [13] Алексиевич С.А. У войны не женское лицо. Время. Москва. 2007. с. 275.
- [14] Там же. с. 61.
- [15] Там же. с. 166.
- [16] Там же. с. 57.
- [17] Там же. с. 57.
- [18] Там же. с. 100.
- [19] Там же. с. 72.
- [20] Там же. с. 59.
- [21] Там же. с. 52.
- [22] Там же. с. 81.
- [23] Там же. с. 89.
- [24] Там же. с. 82.
- [25] Там же. с. 210.
- [26] Там же.
- [27] Там же. с. 136
- [28] Там же. с. 163

Д-р Суман Кумар Шарма
Преподаватель MANNU, Хейдрабад

Dr Suman Kumar Sharma
Guest Lecturer at MANUU, Hyderabad

**Особенности перевода русских соматических
фразеологических единиц, содержащих компонент
«рука» на хинди**

**Translation Features of Russian Somatic Phraseological
Units Containing the Component "Hand" into Hindi**

Аннотация: Соматизмы, являясь универсальными терминами, называющими части тела, принимают культурно-специфические коннотации в составе фразеологических единиц (ФЕ). Процесс перевода соматических фразеологических единиц (СФЕ) представляют собой трудную задачу, особенно когда они используются в художественном тексте с его лингвокультурологической спецификой. В этом исследовании рассматриваются способы перевода соматических фразеологических единиц, содержащих компонент «рука». Кроме того, это исследование направлено на систематизацию теоретических подходов и переводческие стратегии в области перевода ФЕ.

Ключевые слова: соматизм, фразеологические единицы, Соматические фразеологические единицы, эквивалент

Abstract: Somatisms, being universal terms that refer to body parts, acquire culture-specific meanings when used within phraseological units (PU). The process of translating somatic phraseological units (SPU) presents a challenging task, especially when they are employed in literary texts with their linguocultural particularities. This study examines the translation methods of somatic phraseological units containing the component 'hand'. In addition, it aims to systematize theoretical approaches and translation strategies in the field of translating phraseological units.

Keywords: somatism, phraseological units, Somatic phraseological units, equivalent

Соматические фразеологические единицы (СФЕ) обычно связаны с частями человеческого тела или их функциями. Они также отражают особенности когнитивной деятельности языкового сообщества и, следовательно, играют важную роль в языковой системе. СФЕ также являются важными элементами культурной картины мира.

Перевод фразеологических единиц (ФЕ) представляет собой сложную задачу, особенно когда в их составе присутствует соматический компонент. Это объясняется тем, что в разных языках могут существовать различные метафорические компоненты и связанные с ними ассоциации, поэтому переводчик должен не только в совершенстве владеть языком, но и обладать глубокими знаниями социально-культурных особенностей страны изучаемого языка.

Термин ФЕ используется в широком смысле и включает в себя фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения.

При переводе фразеологизмов необходимо учитывать следующие элементы, присущие ФЕ и определяющие их особый характер: Лексические компоненты и их семантику; Морфологические особенности; Стилистическую окраску; Эмоциональную выразительность; Образность; Метафоричность; Культурную обусловленность.

Разумеется, не все перечисленные компоненты всегда присутствуют в каждой фразеологической единице. Однако переводчик должен внимательно следить за тем, чтобы при переводе не был утрачен ни один из

существенных элементов, формирующих значение и выразительность фразеологизма.

По Я. И. Рецкеру, “поскольку фразеология выделяется своими функциями в языке и речи, она требует особого подхода в процессе перевода. Переводчик должен уметь самостоятельно разбираться в основных вопросах теории фразеологии, уметь выделять фразеологические единицы, раскрывать их значение и передавать их экспрессивно-стилистические функции в переводе. Основная трудность заключается в том, что никакой словарь не в состоянии предусмотреть всех возможностей использования фразеологизма в контексте.” (Рецкер 143).

Согласно Моне Бакеру, перевод ФЕ - “это не только вопрос о наличии ФЕ с аналогичным значением на языке перевода. Вместе с этим, важными факторами также являются, например, значимость конкретных лексических единиц, составляющих ФЕ, то есть степень их использования в другом контексте исходного текста, а также уместность или неуместность фразеологические применения данного выражения на языке перевода. Приемлемость или неприемлемость применения тех или иных стратегий зависит от контекста, в котором переводится конкретная ФЕ. Следует также учитывать стиль и риторический эффект.” (Baker, 1992, 71-72)

В свете выше сказанного становится ясно, что поиск адекватных фразеологических эквивалентов или при их отсутствии использование подходящего способа представляет определенные трудности.

Фразеологические Эквиваленты - “это более или менее семантически сходные фразеологические единицы

двух или более сопоставляемых языков” (Почуева, 2019, 19).

К числу известных лингвистов, исследовавших проблему эквивалентности фразеологических единиц, относятся В. В. Виноградов, В. П. Жуков, Н. М. Шанский, А. В. Фёдоров, Сергей Влахов, Сидер Флорин, а также Я. И. Рецкер. С точки зрения эквивалентов можно классифицировать два способа перевода ФЕ: *способ фразеологического перевода* (применение готовых эквивалентов в языке перевода) и *способ нефразеологического перевода* (в случае отсутствия эквивалентов).

Литература, посвящённая вопросам перевода, как правило, классифицирует фразеологические единицы по степени соответствия в трёх основных группах:

I. Полные эквиваленты - “это фразеологизм в языке перевода, по всем показателям равноценный переводимой единице” (Влахов и Флорин 184). Он сохраняет значение ФЕ исходного языка без изменений в стилистике, эмоциональной окраске и образности, при этом не имеют явной национальной специфики. Например, *быть на седьмом небе* - *सातवें आसमान पर होना* и др.

II. Частичные эквиваленты - это ФЕ, которые приближаются к полным эквивалентам, но отличаются по одной или нескольким показателям, таким как синонимические компоненты, изменения в форме, морфологическая отнесенность и сочетаемость. Например: *не сводить/свести глаз* - *आँख जमना* и др.

III. Фразеологические аналоги - это такие фразеологические единицы, которые совпадают по

значению, но различаются по образности. Например, *на глазах – देखते-देखते* и др.

Нефразеологический перевод

Методом нефразеологического перевода пользуются при отсутствии как полных эквивалентов, так и частичных эквивалентов и фразеологические аналогии. При нефразеологическом переводе пользуются чисто лексическими единицами языка перевода. «Такой перевод, учитывая даже компенсационные возможности контекста, трудно назвать полноценным: всегда есть некоторые потери (образность, экспрессивность, коннотации, афористичность, оттенки значений), что и заставляет переводчиков обращаться к нему только в случае крайней необходимости» (Влахов и Флорин 193).

К нефразеологическому переводу относят калькирование (дословный перевод), лексический перевод (передача посредством одного слова) и описательный перевод (толкования или объяснения).

Перевод фразеологических единиц в художественном произведении — это сложная задача, которая требует учёта не только смысла фразеологизма, но и его стилистической, культурной и эмоциональной нагрузки. По Вану Суяну, “в процессе перевода фразеологических единиц в художественном произведении перед переводчиком стоит трудная задача: не только передать информацию оригинала, но и в определенной степени вызывать определенную реакцию у читателей” (Суян 328)

В нашем исследовании проанализированы соматические фразеологические единицы, представленные в известном романе М. А. Булгакова

«Мастер и Маргарита» и его переводе на хинди «मास्टर और मार्गरीटा». Указанный перевод выполнен госпожой Чарумати Рамдас.

Перевод СФЕ с компонентом «рука»

При анализе каждой конкретной ФЕ сначала рассматривается её значение на русском языке, а затем её возможные эквиваленты, найденные в различных словарях языка хинди.

1. Пожать руку - в знак приветствия (Ожегов 502). हाथ मिलाना (Ульциферов 908).

- “Тут иностранец отколол такую штуку: встал и **пожал** изумленному редактору **руку**, произнеся при этом слова: – Позвольте вас поблагодарить от всей души!” (Булгаков 15).

“अजनबी ने एक अजीब सी हरकत की, वह उठ खड़ा हुआ और आश्चर्यचकित संपादक से हाथ मिलाकर बोला, “मैं तहेदिल से आप को धन्यवाद देता हूँ!”” (Рамдас 15).

В данном примере перевод осуществлен частичным эквивалентом हाथ मिलाना, который соответствует значению, образу и эмоциональной окраске, однако отличается от грамматической особенности. В русской СФЕ глагол *пожать* употребляется в форме совершенного вида прошедшего времени, в то время как в переводе используется деепричастная конструкция मिलाकर (пожимая).

- “... – он **пожал руку** Ивану и, уже выходя, повернулся к тому, что был с бородкой, и сказал: – Да, а кислород попробуйте... и ванны” (Булгаков 108).

“... उसने इवान से हाथ मिलाया और बाहर निकलते हुए दाढ़ी वाले की ओर मुड़कर बोला, “हाँ और ऑक्सीजन देकर देखिए...और स्नान” (Рамдас 110).

В данной ситуации перевод осуществлен полным эквивалентом.

2. Приложить (прижимать) руку к сердцу (груди) - данный жест связан со СФЕ **положа руку на сердце**, которая означает совершенно искренне, чистосердечно, честно (“Игра Слов”). दिल पर हाथ रखकर कहना (Joshi 117), दिल पर हाथ रखना (Tiwari 242), साफ (खुले, सच्चे) दिल से, दिल खोलकर, तन-मन से (Ульциферов 935).

- “Мессир, поверьте, – отозвался Коровьев и **приложил руку к сердцу**, – пошутить, исключительно пошутить...” (Булгаков 430).

““मालिक, विश्वास रखिए,” कोरोव्येव ने दिल पर हाथ रखकर कहा, “मज़ाक, सिर्फ़ मज़ाक की खातिर...”” (Рамдас 434).

В данном случае перевод СФЕ दिल पर हाथ रखकर/рखते हुए является частичным эквивалентом оригинальной СФЕ «приложил руку к сердцу», поскольку он полностью передает смысл и образ, но отличается грамматической формой. Можно заметить, что прошедшая форма глагола *приложил* переводится с помощью деепричастных форм (рखकर) выполнив действие приложения) и рхते हुए) в процессе приложения).

3. Вырвать из рук - *избавить, освободить кого-либо от зависимости, притеснения, гнета и т. п.* (Фёдоров, *Фразеологический словарь русского литературного языка* 120); *что у кого, кого, чьих, каких. забирать силой, отбирать с помощью принуждения или угрозы* (“Словари и энциклопедии на Академике”). На языке перевода не зафиксирован фразеологический эквивалент данной СФЕ.

- “... – как человек, который уже был **в руках смерти, вырвался из этих рук!**” (Булгаков 46).
“... – किस प्रकार एक आदमी मृत्यु के मुख से सकुशल बाहर निकल आया है” (Рамдас 48).

В этой ситуации переводчица использует описательный способ как मृत्यु के मुख से सकुशल बाहर निकल आया है (буквально — вышел благополучно из рта смерти), что в значительной степени сохраняет смысл оригинала. Следует отметить, что в переводе данное выражение значительно выражается соматическим компонентом *rom* (मुख) вместо *ruka*.

4. Отдавать/отдать в руки - 1. *в зависимом подвластном положении (быть, находиться и т. п.)* (Молотков et al. 398); *предоставлять в чьё-либо распоряжение, отдавать под чью-либо власть кого-либо, что-либо* (Мокиенко и Никитина 580). हाथों मे सौंप देना (Tiwari 455).

- “Ты нарочно под ногами путаешься? – зверея, закричал Иван, – я тебя самого **предам в руки милиции!**” (Булгаков 57).

““तुम ज़बर्दस्ती मेरे पैरों में क्यों अड़मड़ा रहे हो?” जानवरों की तरह चिल्लाया इवान, “ठहरो, मैं तुम्हें ही पुलिस के हाथों में दे देता हूँ”” (Рамдас 59).

В этом случае фразеологизм «предам в руки» заменяется синонимичным глаголом «предать» вместо «отдать». Перевод выполнен с применением частичного эквивалента हाथों मे सौंप देना. При этом следует отметить, что в переводе используются слова दे देना, которые являются синонимами слова सौंप देना. Тем не менее, перевод в целом сохраняет точный смысл оригинала.

5. Легкая рука - *кто-либо удачлив в своих делах, начинаниях* (Фёдоров, *Фразеологический словарь русского литературного языка* 579). Мы не нашли фразеологическое соответствие данной СФЕ в языке хинди.

- “**С легкой руки** членов МАССОЛИТа никто не называл дом «домом Грибоедова», ...” (Булгаков 63).

“मॉसोलित के सदस्यों में से कोई भी इसे ‘ग्रिबोयेदव भवन’ नहीं कहता था. वे सब इसे सिर्फ ‘ग्रिबोयेदव’ कहते थे ...” (Рамдас 64).

В этой ситуации перевод СФЕ отсутствует.

6. В руках (быть, находиться и т. п.) - *под властью, в зависимом, подвластном положении. 2. во владении, в распоряжении* (Фёдоров, *Фразеологический словарь русского литературного языка* 582). हाथ (हाथों, चंगुल) में होना (रहना) (Ульциферов 908).

- “Иван **ослабел в руках** четырех человек и ловкий врач воспользовался этим моментом и вколол иглу в руку Ивану” (Булгаков 82).

“इवान चार आदमियों के हाथों में ढीला पड़ गया. चपलता से डॉक्टर ने इस क्षण का फायदा उठाकर इवान के हाथ में सुई घोंप दी” (Рамдас 83).

Перевод выполнен полным эквивалентом.

7. Разводить/развести руками - *не знать, как поступить или сказать что-либо от удивления, крайнего недоумения в затруднительных обстоятельствах* (Фёдоров, *Фразеологический словарь русского литературного языка* 557). Мы не нашли фразеологический эквивалент данной СФЕ.

- “Но Степа только стыдливо улыбнулся и **развел руками**” (Булгаков 92).

“मगर स्त्योपा केवल झेंपकर मुस्कराया और उसने दोनों हाथ हिला दिए” (Рамдас 93).

Перевод выполнен описательным способом как दोनों हाथ хिला दिए (буквально – двинул обе руки). Данный перевод не передает устойчивое значение оригинала, но

восприниматься как просто движение рук.

- “Нету, – отвечал бухгалтер, все более бледнея и **разводя руками**” (Булгаков 213).
““नहीं है,” रोकड़िए ने हाथ हिलाकर और अधिक पीला पड़ते हुए जवाब दिया” (Рамдас 213).
- “Но нужна хозяйка, – Коровьев **развел руками**, – согласитесь сами, без хозяйки...” (Булгаков 288).
“कोरोव्येव ने हाथ हिलाते हुए कहा, “आप खुद ही जानती हैं कि मालकिन के बिना...”” (Рамдас 289).

Во этих случаях СФЕ *развести руками* переводится дословным переводом как "हाथ हिलाना", который является функциональным эквивалентом, и частично передает глубину коннотаций русской СФЕ, выражающих удивление или отчаяние.

СФЕ *разводить/развести руками* является жестовой единицей и перевод ее हाथ हिलाना на языке перевода до сих пор не стала частью фразеологизма, и она ограничена выражать смысл оригинала только в контексте.

8. Всплескивать/всплеснуть руками (в ладоши) - выражать радость, удивление или какое-либо сильное чувство (ударив ладонями перед собой) (Фёдоров, *Фразеологический словарь русского литературного языка* 102). Мы не нашли фразеологический эквивалент.

- “И тут же неизвестно что померещилось Пелагее Антоновне, но только она, **всплеснув руками**, вскричала: – Покайся, Иваныч! Тебе скидка выйдет!” (Булгаков 118).
“मगर तभी पेलगोया अन्तोноव्ना को न जाने क्या हुआ, क्योंकि वह हाथ हिला-हिलाकर चिल्ला पड़ी, “कबूल कर लो इवानोविच! तुम्हारे लिए अच्छा रहेगा!”” (Рамдас

120).

- “Артист **всплеснул руками**. – Видали вы что-нибудь подобное? ...” (Булгаков 192).
“सूत्रधार ने अपने हाथ जोड़ लिए. “ऐसी बात कहीं देखी है?” ...” (Рамдас 195).
- “... – все это посыпалось на пол, и Наташа **всплеснула** освободившимися **руками**” (Булгаков 265).
“... और नताशा खाली हाथों से तालियाँ बजाने लगी” (Рамдас 266).
- “Маргарита сразу узнала его, простонала, **всплеснула руками** и подбежала к нему” (Булгаков 324).
“मार्गारिता ने उसे फौरन पहचान लिया, वह कराही और हाथ नचाती उसके पास भागी चली आई” (Рамдас 327).
- “... а затем он вдруг **всплеснет руками** в какой-то сладостной тоске, а затем уж и просто и довольно громко будет бормотать: – Венера! Венера!.. Эх я, дурак!..” (Булгаков 449).

“... फिर वह उत्तेजित होकर खिलखिलाएगा और हाथ नचा-नचाकर किसी मीठे दर्द में डूब जाएगा और इसके बाद वह ज़ोर-ज़ोर से बड़बड़ाएगा, “वीनस! वीनस!...आह, मैं, बेवकूफ!”” (Рамдас 453).

Во всех данных случаях перевод выполнен описательным способом как हाथ хила-хилаकर (буквально – качая руку), हाथ जोड़ लिए (буквально – соединил руку), हाथों से талияँ бжानе лगी (буквально – начал хлопать руками), हाथ нчаती (буквально – размахивая руками) и हाथ нча-нчаकर (размахивая руками), которые в хинди означают просто движение руками. Хотя только в третьем случае перевод частично выражает смысл оригинала.

В связи с отсутствием стандартной жестовой формы для выражения *всплеснуть/всплескивать руками*, данная СФЕ переводится различными жестовыми средствами в зависимости от контекста.

9. Рука в руку - 1. *взявшись за руки (гулять, идти)*. 2. *вместе, дружно, как единомышленники* (Фёдоров, *Фразеологический словарь русского литературного языка* 580). हाथ में हाथ होना (Бархударов et al. 803).

- “... затем продела свою **руку** в черной перчатке с раструбом **в мою**, и мы пошли рядом” (Булгаков 159).
 “... इसके बाद उसने अपने काले खूबसूरत दस्ताने वाले हाथ में मेरा हाथ ले लिया और हम साथ-साथ चलने लगे” (Рамдас 163).

В данном случае перевод выполнен с помощью полного эквивалента. Следует отметить, что СФЕ в исходном языке **рука в мою** по контексту подразумевает **рука в мою руку**.

10. Ломать руки (пальцы) - *не скрывать чувство горя, отчаяния (выражая его жестами)* (Фёдоров, *Фразеологический словарь русского литературного языка* 352); *выражать свое отчаяние жестом* (Федосов 446). हाथ मलना (Tiwari 454).

- “... и в 118-ю, где забеспокоился неизвестный мастер и в тоске **заломил руки**, глядя на луну, ...” (Булгаков 195).
 “... 118^{नं}. के कमरे में मास्टर उत्तेजित होकर निराशा से चाँद की ओर देखकर हाथ मलने लगा. ...” (Рамдас 198).

В этом случае перевод осуществлён с помощью частичного эквивалента. Перевод сохраняет лексическое значение и образность оригинала, однако отличается по грамматике. В русской СФЕ глагол

заломить используется в совершенном виде, что указывает на завершённость действия, тогда как его перевод выполнен с использованием глагола *тереть* в значении начала действия *मलने लगा*) начал тереть).

11. Держать себя в руках - сдерживаться; сохранять самообладание, подчиняя свои чувства воле (Фёдоров, *Фразеологический словарь русского литературного языка* 195). अपने पर काबू रखना (Joshi 58).

- **“Держите себя в руках!** Перестаньте петь! – обратился доктор к секретарю” (Булгаков 220).
 ““अपने आप पर काबू रखो! गाना बन्द करो!” डॉक्टर सेक्रेटरी की ओर मुखातिब हुआ” (Рамдас 220).

В переводе применена СФЕ *अपने आप पर काबू रखना*) буквально - сохранять самообладание). Она совпадает по значению оригинала, но отличается по образности. Можно заметить, что в переводе отсутствует соматический компонент. Кроме того, при переводе переводчица использует способ аналога.

12. Руки и ноги отнялись - является синонимом СФЕ ***руки отнялись***, которая означает *у кого-либо нет сил, желания делать что-либо* (Мокиенко и Никитина 581).

हाथ-पैर सुन्न हो जाना/पड़ जाना.

- “У Максимилиана Андреевича сразу закружилась голова, ***руки и ноги отнялись***, он уронил чемодан и сел на стул напротив кота” (Булгаков 229).
 “मैक्समिलियन अन्ड्रेयेविच का सिर घूमने लगा, हाथ-पैर सुन्न पड़ गए, उसके हाथ से सूटकेस गिर पड़ा और वह बिल्ले के सामने वाली कुर्सी पर धम् से बैठ गया” (Рамдас 228).

В данном контексте перевод выполнен полным эквивалентом.

13. Из достоверных рук - означает то же самое, что СФЕ *из верных рук*, которая означает *из надёжных источников (узнать)* (Фёдоров, *Фразеологический словарь русского литературного языка* 579). हाथ का सच्चा (Бархударов et al. 801).

- “Сейчас *из достоверных рук* узнал, – ответил буфетчик, одичало поглядывая на какую-то фотографическую группу за стеклом, ...” (Булгаков 242).

““अभी-अभी विश्वसनीय लोगों से सुनकर आया हूँ,” रेस्तराँ वाले ने वहशीपन से दीवार पर जड़े एक ग्रुप फोटो की ओर देखते हुए कहा, ...”” (Рамдас 242).

СФЕ *из достоверных рук* переведена описательным способом как विश्वसनीय लोगों से (буквально – от проверенных людей). Несмотря на отсутствие соматического компонента *рука*, смысл исходной СФЕ передан полностью.

14. Попадать/попасть под руку - случайно оказываться рядом, поблизости, так, что легко взять, воспользоваться (Фёдоров, *Фразеологический словарь русского литературного языка* 504). हाथ आना (Бархударов et al. 800) и हाथ लगना (Tiwari 454).

- “Наташа сгребла в узел, что ей *попало под руку*, платья, туфли, чулки и белье, и побежала вон из спальни” (Булгаков 265).

“नताशा ने जो हाथ लगा सब उठा लिया – पोशाकें, जूते, स्टॉकिंगज़, अंतर्वस्त्र...और वह शयन- कक्ष से बाहर भागी” (Рамдас 267).

В данном случае русская СФЕ переведена с помощью частичного эквивалента как *हाथ लगाना*. Данный перевод адекватно сохраняет смысл, образность и эмоциональную окраску оригинала, но различается по структуре. Заметно, что структура русской СФЕ представляет собой *глагол + предлог + существительное*, а структура перевода - *существительное + глагол*.

15. Рукой подать - очень близко, совсем рядом (Фёдоров, *Фразеологический словарь русского литературного языка* 481). बहुत नज़दीक; दो हाथ की दूरी (Ульциферов 908).

- “... но что он сейчас же летит туда, благо это **рукой подать**, и затем, поручив себя расположению и покровительству, ...” (Булгаков 281).
 “... मगर अब वह वहाँ उड़कर जाएगा, क्योंकि वह नज़दीक ही है, और पैट पहन लेगा. फिर आज्ञा का पालन करते हुए वह पीछे-पीछे हटने लगा ...” (Рамдас 283).

Перевод выполнен описательным способом как नज़दीक ही है (буквально – находиться близко), что сохраняет общий смысл оригинала, однако исключает метафорический образ руки.

16. Под руку (идти, гулять и т. п.) - опираясь на согнутую в локте руку спутника, держась за неё или давая опереться на свою руку (Фёдоров, *Фразеологический словарь русского литературного языка* 587). बांह मे बांह डाले जाना (Ульциферов 908).

- “Не пугайтесь, – сладко успокоил Коровьев, беря Маргариту **под руку**, – бальные ухищрения Бегемота, ничего более” (Булгаков 289).

““घबराइए मत,” बड़ी मिठास से कोरोव्येव ने मार्गारिटा का हाथ पकड़कर सांत्वना दी,
“बेगोमोट की नृत्योत्सव की हल्की-फुल्की शरारत है, और कुछ नहीं” (Рамдас
289).

В этом случае СФЕ **под руку** переводится способом описательного перевода как हाथ पकड़कर (буквально – держа за руку). Хотя этот перевод соответствует смыслу оригинала, он передает лишь физическое действие, утрачивая культурный оттенок жеста сопровождения.

- “Его бережно вела **под руку** какая-то дамочка в черной рясе, как показалось Аннушке в полутьме” (Булгаков 337).
“आधे अँधेरे में अन्नूशका ने देखा कि उसे सँभालती हुई ले जा रही थी कोई महिला, जिसने काला-सा चोगा पहना था” (Рамдас 340).

В данном случае перевод выполнен лексическим способом как сँभालती हुई (буквально – поддерживая). Этот вариант передаёт основной смысл оригинала, однако в нём отсутствует соматический компонент.

17. Под руку говорить - мешая кому-либо сосредоточиться на чём-либо (Фёдоров, *Фразеологический словарь русского литературного языка* 586). Мы не нашли фразеологическое соответствие данной СФЕ.

- “Я не могу стрелять, когда **под руку говорят!**” (Булгаков 320).
“पास में लोग बातें कर रहे होते हैं तो मैं निशाना नहीं लगा सकता!” (Рамдас 322).

В данном случае перевод осуществлен описательным способом как पास में लोग बातें कर रहे होते हैं (буквально – люди разговаривают рядом). Данный перевод успешно

передает смысл оригинала, однако в нём отсутствует соматический компонент.

18. Махнуть рукой - 1. кому. попрощаться с кем-либо
2. на кого, на что. перестать интересоваться, заниматься чем-либо, убедившись в бесплодности своих усилий (Мокиенко и Никитина 582). नाउम्मीद (निराश) होकर छोड़ना (Бескровный 404).

- “... провожатые **помахали руками** безжизненно, и неподвижно завалившемуся в угол сидения мастеру, ...” (Булгаков 339).
“.... बिदा देने वालों ने हाथ हिलाकर कोने में बेजान-से, निश्चल-से लुढ़के मास्टर से विदा ली, ...” (Рамдас 342).

В данном случае перевод выполнен дословным способом. Хотя данный перевод частично выражает смысл оригинала *попрощаться с кем-либо*, отсутствие характеристики *безжизненно* в переводе приводит к изменению смыслового оттенка, ослабляя ощущение эмоциональной пустоты и усталости.

Выводы анализа

1. В романе «Мастер и Маргарита» было выявлено 18 соматических фразеологических единиц с компонентом «рука».
 - а) Переводы 8 из 19 СФЕ зафиксированы в русско-хинди словарях.
 - б) Фразеологические эквиваленты 4 СФЕ обнаружены во фразеологических словарях хинди.
 - в) Для остальных 6 СФЕ соответствий в словарях не найдено, поэтому при анализе была принята во внимание авторская интерпретация переводчицы.

2. Почти в половине рассмотренных случаев переводчица прибегала к нефразеологическим способам перевода, преимущественно к описательному переводу.
3. Мы наблюдали, что эквиваленты большинства русских жестовых СФЕ отсутствуют в хинди, и в таких случаях переводчица использовала описательный способ передачи значения.
4. Мы также наблюдали случаи, когда смысл был передан адекватно, но без соматизма.

Из вышеизложенного можно выделить два ключевых аспекта: во-первых, отсутствие русско-хинди фразеологического словаря иногда негативно влияет на качество перевода; во-вторых, творческий подход переводчицы существенно расширяет набор эквивалентов для СФЕ. Это думается, что есть необходимость дальнейших исследований в этой сфере.

Литература:

- Бархударов, А.С., et al. *Хинди-русский словарь под редакцией В. М. Бескровного*. vol. 1, Москва, Советская энциклопедия, 1972. 2 vols.
- Бескровный, В. М. *Русско-Хинди словарь*. Москва, Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957.
- Булгаков, М. А. *Мастер и Маргарита*. Москва, 1984.
- Влахов, С., и Флорин С. *Непереводимое в переводе*. Москва, Международные отношения, 1980.
- Мокиенко, В. М., и Никитина, Т.Г. *Большой словарь русских поговорок: более 40000 образных выражений*. Москва, Олма Медиа Групп, 2008.
- Молотков, А.И., et al. *Фразеологический словарь русского языка*. Москва, Русский язык, 1978.
- Ожегов, С. И. *Словарь русского языка: под редакцией Н. Ю. Шведовой*. Москва, Русский язык, 1990.
- Почуева, Н. Н. *Понятие эквивалентности во фразеологии (на материале русского и английского языков)*. Филологические науки, no. 2 (28), 2019, p. 19.

- Акелла, Чарумати Рамдас. *Мастер и Маргарита*. Нью-Дели, Пракашан Санстхан, 2016.
- Рецкер, Я. И. *Теория перевода и переводческая практика*. Москва, Р. Валент, 2007.
- Суян, В. *Фразеологические единицы с компонентом-соматизмом в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и их переводы на китайский язык*. Мир Науки, Культуры, Образования, vol. 89, no. 4, 2021, pp. 327-328. Cyberleninka, <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologicheskie-edinitysy-s-komponentom-somatizmom-v-romane-l-n-tolstogo-anna-karenina-i-ih-perevody-na-kitayskiy-yazyk/viewer>. Accessed 16 September 2022.
- Ульциферов, Олег Георгиевич. *Современный русско-хинди словарь: около 130000 слов и словосочетаний*. Русский язык Медиа, 2004.
- Фёдоров, А. И. *Фразеологический словарь русского литературного языка, : около 13000 фразеологических единиц*. т. 3-е, ООО «Издательство Астрель», 2008.
- Федосов, И. В. *Фразеологический словарь русского языка*. ЮНБЕС, 2003.
- Baker, Mona. *In other words: A coursebook on translation*. London, Routledge Taylor and Francis group, 1992.
- Joshi, Shyama. *Russian–English–Hindi Dictionary of Proverbs and Idioms*, People’s Publishing House (PPH), New Delhi, 2014.
- Tiwari, Bholanath. *Dictionary of Hindi Idioms*. New Delhi, Hindi book centre, 1991.
- Ссылки**
- “Игра Слов.” *Игра Слов*, <http://igra1.com/poslovica/p/polozha-ruku-na-syerdcye.htm>. Accessed 30 January 2025.
- “Карта слов и выражений русского языка.” *Картаслов.ру*, <https://kartaslov.ru/> Accessed 7 January 2025.
- “Словари онлайн.” *Фразеологический словарь русского языка онлайн*, <https://rus-phrasology-dict.slovaronline.com/> Accessed 6 January 2025.
- Dictionary*, <https://www.multitran.com/> Accessed 26 December 2024.

Панкадж Кумар Шарма
Аспирант
Центр русских исследований
Университет им. Джавахарлала Неру

Pankaj Kumar Sharma
Research Scholar
Centre of Russian Studies
Jawaharlal Nehru University

**Анализ лингвистических, культурных и прагматических
изменений при переводе мультфильма «машины
сказки» на язык хинди**

Аннотация: Статья содержит лингвистические, культурные, и прагматические изменения в переводе мультсериала «Машины сказки» (спин-офф «Маша и Медведь»), когда переводят с русского на хинди не напрямую, а при помощи посреднического языка английский. Мы анализируем десять эпизодов и смотрим, как цепочка из двух переводов отражается на восприятии маленьких зрителей. Мы обратили внимание на разные способы перевода: дословный, свободный и вариант с заменой. Мы отмечаем трудности культурной адаптации и то, как теряется подлинность истории и ее эмоциональный оттенок. В конце статьи мы предлагаем, что можно улучшить: переводить сразу с русского, внимательнее сохранять интонацию и настроение, адаптировать культурные реалии, проверять результат на детской аудитории и выстраивать работу в команде. Полученные выводы могут пригодиться тем, кто занимается локализацией детского контента для разных стран.

Ключевые слова: Перевод, Культурная адаптация, Лингвистические изменения, Прагматические сдвиги
Многоступенчатый перевод, Стратегии перевода

Abstract: This article examines how linguistic, cultural, and pragmatic elements are transformed in the translation of the cartoon series Masha's tales (a spin-off of Masha and the Bear) when it is translated

from Russian into Hindi not directly, but through the intermediary language of English. We analyze ten episodes and observe how the chain of two translations affects the perception of young viewers. We have paid attention to various translation techniques: literal, free, and substitution-based. We note the challenges of cultural adaptation and how the authenticity of the story and its emotional nuance are lost. In the conclusion, we suggest potential improvements: translating directly from Russian, more carefully preserving intonation and mood, adapting cultural references, testing the result on a child audience, and improving team collaboration. The findings may be useful for those involved in localizing children's content for different countries.

Keywords: *Translation, Cultural adaptation , Linguistic changes, Pragmatic shifts, Multi-stage translation , Translation strategies*

Введение

Для любого ребёнка мультики — это целый мир. Они не просто развлекают, но и помогают развиваться здоровым. Яркие картинки и простые истории знакомят детей с окружающей действительностью, учат общаться и показывают, как устроен мир. Отличный пример — российский мультсериал «Маша и Медведь». Его сделала студия «Анимаккорд» в 2009 году, а руководил проектом Олег Кузовков. Всего в сериале 62 серии, идут они всего по семь минут. Сюжеты взяты из русских народных сказок, но пересказаны современным языком. Главные герои — неугомонная девочка Маша и добрый Мишка, который в прошлом был цирковой звездой, а теперь живёт в лесу. Их дружба, такая необычная, и контраст характеров — вспыльчивость Маши и спокойствие Мишки — создают ту самую искру, которая и цепляет зрителей любого возраста. А ещё есть отдельный проект — «Машины сказки» (2011–2013). (Ядрова)

В нём Маша сама становится сказочницей: рассказывает своим игрушкам известные сказки, но постоянно добавляет туда что-то своё — смешные повороты или совсем фантастические детали. Всего таких серий 26, и каждая длится минут шесть. Над ним работали сценарист Нина Иманова и режиссёры Ринат Газизов и Денис Червяцов. В проект вошли как русские сказки — всего 15 серий, включая народные «Гуси-лебеди», «Морозко» и «Конька-горбунка» Петра Ершова, — так и зарубежные: 11 серий по мотивам «Красной Шапочки», произведений Братьев Гримм, Шарля Перро и Ганса Христиана Андерсена. Все истории распределены по жанрам: о животных, волшебные, бытовые и литературные. В этом формате Маша звучит более взрослой: её речь остаётся простой, но наполняется рифмами, звукоподражаниями и выразительными интонациями. Популярность «Машиных сказок» привела к выпуску печатных книг. С 2013 года издательство «Эгмонт» выпускает серию, которая помогает детям развивать воображение через чтение. (Ядрова)

Анализ вызван интересом к переводу мультфильмов с помощью языка-посредника (русский → английский → хинди) — распространённую практику в медиа, которая ставит вопросы о сохранении смысла, эмоций и культурной специфики для детской аудитории. Сериал «Маша и Медведь», выпущенный более чем на десятке языков, является удобным ресурсом для исследования влияния английского языка как посредника при переводе на хинди. В работе рассматриваемся лингвистические, культурные и прагматические изменения в десяти эпизодах, чтобы понять, как многоступенчатый перевод влияет на восприятие детей. Методологическая база исследования опирается на сочетание нескольких подходов.

Дедуктивный метод основан на теориях перевода культурных реалий и особенностей детской речи и применяется при анализе «Машины сказки». Контент-анализ российского сериала включал культурные аспекты, особенности речи Маши и анализ диалогов. Английская версия анализируется с точки зрения упрощений, потерь и адаптаций, в то время как версия на хинди исследуется с точки зрения стилистики, прагматической точности и эмоционального заряда. Сравнительное изучение трех версий позволяет выявить искажения, замены и культурные потери. Использование описательно-аналитического метода позволяет документировать наблюдения и формулировать рекомендации по улучшению перевода. Особое внимание уделяется тому факту, что русская культура глубоко укоренилась в мультсериале «Маша и Медведь».

В центре мы передаем внимание на сравнение трёх версий переводов : русской, английской и хинди. В русском варианте мы смотрим диалоги, культурные детали и особенности речи Маши в английской версий перевода анализируем с точки зрения упрощений, потерь и адаптаций , а на версий хинди рассматриваем в плане стиля, эмоциональной окраски и точности смысла. Такое сравнительное исследование показывает, где происходят искажения, замещения и потери культурного багажа. Нам нужно понимать, что мультфильм сильно зависит от русской культуры: он воспринимается по интонациям, с которыми говорят персонажи, бытовому смыслу, сюжетам и т.д. Наиболее наглядным примером языковых особенностей является речь очень быстрой и эмоциональной Маши, наполненная множеством уменьшительных и ласкательных выражений: "зайчонок", "мишутка", рифмованные слова,

бессмысленные словечки и каламбуры. Благодаря этому, речь очень живо звучит, словно музыка, увлекая детей и еще больше отягощая их впечатления от нравственных уроков. Тем не менее, эти речевые обороты создают несколько проблем при переводе. Ни в английском, ни в хинди нет прямых эквивалентов тем русским уменьшительным суффиксам, которыми в русском для выражения ласки и игривости пользуются в речи. В английском языке приходится использовать "маленький", "милый" и так далее. Переводчики хинди ищут инновационные стратегии для сохранения теплоты и эмоциональности речи. Еще более сложной задачей является передача каламбуров, рифм и звукоподражаний, поскольку они обусловлены особенностями русской фонетики и культурного контекста, что делает прямой перевод невозможным. Аналитический подход, который использовал при сравнении трех версий, позволяет выявить недостатки в переводе, тем самым предлагая рекомендации по его доработке. Мультфильм в данном случае, это не просто средство развлечения но и также это важный пример того, насколько непросто сохранить культурные особенности при переводе на иностранные языки.

Особая трудность перевода заключается в языковых играх — каламбурах («пирожок с ничем»), рифмах («сказку сказали — теперь спать пора ») (Морозко , эпизод 5) и звукоподражаниях («тук-тук-тук»), эффект которых строится на фонетической структуре и культурных реалиях русского языка, и потому при передаче на другой язык они нередко теряют свою выразительность. Значительное культурное значение в мультсериале имеют визуальные детали например : дом Медведя с самоваром, деревянной мебелью и печью отражает традиции русского повседневного уклада. В мультфильме « Машины сказки »

присутствуют упоминания культурных реалий и понятий, в частности праздников например, Новый год с Дедом Морозом) и традиционных русских блюд как блинов, каши, варенья. Такие элементы зачастую остаются непонятными без пояснений и нередко заменяются на локальные аналоги для зрителя Индии. Например: «блин» может быть адаптирован как «роти» или «паратха», что облегчает восприятие, но лишает текст культурного колорита. Характер «Маша» также отражает специфические русские нормы поведения.в русском контексте её озорство воспринимается органично, тогда как за пределами России .оно может казаться чрезмерным. Переводчики при переводе, стремясь избежать культурных недоразумений, прибегают к смягчению её образа или изменению интонационных акцентов. Международные варианты как том числе английский и язык хинди зачастую демонстрируют тенденцию к универсализации: это убираются культурно специфичные элементы, музыка становится нейтральнее, а диалоги подстраиваются под речевые модели целевой аудитории. При переводе на язык хинди речь Маши подстраивается под привычные модели детского общения в Индии. Это делает её реплики органичными для людей исходного языка , но лишает их той стилистической своеобразности, которая характерна для исходного языка. Мультфильм остаётся понятным детям в любой стране. Любопытство, дружба и забота понятны всем, поэтому переводчики стараются сохранить эти главные идеи, иногда убирая детали, чтобы было проще понять. Но это не важно перестараться, если сделать всё слишком общим, текст становится скучным и теряет то очарование, которое делает Машины сказки особенными. Перевод по культуре требует понимания менталитета, детской психологии и особенностей восприятия детей в разных странах мира. Для

индийской детей важно сохранить эмоциональную связь с персонажами, например Маша должна оставаться близкой и понятной детям, несмотря на культурные различия. С помощью выбранной переводной стратегии ,мы будем завесить языковые учтены, культурные и практические особенности.

Когда перевод идёт с русского на английский язык ,а потом на язык хинди, требует тщательно продуманной стратегии. перевод может меняться на каждом промежуточном этапе и в исходном тексте получается либо неестественным, либо совсем не похожим на исходный текст . В «Машины сказки» используют три разные методы к переводу как дословный, свободный и с заменой. У каждого из них есть свои положительные и негативные аспекты. Дословный перевод старается максимально сохранить грамматику и слова исходного текста. Он хорошо работает с простыми и нейтральными репликами. Например, в серии «Джек и бобовое зёрнышко» фраза «Эй, там, наверху! — Крикнул Джек» превращается в английский язык «Heu you up there» — shouted Jack, а потом в язык хинди так «हे सुनो ऊपर वाले»- जैक ने चिल्लाकर कहा..... **Джек и бобовое зёрнышко** (Серия 18) . В таких случаях перевод получается понятным.

Дословный перевод в фольклорном выражении или устойчивой фразе часто делает текст сухим и чужим. Особенно в детской литературе, только образы не играют важную роль , но и яркие, живые эмоции . Дословный перевод смещает акцент с формы на смысл и настроение. Здесь важнее не точные слова, но и тоже передача идеи и атмосферы. (Комиссаров)

В серии «Волк и семеро козлят» реплика «И стал волк голосом тоненьким говорить...» звучит на английский

как «So the wolf spoke in a soft and squeaky voice...», а потом на язык хинди как «तो भेड़िया पतली सी आवाज़ में बोलने लगा...». В этих случаях ,сохраняется образ хитрого и комичного волка, а речь становится понятной ребёнку . Такой способ помогает сохранить юмор и живость Машиных историй, но требует осторожности: слишком вольная трактовка может исказить характеры или нарушить сюжет. (Комиссаров)

Замена существует, где дословность и свобода не решают задачу. Этот метод т.е. замена предполагает перестройку текста ради сохранения функции высказывания в другой языковой и культурной среде. Л.С. Бархударов отметил два типа замен: грамматическая замена и лексическая замена. (Бархударов)

Грамматическая замена включают смену залога, преобразование частей речи, перестановку членов предложения или изменение синтаксической аспекты . Например, русское предложение «Ему было велено идти» можно перевести как в английский язык «He was told to go», а на язык хинди — «उसे जाने को कहा गया». В этом предложении мы видим переход от безличной конструкции к более естественному активному варианту. Такой же , выбор стратегии зависит от ясности и полноты как сохранить букву текста, передать его дух или адаптировать к новой культуре и литературе . В детском контенте особенно важно сочетать все три подхода - тогда сказка остаётся и понятной, и живой, и верной замыслу. (Бархударов)

Лексические замены занимают особое место в многоступенчатом переводе, поскольку именно они позволяют сохранить коммуникативную функцию текста в иной культурной и языковой среде. К числу

наиболее распространенных видов относят конкретизацию, генерализацию, замену следствия причиной, антонимический перевод и компенсацию и.т.д.. Так, конкретизация предполагает переход от общего к частному. например, абстрактное «вес» может быть уточнено через «लड़कियाँ(ладкия)». (Бархударов) Генерализация, напротив, снимает избыточную национальную окрашенность: «кулич» превращается в нейтральное «cake». Антонимический перевод позволяет передать значение через противоположное выражение при переводе («не грустил» вместо «веселился»), а компенсация восполняет потери добавлением экспрессивных средств, например, эпитетов. В мультфильме «Машины сказки» лексические замены играют важную роль, когда речь идёт об адаптации культурных реалий. Перевод персонажа «Дед Мороз» в английском языке как «Father Frost», и в язык хинди как «सांता» т.е. это обеспечивает понятность для индийской аудитории. Подобные преобразования помогают сохранить воспитательную и эмоциональную функцию текста, но всегда несут риск искажения авторского замысла. Исследование по переводу «Машиных сказок» показывает, что на практике применяется смешанный подход. Дословный перевод используется при передаче простых высказываний, свободный - в эмоционально насыщенных эпизодах, а замена - при работе с культурно специфическими элементами. Однако в случае перевода через английский язык посредник выбор стратегии осложняется: английский вариант уже нередко редуцирована, что непосредственно влияет на перевод на язык хинди. Это подчёркивает необходимость работы именно с оригиналом, поскольку только он позволяет удержать культурные оттенки и выразительные средства. Перевод через английский язык т.е.посредник,

безусловно, облегчает техническую сторону процесса, но влечёт за собой искажения на нескольких уровнях. Лингвистические потери проявляются в исчезновении нюансов («жил-был» в английском языке «Once upon a time» и на языке хинди «एक बार की बात है»), грамматических особенностей (упрощение синтаксиса) и в нейтрализации культурных образов (Баба-Яга в английском языке «old witch»; и тоже, слово «мишутка» как в английском языке «teddy bear» и на языке хинди как «टेडी भालू». В результате в текст внедряются западные представления, которые отдаляют зрителя от исходного фольклорного контекста. Анализ десяти серий выявил типичные последствия многоступенчатого перевода. Так, в «Репке» нарушается порядок персонажей, что разрушает фольклорный ритм. В «Лисе и зайце» фраза «Зайчонок испугался и убежал» через английский язык и язык хинди перевод теряет ласковость, присущую уменьшительно-ласкательной форме. Рифмованные строки, важные для восприятия детьми («Сказку сказали — теперь спать пора!»), исчезают, становясь сухим описанием («The story is over — now it's time to sleep», потом «कहानी खत्म हुई - अब सोने का समय है»). Семантические искажения меняют образы: «Медведь был страшный, но добрый внутри» теряет экспрессию в «The bear looked scary, but was kind-hearted», как «भालू डरावना दिखता था, लेकिन वह अच्छा था». Юмор также обесценивается: «Вот тебе и пирожок с ничем!» превращается в неуклюжее «So much for your empty pie!» ,как «तो ये है तुम्हारा खाली पाई!». Сопоставление показало, что изменения бывают разных типов: опущения, добавления, обобщения, калькирование, англизации, антонимические переводы, описательные разъяснения. Так, в «Морозко» исчезает важная деталь «топает ногами»; в хинди часто добавляются морализаторские концовки

(«इससे हमें सिख मिलती है कि...»), а кальки вроде «crocodile tears» как «उसने मगरमच्छ के आँसू बहाए» звучат чужеродно. Все эти трансформации снижают эмоциональную насыщенность текста и размывают его культурную специфику при переводе. И в детском контенте такие потери особенно заметны, поскольку дети ценят не только информацию, но и образы, ритм, звучание и т. д. Прямой перевод с русского на язык хинди предпочтительнее, поскольку он сохраняет фольклорный колорит, оригинальные рифмы и эмоциональные нюансы.

Перевод детских мультфильмов, особенно таких, как «Машины сказки» не просто лингвистическая задача, а это более сложный процесс. Перевод предполагает не только владение языком, но и глубокое понимание культурного фона, особенностей детского восприятия и тонкостей межкультурной адаптации. Как качественный перевод, который действительно сохранит эмоциональную и воспитательную ценность исходного, невозможен без учета многоступенчатости самого процесса. Это тоже важно минимизировать потери, почти неизбежные при использовании английского текста как посредника языка.

На основе анализа десяти эпизодов можно предложить ряд рекомендаций и практик, способных заметно улучшить локализацию детского контента. Перевод через английский язык нередко приводит к искажениям: английская версия уже сама содержит упрощения или смещения смысла. Ошибки накапливаются в переводе. Если полагаться только на английской версии. Поэтому переводчики должны иметь прямой доступ к русскому тексту и по возможности, консультироваться с носителями или специалистами по русской культуре и понятии. Только

так удаётся передать фольклорные элементы, юмор, эмоциональную окраску речи Характера « Маша». Например - сверка с оригиналом позволяет сохранить уменьшительные формы: «зайчонок» звучит куда теплее и ближе ребенку, чем сухое английское как «hare». Сохранение эмоциональности и живости речи - пожалуй, один из самых критичных аспектов для детского контента и понятии . в оригинальном тексте ,речь Маши изобилует рифмами, звукоподражаниями, уменьшительными суффиксами, интонационной игрой. Всё это делает её рассказы яркими и запоминающимися для читателей. В языке хинди варианты подобные элементы зачастую теряются, и текст начинает казаться монотонным.Переводчики должны прибегать к аналогичным детским речевым средствам: ласковым обращениям «नन्हा खरगोश» вместо простого слова «खरगोश», рифмованным оборотам, звукоподражаниям. Дети реагируют не столько на голый смысл, сколько на ритм, интонацию и музыкальность речи. Поэтому, скажем, фразу «сказку сказали - теперь спать пора!» нужно переводить с сохранением ритма и рифмы, а не дословно, иначе она потеряет художественный эффект оригинального текста.

Адаптация культурных реалий тоже требует особой гибкости при переводе . Многие русские элементы как «репка», «избушка», «Дед Мороз» и.т.д которые мало знакомы индийскому ребёнку. Здесь возможны замены например:«репку» стоит заменить на привычный овощ вроде «मुली» (редис) на язык хинди. При этом важно, чтобы сюжетная функция сохранилась при переводе . Но перегружать повествование пояснениями не следует-они только нарушат динамику и Кроме того, нужно учитывать культурные ожидания : в индийской традиции сказки чаще содержат явный моральное

заключение . Добавление лёгкой морали допустимо, но без искажения замысла исходного. Следует избегать буквального перевода устойчивых выражений. Дословная передача, как в случае с идиомой *crocodile tears*, дает в хинди «मगरमच्छ के आँसू», что звучит чуждо и для ребёнка почти непонятно. Гораздо естественнее использовать местное выражение, обозначающее «притворные слёзы», — тогда сохраняется ирония и текст воспринимается органично.

Перевод через английский язык меняет длину фраз, и в язык хинди-версии возникает рассинхронизация, особенно заметная в музыкальных сценах. Чтобы этого избежать, нужно подбирать слова с похожей слоговой структурой и следить за таймингом. Это очень помогает системная сверка т.е. Для создания таблицы, где фиксируются фраза исходного языка (рус.) и её вариант английского языка , язык хинди-перевод и комментарии о потерях : рифмы, юмора, ритма и т.д. Такая практика не только улучшает текущий перевод, но и тоже формирует базу для будущих проектов. Дети хорошо воспринимают текст интуитивно. они реагируют на эмоции, ритм, юмор, а не на формальную точность и адекватность . Просмотр серий фокус-группой индийских детей и их родителей помогает выявить слабые места, где интерес теряется,и тоже какие фразы звучат чуждо. Это обратная связь которая позволяет адаптировать перевод под реальные ожидания аудитории.

Хорошее качество можно получить только при совместной работе. В этом должны участвовать переводчики, которые хорошо знают русский и хинди, редакторы с хорошим литературным вкусом, специалисты по детской психологии и эксперты по индийской культуре и обществу.

Например:культуролог может подсказать, что «блины» стоит заменить на индийское блюдо «пури», а детский психолог оценит, насколько текст эмоционально увлекает ребёнка. Независимая рецензия, например со стороны специалистов по детской литературе или переводоведов, добавляет объективности: и тоже они способны заметить нюансы, ускользнувшие от основной команды. В долгосрочной перспективе важно обучение переводчиков работе именно с детским материалом. Тренинги по детской речи, особенностям культурной адаптации, технике перевода анимации повышают квалификацию команды и помогают избегать типичных ошибок многоступенчатого перевода.

Итак, рекомендации формируют комплексный подход: работа напрямую с русским оригиналом, сохранение эмоциональности, культурная адаптация, тестирование на детях и коллективная экспертиза. Всё это позволяет создать перевод, который остаётся аккуратным, но при этом звучит живо и близко индийскими детьми , сохраняя магию «Машиных сказок».

Сравнительный анализ показал, что использование английского языка в качестве промежуточного языка приводит к потере культурных элементов, упрощению словарного запаса, исчезновению рифм и юмора. Были определены пропуски, добавления, кальки, обобщения, адаптации и т. д. в процессе формирования перевода. Таким образом, предложенные меры, а именно: прямой перевод с языка оригинала с сохранением эмоционального богатства, культурная адаптация, тестирование и командный подход, могут считаться оптимальными для высококачественной локализации концепций для

детей. Такой тип перевода будет не только понятным, но и действительно увлекательным для детей из разных культур и обществ, при этом сохраняя дух оригинальных текстов.

Литература

- Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. — М.: Международные отношения, 1975.
- Иманова Н. Сценарии «Машиных сказок»: Творческий подход к пересказу сказок. — М.: Эгмонт Россия, 2013.
- Кузовков О. Маша и Медведь: Концепция и развитие персонажей. — Animaccord, 2009.
- Ядрова. А. «Машины Сказки»: Современная Интерпетаация Руских Народных Сказок. Нарва - Нарваский Колледж Тартуского Университета, 2017
- Первоисточники
- Лиса и заяц-«Оригинал в русском»
<https://www.youtube.com/watch?v=2b-FsX1Khyo>
- (Английский) The Fox and the Rabbit –
<https://www.youtube.com/watch?v=ECLScI0SZJQ>
- (Хинди) लोमड़ी और खरगोश एपिसोड 3 –
<https://www.youtube.com/watch?v=odehUR8rFwo>
- Морозко-«Оригинал в русском»
<https://www.youtube.com/watch?v=2b-FsX1Khyo>
- (Английский) Father Frost (Episode 5)
<https://www.youtube.com/watch?v=8Jt0l3xjCEA>
- (Хинди) फ़ादर फ्रॉस्ट (एपिसोड 5)
<https://www.youtube.com/watch?v=TLMXHzMFLVI>
- Крошечка Хаврошечка-«Оригинал в русском»
<https://www.youtube.com/watch?v=mNjkX7ZZjW4>
- (Английский) wee little Havrocheska.
https://www.youtube.com/watch?v=cop_FaNMKQY
- (Хинди) नन्ही हवरोशिचका) एपिसोड 11)
<https://www.youtube.com/watch?v=ggwU29wNQgg>
- Храбрый портняжка- «Оригинал в русском»
<https://www.youtube.com/watch?v=mNjkX7ZZjW4>
- (Английский) The Valient Little Tailor -
<https://www.youtube.com/watch?v=OrgcxBvWJR8>
- (Хинди) बहादुर दर्जी) एपिसोड 14)
<https://www.youtube.com/watch?v=DDZtAdiqM8g>
- Бычок-смоляной бочок
https://www.youtube.com/watch?v=b_m10N1WJI0
- (Английский) The Straw Bull Calf
https://www.youtube.com/watch?v=KfkZ69cvS_M
- (Хинди) फूस का बछड़ा) एपिसोड 12)

<https://www.youtube.com/watch?v=keZ-FNCVoQs>
 Али-Баба-«Оригинал в русском»
<https://www.youtube.com/watch?v=4QScp6j-ZQk>
 (Английский)Ali Baba
<https://www.youtube.com/watch?v=zqh9BsNpJu0>
 (Хинди) अली बाबा) एपिसोड 15)
<https://www.youtube.com/watch?v=9RvgcJSdBBo>
 Калиф-аист-«Оригинал в русском»
https://www.youtube.com/watch?v=tZ_paKhxi5Q&t=2s
 (Английский)Caliph Stork
<https://www.youtube.com/watch?v=HO69WrEtYo4>
 (Хинди) लकलक खलीफ़ा) एपिसोड 17)
https://www.youtube.com/watch?v=qMv59seHB_s&t=5s
 Джек и бобовое зернышко-«Оригинал в русском»
<https://www.youtube.com/watch?v=eEWKmAHLеUI>
 (Английский)**Jack and the Beanstalk**-«Оригинал в русском»
<https://www.youtube.com/watch?v=82bY4qKJPmk>
 (Хинди) जैक और सेम का बीज) एपिसोड 18)
<https://www.youtube.com/watch?v=GuGyVNVO9As>
 Свинопас-«Оригинал в русском»
https://www.youtube.com/watch?v=z6AxizN_Qw
 (Английский)**The Swineherd**
<https://www.youtube.com/watch?v=yNeJfhyzvlс>
 (Хинди) सूअर पालक) एपिसोड 19)
https://www.youtube.com/watch?v=O_tzvXfltTs
 Лисичка со скалочкой-«Оригинал в русском»
https://www.youtube.com/watch?v=RfL7s2aQ_Fs
 (Английский) **The Fox and the rolling pin**
<https://www.youtube.com/watch?v=J2qAzGtNkpY>
 (Хинди) लोमड़ी और बेलन) एपिसोड 22)
<https://www.youtube.com/watch?v=sKpR4udLg7M>

Д-р Субхаш Кумар
Преподаватель русского языка, Школа языков Амита
Университет Амита, Харьяна

Dr Subhash Kumar
Assistant Professor of Russian, Amity School of Languages
Amity University Haryana

**Грамматические трансформации при переводе рассказа
«интересная кража в кооперативе» М. Зоценко с
русского на язык хинди**

**Grammatical Transformations in the Translation of M.
Zoshchenko's Short Story "An Interesting Theft at the
Cooperative" from Russian into Hindi**

Аннотация: Общеизвестным фактом теории и практики перевода является тот факт, что в процессе перевода меняется язык текста или высказывания, однако сохраняется смысл оригинала в тексте перевода. Несмотря на вышеуказанную аксиому процесс перевода отягощен трудностями, связанными с различиями языков на уровне грамматики, лексики, синтаксиса и пр. Для осуществления качественного перевода переводчик проводит целостный анализ текста с лингвистической и экстралингвистической позиций. После полного прочтения оригинала он разделяет его на отрывки и анализирует на разных уровнях языка и находит соответствия для единиц текста в переводящем языке, используя словарные или контекстуальные соответствия, различные переводческие трансформации, с целью преодолеть различия ИЯ и ПЯ. В данной статье автор изучает грамматические трансформации, использованные при переводе рассказов Михаила Зоценко с русского на язык хинди. Автор статьи, являясь переводчиком, объясняет с какими грамматическими проблемами он столкнулся в процессе перевода и какие виды трансформаций использовал.

Ключевые слова: переводческие трансформации, грамматическая трансформация, перестановка, замена, Михаил Зоценко, хинди, художественный перевод

Abstract: *As we know that the during the translation only the language of text is changed but the meaning of the source text is preserved, but the process of translation is not easy due to the grammatical, lexical and cultural differences between the two languages. A translator, first of all, tries to read the text carefully and understand the text completely. After understanding the text, he divides the text into small pieces at different levels of translation and then starts searching their equivalents in the vocabulary of target language. If he fails to find the equivalent of any piece of the original, he uses transformation method to convey the meaning in translation. The author, in this article, studies the grammatical transformation method, used during the translation of the story from Russian into Hindi. The author himself has done the translation of the story and he discusses the issues, faced during the translation and which types of transformation he has used.*

Keywords: *Types of Transformation in Translation, Grammatical Transformation, M. Zoshchenko, Hindi.*

Перевод является процессом преобразования нового текста на основе текста исходного языка. В данном процессе переводится содержание с исходного языка на переводящий язык, и сохраняется смысл оригинала, т. е. меняется только язык текста и создается новый текст, который эквивалентный оригиналу по смыслу и стилю, но понятен читателям переводящего языка. Таким образом, в переводе происходит изменения плана выражения, а план содержания остаётся неизменённым.

По словам А.В. Федорова, «Слово «перевод» принадлежит к числу общеизвестных и общепонятных, но и оно, как обозначение специального вида человеческой деятельности и ее результата, требует уточнения и терминологического определения. Оно обозначает: 1) процесс, совершающийся в форме психического акта и состоящий в том, что речевое произведение (текст или устное высказывание), возникшее на одном – исходном – языке (ИЯ), пересоздается на другом – переводящем – языке (ПЯ); 2) результат этого процесса, т. е. новое речевое

произведение (текст или устное высказывание) на ПЯ». ⁸²

В своём действии переводчик переводит не систему какого-то текста или систему ИЯ текста, а переводит содержание оригинального текста, и чтобы получить полную адекватность в трансформации всей информации подлинника, переводчик использует все языковые средства, приемы, методы, замены в ПЯ так, как всё это нужно делать из-за лексических, грамматических и стилистических различий между двумя языками.

При переводе, основной целью переводчика является – ловко произвести различные переводческие трансформации. Трансформация – это основной прием в переводе, он заключается в изменении формальных или семантических компонентов исходного текста при сохранении информации, предназначенной для передачи – по мнению Я.И. Рецкера, трансформации определяются как «приемы логического мышления, с помощью которых мы раскрываем значение иноязычного слова в контексте и находим ему русское соответствие, не совпадающее со словарным». ⁸³

Под трансформациями понимаются межъязыковые преобразования, требующие перестройки на лексическом, грамматическом или текстовом уровне. В данной статье изучаются грамматические трансформации при переводе рассказа «Интересная кража в кооперативе» Михаила Зощенко.

В.О. Лисицина и Э.К. Арутюнова объясняют грамматическую трансформацию как преобразование структуры предложения оригинала при переводе в соответствии с нормами языка перевода. Они пишут, что «Грамматические трансформации заключаются в

⁸²Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода. Филология три, М., 2002. с. 13.

⁸³ Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М., 2007.

преобразовании структуры предложения в процессе перевода в соответствии с нормами переводного языка. Трансформация может быть полной или частичной в зависимости от того, изменяется ли структура предложения полностью или частично. Традиционно при замене главных членов предложения, происходит полная трансформация, если же заменяются лишь второстепенные – частичная. Кроме замен членов предложения могут заменяться и части речи. Чаще всего это происходит одновременно». ⁸⁴ К категории грамматических трансформаций входят подвиды: 1) перестановка и 2) замена.

1. Перестановка – это изменение местоположения компонентов оригинального предложения в переводящем языке. Перестановка включает изменение в расположении слов, словосочетаний, частей сложного предложения, элементарных предложений внутри сложного, самостоятельных предложений в системе целого текста. Перестановка выделяет центр сообщения (ремы) и другие соображения логического порядка и, как правило, перестановки осуществляются по правилам грамматических норм ПЯ. Таким образом, перестановка является изменением расположения языковых элементов оригинала в переведенном тексте для достижения адекватности.

Например:

Какая идет нахальная приписка **под мою руку**. ⁸⁵

ये मेरे नाम पर इतना घोटाला कर रहे हैं।

Тут **наступила в магазине** отчаянная тишина. ⁸⁶

दुकान में शमशान जैसी चुप्पी छा गयी।

В данном примере в переводе данных предложений изменен порядок слов. В предложении хинди закрепленный порядок слов: главные члены предложения – подлежащее +

⁸⁴ Лисицина В.О. и Арутюнова Э.К. Виды грамматических трансформаций при письменном переводе. Международный журнал экспериментального образования, № 10, 2014. с. 165-167
<https://expeducation.ru/article/view?id=6060>

⁸⁵ Зощенко М, Голубая книга. Азбука, СПб., 2014, с. 190.

⁸⁶ Там же С. 189.

второстепенные члены (дополнение, обстоятельство) + сказуемое. В академической грамматике русского языка обычное расположение членов предложения следует модели: обстоятельство, сказуемое, подлежащее, то есть порядок обратный принятому в языке хинди.

2. Замена – Это самый распространённый и многообразный вид трансформации перевода. В переводе заменяются как грамматические единицы — например: части речи, члены предложения, типы синтаксической связи и др. — так и лексические. Помимо этого, заменяются также целые грамматические конструкции (комплексные лексико-грамматические замены).

2.1. Замены форм слова

Замены словоформ являются такими, как числа у существительных, времени у глаголов и другие расхождения в грамматическом строе разных языков. Такие замены объективны. Замены форм слова часто зависят от расхождений в грамматическом строе языков. В русском языке и в хинди используются различные формы для обозначения одного и того же времени. Читают = पढ़ते हैं, पढ़ रहे हैं, पढ़ा करते हैं. (В русском языке используют одну и ту же форму глагола для обозначения привычного действия, продолжающейся работы, повторяющейся деятельности в настоящем времени, а в хинди используются разные формы глагола).

Например:

прочитают = पढ़ेंगे, будут читать = पढ़ेंगे

— Я очень **рад**, если меньше украли. Сейчас мы все это прикинем на весы.

अगर चोरी कम हुई है तो मुझे बहुत ही **खुशी होगी** अभी हम यह सारा सामान तोल कर देखेंगे।”

Для одной формы глагола хинди в будущем времени в русском языке используются разные формы русского глагола, потому что имеются различия в грамматическом строе обоих языков. В русском языке у глагола два вида: совершенный и несовершенный, которые обозначают повторность и однократность, завершенность и незавершенность, но подобная грамматическая категория отсутствует в языке хинди. Мы не сталкиваемся с подобной проблемой, когда переводим текст с русского языка на хинди, но проблема появляется при переводе с хинди на русский, и тогда следует проявлять особую бдительность, и только широкий и узкий контекст смогут помочь выбрать правильный вид глагола.

Например:

Я – **говорит**, – взял, если хотите знать, полмешка сахара, дамские чулки одну дюжину и два круга колбасы.⁸⁸

अगर आप जानना चाहते हैं तो मैं **बताता हूँ** मैंने आधी बोरी चीनी, एक दर्जन औरतों के मोझे और दो गोल सॉसेज लिए हैं।

2.2. Замена частей речи

При переводе замена происходит и между разными частями речи. Самый простой вид подобной трансформации, который заменяет существительное местоимением, называется «**прономинализация**».

Например:

Вот как это было.

घटना कुछ इस तरह से घटी।

Существуют и другие разновидности замен, такие как замена прилагательного существительным (чаще всего образованного от географического названия).

Например:

В это время, счетовод кричит из задней комнаты:

⁸⁸ Там же

— У меня висело **шелковое кашне** на стене – теперь его нету. Прошу записать, – я потребую его возместить понесенные мне убытки.⁸⁹

इतने में ही अकाउंटेंट ने पीछे वाले कमरे से चिल्लाकर कहा, “मेरा **रेशम का गुलबन्द** यहाँ पर दीवार पर टंगा था, अब नहीं है। उसे भी लिख लीजिए, मेरी मांग है कि मेरे नुकसान की भी भरपाई की जाये।”

Прилагательное в предикативной функции (с глаголом-связкой **होना** или другим) часто заменяется глаголом: **खुश होना** — **радоваться**, **गुस्सा होना** — **сердиться**, **चुप हो जाना** — **молчать** и т. п.

Например:

Конечно, мы можем **ошибиться**. Но мы **проверим**. Я очень рад, если меньше украли. Сейчас мы все это прикинем на весы.⁹⁰

मैनेजर ने कहा, “हमसे बिलकुल **गलती हो सकती है**, लेकिन हम इसे **ठीक कर** सकते हैं। अगर चोरी कम हुई है तो मुझे बहुत ही **खुशी** होगी। अभी हम यह सारा सामान तोल कर देखेंगे।”

Так за этой кражей **видна** по крайней мере философская мысль.⁹¹

इस चोरी के पीछे एक तरह से एक दार्शनिक सोच **देखी जा सकती है।**

2.3. Замена членов предложения (перестройка синтаксической структуры предложения)

Подобные замены, происходят, когда одни члены предложения заменяются при переводе в иной синтаксической схеме, отличной от подлинника. Так, например предложения страдательного залога языка хинди переводятся в действительном залоге в русском языке и наоборот, то мы имеем дело с переструктурированием **или заменой членов предложения**.

Например:

⁸⁹ Зощенко М. Голубая книга. Азбука, СПб., 2014, с. 189.

⁹⁰ Там же С. 190.

⁹¹ Там же С. 187.

Но дворник не уходит. Он стоит и **расстраиивается**.⁹²

लेकिन वह नहीं गया और **घबराया हुआ** वहीं खड़ा रहा...

Я стою на страже государственных интересов. И меня, как советского человека, возмущает, что тут делается – какая **идет нахальная приписка** под мою руку.⁹³

मैं यहाँ जनता के हित के लिए खड़ा हूँ लेकिन ये जो यहाँ कर रहे हैं, एक आम सोवियत की नागरिक तरह मुझे भी गुस्सा दिलाने वाला है। ये मेरे नाम पर इतना **घोटाला कर रहे हैं**।

2.4. Синтаксические замены сложного предложения

При переводе сложных предложений наблюдаются следующие замены: а) замена простого предложения сложным; б) замена сложного предложения простым; в) замена главного предложения придаточным и наоборот; г) замена подчинения сочинением и наоборот; д) замена союзного типа связи бессоюзным и наоборот.

а) Замена простого предложения сложным

Такая замена часто происходит из-за структурных расхождений между предложениями исходного и переводящего языка.

Например:

Воровство у нас есть. Но его как-то замечательно меньше.⁹⁴ (Интересная кража в кооперативе)

चोरी हमारे यहाँ होती है, लेकिन पहले से बहुत कम।

Кооперация. Вообще кооператив. Так сказать, открытый распределитель.⁹⁵

बात को-ऑपरेटिव या सहकारी दूकान की हो रही है, इसे एक खुला वितरक भी कहा जा सकता है।

— Пёс с вами! **Сознаюсь. Я своровал.**⁹⁶

⁹² Там же С. 188.

⁹³ Там же С. 190

⁹⁴ Зощенко М. Голубая книга. Азбука, СПб., 2014, с. 187.

⁹⁵ Там же С. 187.

⁹⁶ Там же С. 189.

भाड़ में जाओ, मैं मानता हूँ कि मैंने ही चोरी की है।

Но я не трогал эти боны, и ножницы, и это сволочное кашне.⁹⁷

लेकिन मैंने न ही नकदी ली, न ही कैची को हाथ लगाया और न ही मैंने इस हरामी के गुलबन्द को हाथ लगाया।

б) Замена сложного предложения простым:
это обратная трансформация предыдущего:

Например:

Но, конечно, естественно, крадут не так, как это раньше производили.⁹⁸ (Интересная кража в кооперативе)

लेकिन अवश्य ही अब वे पुराने तरीके से चोरी नहीं करते।

Я – **говорит**, – взял, если хотите знать, полмешка сахару, дамские чулки одну дюжину и два круга колбасы.⁹⁹

अगर आप जानना चाहते हैं तो मैं **बताता हूँ** मैंने आधी बोरी चीनी, एक दर्जन औरतों के मोझे और दो गोल सॉसेज लिए हैं।

в) Замена придаточных предложений главным и наоборот

В этом виде замены придаточное предложение ИЯ переводится в ПЯ главным, а главное предложение – придаточным.

Например:

А он очень, между прочим, перепугался, когда это воровство обнаружили.¹⁰⁰

लेकिन इसी बीच जब चोरी की बात सामने आई तो वह बहुत ही डर गया।

г) Замена подчинения сочинением

Во многих языках существуют сочинительные и подчинительные предложения. Сочинительные предложения связываются сочинительными союзами, а подчинительные предложения связываются с

⁹⁷ Там же С. 190.

⁹⁸ Там же С. 187.

⁹⁹ Там же С. 190.

¹⁰⁰ Там же С. 188

главным предложением подчинительными союзами. В русском языке для устно-разговорной речи более характерно сочинительные предложения, чем придаточные предложения, которые более используются в английском языке, чем в русском.

Например:

When you come to me, I will help you.

Ты приедешь ко мне, и я тебе помогу.

д) Замена союзной связи на бессоюзную

Сочинительные предложения в русском языке, как правило, выражаются союзным, бессоюзным предложением. Бессоюзные предложения встречаются чаще в разговорной речи русского языка, чем английского.

Например:

Нынче только дурак крадет, на понимая современности.¹⁰¹

अब आज के हालात को न जानने वाला मूर्ख ही पुराने तरीकों से चोरी करता है।

И главное, дворник у ворот спал, ничего такого не заметил.¹⁰²

सबसे बड़ी बात यह कि पहरेदार दरवाजे के पास सो रहा था और उसे कुछ भी पता नहीं चला।

Заключение: В представленном анализе примеров видно, что М. Зощенко использовал язык простых, зачастую малообразованных людей. К особенностям речевых характеристик персонажей относятся: обилие коротких предложений, высокий процент односоставных предложений. В проведенном исследовании мы видим, что в переводе были использованы все виды грамматических трансформаций. Синтаксическая замена в переводе играла особую роль, обеспечивая адекватность перевода с русского языка на хинди. Односоставные

¹⁰¹ Зощенко М. Голубая книга. Азбука, СПб., 2014, с. 187.

¹⁰² Там же С. 188.

предложения русского языка зачастую были переведены как двусоставные в соответствии с нормами языка хинди. Есть примеры замены простых предложений сложным и наоборот, а также применения замены членов предложения. Использовались и морфологические замены (замена словоформ, замена частей речи предложения и пр.).

Литература:

Зошченко М. Голубая книга. Азбука, СПб., 2014.

Kumar, Subhash. Translation of the Stories of M. Zoshchenko from Russian into Hindi and Analysis of the Problems encountered in Translation. Submitted for M. Phil. Dissertation: Jawaharlal Nehru University. New Delhi. July 2013.

Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода. Филология три, М., 2002.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода, М., 2007.

Интернет-источники:

Лисицына В.О., Арутюнова Э.К. Виды грамматических трансформаций при письменном переводе // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 10. С. 165-167;

URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=6060> (дата обращения: 17.08.2025).

Д-р Викрам Чаудхари
Преподаватель русского языка
Русский дом
Посольство Российской Федерации в Индии

Dr Vikram Chaudhary
Teacher of Russian Language
Russian House, New Delhi

**Прагматические аспекты перевода книги
Светланы Алексиевич «Чернобыльская молитва:
Хроника будущего»**

**Pragmatic Aspects of Translating Svetlana Alexievich's
"Chernobyl Prayer: Chronicle of the Future"**

Аннотация: В статье рассматривается прагматизм как один из ключевых аспектов перевода. Для обсуждения прагматических аспектов перевода были взяты примеры из перевода книги Светланы Алексиевич «Чернобыльская молитва: Хроника будущего» с русского языка на хинди.

Ключевые слова: прагматика перевода, Светлана Алексиевич, Чернобыльская молитва: Хроника будущего, хинди, русский язык

Abstract: The article examines pragmatism as one of the key aspects of translation. To discuss the pragmatic aspects of translation, examples were taken from the translation of Svetlana Alexievich's book "Chernobyl Prayer: A Chronicle of the Future" from Russian into Hindi.

Keywords: Pragmatism, translation, Svetlana Alexievich, Chernobyl Prayer: A Chronicle of the Future, Hindi, Russian language

Прагматика перевода

Термин «прагматика» был введен в научный оборот американским философом К.У. Моррисом, рассматривавшим прагматику в качестве «одного из

разделов семиотики, изучающего взаимоотношения между знаками и их интерпретаторами» [5]. Перевод — это сложный процесс, который требует передачи на языке перевода как лингвистического, так и эмоционального содержания оригинального текста. В тексте всегда присутствует информация или сообщение, т.е. он коммуникативный по своей природе. Переводчик получает это сообщение во время чтения, воспринимает его, осмысляет и транслирует на другом языке.

Я. И. Рецкер определил перевод как «точное воспроизведение подлинника средствами другого языка с сохранением единства содержания и стиля. Этим перевод отличается от пересказа, в котором можно передавать содержание иностранного подлинника, опуская второстепенные детали и не заботясь о воспроизведении стиля. Единство содержания и стиля воссоздается в переводе на иной языковой основе и уже поэтому будет новым единством, свойственным языку перевода» [6].

Это позволяет переводчику вступить в личные отношения с текстом, которые называются прагматическими отношениями. Эти отношения могут быть различного характера, например интеллектуальные, в которых текст предоставляет некоторые факты в качестве информации и которые не касаются переводчика лично. Или же эти отношения могут оказывать эмоциональное воздействие на переводчика, которое может затронуть его чувства. Эта способность текста оказывать прагматическое воздействие на переводчика и читателя называется прагматическим потенциалом текста.

Прагматический потенциал текста определяется содержанием сообщения, в частности лексикой или языковыми выражениями, используемыми автором для оказания коммуникативного воздействия на читателя.

Иногда прагматика текста не отражает истинных намерений автора. Помимо прагматического потенциала самого оригинального текста, прагматические отношения могут зависеть от читателя, его личности, его знаний, опыта, психологического состояния и пр.

Результат процесса перевода, направленного на воспроизведение прагматического потенциала оригинального текста в переведенном тексте на читателей, называется прагматикой перевода. Чтобы в полной мере реализовать прагматику перевода, переводчик должен быть хорошо знаком с историей, культурой, обычаями, литературой и другими аспектами жизни читателей, кроме того, он обязан использовать правильные языковые средства для достижения прагматического эффекта.

На первом этапе после прочтения текста переводчик воспринимает целостный посыл и информацию, заложенную в оригинальном тексте, анализирует и осмысляет его и в ходе этого процесса вырабатывает свое личное отношение к тексту и смыслу. Это личное отношение не должно влиять на точность перевода, таким образом, переводчик должен оставаться прагматически нейтральным.

Как писал советский и российский лингвист В.Н. Комиссаров «как и у любого Рецептора оригинала, у переводчика возникает свое личностное отношение к передаваемому сообщению. В качестве языкового посредника в межкультурной коммуникации переводчик должен стремиться к тому, чтобы это личностное отношение не отразилось на точности воспроизведения в переводе текста оригинала. В этом смысле переводчик должен быть прагматически нейтрален» [4].

На втором этапе переводчик следит за тем, чтобы перевод текста был понятен читателю, чтобы

переведенный текст воздействовал на читателя с тем же прагматическим потенциалом, что и оригинальный текст. Поскольку читатели переведенного текста и оригинала принадлежат к различным языковым сообществам, у которых есть свои собственные представления о жизненном опыте, истории, культуре и прочих аспектах жизни, они должны быть в состоянии понять оригинальное сообщение через перевод. Другими словами, перевод не должен восприниматься как перевод, и читатели должны воспринимать перевод как оригинальный текст. Для этого переводчик должен глубоко понимать оригинальный текст на всех уровнях языка с учетом затекстовой информации и подтекста.

Как пояснил В. Н. Коммисаров, «переводчик, выступая на первом этапе переводческого процесса в роли Рецептора оригинала, старается как можно полнее извлечь содержащуюся в нем информацию, для чего он должен обладать теми же фоновыми знаниями, которыми располагают «носители» исходного языка. Успешное выполнение функций переводчика предполагает поэтому всестороннее знакомство с историей, культурой, литературой, обычаями, современной жизнью и прочими реалиями народа, говорящего на ИЯ (исходном языке)» [4]. Дальше он развивает мысль следующим образом: «Если возникнут какие-либо расхождения в понимании, то переводчик может внести необходимые изменения в переведённый текст. Например: путем добавления пояснительных элементов в перевод там, где читателям не хватает необходимых базовых знаний о переведённом тексте:

‘В 1958 году были сделаны первые записи’.

‘В 1958 году этот оркестр сделал свои первые записи’» [4].

Здесь возникла необходимость предоставить дополнительную информацию, поскольку она подразумевалась в оригинальном тексте и была совершенно очевидна для читателей оригинального текста. Но в переведенном тексте эта информация требует экспликации в целях достижения коммуникативной функции читателем в полном объеме.

Существуют и другие методы, используемые для воплощения прагматического потенциала оригинального текста в переведённом тексте путем трансформации, которая включает в себя конкретизацию, обобщение, замену слова другим словом, имеющим более узкое значение и т.д. В случае с художественным произведением неизбежно возникают трудности в передаче прагматического потенциала оригинала. Основная прагматическая задача при переводе художественного произведения заключается в воспроизведении эстетического и художественного эффекта при переводе. Как объясняет В.Н. Комиссаров «переводчик стремится обеспечить понимание исходного сообщения Рецептором перевода. Он учитывает, что Рецептор перевода принадлежит к иному языковому коллективу, чем Рецептор оригинала, обладает иными знаниями и жизненным опытом, имеет иную историю и культуру. В тех случаях, когда подобные расхождения могут воспрепятствовать полноценному пониманию исходного сообщения, переводчик устраняет эти препятствия, внося в текст перевода необходимые изменения» [4].

Напротив, научно-технические тексты содержат описания и пояснительные инструкции по манипулированию окружающими объектами. Здесь коммуникативный эффект заключается в предоставлении информации, необходимой для

осуществления деятельности технического или научного характера. Если читатель такого переведенного текста способен провести описанный эксперимент с устройством, то прагматический потенциал перевода раскрыт.

Прагматическая адаптация в переводе

Прагматическая адаптация в письменном переводе — это процесс перевода, который требует, чтобы перевод вызывал желаемую эмоциональную или поведенческую реакцию на текст. Таким образом, переводчик должен сосредоточиться не на воздействии оригинального текста на читателя, а на характеристиках читателей переведенного текста, т.е. задача переводчика здесь не в том, чтобы добиться коммуникативного воздействия на читателя. Здесь переведенный текст должен быть коммуникативно эквивалентен оригинальному тексту. Или мы можем сказать, что в такой ситуации переводчик должен воспроизвести текст, параллельный оригиналу. И. Зауберг определяет прагматическую адаптацию в переводе как «переписывание исходного текста в соответствии с ситуацией в целевой культуре для достижения адекватной реакции читателей» [3]. Например: текст рекламного объявления должен обеспечивать продажу товара, что требует понимания вкусов и склонностей будущих покупателей, что приводит к созданию нового параллельного текста. В таких случаях фактическое воздействие переведенного текста можно проверить, наблюдая за реакцией слушателей во время чтения переведенного текста с необходимыми изменениями.

Как отмечает в статье Вехмас-Лехто, «существует четыре типа прагматической адаптации: добавления, пропуски, замены и перестановки» [3]. Однако не все добавления можно считать прагматической адаптацией. Иногда добавление – это всего лишь

добавление какого-либо элемента в текст. Это может быть картинка или фрагмент текста знак препинания, фраза или абзац. Также и опущение может означать удаление аналогичного уровня. Замена предполагает замещение одного элемента текста другим, например, замену целого абзаца другим абзацем. Замена может также совпадать с добавлением или пропуском текста, или с тем и другим. Изменение порядка означает адаптацию, при которой сохраняются все элементы, но они перестраиваются. Кроме того, размер и вид этих элементов могут варьироваться, или это изменение может изменить макроструктуру всего текста.

Согласно Вемасу-Лехто, прагматическая адаптация может быть необходима в ситуации многочисленных различий во внетекстовых факторах исходного текста и текста перевода. А. Нойберт объяснил прагматическую адаптацию в переводе интересным примером: «Допустим, нам нужно перевести начальные строки восемнадцатого сонета Шекспира на арабский: “Shall I compare thee to a summer’s day...” Арабский читатель, прочитав точное воспроизведение слова «летний день», отреагирует иначе, чем в тексте Шекспира. В оригинале слова «Летний день» ассоциируются с понятием красоты. Однако образ знойного летнего дня вряд ли вызовет такое же чувство у арабского читателя. Следовательно, для сохранения эквивалентности необходимо заменить сравнение с «летним днем» другим сравнением, которое может передать ту же коммуникативную установку предложения. Например, с весенним днем. Это прекрасный пример ситуации, с которой часто сталкивается переводчик, когда точная передача денотативного значения оказывается несовместимой с точной передачей прагматического значения, и переводчику приходится делать выбор в пользу последнего» [2].

Ниже приведем несколько примеров прагматической адаптации из переведенного романа Светланы Алексиевич «Чернобыльская молитва: Хроника будущего».

(i)

Жили мы в общежитии пожарной части, где он служил. На втором этаже.	हम लोग अग्निशमन विभाग के आवास में रहते थे, जहाँ वो काम किया करता था। पहली मंजिल पर।

Это очень удачный пример прагматизма. В оригинале написано «на втором этаже», что переводится как “पहली मंजिल पर”, потому что в Индии существует концепция цокольного этажа (भूतल), которой нет в России или соседних с ней странах и именно поэтому в переводе это написано, как «на первом этаже».

(ii)

«Девочки, –прошу, – мне надо срочно позвонить моим родителям в Ивано-Франковск. У меня здесь умирает муж». Почему-то они сразу догадались, откуда я и кто мой муж, моментально соединили.	“बहन, मुझे अपने माँ-बाप को इवाना-फ्रंकोव्स्क शहर में फोन करना है। मेरे पति की हालत बहुत खराब है।” उसने झट से अन्दाज़ा लगा लिया कि मैं कहाँ से हूँ और मेरा पति कौन है। उन्होंने तुरंत ही मेरी बात करवा दी।

Как мы видим, потребовалось добавить слово "शहर", так как читатель переведенного текста может не знать названия городов в другой стране. Поэтому необходимо указать контекст. На хинди в подобной ситуации мы не говорим “मेरा पति मर रहा है”, более адекватной будет фраза “मेरे पति की हालत बहुत खराब है”। Поэтому с точки зрения прагматики перевода, второй вариант будет признан более оправданным.

(iii)

Мой единственный! Любовь моя!	मेरी जान ! मेरा शोना !

В данном примере «Мой единственный! Любовь моя!» буквально переводится как “मेरे अकेले! प्यार मेरा”. Но такой перевод не передает смысл выражения в полной мере для носителя языка хинди. Поэтому следует переводить, соблюдая прагматическую адаптацию “मेरी जान! मेरा शोना !”

(iv)

Отлучилась... Возвращаюсь – на столике у него апельсин... Большой, не желтый, а розовый. Улыбается: «Меня угостили. Возьми себе».	एक बार मैं अस्पताल से बाहर गई हुई थी... जब मैं वापस लौटी, तो उसके पास मेज पर एक बड़ा संतरा रखा हुआ था, वो संतरा नारंगी नहीं, बल्कि गुलाबी रंग का था... वो मुस्कराते हुए बोला— “मुझे दिया गया है। अपने लिए रख लो”

В приведенном примере слово аспताल было добавлено, чтобы передать контекст. Кроме этого, оранжевый цвет нारंगी упоминается вместо «желтый», так как в Индии апельсин ассоциируется только с оранжевым цветом и никогда не с желтым

(v)

Их сравнивают с героями Сталинградской битвы или сражения под Ватерлоо, но они спасали нечто большее, чем родное отечество, они спасали саму жизнь.	उनकी तुलना स्तालिनग्राद की लड़ाई या वाटरलू की लड़ाई के नायकों से की जाती है, लेकिन उन्होंने अपनी मातृभूमि से भी कुछ बड़ा बचाया था।

В этом примере слова «родное отечество» были переведены как मातृभूमि, потому что в Индии существует устоявшееся понятие मातृभूमि, а не дословное पितृभूमि.

(vii)

О самом событии написаны уже тысячи страниц и сняты сотни тысяч метров киноплёнки.	इस घटना के बारे में पहले ही हजारों पन्ने लिखे जा चुके हैं और लम्बी-लम्बी फ़िल्में बन चुकी हैं।

Этот пример необходим, чтобы объяснить прагматический аспект перевода. В оригинале написано «сняты сотни тысяч метров киноплёнки», что означает “कई सौ हजार मीटर लंबी फिल्म खींची जा चुकी है”. Но на хинди это не будет иметь смысла, поэтому в переведенном тексте мы видим адекватный переводом с учетом прагматики “लम्बी-लम्बी फ़िल्में बन चुकी हैं”.

(viii)

Цвели сады, радостно блестела на солнце молодая трава.	बाग़-बगीचे हर-भरे थे, सूरज की किरणों में नई घास चहचहाती हुई चमक रही थी।

В вышеуказанном примере выражение «Цвели сады...» переведен как “बाग़-बगीचे हर-भरे थे”. Это также один из примеров демонстрации прагматики перевода.

(ix)

Радио включу. Пугают и пугают нас радиацией.	मैं जब भी रेडियो चालू करती हूँ तो उसमें हर समय विकिरण के नाम से डराते रहते हैं।

В данном примере выражение «Радио включу» было переведено как मैं जब भी रेडियो चालू करती हूँ. Такое изменение было необходимо, так как по контексту один из свидетелей трагедии говорит о повторяемом действии. Здесь по контексту указано, когда она включает радио, их пугают. Дальше глагол «пугать» указан два раза,

чтобы выразить как интенсивность действия и эмоциональный накал и возмущение говорящего. Чтобы передать данный контекст предложение «Пугают и пугают нас радиацией» было переведено на языке хинди как “तो उसमें हर समय विकिरण के नाम से डराते रहते हैं।”

(x)

Что, хозяйка, собралась?	अम्मा, तैयार हो चलने के लिए?

В этом примере слово «хозяйка» было переведено как “अम्मा” для читателя переведенного текста в соответствии с языком хинди. Потому что мы обычно называем пожилую женщину “अम्मा”.

Заключение

Прагматизм – один из важнейших аспектов перевода. Переведенный текст не должен восприниматься читателями как перевод другого произведения. Он должен вызывать у читателей те же чувства, что и оригинал. Таким образом, это балансирующий акт, и переводчик всегда должен быть очень осторожен при переводе. Переводчик должен воспроизводить текст адекватно в соответствии с нормами языка, авторской задумкой и коммуникативной задачей автора оригинального текста.¹⁰³

Литература:

Alexievich, S.A. Chernobylskaya Molitva. Khronika budushego (Chernobyl Prayer: A Chronicle of the Future), Moscow, Vremya, First published in 1997, republished in 2013. Алексиевич С. Чернобыльская молитва.Хроника будущего. М.: Время, 2013. Link: <https://www.lib.ru/NEWPROZA/ALEKSIEWICH/chernobyl.txt> (дата обращения: 2.08.2025)

¹⁰³ Данная статья является частью диссертационного исследования на соискание ученой степени PhD .

- Ma'rufjon, B., Shermatov, A. Pragmatic Adequacy or Pragmatic Compatibility between the Original and the Translation; American Journal of Language, Literacy and Learning in STEM Education; Volume 02, Issue 02, 2024 ISSN (E): 2993-2769.
- Taki, B. N. S. Pragmatic Adaptation as a Requirement in Translation: A Case of Persian and English Versions of The Shah. International Journal of English Language & Translation Studies, 2017, ISSN: 2308-5460; Link: <https://www.eltjournal.org/archive/value5%20issue1/2-5-1-17.pdf> (дата обращения: 15.08.2024).
- Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990.
- Лепухова, Н.И. Прагматический аспект перевода // Молодые ученые. № 5 (20). Частина 2, 2015. Link: [77.pdf](#)
- Рецкер, Я. И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский. М., 1981. Link: <http://lib.rus.ec/b/181193>, (дата обращения: 10.08.2025).

Д-р Сухайл Ахтар
Доцент
Кафедра иностранных языков
Алигархский мусульманский университет
Алигарх, Уттар-Прадеш

Dr Suhail Akhtar
Assistant Professor
Department of Foreign Languages
Aligarh Muslim University
Aligarh, U.P.

**Специфика интертекстуальности в литературе и кино:
анализ экранизации «Мастер и Маргарита» М.
Булгакова**

**The Specifics of Intertextuality in Literature and Cinema: An
Analysis of the Film Adaptation of M. Bulgakov's "The Master
and Margarita"**

Аннотация: В статье рассматриваются возможности интерсемиотического перевода литературного текста с акцентом на его интертекстуальные аспекты. Язык кино предоставляет режиссеру возможность не только следовать за автором первоисточника, но и с помощью кинематографических средств формировать диалогическое пространство фильма, соотнося его с литературным оригиналом. Ключевым условием успешной экранизации является выявление и визуализация скрытых смыслов произведения, а также интеграция культурного опыта современного зрителя в процессе перекодирования. В качестве материала для анализа выбран фильм В. Бортко (2005) по роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита», который можно считать удачной адаптацией. С одной стороны, фильм отражает символистскую природу произведения, с другой — создает связь между духовными мирами оригинала и экранизации, несмотря на сложности, с которыми сталкиваются кинематографисты. Также в статье исследуются интертекстуальные связи фильма с другими культурными пластами, присутствующими в романе. Особое внимание уделяется символическим образам, литературным и

историческим отсылкам, которые В. Бортко эффективно переносит на экран с помощью киноязыковых приемов. Анализируется, как фильм транслирует философские темы романа — вопросы нравственности, свободы, власти и судьбы — и как кинематографическая форма помогает современному зрителю их осмыслить. Данная статья является частью кандидатской диссертации автора.

Ключевые слова: интертекстуальность, интерсемиотический перевод, Михаил Булгаков, семиотика, экранизация

Abstract: *This article examines the possibilities of intersemiotic translation of a literary text with an emphasis on its intertextual aspects. The language of cinema offers the director the opportunity not only to follow the author of the original source material but also, through cinematic means, to shape the film's dialogic space, relating it to the literary original. A key condition for a successful film adaptation is the identification and visualization of the work's hidden meanings, as well as the integration of the modern viewer's cultural experience during the recoding process. The material for analysis is V. Bortko's 2005 film based on M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita," which can be considered a successful adaptation. On the one hand, the film reflects the symbolist nature of the work, and on the other, it creates a connection between the spiritual worlds of the original and the adaptation, despite the difficulties faced by filmmakers. The article also examines the film's intertextual connections with other cultural layers present in the novel. Particular attention is paid to the symbolic images, literary and historical references, which V. Bortko effectively transfers to the screen using cinematic techniques. It analyzes how the film conveys the novel's philosophical themes—questions of morality, freedom, power, and fate—and how the cinematic form helps modern viewers understand them. This article is part of the author's PhD dissertation.*

Keywords: *intertextuality, intersemiotic translation, Mikhail Bulgakov, semiotics, adaptation*

Интертекстуальностью является одно из ключевых понятий современной семиотики и литературоведения, позволяющее анализировать взаимосвязь текстов и культурных явлений. В данной статье рассматриваются особенности интертекстуальности на примере экранизации романа

Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» режиссера Владимира Бортко (2005). Фильм является успешной попыткой интерсемиотического перевода литературного текста на язык кино, что делает его важным объектом исследования. В данной статье мы проанализировали интертекстуальные аспекты фильма, включая его связь с оригинальным текстом романа, символическими образами, историческими и культурными отсылками. Мы также рассмотрели, как киноязык способствует передаче философских тем романа и создает диалогическое пространство для современного зрителя.

В семиотических исследованиях текст воспринимается как система знаков (в форме слов, изображений, звуков или жестов и др.). Текст образуется от совокупности знаков и является составным явлением, но он не интерпретируется с точки зрения составных его частей, а целостно как один знак (Danesi 15). Согласно Соссюру, базовым является язык, а тексты, основанные на нем, являются вторичным (Почепцов 187). Так, хотя семиотика изучает знаки, и образованные от знаков текст, но предметом семиотики станет текст в целом. Текстом в семиотике является значительная часть в ходе исследования структурно-семиотического анализа тех или иных предметов, без существования текста никакое исследование не подвергается семиотическому анализу. Барт в ходе исследования текста определяет, что «текст при этом понимается как пространство, где идет процесс образования значений, то есть процесс означивания <...> Текст подлежит наблюдению не как законченный, замкнутый продукт, а как идущее на наших глазах производство, «подключенное» к другим текстам, другим кодам» (Барт 424).

Текст является ключевой единицей коммуникации, средством хранения и передачи информации, формой

культурного выражения, продуктом конкретной исторической эпохи, а также отражением психической жизни человека и других аспектов (Садченко 104-111). Текст представляет собой микросистему, которая функционирует «в обществе в качестве основной языковой единицы», и обладающая смысловой коммуникативной законченностью в общении (Колшанский 35).

Интертекстуальность впервые употребляется в работе постструктуралиста Ю. Кристевой (Kristeva) в 1960-х годов, с тех пор многие ученые постструктурализма, литературоведения, и семиотики начали использовать и применять этот термин в своих исследованиях. Она определяла её как диалог текстов, в рамках которого каждый текст воспринимается через призму других текстов (Кристева). Это понятие связано с работами Ролана Барта, который рассматривал текст как пространство, где происходит взаимодействие разных кодов и значений (Барт, S/Z). Михаил Бахтин, в свою очередь, вводит понятие диалогизма, подчеркивая, что тексты всегда находятся в диалоге друг с другом (Бахтин). Теоретический дискурс о диалогизме Михаила Бахтина заложил основу интертекстуальности. Бахтин в свою очередь приходит к выводу о диалогических отношениях между текстами и внутри текста (Еременко). Таким образом, понятие интертекстуальности имеет свое наличие в работах Р. Барта, М. Бахтина, Ю. Кристевой, Ю. Тынянова, Ю.П. Солодуба, И.А. Фатеева, И. П. Смирнова, Ю. С. Степанова, Н.А. Кузьминой, Т.Ю. Аветовой, Х. Плетта, У. Эко и т.п.

Борис Гаспаров объяснил, что «Создание и интерпретация значений не являются чисто ментальными проблемами; они всегда несут на себе отпечаток языка, используемого в процессе. Творческая воля говорящего делает эти части языка

гибкими; она изменяет, смешивает и переосмысливает их, приспособляя их к намерению говорящего» (Gasparov 3). К интертекстуальным элементам относятся: аллюзия, цитата, калька, плагиат, перевод, стилизация, пародия и т.п. Примером интертекстуальности является заимствование и преобразование автором предшествующего текста или ссылка читателя на один текст при чтении другого текста.

Самую релевантную и применяемую типологию интертекстуальности дал Ж. Женетт (Женетт). По его классификации, интертекстуальные элементы можно разделить на пять категорий: интертекстуальность, паратекстуальность, метатекстуальность, архитекстуальность, и гипертекстуальность. По определению Ж. Женетта, интертекстуальностью является эффективное присутствие одного текста в другом тексте (ср. цитата, плагиат или аллюзия). Паратекстуальность – отношение литературного произведения к его паратексту (название, подзаголовки, предисловие, примечания). метатекстуальность определяется как отношение комментария, которое объединяет текст с другим взятом текстом. Архитекстуальность называется отношение текста и рода, к которому он принадлежит. Гипертекстуальность определяется любое отношение, объединяющее настоящий текст Б (гипретекст) с предыдущим текстом А (гипотекстом).

Согласно Роману Якобсону, интерсемиотический перевод предполагает переход смысла из одной знаковой системы в другую (Якобсон). По определению О.С. Ахмановой в словаре лингвистических терминов, интерсемиотический перевод – это «передача данного содержания не средствами того же или другого естественного («словесного») языка, а средствами какой-либо несловесной семиотической системы,

такой как хореография, музыка и т.п., с одной стороны, и информационно-логические языки – с другой» (Ахманова).

Интерсемиотический перевод представляет собой область новых языковых процессов, потому что она имеет тенденцию производить разные привычки манипулирования знака и интерпретации. Тем не менее, есть небольшое количество теоретической работы систематически выпускается об этом явлении. Действительно, явление интерсемиотического перевода является сложным в определении и сравнении с аналогичными явлениями (например, межъязыковой перевод). Так, интерсемиотический перевод включает в себя системы довольно различного характера, его анализ создает дополнительные трудности в любом теоретическом подходе в соглашении с логикой семиотических процессов. Одно из последствий нашего подхода является важность, приписываемая существенности и динамике, связанной с интерсемиотическим переводом, и установление приоритетов семиотических свойств иерархических отношений между исходным языком (литературой) и переводящем языком (экранизация или фильм).

Экранизация является формой интерсемиотического перевода, который подразумевает перекодирование литературного текста на язык кино. Ключевым условием успешной экранизации является выявление и визуализация скрытых смыслов произведения. Приближает экранизацию как интерсемиотический перевод к онтологии перевода С. Выслоуха, утверждая, что особенностью экранизации также является серийность, т.е. на основе одного текста можно снять бесконечное количество фильмов (Wysłouch 175). В

своей работе, П. Тороп объясняет интерсемиотический перевод в разделе экстратекстового перевода, и также сравнивает его с экранизацией. По словам Торопа, «попытки сравнивать экранизацию и перевод приводят к необходимости сопоставления языков литературы и кино. Существование языка кино очень неразработанная и противоречивая проблема и ясно только то, что литературный текст в любом случае разлагается в процессе экранизации на части, т.е. текст выводится из свойственного ему вербального состояния и можно говорить об экстратекстовом переводе. Хотя и у языка есть свои визуальные средства, средства иконизации, все же трудно сопоставлять отдельные образы» (Тороп 164-165).

В 2005 году режиссер Владимир Бортко снял фильм по одноименному роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». В случае фильма Бортко это означает не только сохранение смыслов романа Булгакова, но и создание новых значений через визуальные и звуковые образы. В фильме Бортко это достигается за счет использования символических образов, таких как фигура Воланда, образы Иешуа и Понтия Пилата, а также сцены балов и казней, которые передают философские и нравственные идеи романа.

Фильм Бортко сохраняет ключевые сюжетные линии и символику романа, одновременно внося изменения, обусловленные спецификой киноязыка. Например, диалоги и монологи персонажей воспроизводятся практически дословно, что подчеркивает уважение режиссера к тексту Булгакова. Однако визуальные и музыкальные решения добавляют новые уровни значений. Так, сцены московского бала у Сатаны приобретают гротескный характер благодаря игре света и тени, музыкальному сопровождению и операторской работе.

Одной из наиболее выразительных черт фильма является использование символических образов. Образ черного кота Бегемота, например, интерпретируется не только как комический персонаж, но и как символ хаоса и абсурда. Роман Булгакова содержит множество отсылок к библейским, историческим и литературным текстам. В фильме эти отсылки усиливаются за счет визуализации.

Фильм эффективно транслирует ключевые философские темы романа: вопросы морали, свободы, власти и судьбы. Так, сцены допроса Иешуа у Пилата передают идею неизбежности морального выбора. Музыкальное сопровождение и монтаж усиливают драматизм и значимость этих моментов, делая их понятными для современного зрителя.

Интертекстуальность в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» и его экранизации Владимира Бортко проявляется через множественные отсылки к литературным, философским и религиозным текстам.

Булгаков встраивает в текст своего романа интерпретацию образа Иисуса Христа, опираясь на религиозно-философские исследования русских мыслителей Серебряного века. История Иешуа Га-Ноцри является переработкой евангельского сюжета, представленной через взгляд Мастера. Автор подчеркивает человеческую сущность Иешуа, что противопоставляет традиционному православному акценту на божественности Христа (Мережковский 134). Герой Иешуа заявляет, что не помнит своих родителей, а его отец, вероятно, сириец. Это отсылает к Талмуду и мифологической традиции, ставя под сомнение православные христианские взгляды.

В фильме Бортко визуально акцентирует физическую хрупкость Иешуа, его изможденный облик и простоту.

Это перекликается с описанием героя в романе и усиливает ощущение его человечности. В фильме особое внимание уделяется сценам с Пилатом, где взаимоотношения между Иешуа и прокуратором поданы с философским подтекстом, развивающим мотивы романа.

В романе Берлиоз на Патриарших прудах перечисляет языческих богов (Озирис, Аттис, Дионис и другие), пытаясь убедить Ивана Бездомного в мифологической природе Христа. Это выводит фигуру Иешуа на уровень мифологической традиции, подчеркивая его универсальность. Бортко сохраняет эту сцену практически без изменений, создавая визуальный контраст между разговором о богах и внезапным появлением Воланда, который олицетворяет сатану. Эти отсылки визуализированы через монтажные кадры и реплики героев, акцентирующие мифологическое наследие и параллели с христианством.

Булгаков напрямую указывает на связь с "Фаустом" Гёте через эпиграф, имена героев и сюжетные ситуации. Имена героев указывают на влияние Гёте (Мастер сравнивается с Фаустом, а Маргарита с Гретхен). Эпиграф романа заимствован из «Фауста», а Воланд в значительной степени перекликается с образом Мефистофеля. Воланд выступает одновременно и сатаной, и своеобразным судьёй, оценивающим человеческую природу. В фильме музыкальное сопровождение и мизансцены бала у сатаны напоминают сцены из гётевской трагедии. Особое внимание уделяется загадочной ауре Воланда, что усиливает параллель с Мефистофелем. Мастер и Маргарита как аллюзия на Фауста и Гретхен усиливается сценами с магическими атрибутами (Гёте).

Булгаков вплетает идеи Дмитрия Мережковского, Платона, Павла Флоренского и других мыслителей. Например, идея равновесия Духа и Плоти и концепция надмировой памяти. Булгаков вводит в текст концепцию надмировой памяти, разработанную философами Серебряного века (Флоренским, Лосевым, Булгаковым), что проявляется через связь Мастера и Ивана Николаевича Понырева, осознающего свою миссию (Флоренский 211). Бортко использует световые и звуковые эффекты, чтобы подчеркнуть мифологический и философский контекст произведения, например, сцены с лунным светом, символизирующим трансцендентность. Этот мотив передан через контраст серой советской действительности и ярких, мистических сцен, связанных с прошлым Иешуа.

В романе образ Левия Матвея символизирует искажение учения Иешуа. Левий, записавший его слова неверно, становится причиной путаницы, напоминающей конфессиональные разногласия в христианстве. Бортко визуализирует это через мрачные сцены с участием Левия, подчёркивая его внутреннюю борьбу и резкое отличие от спокойного Иешуа.

В романе отсылки к «мнимостям в геометрии» Павла Флоренского, к символизму Гоголя и Андрея Белого обогащают текст. Цитатная природа романа позволяет воспринимать его как диалог с предшествующей литературой. В фильме сцены, где Воланд читает мысли героев или говорит об их судьбах, напоминают диалоги о предопределении и случайности в русской философии.

В романе Иван Бездомный видит продолжение истории Иешуа во сне, что создает эффект интерактивности текста и его повторяемости. Бортко использует переходы между сном, реальностью и воспоминаниями, чтобы визуально передать размытость границ между произведением Мастера и реальной жизнью.

Булгаков противопоставляет секулярный подход Берлиоза к жизни и духовное пробуждение Ивана Бездомного, что отражает конфликт эпохи: стремление к осмыслению религиозных ценностей на фоне господствующего атеизма. В фильме Бортко этот конфликт усиливается через смену визуальных планов: холодная и упорядоченная Москва против яркой и хаотичной сцены бала у Воланда.

Эти примеры показывают, как Булгаков и Бортко через интертекстуальные связи создают сложное многослойное произведение, в котором религиозные, философские и мифологические идеи переплетаются, образуя единую мифопоэтическую систему. Эти интертекстуальные примеры делают роман и фильм Бортко глубокими размышлениями о месте мифа, религии и искусства в жизни человека. Экранизация романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» режиссера Владимира Бортко является ярким примером успешного интерсемиотического перевода, в котором интертекстуальность играет ключевую роль. Фильм не только сохраняет основные смыслы оригинального текста, но и обогащает их новыми значениями, создавая диалогическое пространство между литературой и кино. Использование символики, культурных отсылок и философских тем делает экранизацию важным объектом для дальнейших исследований в области интертекстуальности.

Литература

- Danesi, Marcel. *Messages, Signs, and Meanings: A Basic Textbook in Semiotics and Communication Theory*. Toronto: Canadian Scholars' Press Inc, 2004.
- Gasparov, Boris. *Speech, Memory, and Meaning*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2010.
- Kristeva, Julia. *le Texte du Roman: approchesémiologique d'une structure discursive transformationnelle*. Walter de Gruyter, 2013.
- Wysłouch, Seweryna. *Literatura a sztuki wizualne*. Wydawn: Nauk. PWN,, 1994.
- Ахманова, О.С. *Словарь лингвистических терминов*. Изд. 5-е. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
- Барт, Ролан. *S/Z*. Москва: Эдиториал УРСС, 2001.
- Барт, Ролан. *Избранные работы: Семиотика: Поэтика*. Ред. Г. К. Косикова. Москва: Прогресс, 1989.
- Бахтин, Михаил. *Проблемы поэтики Достоевского*. Москва: Художественная литература, 1972.
- Булгаков, Михаил. *Мастер и Маргарита*. Лондон: «JiaHu Books», 2013.
- Гёте, Иоганн Вольфганг. *Фауст*. Москва: Эксмо, 2012.
- Еременко, Е.Г. ""Интертекстуальность, интертекст и основные интертекстуальные формы в литературе." *Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем* (2012): 130-140.
- Женетт, Жерар. *Палимпсесты: литература во второй степени*. Москва: Наука, 1982.
- Колшанский, Геннадий Владимирович. *Коммуникативная функция и структура языка*. Москва: URSS, 1984.
- Кристева, Юлия. "Бахтин, слово и роман." Косикова, ГК. *Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму*. Москва: Издательская группа "Прогресс", 2000. 536.
- Мастер и Маргарита (мини-сериал, 2005), режиссер – Владимир Бортко, сценарий – Владимир Бортко и Михаил Булгаков. Студия «Телеканал «Россия»», Релиз на DVD «CP-Digital», 2006.
- Мережковский, Дмитрий. *Иисус Незвестный*. . Москва: Республика, 1997.
- Почепцов, Г. Г. *Семиотика*. Москва: Рефл-букВакер, 2002.
- Садченко, В.Т. "Текст как объект лингвистической семиотики." *Вестник Челябинского государственного университета* 29 (2009): 104-111.
- Тороп, Пеэтер. *Тотальный перевод*. Tartu: ülikoolikirjastus, 1995.
- Флоренский, Павел. *Имена*. Москва: Прогресс, 1994.
- Якобсон, Роман. "О лингвистических аспектах перевода." Якобсон, Роман. *Избранные работы*. Москва: Прогресс, 1985.

Д-р Арчана Кумари
Научный консультант
IGNOU, Нью-Дели

Dr Archana Kumari
Academic Counsellor
IGNOU, New Delhi

Лиминальность в ритуалах, связанных со смертью в России

Liminality in Rituals Associated with Death in Russia

- ***Without Mortality, no History, no Culture - no Humanity***

Аннотация: Смерть — важный обряд и кульминация серии ритуалов, соблюдаемых в течение целых «обрядов перехода». Человек совершает различные обряды на протяжении своей мирской жизни, но после его ухода из этого мира члены его семьи и другие выжившие совершают его предсмертный обряд, чтобы он был счастлив в загробном мире. Хотя этот обряд соблюдается и после смерти, он по-прежнему очень важен, поскольку существует народное поверье, что загробный мир ценнее настоящего. Поскольку он считается последним обрядом, каждая религия и общество совершают его по-своему. Ритуалы, связанные со смертью, демонстрируют лиминальность или переходную фазу для умерших и умерших. Цель данной статьи — описать лиминальную фазу в ритуалах, связанных со смертью в России.

Ключевые слова: «Обряды перехода», похороны, предки, лиминальность, смерть, табу, смерть-осквернение, разделение, инкорпорация, общество.

Abstract: Death is an important rite and the culmination of a series of rituals observed during whole 'rites of passage'. A man performs various rites throughout his worldly life, but after his death from this world his family members and other survivors perform his death rite so

that he will be happy in the next world. Though this rite is observed after death, it is still very important, because there is a folk belief that the next world is more valuable than the present one. As it is considered the last rite so every religion and society perform it in a specific way. The rituals associated with death show the liminality or transition phase for the diseased and the beavered. The present article aims to describe the liminal phase in the rituals associated with Death in Russia.

Keywords: 'Rites of Passage', funerals, ancestors, liminality, death, taboos, death-pollution, separation, incorporation, society.

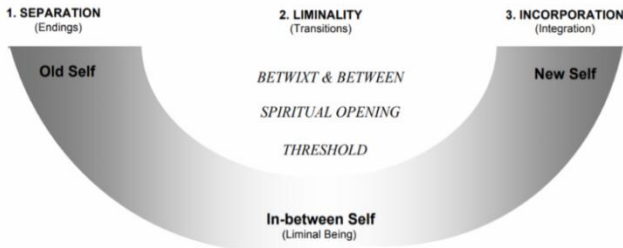
Introduction

In Russia, death is an important rite. The rituals related to it are an amalgam of Christian and Pagan beliefs. However, the impact of the Soviet official policy of scientific atheism after the 1917 revolution greatly restricted the activities of the church. In Russia, people believe that death rituals are helpful in the smooth transition for the deceased into the other world and also helps the living people by protecting them from any evil spirit. As per them, these rituals are important for both the dead and the living. In Russian folk tradition, there is a notion of 'good death' and 'bad death'. The former refers to the death that happens when someone is very old and in the presence of family members and relatives. Such death is called "their own". Another one is bad death. It happens when a person dies very early before the time God fixes for him. There is a famous proverb in Russia "One does not die when old, but when ripe". Collectively, these deceased people are called '*roditeli*' (ancestors). This death is called the terrible demise and also "not their own". This happens generally because of sudden accident, suicide etc. Such death is taken negatively by the folk conscience. In Russian society, in bad death, the deceased doesn't get an appropriate burial. He/she can be buried here and there and sometimes only

rocks or sticks are kept to cover the dead body. Their funeral procession is taken by a different route. There is also a belief in Russian people that the “good” death is a good omen and brings good harvests, on the other hand “bad” or tragic death brings tempests, droughts and different types of devastation.

Death is the last among ‘rites of passage’. The term ‘rites of passage’ has been given by French anthropologist Van Gennep. These rites are considered as the vehicles of transition from one sociocultural phase to another and found in all cultures and societies. According to him, these are the rites that mark the main events such as birth, marriage and death, of human beings. He further said that all rites have three stages – rites of separation or *preliminal* rites, rites of transition rites or *liminal* rites and rites of incorporation or the post-*liminal* rites. In the first stage-rites of separation a person gets separated from the normal life and hence, this is the state of loss of identity. The second stage-the transition phase is the "in-between" time in which the participant has lost his old identity, but has not yet been fully re-incorporated into the community with a new identity. The third stage is rites of integration, in which the novice is reincorporated into the community. Here, the participants move out of the isolation and join the community with a new identity. These three stages can be understood through the following diagram-

Understanding Change Through the Rites Of Passages Framework
By Gisela Wendling, PhD. 2008

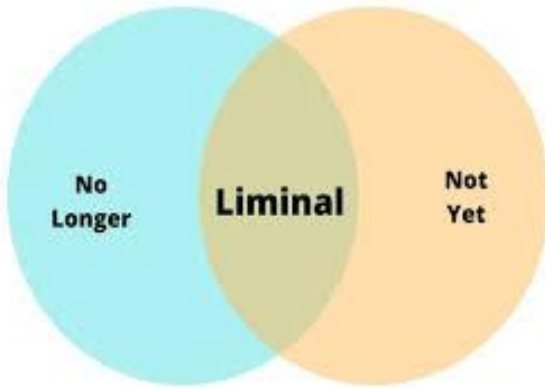

Liminality has derived from the Latin the word “limen” that means “threshold”. Turner says that liminality or liminal stage is actually a disorienting and unstable condition and the entity who is in the liminal stage don’t have any characteristics of the last state but acquire the ambiguous characteristics. He even compared liminality with death, darkness, and even solar or lunar eclipse.

Liminality in Death Rituals in Russia

Liminality or liminal stage is the second stage of “Rites of passage”. It can be defined as the stage of “being and yet not being”. However, later Victor Turner (1920) elaborated the concept of liminality and said that this phase is not just an intermediate or between and betwixt condition. This phase is used to inculcate values in the individual and also to invoke self-doubt. According to him, “in liminal periods individuals experience a sense of ‘communitas,’ or intense awareness of being bound together in a community of shared experience.” This is the “betwixt and between” stage where the individuals don’t have a defined social status. In other words, Turner says, in this situation no

entity is socially more or less. In fact, the status of each entity going through the liminality becomes homogeneous. The following diagram showing the liminality status -

The transition or liminal period in the death rituals in Russia starts the moment a person dies and is incorporated into the other world. It is a transitional period for both- the dead one and living relatives and family members. During the time, rituals are done that are basically for the purification of the dead one and complete separation from the former stage. Emile Durkheim termed death rituals as Piacular rituals and observes, “piacular rituals perform a social function of returning the mourner to normalcy and rehabilitate him or her as a functioning member of society. He argues that with the help of these rituals, people control guiltiness, if any, towards the dead one and also manage their grief.

Now death rituals are being described showing how liminality is obvious in them. All rituals associate with death are as follows-

Rituals just after Death

After a person's death, candles are kept lit and no mirror in the house is kept uncovered or open. Besides, water is kept in the house but thrown out because there is a belief that the souls of the dead can be trapped by the water and mirrors due to their reflective nature. This soul on earth might not let the dead go quietly and peacefully.

The people of the neighbourhood, society and village come and gather to pay their final visit to the dead and to console the members of the bereaved family. Olson, (2012) says, in Russian culture, everyone from the community considers his or her duty to the deceased, more than to the living because it lightens the burden and eases the passage of the deceased as he or she travels to a new place. The relatives who are not present and unknown of the bad news are called by sending messengers or by other means. Now the dead body is in liminality, as it is in transition from its earlier state as a living body towards decay and disintegration. Now the deceased is present in a spiritual form that is a soul and also starts keeping distance from the living so that it can settle down in another world. Victor Turner says that the liminal period is mainly polluting as per the principle 'which is unclear is unclean'.

Rituals of Washing and dressing the dead body

To get rid of this death -pollution, purificatory rituals are observed and then the lost purity is re-established for performing further life-cycle rituals. The deceased and the bereaved family, both are regarded as polluted. So, before entering into the new stage, they have to undergo the purification. In Russian culture, washing or cleaning by water is the most important gesture for purification.

Before the cremation, the dead body is bathed. The body is washed so that life energy can be taken off. Bouchard

(2004) points out that in a Dual-Faith setting (in which Orthodoxy and folk tradition are combined) this ritual prepares the deceased for his or her meeting with God. Generally, washing is done immediately after death, but sometimes it is done before death of the dying person. Generally, married women (not relatives) wash and then wrap it in a white shroud but the head and hands are kept uncovered. These women are given all the clothes and other belongings of the deceased. During the washing, the eyes of the dead are closed and covered with coins. Sometimes, the feet and hands are also tied. All the materials used during washing are thrown away or given to the women who washed the dead body. The water is thrown where no one would walk. The trimming of the nails is also done for the purification of the dead body.

Ritual of Dressing for the burial

In some parts of Russia, married women are worn wedding dresses for burial. This dress is preserved by them for this occasion only. In South Siberia, handmade clothes are used for the deceased that are slightly left unstitched because it is said that this belongs to another world. In some parts of Russia, when an unmarried girl dies, then she is dressed in wedding attire. The friends are also dressed up when they come to her funeral. The unmarried girl's funeral is done in the way of a wedding. A young lad is chosen as a groom who is in wedding attire and accompanies her to the burial. Likewise, when an unmarried man dies, a girl is chosen as a bride and dressed up in wedding attire to accompany the deceased to the burial. Actually, the idea behind this custom is that everyone has to complete the full circle of his/her life cycle- birth, marriage and death. So, if an unmarried person dies, he/she has to pass this stage even after death. In Russia, the old people start preparing their burial dress.

The old ladies do it very happily. Olson explains how an old woman says “A burial is like a wedding; death is a life stage, like being married, for which one must prepare so like a wedding death requires the proper costume to mark the change in status”. There is a taboo in rural Russia not to show their hair after marriage and so even after death her hair is covered with a white cap or shroud that is prepared by women themselves or other women after the death. The older women always have the desire to look good even after death in her future life too.

Curiously, depending on different regions, as Olson claims, there are various ways to dress the deceased; for example, “the female corpses are used to be dressed from the left to the right while male from the right to the left. In South Siberia, generally, a handkerchief is fastened encircling the waist and a coin is also kept in the deceased’s hand. There is a belief that in the long journey, the handkerchief will be useful in wiping the face and the dead body can buy space in the other world by the coin given in the hand. As per other belief, coins also help the deads in crossing the river between the living and other or deceased worlds. However, it said that the custom of giving coin to the dead one is very common among the Slav people. During dressing, the deceased is also worn a belt that has a significance in both Christianity and folk rituals. In Christianity it said that this belt is needed in resurrection during the Last Judgment. So somehow it is a symbol of an individual’s commitment to Christianity. As per Russian folk culture, belts prevent the wearer from evil spirits. Sometimes, nail cutters are also kept into the coffin as people believe that it will help in climbing mountains.

In Russian culture, the washed and dressed body is kept properly in a lying posture in the house. Before keeping it in the coffin, it is in the same condition for three days. During this period, no cleaning is done, nothing is taken out of the house and relatives and others keep visiting to bid goodbye

by bringing a candle along. As Turner says, one of the important characteristics of liminality is that subjects in this stage often face taboos and also, they have to keep themselves hidden. When women take care of the dead body, at this time they start singing lamentations and reading prayers. This is done by the older female relatives and sometimes professional lamenters are also hired for this purpose. In the meantime, no one is permitted to sleep with the dead body in the house.

Ritual of Preparation for carrying the dead body

In Russia, carrying a dead body coffin (гроба) is prepared. For ancient Russian people coffin symbolises the home after death. Plotnikova (1999) says, according to the folk view of the world, the coffin is understood as a symbol of house, the grave as a symbol of the dwelling, whereas the house, the courtyard or even the garden, as well as the churchyard, are supposed to be the settlements of the dead. Sometimes, coffins are also termed as the “new living room”. It is not prepared by one’s own family members but by others. People don’t do any household work such as, cleaning, sweeping the floor etc before burial and even for forty days after burial. The coffin is made very comfortable. In some areas of Russia, it used to have even windows. The number of windows was one in a child’s coffin and two for adults. Inside the coffins, all the necessary elements that the deceased used when he was alive are kept. These items include –eatables, clothes, a beverage, linen, towels, shoes and birch twig to take bath in the next world etc.

Ritual of The Funeral

Traditionally in Russia, funerals are performed exactly on the third day after the death. It is the right of incorporation

of the deceased in the world of death. Relatives and villagers take part in it. It is not performed after sunset. It is said that the sun shows the way to the new abode to the separating spirit of the body. People also don't return from there by the same route but the different route so that the bad spirits get confused.

A funeral banquet is organised after the burial by the family members of the deceased. People from the entire village take part in it. They also keep a seat for the deceased because it is believed that it also comes for the meal. Having food with a spoon is not allowed because the soul can be pricked by such objects and might not take part in it. The burial ritual and feast after it are considered very significant by Russian folk. The main motto of the former one is to get rid of the belongings of the dead person, and latter one is to help the soul to get back to the origin place

Rituals after Funeral

Russian people give food items to the poor after the funeral for forty days in the honour of the dead-one. Most important events after the burial included an additional funeral feast (*pominki*) on 9th, 20th and the 40th day. On these days, the family members and relatives go to the grave and keep food and drink and give a funeral meal to others. The 40th day is considered very important because as per the belief the soul of the dead leave the earth on this day. On this day the transitional period for the dead one's ends. And, after this time, the dead soul is finally incorporated into the new world-the world of the dead (ancestors). On this day, whole family and society members come together for another funeral meal in the memory of the dead. Interestingly, for the family members and other bereaved, the incorporation to their society begins when they take part in the communal feast. Until this, the dead and the living both remain in liminality. After the reincorporation, the normal life pattern that was being

followed before the death, also ends psychologically. Sometimes, this mourning period extends for a year. And during this time, the bereaved are not allowed to host any happy ceremonies.

Conclusion:

Thus, we can say that death rituals for the Russian peasantry are not the end of life but the synthesis of life and death and the main axes of the human life cycle. Liminality is very clear but complex in these rituals related in Russia. The family is considered polluted as being in contact with the dead body. Since death rites continue to be performed for a certain period, the members of the deceased family and the clan are separated from contact with the rest of the society so that they may not pollute and bring danger to other community-members. During the death-pollution, many superstitions and taboo are also observed. This death experience and the mourning period of the family come to an end after the final funeral meal. The suspended social order is restored and everyday life is picked up again.

References

- Bouchard, Michel. Graveyards: Russian ritual and Belief pertaining to the dead. 2004.
- C. G. M. Robben, Antonius. Death, Mourning, and Burial: A Cross-Cultural Reader. John Wiley & Sons, 2017.
- Maaker, Erik De. "Ambiguous Mortal Remains, Substitute Bodies and other Materializations of the Dead among the Garo of Northeast India". *Ultimate Ambiguities*. New York: 2015
- Gennep, Arnold. Rites of passage. London, 2004.
- Olson. J. Laura. The Worlds of Russian Village Women – Tradition, Transgression, Compromise. IUP, 2012.
- Willoughby, Jeanmarie Rouhier. Contemporary Urban Russian Funerals: Continuity and Change. *FOLKLORICA - Journal of the Slavic, East European, and Eurasian Folklore Association*. 2007

Turner, W. Victor. *The Forest of Symbols: Aspects of Ndembu Ritual*. London: Cornell University Press, 1967.

---- *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*. Transaction Publishers, UK, 1995.

Plotnikova, Anna. *The Earthly Loci of Death: the Coffin, the Grave, the Cemetery*. Slovensky Etnographiski Muzei. 1999.

UNIT 2 RITUALS AND SYMBOLISM. eGyankosh

<http://egyankosh.ac.in/bitstream/123456789/41293/1/Unit-2.pdf>
(accessed on 27th August 2025).

Glass Wendling, *Understanding Change Through the Rites of Passages Framework* PhD. 2008.

<https://share.google/images/r5sNpCFZFOy8GqBZD> (accessed on 25th August 2025).

Risman, Barrie. *Living in Liminality*. 2020.

<https://www.barrierisman.com/blog/living-in-liminality> (accessed on 28th August 2025).

Д-р Абхиджит
Научный сотрудник
Центр изучения внутренней Азии
Школа международных исследований
Университет Джавахарлала Неру

Dr Abhijeet
Research Scholar
Centre for Inner Asian Studies
School of International Studies
Jawaharlal Nehru University

**Изучение вклада Ивана Минаева в формирование
индийско-российских отношений.**

**Exploring Ivan Minayev's Contribution in Forging India-
Russia Relations**

Аннотация: *Дипломатические отношения между Индией и Россией были установлены в 1947 году, однако межчеловеческие связи имеют многовековую историю. Они начались с путешествий Афанасия Никитина и в дальнейшем укреплялись визитами купцов и учёных. Среди многих индологов особое место занимает имя Ивана Минаева, который не только следовал маршрутами Афанасия Никитина, но и провёл значительное исследование Индии. В данной статье рассматривается путешествие Ивана Минаева по Индии и его влияние на российско-индийские отношения.*

Ключевые слова: *российско-индийские отношения, дипломатические отношения Индии, Афанасий Никитин, Иван Минаев, купцы и учёные*

Abstract: *India's diplomatic relations were established in 1947 however the people to people connect has been centuries old. It starts with the travels of Afanasy Nikitin and further it was strengthened by the visits of both merchants and scholars. Among many Indologists the name of Ivan Minayev finds a special mention, he not followed the routes of Afanasy Nikitin but also did a significant study on India. This paper discusses Ivan Minayev's journey within India and its impact on India-Russia relations.*

Keywords: *India-Russia relations, India's diplomatic relations, Afanasy Nikitin, Ivan Minayev, Merchants and scholars*

Introduction

India and Russia share a close diplomatic relation, the first attempt to develop diplomatic relations with India was undertaken in 1646 when the Tsar Alexei sent Nikita Siroyezkin to head the first India mission. However, they could not reach India as the Persian Shah Abbas did not allow them to pass as he was at war with Shah Jahan during that time. Then in 1651, Rodion Pushnikov headed the second mission to India but it also failed to reach India as it got harassed and robbed in Persia. In 1670, Boris Pazukhin explored a route through Central Asia and in 1675 Mohammed Kasimov was sent by this route. He reached Kabul but Aurangzeb turned down the initiative, and the diplomatic ties could not be established. Finally in 1695, Semyon Malenkiy, who headed the fourth mission, managed to reach Surat and spent three years in India. However, due to the weakening Mughal Empire and the increase of European control over India the ties could not be established, and finally the diplomatic relations were established in 1947 after almost 250 years (The Embassy of the Russian Federation in the Republic of India).

In addition to the diplomatic relations one aspects which makes the India-Russia relations unique is the feeling of connectedness between the masses. India and Russia also share a strong people to people connection that dates back to many centuries. It was in the fifteenth century that Afanasy Nikitin, a merchant from the city of Tver which is situated on the banks of river Volga and in the north of Moscow, carried out his travels to and within India and stayed in India for three years. He described his experiences in *A Journey across Three Seas* (Gapanovich). However, his sojourn in India didn't get much attention in

Russia, and it took more than four centuries to get its due recognition. Also, the little knowledge about India in Russia began changing slowly from the 1630s when the Indian merchants started settling in Astrakhan, which was a port city at the Caspian Sea. Soon, the Indian merchants became successful, and they were carrying out trade in the inner cities of Russia, including Moscow. But after the early 1920s the business community based in Astrakhan ceased to exist as the trade opportunities had diminished (The Embassy of the Russian Federation in the Republic of India).

The cultural relations of India and Russia has existed even before the establishment of diplomatic relations. A number of scholars played an important in paving the way for stronger ties between both the countries. There are two personalities whose works are of importance when we discuss the Russian interest in India, Afanasy Nikitin and Ivan Minayev. While Afanasy Nikitin can be said to be the path breaker, Ivan Minayev was definitely a remarkable milestone. Between Afnasy Nikitin and Ivan Minayev a number of prominent figures did remarkable work and strengthened Indology. Gerasim Lebedev of Yaroslavl, one of the pioneers of Indology in Russia, came to India in 1875 and spent twelve years here. In 1795 he founded the first European-style drama theatre at Calcutta and published the first Bengali-Russian dictionary in addition to several books on linguistics. Similarly, in 1788 the Russian translation of Bhagavad Gita was introduced by Nikolai Novikov (Malhotra). Similarly, another prominent name is Nicholas Roerich who travelled to India and delved into the studies of Indian culture and philosophy. In the field of literature works of literary giants like Leo Tolstoy and Alexander Pushkin have left a profound impact on Indian readers. Similarly, Indian cinema has been very famous in Russia (Indian Embassy in Moscow).

This article discusses the accounts of Ivan Minayev's visit to India between 1874 and 1886. He left a vast scholarly legacy, and his pupils Dr Sergei Oldenburg and Prof. Fyodor Sherbatskoi took it further.

Ivan Minayev in India

Ivan Minayev was born in 1840 in Tambov, Russia. He attended university in St Petersburg where he studied Sanskrit and Buddhism. He visited India between 1874 and 1886, during which he travelled from Calcutta to Lahore, and visited Bihar, Kumaon, Punjab, Rajputana, and remote areas of Nepal. His personal accounts provide rich information. In his travelogues he has presented India as a "sleeping giant" which is living, suffering, learning, thinking and fighting for its future.

One of the methods that distinguished Minayev was his direct study of primary sources. Rather than narrowing his interpretations on the studies by other scholars he looked into the original texts. Further he also did an extensive fieldwork which provided him firsthand experience. In addition to these he did a comparative analysis, juxtaposing Afanasy Nikitin's observations with the 19th century realities. Minayev also correlated the archaeological discoveries, epigraphical and written sources related to history of Buddhism (Chelysheva (b)).

Minayev worked extensively on Buddhism and has been recognized as a prominent scholar on the subject across the world. He did fundamental research on Buddhism and Pali philology and he also translated early Buddhist works and worked on phases of its development. His work on the Pali language has served as text book in India for studying the grammar. Minayev's M.A. thesis, titled "Patimokkha Sutra, Buddhist religious service book, published and translated," approved in 1869, became a matter of intellectual discussion not only in Russia but also in Europe. Similarly, his Doctoral thesis "The Essay on Phonetics and Morphology of Pali Language" which was

translated into French and English and was used in India for a long period of time as a text book to study Pali language. One of the significant publications of Minayev, "Paradigms of Sanskrit Grammar," which was considered as the best book to study Sanskrit was published in 1889. Minayev considered the research on Buddhism as cultural, historical and social phenomena, and one of his major works "Buddhism. Research and Materials" Volume 1. Edition One and Two, published in 1887, was based on this methodological approach only (Chelysheva).

In 1875 during the summer, he embarked his three-month long journey in Kumaon on his trip through India and Nepal. He presented his experience of his journey on foot from Almora to Mussourie during which he came across wedding processions and people singing *Bhagavata Purana*. He found Kumaon even more beautiful than Switzerland. Minayev's works present a glimpse of the historic geography and fascinating aspects of Indo-Russian links and helps fill the void in the history.

A significant contribution of Minayev was that he studied and recorded an extensive and unique collection of folklores from the Kumaon Hills. His interests in the ethnographic study with folklore as its base was not an accidental one. He compiled the famous folklore of the native people which were performed at the Almora market and contained fairy tales, legends and parts of the well-known "folk farce" after the completion of his expedition in the Garhwal and Kumaon regions of the Central Himalayas. Minayev preserved in form of his notes 47 fairy tales and 23 legends which were part of the lively narrative tradition of Paharis and were at the brink of extinction. Minayev's efforts played an important role in preserving the tradition of popular folklore in its complete form. With a sense of deep responsibility, he tried to record and translate the content and meaning of these wonderful depictions of Indian culture in most accurate manner. Some of these

folklores were published during the lifetime of Minayev and some in the end of nineteenth century after his death. Some of the major works included "Indian Fairy Tales and Legends, collected in Kamaon in 1875" (published in 1876)", "Almora's Singers" (published in 1876), "Folk Drama Performances in Almora during Holi Celebrations" (published in 1891), "Indian People's Song about the New Tax" (published in 1893) and "Kamaonian Songs" (published in 1895). Some of his books were also published in the 1950s and 1960s. However, a large part of his research remained unpublished and he remained little known.

In 1878, the details of his first voyage got published under the title, "The Essays about Ceylon and India. From the travelling experience of a Russian", this not only contained detail description about the archaeology, architecture and historical monuments but also the daily life of the masses in these countries. However, notes of his second and third journey couldn't get published for a long period, it was only in the 1955 that finally after a process of systematization which was carried out during different periods the Russian Academy of Sciences published it under the title "Travels in and Diaries of India and Burma". It was published in India after five years.

The Russian academics were aware about Minayev's works and experiences on Buddhism and India. The conversation between Minayev and Leo Tolstoy is well known, though they met accidentally in 1883 in the city of Tula but they spent a whole day together discussing about Minayev's experiences in India and his research on Buddhism. In the same year they met again in Moscow and Minayev also sent many books, including his own on Buddhism and on India to Tolstoy (Kadakin). He also took interest in India's freedom movement and was one of the attendees of the organizational meeting of the Indian National Congress in Bombay in 1885.

Minayev was so much impressed by India that in 1886 when his third voyage was coming to an end and he was sailing off from Bombay on the ship "Australia" he wrote "And I feel sorry to leave India ... As if I wake up from the very pleasant dream." in his "Travels in and Diaries of India and Burma." Minayev done extensive studies on India even though a large part of his research has remained unknown not only to the common masses but also to the Indian academic community but even the little things which came out has significantly helped in strengthening India-Russia ties. Minayev's work has been taken further by Dr Sergei Oldenburg and Prof. Fyodor Sherbatskoi and played an important role in presenting India to the academics in Russia.

Conclusion

Ivan Minayev accounts present an important source for enhancing understanding about India in Russia when there was limited interaction between both the countries. His work laid the groundwork for future generations of Russian scholars to study India. It also highlights the role of soft power in strengthening ties between two countries. It further underscores the important role of scholars and travelers in promoting understanding about each other's countries and help in building a positive perception of each country.

References

- Chelysheva (b), Irina. *Russia Beyond*. 2010. 16 October 2025. <https://www.rbth.com/articles/2010/12/24/time_travels_scripting_the_wonder_called_india>.
- Chelysheva, Irina. "Ivan Pavlovich Minayev and His Contributions to the Indian Studies." Vanina, Prof. Eugenia and Dr. Irina Chelysheva. *Old India: Notes on Afanasy Nikitin's "Voyage Beyond the Three Seas" by Ivan Minavev*. New Delhi: Har-Anand Publications, 2010. 13-27.
- Gapanovich, J. J. "Afnasy Nikitin's 'Journey across Three Seas'." *Journal of Australian Universities Language and Literature Association* 20.1 (1963): 331-340.

Indian Embassy in Moscow. *India-Russia Cultural Relations*. n.d. 16 October 2025. <<https://indianembassy-moscow.gov.in/india-russia-cultural-relations.php>>.

Kadakin, Alexander M. "Foreword." Vanina, Prof. Eugenia and Dr Irina Chelusheva. *Old India: Notes on Afnasy Nikitin's "Voyage Beyond the Three Seas" by Ivan Minayev*. New Delhi: Har-Anand Publications , n.d. 8.

Malhotra, Ajai. *India Russia Relations*. 20 March 2015. 25 August 2025. <<https://www.mea.gov.in/distinguished-lectures-detail.htm?250>>.

The Embassy of the Russian Federation in the Republic of India. *The Embassy of the Russian Federation in the Republic of India*. 2025. 19 August 2025. <https://india.mid.ru/en/history/articles_and_documents/history_of_diplomatic_contacts_between_russia_and_india_in_the_17th_century/>.

Д-р Динамани
Преподаватель
Центр японских исследований
Университет им. Джавахарлала Неру

Dr Dinamani
Assistant Professor
Centre of Japanese Studies
Jawaharlal Nehru University

***Ты не умрешь: поэтический отклик на русско-
японскую войну***
***Thou Shalt Not Die: A Poetic Response to the Russo-
Japanese War***

Аннотация: Современная японская литература после Русско-японской войны изобиловала рассказами, стихами и лирическими повестями, посвященными русско-японской войне. Большинство произведений прославляли победу Японии и отражали торжествующий дух, царивший в стране. Однако были и те, кто терзался угрызениями совести, беспокоясь о сопутствующих разрушениях и опустошении, которые принесла война. Одной из таких литературных фигур была Акико Ёсано, которая стремилась описать душераздирающие чувства родителей и членов семей солдат, отправившихся на войну во имя славы Японской империи. Акико писала в японском контексте, но её послание универсально, и поэтому оно остаётся верным как для Японской империи, так и для царской Российской империи. Этот подвиг Акико Ёсано считается великим интеллектуальным мужеством, поскольку она бросила вызов широко распространённой идеологии тэнносэй в начале XX века. Правда, её голосу не уделялось должного внимания, и он постепенно затих в какофонии националистического ура-патриотизма и военного безумия. Однако послание стихотворения Акико «Ты не умрёшь» со временем приобрело известность и в конечном итоге стало гимном пацифистов и антивоенных активистов в Японии и других странах. В данной статье исследуется контекст стихотворения «Ты не умрёшь» и анализируются его достоинства как литературного

инструмента для пропаганды мира на фоне нарастающего пронзительного боевого клича.

Ключевые слова: Русско-японская война, «Ты не умрёшь», идеология тэнносэй, ура-патриотизм, гимн, пацифист, боевой клич, литературный инструмент

Abstract: *The contemporary Japanese literature following the Russo-Japanese War was replete with stories, poems and descriptive lyrical tales featuring Russo-Japanese War. The majority of literary pieces celebrated the victory of Japan and reflected the tone of triumphant mood that prevailed in the country. However, there were a few conscience-stricken individuals who worried about the collateral destruction and havoc of the war. One such literary figure was Akiko Yosano who cared to write about the heart-wrenching feelings of the parents and family members of soldiers who went to the war in the name of glory of Japanese empire in the making. Akiko wrote in the Japanese context but her message is universal and therefore this remains true for both the empire of Japan and czarist Russian empire. This effort of Akiko Yosano is considered as a great intellectual courage as she challenged the pervasive tennōsei ideology in the beginning of the twentieth century. It is true that her voice was not given due consideration and slowly faded in the cacophony of nationalistic jingoism and war frenzy. However, the message of the Akiko's poem 'Thou Shalt not Die' gained prominence as time progressed and eventually became an anthem for pacifists and anti-war activists in Japan and elsewhere. This article explores the context of the poem "Thou Shalt not Die" and analyzes its merits as a literary instrument to advocate peace amid growing shrill of war cry.*

Keywords: *Russo-Japanese War, Thou Shalt not Die, tennōsei ideology, jingoism, anthem, pacifist, war cry, literary instrument*

A subdued but effective literary voice during the war-period is one of the several distinctive features of Japanese literature. It shows that immanent compassionate element has always been present as an integral part of Japanese literature which intermittently finds its expression through stories, legends, poems novels and other literary means. It is a daunting task for any literary figure to speak of peace when country is intoxicated by an ambition of glory. However, there has always been sensitive beings who went

against the prevailing mood and advocated peace in times of war, sang of life in times of death and preferred creation over destruction. In the history of modern Japan, one encounters such a scenario during Russo-Japanese War when the poet Akiko Yosano (1878-1942) wrote a poem to a soldier saying “*thou shalt not die.*” She expressed the sensitivity and feelings of families who suffered in silence due to ongoing Russo-Japanese War and later her poem earned the repute of an anthem for Japanese pacifists and anti-war pacifists.

A decisive showdown that occurred between Russia and Japan in 1904-05 defined the geopolitical future of East Asian region. The impact of the Russo-Japanese War was overwhelming and it was reflected in various dimensions. The contemporary Japanese literature following the Russo-Japanese War was replete with stories, poems and descriptive lyrical tales featuring Russo-Japanese War. The majority of literary pieces celebrated the victory of Japan and reflected the tone of triumphant mood that prevailed in the country. However, there were a few conscience-stricken individuals who worried about the collateral destruction and havoc of the war. One such literary figure was Akiko Yosano who cared to write about the heart-wrenching feelings of the parents and family members of soldiers who went to the war in the name of glory of Japanese empire in the making. This effort of Akiko is considered as a great intellectual courage as she challenged the pervasive *tennōsei* ideology in the beginning of the twentieth century. It is true that her voice was not given due consideration and slowly faded in the cacophony of nationalistic jingoism and war frenzy. However, the message of the Akiko’s poem ‘*Thou Shalt not Die*’ gained prominence as time progressed and eventually became a slogan for anti-war and peace-loving people in Japan and elsewhere.

The Road to War

The quest of power was always there in the deepest recess of Japanese psyche which was waiting for an opportune moment to express itself. This national '*will to power*' expressed itself for the first time in Japanese history during the formative years of Meiji period. Japan embarked on a journey of complete overhaul of the socio-political structure and prepared the edifice for rapid modernization of the nation. The most remarkable aspect of the process was keeping the spirit of Japan untouched while undergoing a complete material transformation. Within the span of about 25 years, Japan revolutionized itself beyond recognition.

The coming years represented a saga of burgeoning power, remarkable affluence, and courage leading to glorious triumph against heavy odds. Once a nation gripped by the fear of getting colonized by Western powers was now prepared to wield such an extraordinary power that could challenge even the long-established powers of the age. The arrival of Japan on the international stage pronounced an upheaval in the regional order of the Eastern region of Asia. Japan emerged as a force to be reckoned with by all parameters of power. The four extraordinary feats that Japan achieved during this period were the end of extraterritoriality clause, a sterling victory over China in Sino-Japanese War, the Anglo-Japanese treaty and a glorious victory in the Russo-Japanese war. The foundation of an awe-inspiring example of a modernized nation that is visible today in Japan was laid during this era.

Japan was caught up in the game of security dilemma and in the context of raging struggle of regional hegemony it started harboring a desire to build a Japanese empire. The power that emerged in a response to counter the colonial and imperialist powers ended up becoming the worst imperialist nation in the region. As a result, it went to war with Czarist Russia, the established regional power of the day and gained a fabled victory. This proved to be

especially devastating for the people in both the countries as they had to make the real sacrifice by sending their loved ones to the front with no or very little hope of their homecoming from the war.

Literary Response to the War

The ambition to become an unparalleled power in the East Asian region was given a great impetus by the victory of Japan in Russo-Japanese war in 1905. The nation seemed to be intoxicated by this glorious victory and a nationalistic frenzy reigned supreme across the nation. But some conscience-stricken figures were aware that such an ambition never comes without a price and sometimes it can be unbearably heavy. It is a common knowledge today that the journey that began by defeating China in 1895 ended in 1945 with the unprecedented Atomic bombing of the two cities in Japan namely Hiroshima and Nagasaki. Many literary figures such as Tayama Katai, Futabatei Shimei, Uchimura Kanzō and others wrote in the backdrop of the Russo-Japanese War and highlighted the dark side of the war. However, a poem written by Akiko Yosano became so prominently popular that it became an anthem for the pacifists and anti-war activists in Japan. In this poem, Akiko used her literary craft to the best effect to express the futility of war and its legacy of suffering and anguish for common people. The war renders our existence absurd by bringing the bestiality of man to the fore and Akiko considered it an intellectual responsibility and social necessity to call out its futility.

In order to meet the demand of inexhaustible reserve for army men, Japanese army recruited young men from across the country and sent them to the front with a bleak possibility of coming back home. It was not only the death in the battlefield but the horrifying experience of everyday life at the frontier that had a diminishing influence on the will to live. The families who learned about the death of their boys suffered in silence amid the raging nationalistic

shrill that prevailed in the country. In such a morbid setting, Akiko Yosano wrote a poem which represented the voice of such feelings of many people in Japan.

Yosano Akiko and ‘Thou Shalt not Die’: One of the powerful expressions of impact on families who sent their young men to fight in war is found in the poem of Akiko Yosano. She wrote it addressing to her younger brother who was fighting in the battle of Port Arthur. The poem ‘*Kimi Shinitamau Koto Nakare*’ meaning ‘Thou shalt not Die’ is premised on the fact that the innocent people were paying the price for the imperial ambition of Japan. The empire is built with the blood, sweat and toil of the innocents who are young and full of life. It is hard for their parents to bear the untimely death of their dear ones in its pursuit. In keeping with the conventional literary practice and convenience, the poem will be referred to as *Kimi*.

The poem *Kimi* was published in the October 1904 issue of *Myōjō*, a magazine by her husband Yosano Tekkan and herself, when Japan and Russia were engaged in the fateful war. The poem seems very personal and it was dedicated to mitigate the belligerent intent of her younger brother Sōshichi, but it made a larger ideological point as well. Every fighting soldier (*senshi*) was seen as the brother, referred to as *kimi*, and every family closely identified with the essential appeal of the poem. The poem transcended the personal confines and assumed a universal appeal for everyone who saw the absurdity of war. She also questions, perhaps in the most radical manner, the relevance of fighting and dying in the name of the emperor. By doing so, she shook the very foundation of the ideology of emerging Japanese empire and its pivot, the emperor. The victory brought the glory to the emperor but not without paying the price for it. Hebert P. Bix made this point in his celebrated book “Hirohito and the Making of Modern Japan.”

“The ensuing conflict cost an estimated 110,000 Japanese lives and ended with a brokered peace, no indemnities, riots in the capital, and the prospect that someday Russia would seek revenge. Emperor Meiji played no role in the fighting but nonetheless again added luster to his image.”

Akiko Yosano also advocated the primacy of existence over the ideological foundation *bushido* which formed the basis for the action of Japanese military. The existential urge runs counter to the traditional Japanese values that required the Japanese military even in the Meiji period to live and act in accordance with *bushido* ideals and die for the nation if the need arises. It is considered as the greatest honor to die for the nation while serving the emperor who is the living god appearing in the human form (*arahitogami*). The most extraordinary example in this regard is the supreme-sacrifice of General Nogi Maresuke, who committed *seppuku*, ritual suicide along with his wife following the death of the Meiji emperor. He lived like a samurai even in the new age which primarily meant a loyal servant of the nation and the emperor.

Akiko had denied the poem's ideological overtone and asserted that it is only her personal and not principled position on the absurdity of war and hence her poem should not be used as a pretext for political polemic. Later she became a strong proponent of Japanese empire and expressed her reverence to the emperor of Japan. About the response and acceptance of the poem Doron B. Cohen observes:

“The debate over Akiko's poem occupied the press for several months until it gradually died out. Most of the responses were hostile ones, although several writers rose to her defense. Akiko herself would prove that her anti-war position was a personal rather than an ideological one.”

What is noteworthy about the approach of Akiko Yosano is the tone and tenor of the poem. In a country like Japan characterized by its nationalism based on the symbol of the emperor, it was difficult to offer a criticism during wartime frenzy. However, those who decided to critique it they did it with a special consideration to the language and its sharpness. They often spoke in a faint, subdued whisper and concentrated only to get across the point to the sensitive and compassionate hearts. Donald Keene, a keen observer of Japanese literary spectrum, clarified it as a general rule that there was no literary resistance to the war in Japan (1971, 209). However, Akiko made her point in the most explicit manner and therefore faced a huge resistance from a group of writers in the country. However, it emerged as a poem that touched millions of hearts and urged to renounce war and save lives on both sides. The poem resonated with the heart and minds of Japanese people and became immortal as a symbol of pacifism amid raging belligerent tendencies of powers to be of which the new Japan was an integral part.

Akiko Yosano's Fear and Concern: The title of the poem '*Thou Shalt Not Die*' has a poignant appeal to live on in the face of all challenges and not chose death under any circumstance. Akiko was fearful of the prevailing atmosphere of nationalistic fervor which nurtured war and death wish of soldiers. They all were motivated to die for the nation and the emperor without any consideration of their own life. Young soldiers who returned due to injury were treated and sent back to the battle only to die. They were being used as a suicide bombers or human bullet. In Japan, the proclivity to die for the nation and its glory is considered paramount. In Japan, there is a strong philosophical support to such tendencies. It is referred to as the philosophy of Cherry Blossoms (*sakura tetsugaku*) or the philosophy of young samurai (*wakazamurai*). It is based on a Buddhist concept of transience (*mujō*) which

maintains that every existing thing lasts only for a brief time and soon it perishes. The best example cited to advocate this philosophy is flowering of Cherry Blossoms. It looks extremely beautiful and people love to go and watch it in bloom. However, in a matter of a few days its petals get scattered and the beauty vanishes while representing the existential truth that nothing lasts forever. The same is true about a young samurai or soldier who presents the purest form of a man in prime with effusive vitality. Akiko knew this self-effacing trait of her brother and feared that he may also chose to be an instrument of death by making supreme sacrifice and being used as a human bullet. It is the same death cult that came to be known as kamikaze during the Second World War in which pilots used themselves and their planes as an effective bomb. They often used to take these measures in desperate situations and destroyed enemy vessels and thereby making the supreme sacrifice. The soldiers who laid down their lives in the battle fields were highly glorified and legends were created around their stories of sacrifice. They were revered as *kami*, meaning divine figure by Japanese people. This tradition heightened the spirit of offering the supreme sacrifice for the nation and the emperor. The brother of Akiko, Sōshichi, was very young and surely had this sacrificial trait in his personality. This fear lurks constantly behind the mind of Akiko that his brother may choose to die and therefore she reminds him of everything that he may consider worth living and loving for. She has used the elements of literature in the poem that evoke eros or the will to live.

In the first stanza, Akiko is trying to bring home to her younger brother the importance of life and how has he been nurtured by the parents. How they shower their love to him and equipped him with life-affirming values.

“Please do not die” or “Thou Shalt Not Die” [*Kimi Shi ni Tamau Koto Nakare*]

Oh my brother, I weep for you

*Please do not die.
 you are the youngest
 and our parents love you the most
 But they surely did not teach you
 To swing a sword and take lives?
 While bringing you up till you were 24,
 Did they teach you to kill and die?*

In the second stanza Akiko writes about the emperor of Japan who is apparently the symbol of the nation and the pivot of the empire. She comes to the true message of the poem that renders the war absurd and calls into question the cult that sacrifices life in the name of the emperor. She makes the point that the emperor is only a rallying point and he does not pay the personal price. This is surely the most radical and controversial stanza of the poem.

*Please do not die,
 The emperor is not going to the battle by himself
 Yet seems to tell people
 To spill one another's blood,
 To die like beasts,
 And seems to say dying is honorable;
 Because the emperor has deep feelings,
 What could he be thinking?*

In the third stanza, she tries to remind him of the tender side of his heart and expresses the feelings of the wife of his brother. This is where she is trying to evoke eros or the will to live by emphasizing that his life is paramount to someone who is waiting for his homecoming. She has hardly begun her life and all her life's dreams are hanging by a thread.

*Your delicate and young wife cries
 Lying behind the curtain,
 Did you forget her,
 You have not lived together*

*For more than 10 months,
Please think of a young woman's heart,
You are the only one in the entire world,
Who else can all of us rely on?
Please do not die.*

Conclusion:

It took a long pursuit of *tennōsei* ideology which led to incessant wars until it came to a bitter collapse in 1945 leaving behind an indelible scar on Japanese psyche. It was felt that it would have been wise to avoid the painful experience of warfare. Those who spoke out against the populist war-cry looked, in hindsight, sagacious and prescient. The poem *Kimi* assumed a new meaning as reality stared in the eyes of Japan in the post-war era. The literary figures and historians now reevaluate the legitimacy of the *tennōsei* ideology and celebrate the intellectual dare of Akiko Yosano. The arguments of all these years were summed up as:

“The outlines of the arguments are these: *tennōsei* ideology was the product of the modern emperor system, of the period from 1890, when the Meiji Constitution established the new political structures of modern Japan, until 1945, when these structures collapsed with the surrender. The Meiji government is described as having developed this ideology to legitimize itself and support its modernizing programs.”

The message of *kimi* was suppressed as the *tennōsei* ideology reigned supreme and the literary class also reacted sharply to it at the time of its publication. It turned Akiko into one of the most controversial figures in Japan. She was accused of betraying the role of a poet during national crisis which asked for using the poems to exhort

the hearts and minds of people to fight for the nation. She was countered by the nationalist poets of the time and engaged in rancorous debate over the issue of the responsibility of a poet to support the war through their craft. She was subjected to a series of invectives and met with life-threats as her house was stoned in its wake. However, as time passed and Japan was humbled by the bitter lesson of history by paying an unforgettable price for its unreasonable bellicosity and ambition. In the new age (*shinjidai*), Akiko's poem *kimi* earned the repute of a resonating voice that sang amid all challenges and fought for the lasting human value that is perpetual peace. In the 1950's after her death, the *Kimi* was made mandatory in the high school syllabus. Her poem became an anthem for the protestors against the revision of Article-9 of the peace constitution which remains an unfinished project of the dominant Liberal Democratic Party and other patriotic political factions. It is immortalized as a flashing beacon that urges people to not resort to war for it leaves a psychological wound which takes years to heal. Once the voice celebrating life over death, peace over ravages of war, *eros* over *thanatos*, left a legacy that will echo until the end of time.

References:

- Bownas, Geoffrey and Anthony Thwaite, trans. & eds. *The Penguin Book of Japanese Verse*, Revised Edition. Penguin Books, London, 2009.
- Doron B. Cohen. *Christianity in Japan and its Impact on Literature: A Short Introduction, The Place of Christianity in Modern Hebrew and Japanese Literature: Its Roots and its Contemporary Expressions*-The 10th CISMOR Annual Conference on Jewish Studies, 2020.
- Gluck Carol. *Japan's Modern Myths: Ideology in the Late Meiji Period*, Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 1985.
- Holtom, D.C. *Modern Japan and Shinto Nationalism: A Study of Present-Day Trends in Japanese Religions*, University of Chicago Press, Chicago, 1943.
- Kato Shuichi. *A History of Japanese Literature From the Man'yōshū to Modern Times*, Japan Library, Richmond, Surrey, 1997.

- Keene, Donald, ed. *Modern Japanese Literature from 1868 to Present Day*, Charles E. Tuttle Company, Rutland, Vermont and Tokyo, 1956.
- Mackie, Vera. "Liberation and Light: The Language of Opposition in Imperial Japan." *East Asian History* No. 9 (June 1995), pp.121-142, 1995.
- Nitobe Inazo. *Bushido-The Soul of Japan*, New York, 1905.
- Okamoto, Shumpei. *The Japanese Oligarchy and the Russo-Japanese War*, Columbia University Press, New York, 1970.
- Passin, Herbert. *Education and Society in Japan*, New York: Teachers College Press.
- Rexroth, Kenneth and Ikuko Atsumi, trans. & eds. (1977), *Women Poets of Japan*, New York: New Directions, New York 1965.
- Rimer, J. Thomas and Van C. Gessel, eds. *The Columbia Anthology of Modern Japanese Literature, Volume 1: From Restoration to Occupation, 1868-1945*, Columbia University Press, New York, 2005.
- Sato, Hiroaki. *Japanese Women Poets: An Anthology*, M.E. Sharpe, Armonk, NY and London, England, 2008.
- Steve Rabson, Yosano Akiko, "Brother, Do not Give Your Life", published on October 1, 1904 (translation by Steve Robson, with some changes.)

Париджат Бхаттачерджи
Преподаватель
Школа языков Амита
Университет Амита, Харьяна

Отабек Хомидов
Преподаватель
Школа языков Амита
Университет Амита, Харьяна

Parijat Bhattacharjee
Assistant Professor
Amity School of Languages
Amity University, Haryana

Otabek Khomidov
Teaching Associate
Amity School of Languages
Amity University, Haryana

Культурная гибридность Индии и России в цифровую эпоху

Cultural Hybridity of India and Russia in the Digital Age

Abstract: *This article presents a comprehensive analysis of the phenomenon of cultural hybridity in the context of society's digital transformation, focusing on the examples of India and Russia. It explores how digital technologies and network-based forms of communication contribute to the emergence of new models of identity, grounded in a dynamic interplay between local cultural practices and universal influences. This paper also examines how historical narratives, language, and digital content shape both, individual and collective identities. It highlights the positive dimensions of digital*

hybridity, such as the expansion of cultural diversity, the inclusion of marginalized groups, and the use of technology for cultural education, while also addressing challenges related to questions of authenticity, the rise of online nationalism and the risks of digital amnesia. This article emphasizes the need for a flexible cultural policy and an effective regulatory mechanism that can ensure a balance between preserving national identity and engaging with the shared digital environment.

Аннотация: В статье проводится всесторонний анализ феномена культурной гибридности в условиях цифровой трансформации общества на премьеры России и Индии – государств с глубокими историческими и культурными традициями. Исследование раскрывает, каким образом цифровые технологии и сетевые формы коммуникации способствуют формированию новых моделей идентичности, основанных на динамическом сочетании местных культурных практик и универсальных влияний. Особое внимание уделяется роли цифровых платформ, социальных сетей и виртуальных сообществ в процессе возникновения гибридных культурных форм и переосмысления традиционных культурных кодов. Анализируются влияние исторических нарративов, языка и цифрового контента на конструирование как индивидуальных, так и коллективных идентичностей. Рассматриваются положительные стороны цифровой гибридности, расширение культурного разнообразия, вовлечение маргинализированных групп, использование технологий в целях культурного просвещения, наряду с проблемными аспектами, связанными с вопросами аутентичности, проявлениями сетевого национализма и рисками цифрового забвения. Исследование подчёркивает необходимость выработки гибкой культурной политики и эффективных механизмов регулирования, обеспечивающих баланс между сохранением национальной идентичности и интеграцией в общее цифровое пространство.

Ключевые слова: культурная гибридность, глобализация, цифровые платформы, социальные сети, формирование идентичности

Современный мир характеризуется всё более глубокой взаимозависимостью культур и трансформацией традиционных форм идентичности. В условиях цифровой эпохи, когда коммуникация выходит за пределы территориальных границ, понятие культурной гибридности приобретает особую значимость. Для таких стран, как Индия и Россия, обладающих богатым историческим и культурным наследием и сложной социальной структурой, феномен культурной гибридности открывает новые возможности для формирования идентичности как на индивидуальном, так и на коллективном уровне.

Культурная гибридность, объединяющая многообразные культурные влияния, выступает ценным аналитическим инструментом для понимания того, как личности и сообщества ориентируются в мобильном и изменчивом мире. В настоящей статье рассматриваются взаимодействие цифровых медиа и культурной гибридности, а также то, каким образом процесс конструирования идентичности в Индии и России трансформируется в цифровом пространстве. Особое внимание уделяется вопросам: каким образом новые формы коммуникации способствуют возникновению гибридных культурных практик, какую роль играют исторические нарративы и традиционные культурные маркеры в создании цифровой идентичности и каким образом новые гибридные формы идентичности переосмысливают как глобальные, так и национальные культурные дискурсы?

Понятие культурной гибридности предполагает не простое смещение, а динамический синтез элементов различных культурных систем, который приводит к возникновению качественно новых форм идентичности и способов общения. В отличие от

процессов культурной унификации, при которой, локальные особенности теряются в глобальном контексте, гибридизация способствует сохранению уникальных черт при одновременном условии внешних влияний, формируя порой многослойную, мозаичную структуру идентичности.

Информационная революция, цифровизация, коммуникация и интенсивное развитие сетевых платформ и средств массовой информации открывают принципиально новые возможности для межкультурного обмена взаимодействия и становления транснациональных сообществ. В таких условиях становится возможным не только ускоренное распространение мировых тенденций, но и переосмысление традиционных культурных кодов.

Культурная гибридность, в трактовке Хоми Бхабхи, Стюарта Холла и Нестора Гарсия Канклини, оспаривает представление о фиксированных культурных идентичностях. Она рассматривает идентичность не как статичную категорию, а как динамичное образование, формирующееся в процессе взаимодействия, переговоров и адаптации [Бхабха, 1994, с. 37–39; Холл, 1999, с. 47–51; Гарсия, 2002, с. 15–20].

Цифровая эпоха ещё более усложнила процессы формирования идентичности, открыв новые пространства для межкультурного взаимодействия. Постколониальная гибридность изучает влияние колониального наследия на становление современных форм идентичности, в то время как культурная глобализация фиксирует перемещение символов и нарративов через территориальные и социальные границы.

Термин «культурная гибридность» вошёл в научный дискурс благодаря исследованиям Хоми Бхабхи, который подчёркивал значимость «третьего пространства» как ключевого механизма культурного взаимодействия [Бхабха, 1994, с. 112]. В условиях цифровизации «третьего пространства» приобретает особую значимость, поскольку виртуальная среда создаёт новые каналы межкультурных коммуникаций, открывает возможности для трансграничных обмен и разрушает традиционные иерархии культурного влияния. Мануэль Кастельс, в своих исследованиях цифровых медиа и идентичности, подчёркивает взаимосвязь между конструированием цифровой идентичности и процессами формирования гибридной культуры в глобализированном цифровом пространстве [Кастельс, 2000, с. 23–30].

Для России и Индии, чья культурная история насыщена процессами синкретизма, колониального и постколониального опыта, а также модернизационными проектами, культурная гибридность не является чем-то принципиально новым. Однако в условиях цифровой эпохи её появления приобретают особую интенсивность и многомерность.

Индия традиционно воспринимается как страна, в которой все сосуществуют многочисленные языки, религиозные системы и культурные практики. В эпоху цифровой революции наблюдается не только сохранение, но и переосмысление локальных идентичностей [Chatterjee, 2020, с. 146–150].

Молодое поколение активно вступает в практики культурной гибридизации, соединяя традиционные

индийские элементы с универсальными культурными кодами и создавая новые формы самовыражения. Виртуальная среда Индии характеризуется слиянием локальных культурных практик и универсальных влияний. Появление цифровых платформ позволило формировать новые формы гибридной культуры, сочетая традиционные и современные элементы.

В условиях цифровой эпохи, культурное развитие получает дополнительные импульсы: социальные сети и сетевые площадки становятся пространствами культурного взаимодействия, где молодое поколение соединяет языковые, ритуальные и музыкальные традиции с современными художественными практиками. Особое значение здесь приобретает индийская киноиндустрия, которая выступает посредником культурной гибридности, сочетая устоявшиеся повествовательные формы с общепринятыми эстетическими нормами. Одновременно формируется феномен диаспорального двуединства: индийские общины за пределами страны через цифровые каналы поддерживают духовную связь с родиной и одновременно усваивают культурные уклад стран пребывания.

В российском контексте, интерес представляет обращение к православной иконографии в виртуальной среде, сопряжённое с эстетикой киберпанка и футуризма, что демонстрирует соединение традиции и современности. Кроме того, быстрый рост цифровых музеев и архивов открывает новые возможности для вовлечения молодёжи в изучении исторического наследия и способствует укреплению коллективной культурной памяти. Популярность веб-литературы и локального контента на различных языках отражает рост культурного

представительства. Онлайн платформы, предполагающие обучение на местных языках, способствуют укреплению позиций многоязычных сообществ.

Цифровой активизм, культура мемов и различные формы цифрового искусства играют важную роль в переосмыслении нарратива индийской идентичности, обеспечивая более широкое и инклюзивное участие в дискуссиях о культурной принадлежности. Использование современных технологий при создании контента позволяет соединять традиционный фольклор с современными художественными формами, обогащая гибридные культурные практики. Таким образом, культурная гибридность в индийском контексте выступает не только фактором сохранения традиций, но и механизмом модернизации идентичности.

Россия, исторически, воспринимается как цивилизационный мост между Европой и Азией. В этом контексте культурная гибридность всегда была присуща её развитию – от византийского наследия до европеизации XVIII века и советского проекта XX столетия. Цифровая революция в России также способствовала укреплению культурной гибридности, однако в особом историко-политическом контексте. Внутреннее напряжение между стремлением к западным образцам и желанием утвердить евразийскую самобытность сегодня активно появляется в отечественном цифровом пространстве.

Цифровые платформы, такие как «ВКонтакте», Telegram и RuTube, становятся аренами культурных дебатов, где советская ностальгия соседствует с элементами универсальной культуры. Гибридность российской

цифровой культуры проявляется в музыке, кино и в литературе, где классический фольклор переплетается со современными цифровыми формами. Литература и кинематограф XXI века активно используют жанровые эксперименты, соединяя традиционные образные системы и сюжетные линии отечественной культуры с художественными моделями мировой практики.

Россия обладает особым геополитическим, культурным положением, также проходит через процессы культурной гибридности. Русский язык и Русская литература традиционно выступали в качестве опоры национальной идентичности, однако в цифровую эпоху на первый план выходит мультимедийное пространство, в котором пересекаются отечественные культурные нарративы, универсальные цифровые тенденции.

Особого внимания заслуживает феномен «русского тигрового патриотизма» – явление, при котором национальные культурные образы получают новое звучание в социальной сети, блогосфере и виртуальных игровых мирах. В то же время молодое поколение также активно осваивает и переосмысливает западные и восточноазиатские культурные образцы, что приводит к созданию гибридных моделей идентичности.

Сопоставление индийского и российского опыта выявляет как точки сходства, так и различия в механизмах культурного смешения. В обоих обществах прослеживается устойчивая установка на сохранение традиции при одновременном восприятии универсальных культурных смыслов, что сопровождается активным обращением к цифровым площадкам для самовыражения и возрастанием роли

молодёжных объединений и субкультур. Вместе с тем индийская действительность отмечена много. Голосил культурных практик, где этот тезис мужчин не поверил самых. Зачем многоголосием культурных практик, где процессы смещения формируются на пересечении многочисленных локальных самобытностей, тогда как для России характерна более напряжённая динамика, выражающаяся в стремлении сохранить культурную самобытность при неизбежном протяжении со стороны мирового цифрового пространства.

Вызовы и перспективы цифровой культурной гибридности:

Культурное смешение в цифровую эпоху несёт как возможности, так и угрозы для Индии и России. Стремительное оцифрованное культурных повествований может порождать напряжение вокруг подлинности и цельности культурной традиции. Местным общинам всё труднее хранить наследие в условиях господства массовых сетевых повествований. Возрастание сетевого национализма усиливает раскол самобытностей, что особенно заметно в обеих странах, где сетевые речи нередко подпитывают настроения национальной замкнутости. Программные отборщики содержания (алгоритмы, определяющие, какой контент показывать) порождают нравственные вопросы культурного представительства, что ведут к вытеснению менее распространённых историй. В то же время цифровая гибридность открывает возможности для включения вытесненных общин в культурных речах. Она содействует более полному отражению местных культур и может служить средством культурного посредничества, укрепляющим взаимопонимание между индийскими и российскими традициями.

Деятельность сетевых музеев и электронных хранилищ демонстрирует возможности современных технологий в деле сохранения наследия и обеспечения преемственности культурной самобытности. Применение игровых методов в просветительской практике – использование цифровых повествований, выразительных образов и интерактивных форм подчёркивает значение культурного смешения как средства обучения и вовлечения. Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются роль искусственного разума в культурном созидании и нравственных затруднениях, связанные со созданием содержания на его основе; участие зарубежных общин в формировании смешанных самобытностей посредством сетевых надгосударственных связей; проблемы хранения цифрового наследия и угрозы сетевого забвения.

Не менее важным остаётся рассмотрение вопросов государственного надзора за процессами цифрового смешения, регулирования сырьевых площадок, а также влиянием многоязычного содержания и машинного перевода на межкультурные обмен. Особый интерес вызывает излучение роли погружающих технологий, виртуальной и дополненной реальности в формировании смешанных культурных идентичностей и в образовательной практике. Культурная гибридность в цифровую эпоху несёт в себе как новые возможности, так и вызовы для России и Индии. Ускоренная цифровизация культурных нарративов порождает напряжение вокруг подлинности и целостности культурных традиций. Для местных сообществ всё более ощутимой становится трудность сохранения собственного наследия в условиях господства массовых цифровых образов.

Рост цифровой национализма усиливает поляризацию идентичностей, что особенно заметно в Индии и России, где сетевые дискурсы нередко подпитывают националистические настроения. Алгоритмы, регулирующие отбор и распространение содержания, вызывают серьёзные этические вопросы, связанные с культурными представительствами, что приводит к вытеснению маргинализации менее востребованных историй и образов. В то же время цифровая гибридность открывает новые возможности для включения ранее исключённых групп в культурных дискуссиях. Она способствует более полному и разнообразному отражению локальных культурных практик и может рассматриваться как инструмент культурного посредничества, укрепляющий взаимопонимание между индийскими и российскими культурными традициями. Работа виртуальных музеев и электронных архивов демонстрирует потенциал современных технологий в сохранении культурного наследия и поддержании преемственности идентичности. Применение игровых приёмов в культурном просвещении, цифровых повествований, интерактивных средств и образных форм подчёркивает роль культурной гибридности как действенного педагогического инструмента.

Перспективными направлениями дальнейших научных изысканий выступают: изучение роли мыслительных машин в культурном творчестве и нравственных затруднениях, сопряжённых с их содержательным производством; исследование участия зарубежных общин в складывании смешанных форм самобытности посредством сетевых надгосударственных связей; а также осмысление вопросов хранения цифрового наследия и угроз сетевого забвения. Не менее значимым представляется анализ государственного

надзора за процессами культурного смещения в цифровой среде, включающий цензурные практики, управления площадками и регулирования доступа, а также влияние многоязычного материала и машинного перевода на динамику культурного обмена. Особое внимание заслуживает также излучение роли погружающих технологий (искусственная и воображаемая реальность) в формированиях гибридных идентичностей и в образовательной практике.

Заключение

Культурная гибридность в цифровую эпоху предстаёт как многогранное и подвижное явление, ставящее под сомнение привычными представления о самобытности и принадлежности. Для России и Индии сетевое пространство превратилось в своеобразную арену, где культурные ориентиры непрерывно переосмысливаются и обретают новые очертания.

Открывая широкая возможности для личного самовыражения и межкультурного взаимодействия, смешанной формы идентичности одновременно ставят вопросы подлинности и исторической преемственности и идеологических противоречий. Осмысление этих процессов становится необходимым условием выработки гибкой и всеобъемлющей культурной стратегии в эпоху всемирных преобразований.

Литература

- Appadurai, A. (1996). *Modernity at large: Cultural dimensions of globalization* (pp. 12–15). University of Minnesota Press.
- Bhabha, H. K. (1994). *The location of culture* (pp. 37–112). Routledge.

- Chatterjee, P. (2020). Cultural homogenization in the digital era: A case study of India. *International Journal of Cultural Studies*, 23(2), 145–161.
- Гарсия Канклини, Н. (2002). Культуры гибридности: стратегии вхождения и выхода из модерности (сс. 15–20). Москва: Логос.
- Гурова, Т. П. (2021). Современные тенденции формирования цифровой идентичности в России. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, (1), 43–62.
- Кастельс, М. (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура (сс. 23–30). Москва: ГУ ВШЭ.
- Костина, А. В. (2020). Цифровая культура России: перспективы и вызовы (сс. 15–34). Москва: ИФ РАН.
- Холл, С. (1999). Вопрос культурной идентичности (сс. 47–51). Москва: Канон-Пресс.

Нимита Арья
Центр русских исследований
Университет им. Джавахарлала Неру
Нью Дели

Neemita Arya
Centre of Russian Studies
Jawaharlal Nehru University
New Delhi

Позиция йоги в России за последние 10 лет

The Position of Yoga in Russia Over the Past 10 Years

Аннотация: *благодаря йоге тело, дыхание и разум становятся взаимосвязанными. В дополнение к физическим позам и дыхательным упражнениям, в упражнениях йогой включается медитация для улучшения общего состояния здоровья. Практика йоги возникла тысячи лет назад как духовная практика. Считается, что йога зародилась в Индии. Йога развивает силу, равновесие и гибкость. Название системы йоги происходит от ее учения о том, как Дживатма, или внутренняя душа, может общаться с Параматмой, тем, кто создал эту прекрасную вселенную, и достигать свободы, или мокши. В данной статье рассказывается о важности йоги в современном мире и, в частности, в России. Дан анализ того, как йога используется в торговых отношениях Индии и России, становясь все более популярной в мире, и почему все больше и больше людей склоняются к ней. Изучая культуры друг друга с помощью йоги, мы также можем стать мостами для многих стран. Физическая практика сама по себе не делает його полноценной практикой.; она также является духовной и ментальной.*

Ключевые слова: *Практика йоги (духовная, ментальная и физическая), Дживатма, Парматма, культурный обмен, Рост и развитие.*

Abstract: *Through yoga, the body, breath, and mind are connected. In addition to physical postures and breathing exercises, meditation is*

incorporated into the exercise to improve overall health. The practice of yoga originated thousands of years ago as a spiritual practice. Yoga is said to have originated in India. Strength, balance, and flexibility are enhanced by yoga. The name of the yoga system comes from its teachings on how the jivatma, or inner soul, may communicate with the Paramatma, the one who created this lovely universe, and attain freedom, or moksha. This paper talks about the importance of Yoga in today's world and specifically in Russia. Through this paper, we will also learn how yoga is used in both Indian and Russian trade relations. Moreover, it analyses how yoga became popular in the world and why more and more people are inclined toward it. A specific focus would be on what the position of yoga has been in Russia over the past 10 years, its growth and rapid spread. By learning about each other's cultures through yoga, we can also become bridges for many countries. Physical practice alone does not make yoga a complete practice; it is also a spiritual and mental one.

Keywords: Yoga practice (Spiritual, Mental and Physical), Jeevatma, Parmatma, Culture exchange, Growth and Development.

Йога:

Один из самых популярных санскритских поэтов многовековой давности Бхартрихари сказал следующее об особенностях йоги:

धैर्यं यस्य पिता क्षमा च जननी शान्तिश्चिरं गेहिनी

सत्यं सुनुर्यं दया च भगिनी भ्राता मनः संयमः।

शय्या भूमितलं दिशोऽपि वसनं ज्ञानामृतं भोजनं

एते यस्य कुटुम्बिनः वद सखे कस्माद् भयं योगिनः॥

Это означает, что человек, последовательно практикуя йогу, может приобрести определенные чрезвычайно положительные черты характера, такие как мужество, которое защищает, как отец; прощение, которое дает мать; душевный покой, который превращается в друга на всю жизнь. Регулярная практика йоги превращает землю в нашу постель, знания - в нашу пищу, самоконтроль – в нашего брата, доброту - в нашу сестру, а истину - в нашего ребенка.

Другими словами, йога — это практика, которая означает объединение и концентрацию нашего

внимания. Слово «Йога» происходит из санскрита. Оно также может означать чувство единства с другими людьми, а также с Богом. Йога также может регулировать наши мысли и чувства. Когда мы занимаемся йогой, жизнь становится спокойнее, а мыслями можно легко управлять.

Существует мнение, что йога зародилась в Индии, как своего рода философия, обучающая тому, как установить связь с душой или духом Вселенной. Патанджали, известный писатель и философ, собрал «Йогические мысли» в знаменитой книге «Йога сутры», доказывающие, что йога помогает людям обрести покой и свободу, соединяясь с духовной энергией, которая их окружает.

Патанджали говорил о йоге в своей «Йога-сутре»

योगश्चित्तवृत्तिनिरोधः - Йога-Сутры

ЙОГА - соединять, сплавивать воедино.

ЧИТТА – сознание

ВРИТТИ – колебания

НИРОДХА – успокоение

Шри Кришна в шестой главе знаменитой книги «Бхагавад-Гита», говорит Арджуне, что йога может помочь нам обрести покой и счастье, потому что йога не только контролирует мысли и чувства, но и с помощью йога-практики мы можем преодолеть тревогу и печаль. Это можно увидеть в «шлоке», повествующем о том, что когда Арджуна был встревожен, его сердце было беспокойно, он спросил совета, и в ответ Шри Кришна сказал:

«Это правда, могучерукий,
что изменчиво сердце, нестойко;
все же знай: упражненьем, бесстрашьем
обуздать его, Партха, возможно.

Кто себя обуздать не в силах,
этой Йогой едва ль овладеет,

но подвижник, себя победивший,
зная средства, ее достигает.»

(«Бхагавад гита», VI, 35-36.)

В этих шлоках Шри Кришна утверждает, что, хотя ум действительно беспокоен и его трудно контролировать, его можно научить быть безразличным и для этого часто медитировать. Я убежден, что йогу легко практиковать тому, чей ум находится под контролем и постоянно стремится к этому, но это трудно для того, чей ум не подавлен.

Также есть много Упанишад, в которых рассказывается о йоге. Точно так же в Катха-упанишаде объясняется, что йога — это форма энергии, которая помогает нам чувствовать спокойствие и умиротворенность. Это все равно, что обладать особой способностью или могуществом контролировать свои чувства и мысли. Обладая этим могуществом, мы можем достичь высшей ступени счастья. Это помогает нам не запутываться и не обманываться вещами, которые не соответствуют действительности.

Описывая йогу, Патанджали говорит, что это способ успокоиться. Он подчеркивает, что наш ум очень подвижен и непостоянен, поэтому мы должны стараться не позволять ему слишком много думать или принимать поспешные решения. Кроме того, мы должны стараться, чтобы наше сознание не менялось слишком сильно. Слово «Читта» означает разум, и в целом оно включает в себя три части: Разум, который делает выбор, отвергает вещи, обращает внимание; Понимание и способность, которые принимают решения и различают вещи; Эго, когда мы думаем, что знаем все, это состояние самоутверждения.

«Вритти», это слово происходит от слова «Врит», которое на санскрите означает «вращаться». В целом, оно имеет значение действия, поведения, способа существования, состояния или психики. Йога — это

способ успокоить буйный ум и направить его энергию в конструктивное русло. Йога подобна могучей реке, которую разумно запрудить и направить в нужное русло, она может стать огромным резервуаром воды, спасающим от засухи и голода и создающим изобилие энергии для промышленности. Подобно реке, если взять разум под контроль, она может накапливать покой и создавать изобилие энергии для духовного роста человека. Йога также означает «Единство», и это наука о единстве. Медитация — это высшее явление, ситуация, ощущение, обстоятельства, чувство, феномен, который показывает или раскрывает, как происходит единение с реальностью.

Когда мы говорим о йоге или в связи с йогой, имя Свами Вивекананды — это одно из имен, которое может мгновенно связать нас с йогой. Он был первым человеком, который рассказал миру о йоге как о подарке Индии, в Бостоне (Соединенные Штаты Америки). Он описывает йогу как силу, которая предназначена для ума, в дополнение к физическим упражнениям. В «Бхагават-Гите» также написано, что «Йога — это своего рода путешествие от самого себя. Через себя и к себе». Эта практика адаптирована ко всем формам йоги, включая «Карма-йогу», это путь действия, «Бхакти-йогу», это путь преданности, «Джняна-йогу», это путь знания. Это также применимо ко всем физическим позам «Раджа-йоги» и «Хатха-йоги».

Недавно, 29 апреля, в Москве (Россия) была представлена программа йоги. Ее проводил Центр духовного развития. В рамках этой программы преподавались основы Раджа-йоги, которая включает в себя древние знания и практику медитации. Особый акцент был сделан на истории йоги и это вызвало большой интерес у присутствующих. Поэтому остановимся подробнее на этом аспекте.

История йоги

В древние времена считалось, что практика йоги возникла на заре цивилизации. Наука йога возникла тысячи лет назад, задолго до появления первых религий и систем верований. В йогических системах считается, что Бог Шива был первым йогом «адийоги» и первым гуру «ади гуру» (вот почему мы видели много поз йоги с помощью статуи или идола Бога Шивы, часто называемого «Натарадж»). Поэтому мы можем сказать, что в Индии. Йога - очень древняя практика.

Тысячи лет назад, в Гималаях, на берегах Канти-Саровара, Адийоги поделился своими обширными и глубокими знаниями со знаменитыми Саптариши «семью мудрецами». Мудрецы распространили йогу, мощную дисциплину, по всему миру, включая Азию, Ближний Восток, Северную Африку и Южную Америку. На самом деле, нынешние ученые заметили и были удивлены тесным сходством между культурами предков во всем мире. Несмотря на это, система йоги была полностью представлена в Индии. Знаменитый саптриши Агастья, мигрировавший по всему Индийскому субконтиненту, создал эту культуру, основанную на простом образе жизни.

Существует множество источников, на которых изображены йогические мотивы и фигуры, выполняющие йога-садхану, это были печати и окаменелости индийской цивилизации долины Сарасвати. Они также указывают на то, что йога практиковалась в Древней Индии. Печати и фаллические символы, изображающие идолов Богини-матери, намекают на тантрическую йогу. В фольклоре также можно увидеть присутствие йоги, например, в цивилизации долины Инда, ведическом наследии, Упанишадах, буддийских и джайнских традициях, Даршане, эпосах Махабхарата и Рамаяна, шиваитских, вайшнавских и тантрических традициях.

Более того, в южноазиатских мистических традициях существовала оригинальная, или чистая, йога. Это был период, когда йогой занимались под непосредственным руководством гуру(учителя) и подчеркивалась ее духовная ценность. Йога была частью упасаны, а также Садхана-йога была включена в ритуалы. В ведический период Солнце имело очень большое значение. После этого, возможно, под его влиянием была разработана практика Сурья Намаскар. Пранаяма была важной частью ежедневных ритуалов. Йога практиковалась и во времена буддизма, но великий святой Махарши Патанджали структурировал практики йоги, их значение и знания, которые были с ними связаны, а также которые также существовали в то время, и записал их в виде «Йога-сутр». Другие ученые и гуру йоги после Патанджали своими работами и практиками внесли значительный вклад в продолжение и рост этого движения. В недавнем исследовании рассматриваются исторические свидетельства существования йоги в эпоху буддизма (2700 г. до н.э.) и до времен Патанджали. Основными источниками информации о практике йоги и связанной с ней литературе этого периода являются Веды (4) (Ригведа, Самведа, Яджурведа, Атхарвведа), Упанишады (108), Смрити, буддийские учения, джайнизм, Панини, эпосы (2) и Пураны (18).

Развитие йоги началось в классический период от 500 до 800 годов до н.э., который считается ее наиболее важным и плодотворным периодом. Этот период в основном посвящен двум великим индийским религиозным учителям – «Будда и Махавира». Идеи «Ашты Магги, Панча маха врата, Махавиры и Пяти обетов», или Восьмеричного пути Будды, можно рассматривать как ранний элемент йога-садханы. «Бхагавад-Гита», которая является первой в «Бхагавад-Гита». Концепции гьяна-йоги, бхакти-йоги и карма-йоги

подробно обсуждаются в «Бхагавад-Гита». Эти три вида йоги по-прежнему являются высшими образцами человеческой мудрости, и, следуя методам, изложенным в «Гите», люди могут обрести покой. Йога-сутры Патанджали содержат различные аспекты йоги и в первую очередь могут быть отождествлены с Восьмеричным путем йоги. К Йога-сутрам Вьясы было написано несколько очень важных комментариев. В этот период уму придавалось большое значение, поскольку было ясно показано, что как умом, так и телом можно управлять с помощью йога-садханы.

Период между 800 и 1700 годами нашей эры хорошо известен как пост-классический период. 1700 год нашей эры считается пост-классическим периодом, в течение которого выделялись учения великих Ачарьятраев (Ади Санкрачарья, Рамануджачарья и Мадхавачарья). Учения Сурдаса, Тулсидаса, Пурандарадаса и Мирабаи, а также Матсиендраната, Горакшаната, Каурангината, Сватмарама Сури, Гхеранды и Шринивасы Бхатта внесли большой вклад в этот период. Традиции хатха-йоги Хатха-йоги - За это время эти известные люди помогли распространить практику хатха-йоги. Период между 1700 и 1900 годами известен как современная эпоха, когда великие йогачарьи, такие как «Рамана Махарши, Рамакришна Парамаханса», известные личности «Вивекананда и Парамаханса Йогананда» внесли свой вклад в развитие Раджа-йоги. Этот период был вершиной развития Веданты, Бхакти-йога, Хатха-йога и других направлений хатха-йоги.

В современном мире основными учениями хатха-йоги являются «Шаданга-йога» Горакшатакама, «Чатуранга-йога» Хатха-йога Прадипики и «Сатсанга-йога» Геранды Самхиты. В результате растущей популярности йоги возрастает доверие, что это реальное и эффективное средство сохранения, поддержания и укрепления

здоровья. Йогой занимались Свами «Шивананда, Шри Т. Кришнамачарья, Свами Кувалаянанда, Шри Йогендра, Свами Рама, Шри Ауробиндо, Махариши Махеш Йоги, Ачарья Раджниш, Патавиджая, Айенгар, Свами Сатьянанда Сарасвати» и другие.

Развитие йоги в независимой Индии

Согласно легенде, йогу практиковали еще до появления цивилизации. Тысячи лет назад, когда йога была изобретена, не существовало религий или систем верований. В традициях йоги Шива считается первым йогом и первым гуру.

Британцы пришли в Индию, среди многих других стран, чтобы воспользоваться преимуществами расширения торговых связей. Индия была очень знаменита своими специями, хлопком, золотом, ювелирными изделиями и шелком. То есть британцы в конечном итоге захотели больше власти и контроля над этой древней землей и начали завоевывать ее части. В то время Индией правили независимые королевства, каждое со своими правилами, обычаями и образом жизни. Любой, кто хоть что-то знает об Индии, поймет, что Индия - очень разнообразная страна. Каждый ее уголок наполнен разными языками, религиями, традициями, одеждой, едой и многим другим. В отличие от британцев, большинство индийских махараджей (королей) не имели доступа к оружию или современным военным технологиям, что делало их более уязвимыми для завоеваний.

За этот период Индия пережила множество побед и поражений. Но мы сосредоточимся только на пути йоги в борьбе Индии за свободу. К сожалению, нет официальных записей о том, что происходило с йогой в этот период. Но, основываясь на многих рассказанных историях и некоторых доступных исследованиях, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, британцы обычно думают об индийцах как о нецивилизованном народе, которого нужно учить, или они сами должны научиться тому, как жить, работать и вести себя в обществе и с людьми. Например, считалось неприличным есть руками, а использование столовых приборов считалось правильным способом приема пищи. Во многом это было связано с неспособностью британцев понять образ жизни индийцев, языковым барьером и присущей им потребностью в завоевании и контроле.

Во-вторых, британцы похитили огромное количество знаний, в результате чего между двумя странами на протяжении многих лет постоянно велась война. Система образования Индии была разрушена во многих частях. В школах был введен английский язык и принята британская учебная программа. Это разрушило древнюю Гуру Шишья Парампару, которая существовала веками и прекрасно работала.

В-третьих, залы йоги (школы) были закрыты, а в школах и колледжах было введено физическое воспитание. У молодого поколения не было другого места для занятий йогой, так что это был значительный сдвиг для общества. Это стало более заметным после обретения Индией независимости и началом практик в студиях йоги. Эта практика зародилась в основном на Западе. Кроме того, студии йоги в Индии появились только в последние пять-семь лет, в основном при школах йоги. В-четвертых, многие образованные люди, эстетики или садху были изгнаны из общества. Постепенно на йогу стали обращать внимание как на что-то вроде странных культовых практик. У йоги не было такого важного имиджа в западном мире, какой она имеет в современном мире. Британцы могли бы гораздо быстрее приобщиться к йоге, если бы она была широко распространена в западном мире.

В-пятых, после того, как на смену йоге и Аюрведе пришли английские или современные врачи и медицинская наука, йога постепенно исчезла из образа жизни большинства индийцев. Но йога пропагандировалась как средство укрепления психического и физического здоровья, благодаря усилиям нескольких выдающихся людей, таких как Махараджа Водеяр из Майсура, Свами Вивекананда, Йогананда и Шри Т. Кришнамачарья, среди многих других. После обретения независимости, когда Индия начала восстанавливаться, йога начала медленно возвращаться. И сегодня отношение людей к йоге в Индии совершенно иное. В 2014 году премьер-министр Нарендра Моди совместно с Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций «ГА ООН» предприняли все возможные шаги для того, чтобы Международный день йоги был признан международным праздником. С 2015 года этот день отмечается ежегодно 21 июня. Учитывая то, что Индия подарила миру, это важное достижение.

История йоги в России

Интерес России к йоге восходит еще до революции 1917 года. Б. Л. Смирнов (1891-1967) был известным врачом и многоязычным специалистом. В молодости он увлекался восточной философией, выступал с речью о распространении идей в Киеве в 1930 году и провел несколько лет в изгнании в Йошкар-Оле. Он также сделал русский перевод Махабхараты. Предпримем попытку выстроить некоторую хронологию.

- 1922-1930: Йога, которая была чрезвычайно популярна до революции, постепенно исчезла.
- 1930-1953: Практически не было никакой практики йоги по всей стране. Записи о йогической практике ограничены изолированными, редкими случаями.

- 1953-1960: Записи практики йоги были все еще редкими. Общественная критика йоги продолжалась, но физических преследований больше не было. Именно в это время Иван Евтеев-Волский сделал первую значительную попытку продвижения йоги.
- Годы 1960-х: В советском обществе йога стала более популярной. Пресса опубликовала первую официальную статью на эту тему. Дхирендра Брахмачари, индийский гуру, впервые совершил путешествие в СССР. Появились первые школы "Неойоги". Также Зубков, первый профессиональный инструктор по йоге, начал распространять йогу среди широкой публики.
- 1970-1988: Этот период был отмечен ростом популярности йоги; профессиональные йоги появились, особенно после просмотра в 1970 году документального фильма «Индийские йоги: «Кто они?» Печатные издания включали большое количество статей и книг, а также организации здравоохранения, спортивные команды и публичные круглые столы. Были попытки немного задушить йогу: запрет введен в 1973 году.
- 1988-1991: Золотой период йоги в Советском Союзе. Политические проблемы, связанные с йогой, были отложены, и ее популярность резко возросла. Состоялись огромные международные конференции, на которые приезжали Б. К. С. Ийенгар и другие зарубежные эксперты. Ассоциация йоги в СССР была создана в 1989 году.
- Более века назад йога была основана и в России. Исторические свидетельства предполагают, что с конца 1800-х годов члены

художественной и интеллектуальной элиты в нашей стране практикуют йогу различными способами. Известному театральному режиссёру Константину Станиславскому приписывают включение ряда йогических асан в свою систему, чтобы помочь с фокусом и вниманием. Прежде, чем они могли начать выступать, исполнители в его мастерской должны были овладеть этими асанами.

- Более ста лет спустя после начала учений Б.А. Ийенгара, в 1971 году Виктор Бойко, строительный инженер в крымском городе Севастополе и ученик Ийенгара с шестнадцати лет, перевел книгу своего учителя йоги. Позже, в 1980-х годах, советское правительство начало изучать альтернативные формы лечения. Кандидат на степень доктора наук Елена Федотова была командирована Министерством здравоохранения в Индию для изучения йоги и посещения нескольких ашрамов. После встречи с ним она смогла пригласить Б.К. Ийенгара в Россию.

- Двадцать лет спустя, в 1989 году, B.K.S. Iyengar совершила два визита в страну. Под руководством Yoga Journal Russia, были проведены уникальные семинары по всем йогическим асанам в 2009 году, которые завершали инструкциями по дыхательным методам.

Инициативы по развитию йоги в России последние 10 лет

Индия, которая также поглотила многие западные концепции, и Запад, где "мода" для йоги впервые появилась в 1890-х годах, внесли свой вклад в разнообразие иногда противоречивых идей о занятиях йогой. Занятия йогой приобрели популярность после

того, как были предложены в индийском посольстве в Москве в конце 1980-х.

Многие книги по йоге начали появляться на книжных полках в 1990-х годах; это были, в основном, переводы индийских и западных "гуру", которые имели свои собственные уникальные способы объяснения и интерпретации индийской классики.

Одновременно, любопытство к йоге как философии остается ограниченным для научного сообщества. Только в первые десять лет двадцатого века появились на русском языке произведения известных западных и индийских учёных йоги, включая С. Дасгупту, М. Элиада и Г. Ферштейна.

Российская Федерация Йоги и правительство имеют несколько программ с широким диапазоном целей и задач. Главная цель - изучать и распространять многие традиции и практики йоги, влияние асаны на тело, аюрведическую и восточную медицину, а также древние принципы самообразования и человеческого роста. Изучение классической практики йоги, а также ее современные и разнообразные вариации, а также ее спортивные достижения во всем мире представляют интерес.

Популярность йоги в России

Йога приобрела большую популярность в эти дни, не только в России, но и во всем мире. Она все больше и больше пользуется популярностью в России, и для этого есть несколько причин. В России йога становится все более популярной. Сейчас существует более миллиона практикующих йогу по всему миру, наблюдается рост в десять раз за последние 20 лет. По крайней мере одна студия йоги может быть найдена почти в каждом провинциальном городе России. В настоящее время только в столице России насчитывается более 300 студий. Индийская дисциплина предлагается в качестве спорта в

академических и дополнительных мероприятиях в российских университетах. Программа йоги, предлагаемая Московским народным университетом дружбы народов, является самой известной в образовательных учреждениях.

В 2014 году Россия была соавтором резолюции Организации Объединенных Наций, инициированной Индией для провозглашения 21 июня Международным днем йоги. С тех пор Международный день йоги отмечается по всей России Федерацией йоги России в сотрудничестве с региональными властями, дипломатическими представительствами Индии в России, социально-культурными организациями и центрами йоги. Крупнейшее мероприятие проводится ежегодно в московском историческом парке Сокольники, где более 3000 человек приходят на занятия йогой. Основные торжества состоялись в Москве 19 июня в Москворецком парке, крупнейшем и наиболее уважаемом общественном парке, вдоль берегов реки Москва. На московском мероприятии приняли участие почти 4000 российских поклонников йоги. Это был самый большой в мире праздник йоги. Празднование началось 18 июня в портовом городе Владивосток на Дальнем Востоке и продолжалось в разных местах на протяжении недели до 26 июня в Санкт-Петербурге, известном как культурная столица России.

Одним из самых больших событий 2009 года был визит Йога-гуру в Москву, который привлекал практиков со всего континента. Это послужило катализатором для национального расширения йоги во многих отношениях. Йога наблюдала резкий рост популярности в течение последних десяти лет среди людей, которые обеспокоены их духовное благополучие и здоровье. Многие молодые русские

ездят в Гоа или останавливаются в зимние месяцы для занятий йогой в таких городах, как Харивар и Ришикеш.

Анализ движения Йоги в Индии и России

На данный момент мы осознаем важность йоги в России, Индии и других странах. В частности, в последние годы йога действительно приобрела популярность в России, особенно в городах. Йога становится все более популярной среди людей всех возрастов и профессий, и ее часто рассматривают как вид спорта, физические упражнения и средство снятия стресса. Практикующие йогу из России принимают участие в семинарах, курсах и других мероприятиях. Давайте теперь рассмотрим исследование по этому вопросу, проведенное на примере России и Индии.

Историческая и культурная подоплека: йога, уходящая корнями в древние писания, такие как Веды и Упанишады, была важным аспектом индийской культуры на протяжении тысячелетий. Со временем она менялась в результате появления различных философских школ и методов. После распада Советского Союза в конце 20-го века йога становилась все более популярной в России. Поначалу ее приветствовали интеллектуалы и духовные искатели, но со временем она стала доступна более широкой аудитории.

Признание и популярность: Миллионы индийцев ежедневно практикуют йогу и эта дисциплина получила широкое признание по всей стране. Йога рассматривается как умственная и духовная дисциплина в дополнение к физической тренировке. За последние несколько десятилетий йога стала более популярной в России, где сейчас существует множество студий йоги, ретритных центров и курсов. Ею увлекаются люди всех возрастов и профессий.

Культурная интеграция: Йога широко распространена в индийской культуре и оказывает глубокое влияние на

многие аспекты жизни, включая литературу, искусство и медицину. Кроме того, в ознаменование этого события проводится Международный день йоги, одобренный Организацией Объединенных Наций. Несмотря на то, что йога все больше и больше укореняется в российском обществе, некоторые традиционалисты по-прежнему считают ее иностранным изобретением. Тем не менее, начинают появляться переводы и адаптации на русский язык, и ее привлекательность только растет.

Государственная поддержка и регулирование:

Правительство Индии активно поддерживает йогу в стране, финансируя институты, занимающиеся обучением йоге и научными исследованиями, а также организуя такие мероприятия, как Международный день йоги. Регулирующие организации также следят за качеством и последовательностью обучения йоге. В отличие от Индии, йога не получила такого же уровня официального признания или поддержки со стороны российского правительства. Тем не менее, во многих областях реализуются инициативы по контролю за обучением йоге и обеспечению высоких стандартов.

Разнообразие практик: Различные формы йоги и йога Айенгара — это лишь некоторые из многих видов йоги, практикуемых в Индии. Кроме того, набирают популярность такие специализированные дисциплины, как воздушная йога и йога-терапия. Аналогично, в России доступно большое разнообразие практик и стилей йоги, отвечающих различным требованиям и предпочтениям. Йога найдется для каждого, начиная от более современных направлений, таких как силовая йога, и заканчивая более традиционными стилями хатха.

Интеграция со здравоохранением: Йога получает все более широкое признание в системе здравоохранения Индии в качестве дополнительной терапии, а

больницы и клиники йоги предлагают основанные на йоге методы лечения целого ряда заболеваний. Йога становится все более популярной в России как целостная оздоровительная практика, даже если она не так хорошо интегрирована, как в Индии. Некоторые медицинские работники даже проводят йога-терапию в дополнение к традиционным методам лечения.

Резюмируя, отметим, что за последние несколько десятилетий йога стала намного популярнее и общепризнаннее в России, несмотря на то, что в Индии она прочно укоренилась и пользуется заслуженным признанием. Тем не менее, обе страны разделяют фундаментальную идею йоги: это практика для умственного, физического и духовного благополучия. Кроме того, индийское правительство активно продвигает йогу как внутри страны, так и за рубежом.

Заключение

История развития и популярности йоги в России захватывает. В данном исследовании, проведенном на основных трудах русских интеллектуалов и путешественников начала 20-го века, которые видели йогу в Индии, раскрывается ее культурное восприятие, распространение и модификации практики.

Посольство Индии в Москве является инструментом продвижения йоги как культурного события, а ежегодное празднование Международного дня йоги стало настолько популярным, что повышает осведомленность общественности и привлекает внимание людей. На протяжении многих лет многочисленные инициативы вносили значительный вклад в развитие йоги. Российское правительство и частный сектор также сыграли очень важную роль в этой области. Созданы студии и центры йоги, в первую очередь в таких местах, как Москва и Санкт-Петербург. В этих центрах представлены различные стили йоги, от традиционной хатха и аштанга-йоги до современных

адаптаций, таких как воздушная и силовая йога. Реализованы учебные программы под руководством инструкторов по йоге, которые помогли еще больше повысить профессионализм сообщества йогов. Йога практикуется и включена во многие оздоровительные программы, которые признают ее пользу для здоровья и хорошего самочувствия людей.

Сегодня йога стала настолько популярной в России, что это не только вид спорта, но и практика, которая укрепляет здоровье и сравнима с физическими упражнениями, приемлемая для широкого круга людей и привлекающая международных преподавателей йоги, а также способствующая введению йоги в школьную программу.

Революция в области йоги в России является свидетельством силы культурной адаптации и приспособляемости к новым условиям. Начиная с ранних исторических корней в советское время, и заканчивая красочными современными уроками, йога успешно вписалась в российскую культуру. Благодаря усилиям послов культуры, предпринимателей и энтузиастов сформировалось растущее сообщество йогов, которое продолжает расти, несмотря на трудности. Стремление преодолеть эти препятствия обеспечит то, что йога продолжит играть важную роль в развитии российского здравоохранения на долгие годы. Несомненно, что йога продолжит оказывать значительное влияние на физическую, эмоциональную и духовную среду России по мере того, когда мы пойдем дальше, вдохновляя будущие поколения.

Однако в России йога может существенно повлиять как на индивидуальное, так и на социальное благополучие, прививая полезные навыки ухода за собой, снижения стресса и жизнестойкости во все более сложных и непредсказуемых условиях. Российское сообщество

йоги может расти и трансформироваться, улучшая жизни миллионов людей и способствуя созданию более мирного и сбалансированного общества.

Литература:

- Бхартрихари. Вайрагья Шатака. Харидас анд Цо. 1925
- Patanjali. Yoga-Sutra. Rajaram Tukaram for the Bombay Theosophical Publication Fund. Nadiad, 9th June 1890
- Shrimad Bhagavad Gita. Ashok Kaushik. Star Publications PVT. LTD. 1993. 1994. 1994
- History of yoga. Ministry of External Affairs of India, MEA | Search Result
- Independent India. Agama yoga, Journey of Yoga During India's Freedom Struggle - Aham Yoga Blog
- Aims and reforms. MyGov, YogaDayEng-05.pdf (mygov.in)
- Ancestral yoga, The History and Westernisation of Yoga | Superprof
- Development of yoga, Full History of Yoga (Origin, Evolution, Development With Timeline) (hellomyoga.com)
- "VKontakte Group Wall Post on Yoga." VKontakte, История развития Йоги в России.. | Йога Айенгара Петрозаводск | VK
- Russian Yoga Federation. <https://russianyogafederation.ru/o-federacii.html>
- Yoga popularity. Express newspaper. Почему йога так популярна: примеры и факты (eg.ru)
- "Day of Yoga Activities, Embassy of India, Moscow (Russia) (indianembassy-moscow.gov.in)
- Yoga in Moscow University. Indian Council for Cultural Relations. Embassy of India, Moscow.
- "VKontakte Group Wall Post on Yoga." VKontakte, История развития Йоги в России.. | Йога Айенгара Петрозаводск | VK
- Aims and reforms. MyGov, YogaDayEng-05.pdf (mygov.in)
- Ancestral yoga, The History and Westernisation of Yoga | Superprof
- Bharitrihari. Vairagya Shatak. Haridas and Co. 1925
- Development of yoga, Full History of Yoga (Origin, Evolution, Development With Timeline) (hellomyoga.com)
- History of yoga. Ministry of External Affairs of India, MEA | Search Result
- Independent India. Aham yoga, Journey of Yoga During India's Freedom Struggle - Aham Yoga Blog
- Patanjali. Yoga-Sutra. B. K. S. Iyengar. Prabhat Prakashan, Delhi
- Patanjali. Yoga-Sutra. Rajaram Tukaram for the Bombay Theosophical Publication Fund. Nadiad, 9th June 1890
- Yoga in Moscow University. Indian Council for Cultural Relations. Embassy of India, Moscow

Yoga popularity. Express newspaper. Почему йога так популярна:
примеры и факты (eg.ru)

Yoga popularity. Express newspaper. Почему йога так популярна:
примеры и факты (eg.ru)

Бхартрихари. Вайрагья Шатака. Харидас анд Цо. 1925

Пиюш Никхар
Переводчик
BrahMos Aerospace
Нью-Дели

Piyush Nikhar
Interpreter and Translator
BrahMos Aerospace
New Delhi

Концептуальные метафоры «любви» в духовных песнях и поэзии, посвящённых богу кришна

Conceptual Metaphors Of “Love” In The Spiritual Songs And Poetry Dedicated To God Kṛṣṇa

Аннотация: В данной работе изучаются выражения, используемые в преданных текстах, таких как бхаджаны, пады, песни и стихи, посвящённые Богу Кришна, чтобы понять эмоцию любви в рамках теории концептуальной метафоры. Собранные выражения с любовью тематически классифицируются и изучаются, чтобы показать, как они формируют структурные, ориентационные и онтологические метафоры, которые являются типами концептуальных метафор.

Анализ показывает, что любовь преимущественно концептуализируется через области источника, такие как ПУТЕШЕСТВИЕ, ЕДИНСТВО, БОЛЬ и другие. Эти метафоры показывают, как преданная любовь выходит за рамки обычных человеческих чувств и понимается как глубокая духовная сила, направленная на Кришна. Исследование показывает, как поэты и лирики используют метафоры, чтобы выразить преданность, тоску и единение с божественным, и как эти метафоры формируют эмоциональный и духовный мир литературы Кришна-бхакти.

Ключевые слова: Кришн; Радха; Мира Бау; любовь; концептуальные метафоры; преданная поэзия; бхаджан.

Abstract: *This work studies the expressions used in devotional texts such as bhajana, pada, songs, and poems dedicated to God Kṛṣṇa to understand the emotion of love through the framework of conceptual metaphor theory. The collected expressions associated with love are thematically classified and studied to show how they form structural, orientational, and ontological metaphors, which are types of conceptual metaphors.*

The analysis reveals that love is predominantly conceptualized through source domains such as JOURNEY, UNITY, PAIN. These metaphors show how devotional love goes beyond ordinary human feelings and is understood as a deep spiritual force directed toward Kṛṣṇa. The study highlights how poets and singers use metaphors to express devotion, longing and union with the divine, and how these metaphors shape the emotional and spiritual world of Kṛṣṇa-bhakti literature.

Keywords: *Kṛṣṇā; Rādhā; Mīrā Bāī; love; conceptual metaphors; devotional poetry; bhajana.*

Любовь в своей чистейшей форме часто рассматривается как опыт, выходящий за пределы человеческого языка. Это универсальная человеческая эмоция, выражающаяся в различных формах, таких как материнская любовь, отцовская любовь, романтическая любовь и духовная любовь, т.е. бхакти (это вид любви, который проявляется в преданном поклонении Богу). Бхагавад-Гита описывает бхакти как высшую форму любви, где бескорыстная преданность Богу ведёт к освобождению (мокш). На протяжении веков поэты и мистики пытались выразить сложность любовной духовной преданности. Бог Кришна, а также любовь и бхакти к Нему, всегда были неотъемлемой частью индийской религии, языка, культуры и традиций. Часто любовь и бхакти к Кришну идут вместе и часто понимаются в терминах друг друга. Многие поэты, композиторы и святые, такие как Мира Баи, Джаядев, Шьямадас и другие, в своих стихах изображают Кришна как возлюбленного, друга и вечного спутника.

Кришн является центральной фигурой этих песен, его ласково зовут Шьям, Бихари, Мохан или Канха, и каждое из этих имён отражает его очарование и божественность. Рядом с ним Радха олицетворяет глубокую тоску души по соединению с божественным, символизируя сильную преданную любовь. Считается, что она неотделима от Кришна, и их связь рассматривается не как физическое, а как духовное соединение, выражающее чистейшую форму преданности.

Особого упоминания заслуживает Мира Баи, чьи бхаджаны и пады служат важным источником выражения любви в этом произведении. Она была святой и поэтессой, посвятившей свою жизнь любви к Кришну. Она писала бхаджаны и пады, демонстрируя свою любовь к божественному. Её бхаджаны просвещали массы, показывая путь к самореализации, внутренней свободе и освобождению от мирских привязанностей и материальных желаний.

Любовь во всех её формах, от игривой романтики влюбленных до безусловной связи между преданным и божественным, занимает центральное место в песнях, бхаджанах (религиозная и набожная песня, передающая любовь и признательность к Богу), падах (свободное двустихие, которое не ограничено формальными правилами рифмы и рефрена) и поэтических стихах, посвящённых Кришну. Эти сочинения стали источником некоторых из самых богатых выражений, охватывающих чувства любви, тоски, преданности и духовного союза. Эти выражения любви передаются посредством языка, который выступает не только как средство, но и как неотъемлемая часть духовного пути.

Язык играет важную роль в формировании этих переживаний. И поэтому поэты и певцы используют символический и метафорический язык, чтобы

выразить чувство любви с помощью ярких и понятных образов. Лакофф в своей книге «Metaphors We Live By» предлагает теорию концептуальной метафоры и утверждает, что метафора — это не просто поэтический инструмент, но и неотъемлемая часть повседневного языка и нашей концептуальной системы, в рамках которой мы думаем и действуем метафорически в своей природе (Lakoff 3). Он говорит, что метафоры возможны в языке, благодаря их наличию в концептуальной системе человека (Lakoff 6). По его мнению, человек понимает абстрактные понятия, такие как время или жизнь, через более конкретные понятия, такие как деньги и путешествие, и именно поэтому мы получаем такие концептуальные области, как ВРЕМЯ — это деньги и жизнь — это путешествие. В данной статье с помощью теории концептуальной метафоры анализируются эмоции любви в духовных песнях и поэзии с целью раскрытия когнитивного процесса, связанного с выражением преданности.

В данной работе, с учётом правил правописания на хинди, мы используем *Кришн* вместо *Кришна*. И для удобства под *метафорой* будет пониматься *концептуальная метафора*.

Теория концептуальной метафоры

Мысли и идеи человека формируют его язык и выражения. На них, в свою очередь, в значительной степени влияет окружающая среда, что в конечном итоге формирует его мировоззрение. Эмоции являются одной из основных частей языкового мышления и формирования языка. Именно поэтому эмоции становятся предметом пристального изучения философов, учёных и других исследователей. Среди различных подходов к изучению эмоций когнитивная лингвистика предлагает важную перспективу, показывая, что метафоры играют центральную роль в понимании и выражении эмоций.

Лакофф и Джонсон в своей книге «Метафоры, которыми мы живём» критически пересмотрели традиционное понимание метафоры. Они утверждали, что (а) метафора является свойством концептов, а не слов, а её функция заключается не только в достижении каких-либо художественных или эстетических целей, а в лучшем понимании определённых концептов; (б) метафора не требует особых талантов и используется сознательно или подсознательно в повседневной жизни обычными людьми; (в) метафора не является лингвистическим украшением, а, напротив, представляет собой неизбежный процесс человеческого мышления и познания (Kövecses viii).

Согласно теории Лакоффа, метафоры представляют собой систематическое отображение, при котором человек понимает одну концептуальную область, т. е. целевую, в терминах другой концептуальной области, т. е. исходной. Исходные области представляют собой более конкретные понятия, которые обеспечивают метафорические выражения для понимания более абстрактной целевой области. Например, в концептуальной метафоре ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ абстрактное понятие времени понимается в терминах денег с помощью метафорических выражений, например *ты тратишь моё время*.

Лакофф и Джонсон утверждают, что метафоры как лингвистические выражения возможны, потому что метафоры уже существуют в концептуальной системе человека (Lakoff 6). Другими словами, наше использование метафорического языка возможно только потому, что наш разум уже организован на основе концептуальных метафор.

По своим когнитивным функциям концептуальные метафоры можно разделить на три типа: структурные, онтологические и ориентационные (Kövecses 33-36).

а) Структурная метафора является самой распространенной метафорой в соответствии с когнитивными функциями метафор. В этой метафоре абстрактное понятие, которое является областью цели, понимается с помощью более конкретной области источника. Например, в метафоре «СПОР – ЭТО ВОЙНА» выражение *«он проиграл в споре»* помогает понять спор через структуру войны (нападение, поражение, победа).

б) Онтологическая метафора позволяет нам воспринимать абстрактные понятия, такие как эмоции, идеи и события, как осязаемые объекты. Это позволяет количественно оценить, соотнести и рассуждать об этих неосязаемых переживаниях. Например, эмоции легче понять и обсудить, рассматривая глаза как контейнер (*ее глаза были полны печали*). Следует отметить, что олицетворение занимает особое место в онтологических метафорах, где абстрактные понятия воспринимаются как живые сущности. Например, *гнев быстро сошёл с его лица*.

в) Ориентационная метафора использует пространственные отношения для объяснения сложных, абстрактных понятий, таких как эмоции, жизнь и время. Восприятие пространственных отношений, таких как «ВЕРХ-НИЗ», «ВХОД-ВЫХОД» или «ПЕРЕД-ЗАД», глубоко укоренено в физическом и культурном восприятии человека, что приводит к метафорам, таким как «СЧАСТЬЕ – ЭТО ВВЕРХ» и «ПЕЧАЛЬ – ЭТО ВНИЗ». Например, когда человек счастлив, он обычно держится прямо и активно, а когда грустен — сутулится и становится пассивным.

Работы Лакоффа и Джонсона «*Metaphors We Live By*» и Золтана Ковечеша «*Emotion Concepts*» служат теоретической основой данной статьи. В соответствии с правилами когнитивной лингвистики, в данной работе концептуальные метафоры будут представлены

ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ, а метафорические выражения — *курсивом*.

Источники и методология

В данной статье рассматриваются концептуальные метафоры «любви» в поэтических и песенных традициях, посвящённых Богу Кришну. Выражения, связанные с «любовью», были собраны из различных источников. Основной материал включает стихи Мира Баи, взятые из изданий её сборников — «*Mīrāmbāī kī Padāvalī*» под редакцией Парашурама Чатурведи и «*Matavālī Mīrā*», написанные Шри Прабхудаттджи Брахмчари.

Помимо классической поэзии, в исследование включены популярные песни и бхаджаны, отражающие преданную любовь к Кришну. Они были собраны в основном с помощью цифровых платформ, такие как «Spotify» и «YouTube». Корпуса языка хинди «COSH», а также книги и онлайн-ресурсы, посвящённые кришнаитской поэзии, позволили значительно расширить объём исследовательской работы.

После сбора данные были тематически классифицированы по различным концептуальным областям, например: любовь – это БЕЗУМИЕ; любовь – это жидкость; любовь – это ЦВЕТ и другие. Эти тематически классифицированные данные были проанализированы для выявления того, как понятие «любви» соотносится с Кришном. Анализ проводился аналитическим и индуктивным методом. Анализ был направлен на выявление метафорических структур, формирующих преданное самовыражение: как любовь к божественному понимается в стихах, как тоска и расставание переосмысливаются в духовную тоску, и как метафоры трансформируют личное в трансцендентное. Таким образом, исследование выявляет не только языковые особенности, но и

религиозное мировоззрение, заложенное в песнях и поэзии.

В данной работе для латинизации выражений из духовных песен и поэзии, посвящённых Богу Кришну, используется система *IAST* с диакритическими знаками.

Анализ метафор и связанных с ними выражений

В этом разделе исследуются концептуальные области, связанные с любовью, и анализируются соответствующие им выражения. Выражения, выявленные в ходе исследования бхаджанов и песен, посвящённых Богу Кришну, тематически классифицированы. Количество примеров намеренно ограничено, чтобы оставаться в рамках установленного объёма работы.

Кроме того, некоторые выражения крайне часто встречаются в определённых метафорах, а также ряд примеров одновременно принадлежит к двум концептуальным областям; подобные примеры также были ограничены во избежание повторов. Следует отметить, что книга «*Mīrām̐bāī kī Padāvalī*» под редакцией Парашурама Чатурведи состоит из трёх разделов. В данной работе примеры взяты из второго раздела, который является сборником стихов (*pada*), написанных Мирой Баи.

1. ЛЮБОВЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ

- a) मंजिल मेरी एक है चाहे मिले जन्म हजार।
हर जन्म में मांगूँ मैं तो "कृष्णा..." तेरा दरबारा॥ (COSH)

maṁjila merī eka hai cāhe mile janma hajāra.

hara janma meṁ māṁgūṁ maiṁ to "kr̥ṣṇā"... terā darabāra..

- б) जोगी मत जा मत जा मत जा, पाई पकूँ मैं तेरी चेरी तेरी हों।टेका।
प्रेम भगति को पैड़ो ही न्यारा, हमकूँ गैल बता जा। (Caturvedī 21)

jogī mata jā mata jā mata jā, pāmī parūṁ^ṁ maim
terī cerī terī haum..ṭeka..

prema bhagati ko paimṛo hī nyārā, hamakūṁ^ṁ
gaila batā jā.

В структурной метафоре любовь – это путешествие возлюбленный или бхакт обычно концептуализируется как путешественник. В первом примере преданный, даже прожив тысячу жизней, тем не менее, считает Кришна своей конечной целью. Во втором примере любовь и привязанность к Богу Кришну выражаются через представление о том, что путь любви, ведущий к Нему, обладает уникальностью и исключительностью, поэтому преданный стремится постичь этот путь.

2. ЛЮБОВЬ — ЭТО ЕДИНСТВО

a) प्रेम के रंग में ऐसी डूबी बन गया एक ही रूप

प्रेम की माला जपते जपते आप बनी मैं श्याम (Sāmso kī mālā pe)

prema ke raṅga meṁ aisī ḍūbī bana gayā eka hī
rūpa

prema kī mālā japate japate āpa banī maim
śyāma

б) मैं राधा तेरी धुन में कृष्णा ऐसे खो गयी,

बंसी सुन के तेरी लगे कृष्णा पूरी हो गयी (Mantra of God)

maim rādhā terī dhuna meṁ kṛṣṇā aise kho gayī,

baṁsī suna ke terī lage kṛṣṇā pūrī ho gayī

в) राधा रानी मिश्री,

तो स्वाद है बिहारी, (Singh)

rādhā rānī miśrī,

to svāda hai bihārī,

г) मैं हूँ यमुना का किनारा, तुम लहर हो राधो

भोर में तुम भोर का, पहला प्रहर हो राधो (Lalwani and Anand)

maim̐ hūm̐ yamunā kā kinārā, tuma lahara ho
rādhe.

bhora mem̐ tuma bhora kā, pahalā prahara ho
rādhe.

Согласно Ковечешу, метафора любовь — это единство представляет собой две части целого, которые идеально дополняют друг друга: одна часть — это влюблённый, другая — возлюбленная, и каждая неполна без другой (Kövecses 63). Данная концептуальная область является доминирующей в песнях и текстах кришнаитской бхакти, поскольку бхакт считает себя частью Кришна, что, в конечном счёте, делает его целостным и наполняет его жизнь смыслом. Это показывает, что и Кришн, и бхакт являются частями единого целого, и один неполноценен без другого. Это очевидно в примерах (а) и (б). Примеры (в) и (г) раскрывают вечную и неразрывную связь любви Радхи и Кришна, а также прекрасно иллюстрируют, что Радха и Кришн взаимодополняют друг друга, поскольку каждый из них неполон в одиночестве, но обретает целостность вместе.

3. ЛЮБОВЬ – ЭТО БОЛЬ

- a) *दरद की मारी बन-बन डोलूँ बैद मिल्या नहिं कोय।
मीरा की प्रभु पीर मिटेगी, जद बैद सांवरिया होय॥*
(Caturvedī 28)

darada kī mārī bana-bana ḍolūṁ baida milyā
nahim̐ koya.

mīrā kī prabhu pīra miṭegī, jada baida sāmvariya
hoya..

- b) *घड़ी एक नहिं आवड़े, तुम दरसन विनमोय।
तुम हो मेरे प्राण जी, कासूँ जीवन होय।* (Caturvedī 37)

gharī eka nahim̐ āvaṛe, tuma darasaṇa vinamoya

tuma ho mere prāṇa jī, kāsūṁ'jīvaṇa hoyā

В) घायल ज्यूं घूमूं खड़ी रे म्हारो दर्द न जाने कोया॥ (Brahmacārī 188)
ghāyala jyūṁ ghūmūṁ khaṛī re mhāro darda na jāne koya..

Г) हे री मैं तो प्रेम दीवानी होइ, दरद न जाणै मेरो कोझाटेक॥
घाइल की गति घाइल जाणै, की जिए लाई होइ। (Caturvedī 27)

he rī maiṁ to prema dīvānī hoi, darada na jāṇai
mero koi..ṭeka..
ghāila kī gati ghāila jāṇai, kī jie lāi hoi.

В концептуальной метафоре ЛЮБОВЬ – ЭТО БОЛЬ, абстрактное понятие любви понимается через исходную область, такую как «болезнь» и «боль», а влюблённый изображается как страдающий от боли. Мира Баи посвятила свою жизнь преданности Кришну, и её стихи отражают тоску по разлуке с возлюбленным. Пример (а) показывает, что страдающий может быть излечен благодаря союзу с возлюбленным. Остальные три примера показывают боль, вызванную разлукой. Стихи, взятые из поэзии Мира Баи, можно понять через жизнь Миры. Она отказалась от мирных радостей, которую пытался отравить обрядами её муж за её преданность, любовь и бхакти к Кришну. Вышеприведённые примеры отражают её тоску и разлуку, которые изображаются как боль.

4. ЛЮБОВЬ – ЭТО БЕЗУМИЕ

а) लोग कहै मीरा भई बावरी न्यात कहै कुलनासी रे॥ (Caturvedī 16)
loga kahai mīrā bhai bāvarī nyāta kahai kulanāsi re..

б) ऐसी लागी लगन मीरा हो गयी मगन,
वो तो गली-गली हरी गुण गाने लगी
महलों में पली बन के जोगन चली

मीरा रानी दीवानी कहाने लगी (Verma and Verma 48)

aisī lāgī lagana mīrā ho gayī magana

vo to galī galī harī guṇa gāne lagī
mahaloṃ meṃ palī bana ke jogana calī
mīrā rānī dīvānī kahāne lagī

- В) आवन कह गयो अजूँ न आयो, करि करि वचन गयो।
खान पान सुध बुध सब बिसरी, कैसे, करि मैं जियौ। (Caturvedī 23)

āvana kaha gayo ajūṃ na āyo, kari kari vacana
gayo.
khāna pāna sudha budha saba bisarī, kaise, kari
mairi jiyō.

Данная тематическая классификация любовь — это БЕЗУМИЕ объясняет влияние любви на влюблённого, которое способное привести к безумию. Лексемы «bāvarī» и «dīvānī» в примерах (а) и (б) обозначают безумного человека и прежде всего используются для обозначения человека, охваченного пламенем любви. Эти примеры объясняют силу чувств влюблённого по отношению к божественному. В третьем примере *sudha budha saba visarī* переводится как *потерял все чувства тела и ума*. Здесь, любовь изображается как сила, настолько мощная и всепоглощающая, что она растворяет самосознание. Безумный человек теряет контроль над своими действиями и поведением. В традиции Кришн-бхакти такая любовь оценивается положительно и выражает высшую форму преданности, когда человек забывает материальные желания и предаётся любви и преданности Кришну.

5. ЛЮБОВЬ – ЭТО ЖИДКОСТЬ (В СОСУДЕ)

- а) प्यार है सागर से भी गहरा कृष्णा के संग जिसका.... वो राधा है (Tips Official)
pyāra hai sāgara se bhī gaharā kṛṣṇā ke saṅga
jisakā.... vo rādhā hai
- б) प्रेम अमृत बनके बरसे बिरह के बनवास में ((Lalwani and Anand))

prema amṛta banake barase biraha ke banavāsa
meṃ

В) चलो मन वृन्दावन की ओर,

प्रेम का रस जहाँ छलके है (BhaktiSagar Tv)

calo mana vṛndāvana kī ora,

prema kā rasa jahām̐ chalake hai

Первые два примера в данной классификации относятся к концептуальной области любовь – это жидкость. Выражение *pyāra hai sāgara se bhī gaharā kṛṣṇā ke saṅga jisakā* переводится как *любовь, которую разделяют с Кришном, даже глубже моря*. Второй пример переводится как *любовь проливается дождём эликсира в изгнании разлуки*. В примерах (а) и (б) любовь концептуализируется как жидкость в виде «моря» и «дождя эликсира» соответственно. Море воспринимается как символ глубины и бесконечности. Сравнение любви с морем объясняет её могучую природу, подчёркивая безграничность любви Кришны. Кроме того, во втором примере любовь сравнивается с *дождём эликсира*. Это сравнение показывает, что Кришн-бхакти даже во время разлуки действует как лечебную силу и уменьшает боль разлуки.

В последнем примере исходной областью является жидкость в сосуде для целевой области любовь. В этом примере «Вриндаван», где Бог Кришн проводил время в детстве, является метафорой контейнера для любви. Данная концептуальная область объясняет, что увеличение количество жидкости равно увеличению любви. При этом жидкость не просто прибывает, но и переливается через край, символизируя изобилие любви и бхакти к Кришну, которое преданные могут испытать во Вриндаване.

6. ЛЮБОВЬ — БЕСЦЕННОЕ БОГАТСТВО

- a) मैंने नाम रतन धन पायौ।
बसत अमोलक दी मेरे सतगुरु करि किरपा अपणायो॥

जनम जनम की पूँजी पाई जग मैं सबै खोवायो।

खरचै नहिं कोई चोर न लेवे दिन-दिन बढ़त सवायो॥ (Caturvedi 54)

maiṁne nāma ratana dhana pāyau.

basata amolaka dī mere sataguru kari kirapā
apaṇāyo..

janama janama kī pūmjī pāi jaga maiṁ savai
khovāyo.

kharacai nahim koī cora na leve dina-dina
barḥata savāyo..

- б) निर्धन का तू धन है राधा प्रेम के इस अनमोल रतन को
कौन तुला में तोले मन में अमृत रस घोले (Soulful Bhajans)

nirdhana kā tū dhana hai rādhā prema ke isa
anamola ratana ko

kauna tulā meṁ tole..... mana meṁ amṛta rasa
ghole

В обоих вышеуказанных примерах любовь описывается как бесценное богатство. Первый пример взят из одного из самых известных «пад» Мира Баи, в котором любовь к Богу представлена как драгоценное сокровище, которое нельзя потратить, украсть или уменьшить; наоборот, оно увеличивается с каждым днём, и, получив дар имени Кришна, Мира с радостью воспеваает его величие.

В примере (б) любовь называется *anamola ratana*, бесценным драгоценным камнем, который невозможно взвесить или измерить. Подобная любовь обогащает душу гораздо больше, чем любое материальное богатство.

7. ЛЮБОВЬ – ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО

- a) प्रेम नगरी जाएँ जो वह प्रेम पथ हो कान्हा
 प्रेम जिसका सारथि है तुम वह रथ हो कान्हा (Lalwani and Anand)

prema nagarī jāem̐ jo vaha prema patha ho kānhā

prema jisakā sārathi hai tuma vaha ratha ho kānhā

- б) श्याम की बंसी जब भी बजी है, राधा के मन में प्रीत जगी है (T-Series)
 śyāma kī baṁsī jaba bhī bajī hai, rādhā ke mana
 meṁ prīta jagī hai

- в) अंसुवन जल सींचि-सींचि, प्रेम बेल बोई
 अब तो बेल फैल गई, आणंद फल होई (Caturvedī 6)

aṁsuvana jala sīṁci-sīṁci, prema bela boī.

aba to bela phaila gaī, āṇaṁda phala hoī.

Лакофф и Джонсон в своей книге «Metaphors We Live By» утверждают, что *олицетворение* является одной из самых основных онтологических метафор в когнитивных исследованиях (Lakoff 33). *Олицетворение* — это распространённое когнитивное явление, при котором неживым, абстрактным понятиям приписываются характерные свойства живых существ, чтобы облегчить более чёткое понимание абстрактных понятий. Примеры (а) и (б) показывают, что любовь обладает человеческими способностями. Пример (а) показывает, что любовь — это колесничий. Пример (б) переводится как *всякий раз, когда играет флейта Шьяма, любовь пробуждается в сердце Радхи*.

Далее Ковечеш в своей работе «Emotion Concepts» вводит концептуальную область ЭМОЦИЯ — это ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ (РАСТЕНИЕ, ЖИВОТНОЕ, ЧЕЛОВЕК) (Kövecses 165). В последнем примере выражение *asuvana jala sīṁci-sīṁci, prema bela boī* переводится как *поливая слезами, я посеяла лозу любви*. Здесь Мира концептуализирует любовь как растение, которое, однажды взращённое,

растёт, цветет и, наконец, приносит плоды духовной радости.

8. ЛЮБОВЬ — ЭТО НЕКТАР

- a) मीरा श्रीगिरधरन लालसूं, भगति रसीली जांची (Brahmacārī 170)
mīrā śrīgīradharana lālasūṁ, bhagati rasīlī jāṁcī
- б) मीराके प्रभु गिरिधर नागर। सदा प्रेमरस चाखुंगी॥३॥ (Mīrābāī ke pada)
mīrāke prabhu giridhara nāgara. sadā premarasa cākhunṅī..3..
- в) रमइया बनि रह्योइ न जाया। टेका।
खान पान मोहि फीको सो लागै, नैणा रहे मुरझाइ।(Caturvedī 27)
na ramaīyā bini rahyoi na jāya.. ṭeka..
khāna pāna mohi phīko so lāgai, naiṇā rahe murajhāi

Тематическая классификация ЛЮБОВЬ — ЭТО НЕКТАР является одной из наиболее распространённых концептуальных метафор, связанных с Богом Кришном. В первом примере *mīrā śrīgīradharana lālasūṁ, bhagati rasīlī jāṁcī* преданность описывается как «сочная» и подразумевает, что бхакти Кришна наполнено вкусом нектара. В данном случае нектар символизирует высшую радость, которую может дать только божественная любовь. Во втором примере *mīrāke prabhu giridhara nāgara. sadā premarasa cākhunṅī* любовь явно изображается как нектар, который можно попробовать. Этот пример показывает, что божественная любовь воспринимается как нектар, способный утолять духовную жажду. В последнем примере любовь к Кришну изображается как единственный источник вкуса, в то время как весь остальной мир без неё кажется безвкусным.

9. ЛЮБОВЬ – ЭТО ЦВЕТ

- a) ऐसी रंग दे के रंग नहीं छूटे,
धोबनिया धोए चाहे ये सारी उमरिया.....

ओ श्याम पिया मोरी रंग दे चुनरिया..... (Sharma12)

aisī raṅga de ke raṅga nāhīm chuṭe,
dhobaniyā dhoe cāhe ye sārī umariyā.....
o śyāma piyā morī raṅga de cunariyā.....

б) लाल न रंगाऊं मैं हरी ना रंगाऊं.....
अपने ही रंग में रंग दे चुनरिया.....

श्याम पिया मोरी..... (Sharma 12)

lāla na raṅgāūṁ maiṁ harī nā raṅgāūṁ.....
apane hī raṅga meṁ raṅga de cunariyā.....
śyāma piyā morī.....

В первом примере «raṅga» означает цвет и символизирует божественную любовь. Это показывает, что любовь настолько сильна, что не может исчезнуть, даже если её бесконечно стирать, как это делают прачки. Данный пример указывает на постоянную и неразрушимую природу любви к Кришну. В примере (б) преданный отвергает обычные цвета, такие как красный и зелёный, и просит лишь любви и преданности Кришну. Это свидетельствует о духовной чистоте и желании соединиться с божественным через его уникальный цвет любви.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что данное исследование доказывает, что метафоры необходимы для понимания божественной любви. Анализ поэзии и песенной традиции выявляет, что любовь к Кришну глубоко осмыслена с помощью богатых метафор, взятых из человеческого опыта, таких как любовь – это боль и любовь – это цвет. Исследование доказывает, что языковые метафоры становятся возможными, только благодаря уже существующим концептуальным метафорам в человеческом сознании. Исследование

было сосредоточено на девяти ключевых метафорах, включая метафору, как любовь — это единство. Эта метафора показывает, что любовь возможна не только между людьми, но и между Богом и преданным, причём в более сильной форме. Интересно, что метафора любовь – это БЕЗУМИЕ объясняет, как негативное понятие, такое как безумие, трансформируется в позитивное и яркое выражение предельной самоотдачи и преданности божественному. Это исследование объясняет существование различных типов концептуальных метафор, таких как структурные, онтологические и ориентационные метафоры. Хотя ориентационные метафоры не были классифицированы исключительно, такие выражения, как «*prema ke raṅga meṁ aisī dūbī*», «*pyāra hai sāgara se bhī gaharā*», указывают на то, что они представляют собой важный аспект концептуализации любви и показывают, что пространственные понятия, такие как «верх-низ», также являются значимой частью эмоции любви. В данной работе рассматривается определённое количество тематических классификаций и создается надежная основа для будущих исследований в области любви, преданности и языка с точки зрения теории концептуальной метафоры. Любовь, язык, преданность и метафора вместе показывают, как эмоции концептуализируются и формируются в культуре. Таким образом, метафоры любви служат как когнитивным, так и духовным целям.

Литература:

चतुर्वेदी, परशुराम . *मीराबाई की पदावली* .हिन्दी साहित्य सम्मेलन, 2004.

ब्रह्मचारी, श्री प्रभुदत्तजी. *मतवाली मीरा* .संकीर्तन भवन, प्रतिष्ठानपुर, चैत्र शुक्ल २०३७] 1980].

मीराबाई के पद. *Hindi-Kavita*. hindi-kavita.com/HindiPoetrySantMeeraBai9.php.

Дата обращения 2 Sept. 2025.

BhaktiSagar Tv. “Chalo Man Vrindavan Ki or.” *YouTube*, 6 Apr. 2022, www.youtube.com/watch?v=8EdNU2bHRF4. Дата обращения 21.08. 2025.

- Kövecses, Zoltán. *Metaphors of Anger, Pride and Love: A lexical approach to the structure of concepts*. John Benjamins Publishing Company, 1986.
- Kövecses, Zoltán. *Metaphor: A Practical Introduction*. Oxford University Press, 2002.
- Kövecses, Zoltán. *Emotion concepts*. Springer Verlag New York Inc, 1990.
- Lakoff, George, and Mark Johnson. *Metaphors We Live By*. University of Chicago Press, 2008.
- Lalwani, Mohit, and Aishwarya Anand. *Tum Hi Tum*. 2024. Spotify, <https://open.spotify.com/track/6UHfuCj6FbFia7naOwxEOk?si=1Hy93DyqRpGtDjhPdtlxBw>. Дата обращения: 15.08.2025
- Mantra Of God. "Main Radha Krishna Teri Dhun Mein Aise Kho Gayi." *YouTube*, 20 May 2024, www.youtube.com/watch?v=WHmPN60AW5I. Дата обращения 02.08.2025.
- Nishioka, Miki, and Lago Language Institute. *Corpus Of Spoken Hindi (COSH) and COSH Conc.* 2016-2017. Режим доступа: <http://www.cosh.site> (дата обращения: 11-22.08.2025)
- Sanso Ki Maala Pe Simru Pe Ka Naam. *Bhajan Ganga*, 2025, bhajanganga.com/mobile_bhajan/lyrics/id/14813/title/sanso-ki-maala-pe-simru-pe-ka-naam Дата обращения: 17.08.2025
- Sharma, Mahesh Dutt. *Anup Jalota Ke Bhajan Aur Gazlen*. Diamond Pocket Books (P) Ltd., 2000.
- Singh, Shivani. "Radha Rani Bhajan: राधे-राधे जपो चले आएं बिहारी..." Jansatta. www.jansatta.com/religion/radha-ashtami-radha-rani-bhajan-in-hindi-radhe-radhe-japo-chale-aayehe-bihari-lyrics-in-hindi-krishna-he-vistar-bhajan-aarti/4117145/. Дата обращения: 11.08.2025.
- Soulful Bhajans. "Top Krishna Bhajan by Art of Living Bhajans - Achutam Keshavam - Jai Jai Radha Ramana (Full Song)." *YouTube*, 12 June 2014, www.youtube.com/watch?v=LJCXrFKGKF8. Дата обращения 7.08.2025.
- Tips Official. "Woh Kisna Hai - Lyrical | Krishna Janmashtami Special | Sukhwinder Singh | Kisna." *YouTube*, 17 Jan. 2019, www.youtube.com/watch?v=_DUKVZLnM0U. Дата обращения 12.08.2025.
- T-Series. "Yeh Menhdi Ke Boote [Full Song] Humko Tumse Pyaar Hai." *YouTube*, 30 May 2011, www.youtube.com/watch?v=1w47SVSopvk. Дата обращения 04.08.2025.
- Verma, Shrimati Shubhra, and Dr Anupam Verma. *Eeshopasana*. BFC Publications, 2025.

Камала Кумари
Преподаватель
Университет им. Шарда
Greater Noida, Индия

Kamala Kumari
Assistant Professor
Sharda University
Greater Noida, India

INDIA, RUSSIA AND THE GROWING SIGNIFICANCE OF THE SCO: A STRATEGIC OVERVIEW

Abstract: India and Russia's engagement with the SCO amidst a rapidly evolving geopolitical scenario like trade tariff and sanctions war, global energy insecurity, and shifting regional alliances. Besides, both India and Russia engages bilaterally on several shared interests like security cooperation, connectivity, and economic integration, while also managing differing priorities. Hence, India and Russia utilizes the SCO both as a geopolitical buffer and as a platform to assert multipolarity through energy trade, the International North-South Transport Corridor (INSTC), and developments in SCO financial cooperation.

The SCO with its expansion in terms of size and reach offers significant potential for cooperation between India and Russia. Therefore, this paper delineates the strategic convergences and the role of SCO as a platform, apart from highlighting the constraints in their cooperation.

Keywords: *India, Russia, SCO, India-Russia Cooperation, Connectivity*

Аннотация: *Взаимодействие Индии и России с ШОС в условиях быстро меняющейся геополитической обстановки, такой как война торговых пошлин и санкций, глобальная энергетическая нестабильность и меняющиеся региональные альянсы. Кроме того, Индия и Россия*

взаимодействуют на двусторонней основе по ряду общих интересов, таких как сотрудничество в области безопасности, взаимосвязанность и экономическая интеграция, при этом имея различные приоритеты. Таким образом, Индия и Россия используют ШОС как геополитический буфер и как платформу для утверждения многополярности посредством торговли энергоносителями, Международного транспортного коридора «Север-Юг» (МТК) и развития финансового сотрудничества в рамках ШОС.

ШОС, благодаря своему расширению и охвату, открывает значительный потенциал для сотрудничества между Индией и Россией. В связи с этим в данной статье описываются стратегические точки соприкосновения и роль ШОС как платформы, а также отмечаются ограничения в их сотрудничестве.

Ключевые слова: *Индия, Россия, ШОС, сотрудничество между Индией и Россией, взаимосвязанность*

Introduction

The Shanghai Cooperation Organisation (SCO) has in recent years become a central institution in Eurasian geopolitics. Founded in 2001, SCO inherited aspects from the earlier set-up of “Shanghai Five”. The SCO has expanded both in terms of membership and scope. Now SCO has ten full members: Russia, China, India, Pakistan, Iran, and five Central Asian republics, multiple observer countries, and dialogue partners. SCO’s mandate encompasses security collaboration, counter-terrorism efforts, political discussions, economic and connectivity partnerships, and cultural exchanges. India became a full member officially of the SCO in 2017; however, it had Observer status since a long time. India came on board with its longstanding goals of combating terrorism,

ensuring regional connectivity, and affirming its strategic independence in a multipolar setting. Whereas, Russia has been a key founding member of the SCO and uses the SCO space for expanding its engagement for its broader Eurasian strategy.

In the last two plus decades, the SCO has developed into a significant regional multilateral organization in Eurasia. The roles and strategic interests of its member states are evolving, due to global power dynamics shift, pressures from Western sanctions and rising regionalism. Among these, the India-Russia relationship within the SCO has become particularly important, both because of their bilateral ties and also that SCO offers, a forum for balancing and pursuing mutual interests and regional cooperation.

The growing significance of the SCO in the wider geopolitical environment acts as a catalyst for both India and Russia, and as their strategic interests align and diverge within this framework, the SCO shape their roles as well. This article's purpose is to offer a strategic overview of the roles India and Russia play in the SCO, with a particular focus on how the SCO helps these two countries meet, interact, and discuss issues of mutual interest.

Evolution and Strategic Relevance of SCO

The SCO originated in the mid-1990s with the "Shanghai Five" (China, Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan), focused initially on border demarcation and confidence building. The SCO began with a focus on non-traditional security (border management, terrorism, extremism, drug trafficking) among Central Asian states plus China and Russia. Over time, the SCO's focus has broadened to include counterterrorism (the "three evils": terrorism, extremism, separatism), infrastructure, connectivity, trade, economic cooperation, cultural exchanges, and even alternative financial arrangements. Recent summits have discussed joint bonds, alternative settlement

systems, and investment banks among members. Greater engagement through observer and dialogue partner statuses has further raised its profile.

Given the size of the SCO and the economic and political potential there is an attempt on the part of member states towards greater economic engagement. Presently, this Eurasian organisation is the world's largest regional organisation in terms of geographic scope and population. Today, it is covering "approximately 80% of the area of Eurasia and 40% of the world, comprises 40 per cent of the global population and 30% of global GDP". (Surbhi Pathak, September 01, 2025)

In a global environment of shifting power balances, assertive Russia, rising China, reorientation of U.S. policy and intra-regional contestations, the SCO is increasingly viewed as a vehicle to advance regional autonomy, non-western multilateralism, and as a forum to articulate shared interests without dependence on traditional western-led institutions.

Core Institutional Mechanisms

Key institutional organs include the Head-of-State summit, Council of Heads of Government, Ministerial conferences (Foreign Affairs, Defence, etc.), SCO Secretariats, and especially the Regional Anti-Terrorist Structure (RATS), based in Tashkent, which facilitates cooperation among member states on security, intelligence, and counterterrorism. The main role of SCO RATS is to combat terrorism, separatism and extremism (<http://eng.sectsco.org/structure/>).

India and Russia: Strategic Interests within the SCO

Russia seeks to maintain influence in Central Asia, counterbalance NATO expansion, and sustain its role as a Eurasian power. The SCO offers a platform to deepen connectivity projects (e.g. via Eurasian Economic Union), energy diplomacy, and security cooperation. It also allows Russia to project influence in South Asia, including via its

partnership with India. An important interest has also been to institutionalise non-western mechanisms of trade and finance, especially under sanctions, making forums like the SCO critical in exploring alternatives (joint payment systems, settlement in local currencies, etc.).

The SCO's space is of vital interest to India as Central Asia is part of its extended/strategic neighbourhood. Indian interest lies in stable, secure and modern states in its common neighbourhood. It offers India a regional platform to enhance its presence in all spheres in the region. Particularly, the SCO platform is useful for exchange of information on issues of terrorism and drug trafficking which affect the regional security architecture; as well as participate in joint counter and anti-terror exercises under the aegis of SCO.

India focuses on counterterrorism as it has long suffered Islamist terrorism and cross-border terrorism; RATS is a key mechanism for intelligence sharing and coordinated action. Besides, India also stresses connectivity and trade. India is keen on enhancing its connectivity to Central Asia and beyond, both for energy security and market access. Projects like the International North-South Transport Corridor (INSTC), and proposed sea-corridors (e.g. Chennai-Vladivostok) are part of this strategic interest.

Also, with its strategic autonomy, India aims to engage multilaterally yet maintain its freedom of action; the SCO offers a multilateral forum that is not dominated by any one power, in theory allowing India to engage with both Russia and China, balancing its relations.

SCO as Catalyst for India-Russia Engagement

There are several mechanisms through which the SCO enables India and Russia to meet, interact, and discuss mutual interests.

Regular Institutionalised dialogue

Summits and Ministerial Meetings: India and Russia leaders, foreign ministers, defence ministers, and national

security advisors meet regularly at SCO summits and related ministerial conferences. For instance, the Defence Ministers of India and Russia met on the sidelines of the SCO Defence Ministers Meeting in New Delhi (April 2023), discussed issues including military-industrial cooperation and regional security.

Foreign Ministerial & NSA-level Dialogues: On multiple occasions, such as during hosting of Foreign Ministerial meetings, India's External Affairs Minister has held bilateral talks with his Russian counterpart (and others) to review bilateral cooperation, defence partnerships, and global developments. These bilateral engagements are enabled by the SCO schedule and context.

Security Cooperation via RATS & Joint Exercises

Anti-terrorism Exercises: India hosted a joint anti-terror exercise of SCO member states in New Delhi, under the RATS framework, with Indian efforts to suppress misuse of the Internet by terrorism, extremism, and separatism.

Practical Seminars & Joint Exercises: Seminars under the RATS platform to examine issues like artificial intelligence, the dark web, cryptocurrency misuse by extremist groups. For example, India has held RATS Practical Seminars to address misuse of digital technologies by terrorist or extremist actors. (The Hindu, 15 Dec 2023).

These joint security events allow India and Russia (and other members) to share intelligence, standardise responses, and display a common front in addressing threats.

Bilateral and Multilateral Engagements on Sidelines

One of the major benefits of SCO is that it brings together many relevant actors in one forum, allowing India and Russia to hold bilateral meetings on the sidelines. For example: On the sidelines of SCO defence ministers meeting in New Delhi (2023), "India's Raksha Mantri and Russia's defence minister General Shoigu held talks on bilateral defence cooperation, including Russian industry

participation in India's national "Make in India" initiative". (The Hindu, 15 Dec 2023)

Also, External Affairs Minister Jaishankar held separate talks with his Russian counterpart Sergey Lavrov at the SCO Foreign Ministers' conclave in Tianjin, reviewing bilateral cooperation and global developments. (The Times of India, 29 July 2025).

Policy Coordination on Regional Issues

Afghanistan: India has hosted SCO-RATS regional dialogues on the situation in Afghanistan, with participation from Russia, Iran, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan. These dialogues are aimed at ensuring Afghanistan does not become a safe haven for terrorism and calling for inclusive governance.

Connectivity and Economic Cooperation: While still limited, SCO provides fora and working groups where connectivity projects and trade are discussed. India's participation in socio-economic cooperation discussions in the SCO (e.g. on digital technologies, infrastructure, trade facilitation) is often aligned with Russian interest in Eurasian corridors. As India is keen to pursue connectivity westwards, Russia supports such Eurasian integration. An example is the Chennai-Vladivostok Maritime Corridor, though it is more of a bilateral/tri-lateral initiative, the discussions on corridors are often raised within SCO economic cooperation contexts.

In the latest SCO summit (2025), Russia proposed that SCO members issue joint bonds, create a joint payment and settlement infrastructure, and form a bank for joint investment projects. These proposals serve mutual economic interests (Russia's concern over sanctions, India's seeking diversified trade and finance mechanisms). Such proposals offer a platform for deeper economic engagement between India and Russia under multilateral umbrella. (Reuters, September 1 2025)

Strategic Benefits of Multilateral Interaction for India and Russia

The interactions via the SCO matter strategically for both India and Russia.

Policy Synchronisation and Issue Convergence

Through SCO, India and Russia could align their policy approaches on issues of regional security, particularly terrorism, Afghanistan, and extremism. For example, with both concerned about the destabilising spillovers from Afghanistan, SCO dialogues have provided mechanisms for joint statements, shared diplomatic pressure, and collaborative proposals. The regional dialogue hosted by India on Afghanistan under the SCO-RATS platform is illustrative.

Diplomatic Signalling and Legitimacy

Meeting together in multilateral settings sends powerful signals. India's engagement with Russia in these forums reaffirms the durability of their strategic partnership, even amid pressures (economic, diplomatic) from other quarters. For instance, during the 2025 SCO Summit, India and Russia on the sideline of the summit discussed supply of missile systems and upgrades to military hardware, which signals continuity in their defence ties. (Reuters, 27 June 2025).

India's ability to stand against Chinese inclinations (e.g. on connectivity terms) is enhanced through the SCO, likewise, Russia benefits from having India as a voice that supports more balanced multilateralism in Central Asia.

Similarly, acts such as jointly refusing or qualifying support for certain declarations (or resisting aspects perceived as unfair) can enhance a country's diplomatic legitimacy. India's insistence that anti-terror statements properly name events or attackers (when it feels important) is one such example.

Trust Building and Functional Cooperation

With regular meetings, exercises, and working groups a pattern of cooperation, habitual engagement, and mutual understanding is established. Over time, this lowers transaction costs for bilateral agreements, and can mitigate misunderstandings leading to building trust. For example, “joint anti-terror internet-misuse exercises under RATS draw together security agencies from India and Russia (and others) that might not interact otherwise in that manner as it does under the SCO”. (The Times of India, 15 Dec 2023).

Functional cooperation goes beyond security, and domains like connectivity, energy, infrastructure, trade, finance are increasingly becoming part of the program. Further the economic or financial proposals like joint bonds, payment settlement systems could reduce exposure to external shocks (sanctions, currency volatility), and open new trade routes. This helps Russia, in bypassing sanctions; for India, it helps in diversifying its trade and finance architecture. The joint economic proposals at SCO 2025 are an example. (Reuters, 1 Sept. 2025).

Challenges and Constraints

While the SCO offers significant advantages for India-Russia engagement, there are some constraints as well, which may limit the depth or effectiveness of cooperation.

Diverging Strategic Priorities

Though India and Russia share many interests, they also diverge, for example India’s border tensions with China, its engagement with the Quad, its desire for greater strategic autonomy. While Russia’s tilt towards China given its strategic situation (e.g. sanctions) sometimes create misalignments with India’s priorities.

Institutional Limitations

The SCO lacks strong enforcement mechanisms. Thereby, there are delays in implementation issue with regards to

funding for big connectivity projects; and infrastructure integration is slow. Declarations and proposals may not always translate into action due to bureaucratic hurdles, and at times, opaque decision-making affect outcomes.

Looking ahead

Even though the SCO faces sanctions, external diplomatic pressure, and global alignments are happening which restrict the scope of India and Russia for example, Russia's sanctioned status limits its participation in certain financial flows; and India needs to balance its ties with Western countries. However, the existing trends suggest that the SCO will become ever more important in India-Russia relations, but the degree of benefit will depend on how both countries engage.

The more India and Russia engages beyond symbolic or rhetoric, into joint infrastructure, trade corridors, energy projects, and financial architecture, the more value the SCO holds.

Besides, mechanisms like joint bonds, payment settlements, infrastructure banks could be institutionalised so that they are not just summit proposals but functional parts of the SCO mandate.

Expanding Regional Stability Mandates

Afghanistan, Central Asia, terrorism, climate change, cybersecurity is likely to remain key areas. India and Russia would benefit from creating joint frameworks (through the SCO) to address these in more proactive and structured ways.

The SCO has great potential and has been working towards achieving them, for example the prospect for economic, humanitarian, trade, labour, migration, and environmental cooperation, apart from its core concerns with regard to security and defence. Despite certain challenges, the SCO has nevertheless broadened its mandate in recent years to include joint security and economic development programmes and energy cooperation.

SCO has a number of obvious advantages, which allow its members to significantly increase the rate of economic interaction. And with Iran becoming a member India could also benefit as Iran's geographical position is crucial for SCO. Besides connecting at least four major regions- Central Asia, South Asia, West Asia and the Caucasus, the INSTC, has its pathway via Iran.

And in this regard a Special Working Group to promote collaboration in the field of transportation has been formed among member states of the SCO. The Road Transport and Highways Minister Nitin Gadkari said, "this group will facilitate meetings to share knowledge and best practices related to reducing carbon emissions in transportation, promoting digital transformation, and implementing innovative technologies for more sustainable and efficient transport". (ET Bureau, Apr 28, 2023).

Conclusion

India and Russia's relationship within the SCO is not merely symbolic; it is a practical, strategic interaction facilitated by multilateral mechanisms that serve mutual interests in security, connectivity, diplomacy, and economic resilience. SCO offers a structured, recurring platform where dialogues are institutionalised, policy coordination is possible, and strategic signaling is credible. While there are some constraints-ranging from institutional inertia, divergent strategic priorities, to power asymmetries, the net gain for both India and Russia is evident, especially as global geopolitics shifts towards multipolarity.

The SCO thereby complements bilateral channels, creating additional avenues for cooperation and mitigating external risks. For India, the organisation helps assert its regional role, enhance counterterrorism cooperation, and diversify its strategic engagements. For Russia, it helps preserve its influence in Eurasia, find partners in finance and infrastructure, and navigate external constraints. As

both countries deepen their cooperation through SCO, especially in functional domains like economic infrastructure, finance, and regional security, the organisation's significance will only grow in the coming decades and so will the engagements between India and Russia.

References:

- "India, Russia Reiterate Commitment to Defence Partnership; Acknowledge 'Long-Lasting' Ties at SCO Sidelines." *The Hindu*, 28 Apr. 2023, www.thehindu.com/news/national/india-russia-reiterate-commitment-to-defence-partnership-acknowledge-long-lasting-ties-at-sco-sidelines/article66789252.ece. Accessed 18 Sept. 2025.
- "India Hosts Anti-Terror Exercise of SCO Member States." *Times of India*, 19 Dec. 2023, timesofindia.indiatimes.com/india/india-hosts-anti-terror-exercise-of-sco-member-states/articleshow/106031023.cms. Accessed 17 Sept. 2025.
- "Joint Exercise against Terror on Net Held under SCO Platform." *Times of India*, 20 Dec. 2023, timesofindia.indiatimes.com/india/joint-exercise-against-terror-on-net-held-under-sco-platform/articleshow/106033543.cms. Accessed 17 Sept. 2025.
- "India Holds 2 Anti-Terrorism Meetings with SCO Members, Highlights Misuse of Internet by Extremists." *The Print*, 28 Mar. 2024, theprint.in/diplomacy/india-holds-2-anti-terrorism-meetings-with-sco-members-highlights-misuse-of-internet-by-extremists/1888609. Accessed 17 Sept. 2025.
- "India Hosts SCO-RATS Meet; Focus on Situation in Afghanistan." *The Economic Times*, 15 May 2022, economictimes.indiatimes.com/news/defence/india-hosts-sco-rats-meet-focus-on-situation-in-afghanistan/articleshow/91591122.cms. Accessed 17 Sept. 2025.
- Mukerji, Asoke. "India and the Shanghai Cooperation Organisation." *Observer Research Foundation*, 6 July 2023, www.orfonline.org/expert-speak/india-shanghai-cooperation-organisation. Accessed 17 Sept. 2025.
- "SCO Summit 2025- India, China & Russia in Focus". *The Indian Express*, 10 July 2025, indianexpress.com/issue-at-a-glance/sco-summit-2025-india-china-russia-10232047. Accessed 17 Sept. 2025.
- <http://eng.sectesco.org/politics/20230506/942021/-New-SCO-dialogue-partners.html>
Accessed on 18 September 2025

- “Putin Proposes Shanghai Cooperation Organisation Members Should Issue Joint Bonds.” Reuters, 1 Sept. 2025, www.reuters.com/business/finance/putin-proposes-shanghai-cooperation-organisation-members-should-issue-joint-2025-09-01. Accessed 17 Sept. 2025.
- “India, Russia Discussed Supply of Missile Systems, Upgrades to Fighter Jets.” Reuters, 27 June 2025, www.reuters.com/world/china/india-russia-discussed-supply-missile-systems-upgrades-fighter-jets-new-delhi-2025-06-27. Accessed 18 Sept. 2025.
- India hosts anti-terror exercise of SCO member states, Dec 15, 2023, <https://timesofindia.indiatimes.com/india/india-hosts-anti-terror-exercise-of-sco-member-states/articleshow/106031023.cms>. Accessed on 18 September 2025
- Pathak, Surbhi, "As SCO Summit Ends, A Closer Look At India-China-Russia Military Strength", September 01, 2025, <https://www.news18.com/explainers/as-sco-summit-ends-a-closer-look-at-india-china-russia-military-strength-sbhp-ws-l-9540967.html>. Accessed on 18 September 2025.
- Peri, Dinakar, "Chennai-Vladivostok eastern maritime corridor operational: Sonowal", November 20, 2024, <https://www.thehindu.com/news/national/chennai-vladivostok-eastern-maritime-corridor-operational-sonowal/article68882958.ece>. Accessed on 18 September 2025.
- ET Bureau, Apr 28, 2023, <https://economictimes.indiatimes.com/industry/renewables/special-working-group-formed-to-promote-transport-collaboration-among-sco-countries/articleshow/99837882.cms>. Accessed on 18 September 2025.

Юрий Носов
Генеральный директор
Президентская библиотека
Москва

Yury Nosov
Director General
Presidential Library
Moscow

**Классификация истории человечества в
контексте теории культурной эволюции
человека**

**Humanity History Classification in the Context of
the Theory of Human Cultural Evolution**

Аннотация: Сегодня существует множество различных классификаций истории человечества. Их можно разделить на две группы: первая включает теории, основанные на идее линейности истории человечества (идее прогресса), такие как концепции О. Конта, Г. Спенсера и К. Маркса. Вторая включает нелинейные теории, представленные именами Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, А. Тойнби, О. Шпенглера и ряда других. Каждая группа теорий имеет свои сильные и слабые стороны. Последовательно рассматриваются три разработанные автором стадии: двухволновая (связанная с устной речью и зрением), двумерная (с изобретением письменности) и двоично-машинная (с появлением различных цифровых помощников). В статье анализируются ключевые характеристики этих стадий; Этапы также сравниваются между собой по следующим признакам: политико-правовой строй; социально-экономический строй; сфера культуры и искусства; сфера науки, образования и просвещения.

Ключевые слова: культурная эволюция человека, история человечества, цивилизация, образное мышление, внешняя

долговременная память, искусственный интеллект, историческое образование.

Abstract: *Today there are many different classifications of humanity history. They can be divided into two groups: the first one includes theories, based on the idea of the linearity of humanity's history (the idea of Progress), such as the concepts of O. Comte, H. Spencer and K. Marx. The second one includes non-linear theories, represented by the names of N. Y. Danilevsky, K. N. Leontiev, A. Toynbee, O. Spengler and a number of others. Each group of theories has both their strengths and weaknesses. Three stages developed by the author — the Two-wave stage (associated with oral speech and vision), the Two-dimensional stage (which came with the invention of writing), and the Binary-machinery stage (which came with the emergence of various digital assistants) — are considered sequentially. This article analyzes the key characteristics of these stages; the stages are also compared with each other on the following grounds: political-legal structure; socioeconomic structure; sphere of culture and art; sphere of science, education and enlightenment.*

Keywords: *human cultural evolution, history of humanity, civilization, imaginative thinking, external long-term memory, artificial intelligence, historical education.*

Introduction

A view of the history of humankind from the standpoint of cultural studies and the challenges of the present day requires a certain rethinking of generally accepted concepts.

The entire history of humanity is inseparably connected with anthropogenesis (evolution) — both the evolution of *Homo sapiens* as such, and the evolution of his principal organ, the brain, along with figurative thinking (the fundamental human capacity, the instrument that impels action). This history begins at the moment when the human being, alongside instincts, began to employ in his conscious, figurative activity for the achievement of goals an external long-term memory—one not

connected with instincts and not characteristic of the animal world.

This memory originated with the emergence of oral speech, enabling the description of images, their transmission among people, the stimulation of actions, their coordination and planning, including the determination of the timing of actions (man began to plan for the future). Long-term memory began to take shape within the tribe, clan, and community—through traditions, legends, cave paintings, the making and use of objects and tools of daily life, and so forth. This, in turn, became the basis for the emergence of peoples with their own languages, cultures, and worldviews. Later, with the advent of writing, the preservation of images became systematic and enduring, which constituted the next foundation for the rise of social institutions, including institutions of culture (libraries, museums, archives, theaters, and others). In this process, the human being became the summit of evolution and began actively transforming nature. A manifold increase of population took place, and the history of humanity began to form.

The aim of our research is to delineate the contours of a new classification of the history of humanity in the context of the theory of Human Cultural Evolution—a classification based on key changes exerting a profound influence on the development of society. It is assumed that precisely the cumulative, creative activity of the human being, involving all the senses and drawing upon the entirety of humanity's accumulated knowledge, is the driving force behind radical transformations in humanity history. The application of the proposed theory of Human Cultural Evolution in historical education, as well as in diverse fields of science and technology, will enable humanity to

respond more adequately to the challenges of the present day.

Review of Major Existing Classifications

Let us consider the commonly accepted and well-established approaches to the classification of stages in human development, noting their intersections and contradictions. At present, a significant number of classifications of the historical process have been developed, which may be conventionally divided into two categories — linear and nonlinear.

In the first case, human society is viewed as moving forward sequentially, through the increasing complexity of social and state institutions. One example of such a classification is the theory of progress developed in the 19th century by A. Comte (Comte, 1900) and H. Spencer (Spencer, 1897). According to them, humanity is constantly advancing, reaching ever greater heights of civilization. The theory of progress is closely tied to the Eurocentric worldview characteristic of that era. Its shortcomings include neglect of the uneven nature of human development, as well as the existence of periods of regression and stagnation.

Perhaps the most thoroughly elaborated linear interpretation of human history is the theory of class struggle and the materialist conception of history advanced by K. Marx and F. Engels (Marx, 1872–1896). This theory is based on the idea that society develops through successive socio-economic stages, each defined by specific relations of production and modes of production. The transition to a new stage occurs when existing relations of production begin to obstruct the development of productive forces. The theory emphasizes the economy as the foundation while

overlooking the significance of other spheres of human life—the superstructure. Although influential, this framework was developed in the mid-19th century, and today the structures of modern economies and societies no longer fully correspond to it.

Among non-linear theories, civilizational approaches hold a special place. They reject the notion of a single path of development for humanity and instead focus on the trajectories of distinct local civilizations. Representatives of this perspective include N. Danilevsky, K. Leontiev, O. Spengler, and A. Toynbee (Danilevsky, 1871; Leontiev, 1876; Spengler, 1993; Toynbee, 1991). With certain qualifications, L. Gumilev's theory of ethnogenesis can also be placed in this category (Gumilev, 1989). These theories identify a number of civilizations, each passing through a cycle from emergence to flourishing and eventual decline—hence, the absence of “eternal civilizations.” A key achievement of this group of theories is the overcoming of Eurocentric bias in historical analysis (especially evident in Danilevsky's theory of cultural-historical types), along with their emphasis on the specific features of various cultures (technological, spiritual, socio-economic, and others). A. Toynbee's concept of the “challenge-and-response” dynamic also deserves special mention: in his view, a civilization endures only as long as it can adequately respond to challenges—whether historical or environmental.

Another significant nonlinear framework is K. Jaspers' theory of the Axial Age (Jaspers, 1991). He identifies several stages in humanity history: the prehistoric era; the rise of the great cultures of antiquity (Sumerian-Babylonian, Egyptian, Indian, Chinese); and the age of technology. His main emphasis, however, is on the “Axial Age”—the period between 800 and 200 BCE,

when philosophy emerged and spiritual movements developed. According to Jaspers, this marked the transition from irrational to rational thought, which shaped the worldview of modern humanity. Yet the historical process was far more complex than Jaspers' concept allows, and his framework focuses exclusively on the spiritual dimension while giving little attention to material factors.

Postmodernist theories also deserve mention. They reject the possibility of identifying universal laws of development, emphasizing instead the multiplicity of historical trajectories, subjective interpretations, and personal evaluations of the past.

Similar ideas appear in ethnographic and cultural studies. In the 19th century, the ethnologist A. Bastian (Bastian, 1860), consistent with the Eurocentric worldview, distinguished three types of cultures—primitive, intermediate, and advanced—depending on the level of technological and social development. In the 1920s, the relativist school began to take shape, with its foundations laid by F. Boas (Boas, 1911). He developed the concept of cultural relativity, asserting that each culture is unique, must be understood within its own context, and achieves excellence in specific areas of human activity.

Cultural studies also offer stage-based approaches. According to one such model, human culture passed through the following stages: the primitive (the emergence of culture); the archaic (the cultures of ancient societies up to the 5th century CE); the pre-industrial (the culture of the Middle Ages, 6th–14th centuries); the industrial (the cultures of the Renaissance and Reformation of the 15th–16th centuries and the Early Modern period of the 17th–early 20th centuries); and the post-industrial (the

contemporary culture of the 20th–21st centuries) (Rudenko, 2023). However, this scheme does not explain the causes of transition between stages, but merely registers milestones. An original contribution was made by D. K. Feibleman (Feibleman, 1997), who distinguished the following types of culture: pre-primitive, primitive, military, religious, civilizational, scientific, and post-scientific. He classified the first four as “initial” and the latter three as “advanced.” Within his framework, cultural types do not necessarily follow a strict sequence and may appear in different orders. In practice, however, cultures are more complex, combining elements of several types simultaneously.

Attention should also be given to M. McLuhan’s theory (McLuhan, 2003), which bases cultural classification on modes of communication that shape human perception of the world. He identifies four stages: oral culture; writing; print; and the emergence of radio and television. McLuhan emphasizes the formation of civilizations only with the advent of writing, the shaping of national consciousness through print, and the acceleration of globalization with the appearance of radio and television.

Finally, some scholars today distinguish three global cultural types (sometimes referred to as cultural codes): the pre-literate, sometimes called traditional; the literate, based on book culture; and the screen-based, currently in formation (Barth, 2003). This scheme, however, does not address the underlying reasons for transitions between types.

Almost all existing systems share certain shortcomings. They are either insufficiently universal, or they neglect periods of regression and stagnation. Moreover, explanations for transitions between stages

are often absent or are reduced to narrower economic, social, political, or technological causes, rather than grounded in fundamental principles of human and societal development.

Outlines of a New Classification and the Characteristics of Stages of Human Cultural Evolution

Taking into account the shortcomings of existing theoretical approaches, we propose an original classification of humanity history, intended to serve as a foundation for the further structuring and systematization of diverse fields of knowledge. Such a framework will make it possible to respond to the challenges of the modern era in a timely and adequate manner. This classification was first presented by the author during the discussion “*Cultural Exchange as a Factor of International Stability*”, held at the St. Petersburg Economic Forum on June 20, 2025, under the auspices of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Nosov, 2025). The proposed approach received both support and lively discussion among the participants and the wider audience.

Our classification is based on distinguishing of three Stages of Human Cultural Evolution:

The First Stage began more than 50,000 years ago (its precise point of origin remains unknown) with the emergence of oral speech. Since interaction at this stage was primarily mediated by two senses — vision and hearing — necessary for the perception of two types of waves, light and sound, we will conditionally refer to this stage as the “Two-wave Stage”.

The Second Stage began approximately 6,000 years ago. Because writing always appears on a flat medium—papyrus, birch bark, paper, and so forth—

and a plane has two dimensions, we will conditionally call this stage the “Two-dimensional Stage”.

The Third Stage began around 200 years ago with the invention of the electromagnetic telegraph in the early 1830s by the Russian scientist P. I. Schilling, followed by S. Morse’s development of the telegraph code and the application of these discoveries for the instantaneous transmission of information over long distances in the mid-19th century. With the adoption of the binary numeral system (an ideal mathematical language capable of describing any process and perfectly suited to machine processing) in human activity, humanity entered a new stage. We will conditionally call this the “Binary-machinery Stage”.

The proposed by the author classification can be presented in the form of the following table:

Table 01. Humanity history classification in the context of the theory of Human Cultural Evolution.

Humanity History		
First Epoch – The Epoch of Oral Speech	Second Epoch – The Epoch of Written Speech	Third Epoch – The Epoch of the Digital Assistant
		Binary-machinery Stage: Digital Assistant
	Two-dimensional Stage: Writing	
Two-wave Stage: Spoken Language.		
Human Cultural Evolution Stages		

Extended characteristics of cultural stages may also be presented in the following table:

Table 02. Stages of Human Cultural Evolution and their characteristics.

Types of Characteristics	Stages of Human Cultural Evolution		
	First Stage — Two-Wave Stage	Second Stage — Two-Dimensional Stage	Third Stage — Binary-Machinery Stage
Characteristics of the first significant event (trigger) of the Human Cultural Evolution Stage	Exchange of information among people through the senses (primarily vision and hearing) by means of oral speech; thus, languages emerged.	In addition to oral speech, writing on surfaces began to be used, including numerical signs of the sexagesimal and decimal systems for agricultural and trade	In addition to oral and written speech, the use of computing machines began (the transmission of binary code over distance) — digital assistants.

		purposes, as well as alphabets of languages.	
	The beginning of settlement and the mastering of continents .	The appearance of numerical systems in Sumerian, Egyptian, and Indus civilizations .	The invention of Morse code, the telegraph, and the teletype; large-scale migration between continents.

Quantitative and other global characteristics of humanity at the Human Cultural Evolution Stage	It started more than 50,000 years ago.	It started about 6,000 years ago.	It started about 200 years ago.
	Initial population : about 2 million people.	Initial population: up to 20 million people.	Initial population: about 2 billion people.
	Population growth during the stage: tenfold	.Population growth during the stage: hundredfold.	Population growth during the stage: fourfold.

	The emergence of society. The Earth was inhabited primarily by isolated groups (hundreds of small societies).	The establishment of society. The emergence of numerous states, the formation of global colonial empires (dozens of civilizations).	The globalization of society. Multiplicity of states, the rise of global industrial and financial corporations, and the emergence of a polycentric world (a handful of civilizations).
Characteristics of external long-term memory	Existed in unstable form through legends, myths, oral traditions, and cave paintings.	Relatively stable, but the speed and scale of information transfer were limited.	Long-term storage of vast volumes of information and their instantaneous transmission.

Characteristics in terms of interaction with the environment and humanitarian values	Utilization of the natural environment.	Industrial exploitation of the environment.	Transformation of the environment . The weight of human-made objects has surpassed the biomass of the planet.
	Mutual assistance within kin, tribe, or people.	Development of social institutions within states.	Development of international social institutions.

It should be noted that the classification based on the Theory of Human Cultural Evolution does not contradict any of the existing models, which in one way or another are more particular in scope and describe narrower aspects of human development (technological, informational, socio-economic, and so forth). On the contrary, in the author's view, it may serve as a foundational framework, one that confirms and complements each one of them.

Conclusion

The developed theory of Human Cultural Evolution and the Classification of Humanity History based upon it

possesses a certain potential in the field of historical education. On the one hand, it offers simplicity of perception and exposition; on the other, it provides a universal framework for explaining causal relationships across various spheres of human activity. It can be applied in educational and outreach processes at different levels, for people of all ages and categories.

This Classification enables the stage of a new knowledge within an interdisciplinary approach — at the intersection of philosophy, cultural studies, history, biology, physics, and other disciplines. It makes it possible to present the development of humanity in a convenient and illustrative scheme which, first, establishes basic ideas and concepts, and second, on this foundation, allows individuals to uncover their own potential.

In the second half of the twentieth century, a bipolar world system took shape, with each pole representing its own civilizational values. After its collapse, there was an attempt to form a unipolar system—and some political theorists hastily proclaimed the “end of history” (Fukuyama, 2004). Today, however, one observes the emergence of a polycentric world. At the same time, attempts are being made to preserve the colonial system in a new format, which provokes conflicts between peoples and states.

This leads to the conclusion that, in the middle of the Third Stage, we are witnessing a kind of “civilizational review”—an assessment of what different civilizations can offer the world and what developmental goals they pursue. Those civilizations will endure which are the most culturally developed and which are capable of creating and embedding proper images based on universal human values. With each successive Stage, humanity has advanced in the humanization of society

as the basis for cohesion and survival in the face of any challenges. Overcoming neocolonialism and the ability to build a harmonious society founded upon the recognition of mutual interests are indispensable qualities for a civilization that will demonstrate a new level of humanization and lead the movement toward the next Human Cultural Evolution Stage.

The greatest prospects for successful development belong to those civilizations which have not only mastered the competent use of knowledge but also, earlier than other cultures, learned to apply it for the common good, to show tolerance and understanding, and at the same time to defend their own values. Institutions of culture (archives, libraries, museums, and theaters), which safeguard cultural images, provide access to them, and disseminate knowledge, play a special role in the development of local civilizations and humanity as a whole. Today, efforts continue to construct negative images of various countries in the context of economic competition, which contributes to international instability. Counteraction to this requires, among other things, raising the level of cultural literacy in working with information sources, improving the quality of public education, and cultivating constructive images in consciousness aimed at preserving the traditional spiritual and moral values of peoples.

The Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Historical Education, approved by Presidential Decree No. 314 of May 8, 2024, states: “Russia is a great country with a centuries-long history, a civilization-state that has united the Russian and many other peoples of Eurasia into a single cultural and historical community and has made an enormous contribution to global

development.” Respect for one’s own history, its glorification and exaltation, is a distinctive feature of all mature states.

All three Human Cultural Evolution Stages continue to co-exist, to interact, to evolve, and to influence all spheres of social life and culture. Analyzing the historical process through the lens of the proposed theory of Human Cultural Evolution, one may reasonably suppose that humanity today finds itself somewhere in the middle of the Third Stage. It was precisely in the middle of earlier epochs that turning points occurred, affecting all spheres of society and laying the foundations for a new spiral of rapid development. Understanding and adopting the Theory of Human Cultural Evolution and the classification of humanity history based on it will allow scholars and cultural figures to address their tasks more effectively, including those in the field of historical education.

References

- “A New History Textbook Has Raised the Attendance of the Yeltsin Library Portal” (2025), RIA Novosti (<https://ria.ru/20250621/uchebnik-2024541711.html>, accessed on 22.07.2025).
- Barthes R. (2003) *Système de la Mode*, Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyh.
- Bastian A. (1860) *Der Mensch in der Geschichte. Zur Begründung einer Psychologischen Weltanschauung*, Leipzig: O. Wigand.
- Belousova G. A., Utkin A. I. (1996) “Interuniversity Conference on the Methodology of History”, *National History*, no. 6, pp. 206-209.
- Boas F. (1911) *The Mind of Primitive Man*, New York: Macmillan.
- Comte A. (1900) *Cours de philosophie positive*, Saint Petersburg: Je. K. Gart'e i Ko.
- Danilevsky N. Ya. (1871) *Russia and Europe: A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World to the Germanic-Romanic One*, Saint Petersburg: Obshhestvennaja pol'za (<https://www.prlib.ru/item/820604>, accessed on 15.07.2025).
- Feibleman J. (1997) “The Types of Culture”, *An Anthology of Cultural Studies*, vol. 1, Saint Petersburg: Universitetskaja kniga, pp. 203–224

- Fukuyama F. (2004) "The End of History and the Last Man", The Center for Humanitarian Technologies (<https://gtmarket.ru/library/basis/6341>, accessed on 15.07.2025).
- Gumilev L. N. (1989) *Ethnogenesis and the Biosphere of the Earth*, Leningrad: Izdatel'stvo LGU.
- Jaspers K. (1991) *The Origin and Goal of History*, Moscow: Respublika.
- Leontiev K. N. (1876) *Byzantism and Slavism*, Moscow: Imp. O-vo istorii i drevnostej Ros. pri Mosk. un-te (<https://www.prilib.ru/item/820683>, accessed on 15.07.2025).
- Marx K. (1872–1896) *Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie*, Saint Petersburg (<https://www.prilib.ru/item/1645716>, accessed on 15.07.2025).
- McLuhan M. (2003) *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*, Kyiv: Nika-centr.
- Nosov Yu. S. (2025) *Speech at the St. Petersburg International Economic Forum as Part of the Discussion "Cultural Exchange as a Factor of International Stability"*, June 20, 2025 (video) (<https://www.prilib.ru/item/2049369>, accessed on 15.07.2025).
- Rudenko A. M. (2023) *Cultural Studies: Textbook*, Moscow: INFRA-M.
- Spencer H. (1897) *First Principles*, Saint Petersburg: L. F. Panteleev.
- Spengler O. (1993) *Der Untergang des Abendlandes*, Moscow: Iskusstvo.
- Toynbee A. (1991) *A Study of History*, Moscow: Progress (<https://www.prilib.ru/item/906141>, accessed on 15.07.2025).

Манурадха Чаудхари
Профессор
Центр русских исследований
Университет им. Джавахарлала Неру

Сону Саини
Доцент
Центр русских исследований
Университет им. Джавахарлала Неру

Рашми Гири
Преподаватель
Дин Даял Упадхьяя колледж
Делийский университет

Manuradha Chaudhary
Professor
Centre of Russian Studies, SLL&CS, JNU

Sonu Saini
Associate Professor
Centre of Russian Studies, SLL&CS, JNU

Rashmi Giri
Guest Lecturer
Deen Dayal Upadhyaya College
University of Delhi

Изучение индо-российских отношений раннего средневековья посредством анализа артефактов

Exploring the Indo-Russian Relations of the Early Medieval Period through the Artefacts

Аннотация: В статье рассматриваются индо-российские отношения в раннесредневековый период на основе артефактов, обнаруженных в ходе различных археологических раскопок на территории России. Раскопки захоронения «Принцессы Укока»,

датируемого V веком до н.э., и находка монет с надписями «Саманта Дева» и «Девы Тара», которые, как предполагается, относятся к индуистскому богу Вишну, являются одними из ключевых моментов, определяющих исторические корни отношений между двумя странами. В статье приводится краткое описание посещения места раскопок. Авторы подчеркивают необходимость радиоуглеродного датирования, дальнейших раскопок и углубленного анализа артефактов для подтверждения предполагаемых фактов, что позволит внести новые данные в историю древних отношений между Индией и Россией.

Ключевые слова: индо-российские отношения, археологические раскопки в России, индийские артефакты в России, торговля по Волге, бог Вишну в России, Деви Тара в России

Abstract: *The article examines Indo-Russian relations during the early medieval period through artefacts discovered in various excavations in Russia. The excavation of the Lady of Ukok, dating back to the 5th Century BCE, and the discovery of coins inscribed with 'Samanta Deva' and 'Devi Tara', which are believed to be those of the Hindu god Vishnu, are among the milestones that define the historical roots between the two countries. A brief description of the visit to the excavation site is provided in the paper. The authors have emphasised that the need for carbon dating, further excavation, and deep analysis of the artefacts is required to establish the estimated facts, which will add new insights to the book of history on ancient relations between India and Russia.*

Keywords: *Indo-Russian relations, excavation in Russia, Indian artefacts in Russia, Trade through the Volga, God Vishnu in Russia, Devi Tara in Russia*

Introduction

The formal relations between India and Russia were established on 13th April 1947, a couple of months before India's independence. This can be considered the beginning of a government-to-government strong partnership in the areas of politics, strategy, defence, and economics, which later evolved into a Special & Privileged Strategic Partnership. However, the beginning of trade and cultural relations dates back to ancient times. This has already been declared in the findings of several excavations in Russian regions, which indicate the Indo-

Russian cultural exchange in the ancient period of History.

The body of a woman of about 25 years was excavated in "Pazyryk Tomb" (*Picture no. 1: Burial site*) in the Altai mountains in the Ukok area in Russia near the border of Russia with

China and Mongolia in 1993. She was named as Lady of Ukok: frozen in Time. There were three horses buried near the woman, which suggests that she came from a wealthy family.

Picture no. 1

Picture no. 2

(Picture no. 2 'The Lady of Ukok: Frozen in time') The body was in the log coffin along with textiles and leather belongings. She was wearing a beautiful silk blouse. The fibre of the Ukok blouse indicates that it had come from India.[Bahn, Paul G] The Lady of Ukok is also known as the Siberian Ice Maiden and dates back to the 5th Century BCE. [Polosmak, Natalia , 97]

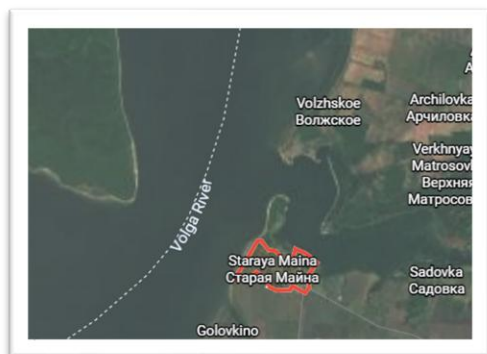
However, many such excavations find the threads of Indo-Russian primaeval relations. Several artefacts were found in the village of Staraya Maina in the Ulyanovsk Region, near the Volga River, in 2007. This paper provides an account of the findings.

A group of researchers, including two of the authors of this article, visited the site in 2023 to explore the area. During the official meetings with the Municipal Corporation

(Picture no. 3), it was found that there is a high level of interest on the part of the authority in the findings regarding the Indian artefacts. Prof. Alexander Kozhevin, who led the excavation in 2007, showed the

artefacts and the site.

The site of Staraya Maina is situated on the bank of the River Volga, one of Russia's celebrated rivers (*Picture no. 4: Excavation site*). The excavation was conducted in year 2007 by Ulaynovsk State University

under the supervision of Prof. Alexander Kozhevin. In this archaeological expedition at Staraya Maina, it was surprisingly discovered that several Indian artefacts were present. These artefacts are significant for understanding and establishing the historicity of early Indo-Russian cultural and trade relations.

Picture no. 4

It is believed that India and Russia have centuries-old relations. Recent findings suggest that the trade relations between India and Russia date back even to the second half of the 15th century, when Afanasy Nikitin visited India. However, traces of this historical account were mostly reconstructed based on literary information. The ancient relations are traced through the Volga-Caspian trade route. During a recent excavation in the village of “Staraya Maina”

(Old Maina), situated in the Ulyanovsk Region, sculptures of Indian deities, coins of Indian affiliation, and ornaments showing typical Indian influence were discovered. Among these archaeological findings, one of the most fascinating discoveries is a beautiful artefact of Vishnu (*Picture no. 5*).

The preliminary observation of this sculpture suggests an image of the Pala style (c. 9th-11th century CE) found on the bank of the Volga at Sataraya Maina.

This valuable finding of an Indian artefact came to light during an excavation conducted by Ulyanovsk State University under the supervision of Prof. Alexander Kozhevin in

2007. According to Prof. Kozhevin, the unearthed idol of the Hindu god Vishnu, found in Ulyanovsk, can be dated based on its stylistic features to around the 10th-11th century CE. Century [Kozhevin A.E. 2020]. The Russian government's efforts to restore the treasures of the Ulyanovsk region have revealed some remarkable facts. At the site of the statuette's discovery, an archaeological structure was unearthed, presumably it is presumably identified as the remains of a religious structure. Preliminary observations suggest that this structure is associated with Indic traditions. Unfortunately, this structure is being intensively destroyed by the waves of the Volga River and treasure hunters. It is necessary to conduct research at the earliest opportunity; otherwise, it may be lost entirely. The village

‘Staraya Maina’ has revealed astonishing facts about the oldest settlements not only in the Ulyanovsk region but also in Russia. The Staraya Maina has signs indicating that the population has been constantly present in

the area for approximately 1700 years, on the bank of the Volga River. It is estimated that the village’s history dates back to roughly the beginning of the 4th century BCE. The excavation findings in this region point towards a rich archaeological material of the early centuries of the Common Era. [Ancient Idol]

During the visit to the Sataraya Maina, the authors discovered several other artefacts excavated by Prof. Alexander Kozhevin's team. One of them is a metal coin or locket (*Picture no. 6*). The script written on the coin suggests ‘Samanta Deva’, which dates back to the 850-1000 AD period. The coins with bull/horseman motif were one of the specialities of the ‘Samanta Deva’ dynasty. A similar coin found on other sources describes this coin as “Recumbent bull facing left, wearing jhule (saddle-cloth), with clear trisula (trident) symbol on rumb.” [Marudhar Arts 1].

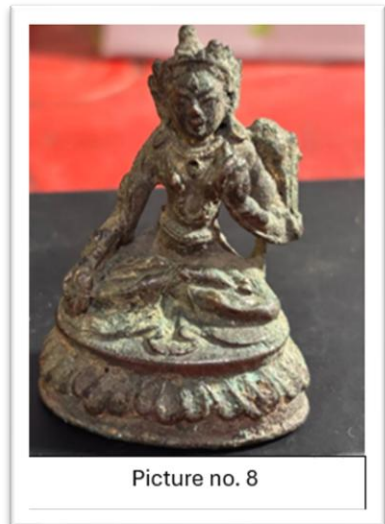
Another pair of gold coins (all called as Gold Mohur) was found in Staraya Maina village in 2007 during the

excavation(*Picture no. 7*). It appears to be from the Sultanate period (13th-14th century). A similar type of coin is mentioned as the Coin of Akbar of the Agara Dar ul Khilafa Mint. [Marudhar Arts 2]. Such coins were used in trade and the

exchange of valuable goods. Finding these coins near the Volga River in the village of Ulyanovsk Region can be considered an indication of the profound relations between the people of India and Russia.

The old bronze statue of 'Devi Tara' was recently discovered in Staraya Maina and is now housed in the local museum. Prof. Alexander Kozhevin has shared the picture and details (*Picture no. 8*). The Buddhist goddess Tara, sitting on a lotus flower, represents compassion and symbolises peace and purity. The era of the statue is estimated to be the 13th century AD,

according to available sources. [Tara Statue]

The recent discovery of the Goddess Tara in Russia is also a significant development from the region, highlighting the presence of Indian culture in its historical context.

Conclusion

The areas near the Volga are rich in historical sources. The Old Maina is also known as one of the main areas with a folk literary heritage. The famous storyteller Abram Novopoltsev lived there, whose fairy tales and legends contain analogues of Indian fairy tales and legends. A place has been identified at the site of Staraya Maina, where ritual offerings were made, and people would throw coins or articles after making a wish. This kind of tradition is still prevalent in India, particularly when crossing flowing water or sacred water bodies. Thus, it shows very much similarities to Indic traditions. Against this backdrop found material an archaeological investigation of the surrounding area of Sataraya Maina is critical. The recovered material requires rigorous research and analysis to shed light on ancient Indo-Russian relations. The special need is the carbon dating process of all the artefacts, as well as support from the government to carry out further excavation and thorough study. Unfortunately, the excavation is not being officially continued in this area. There is a need to support this excavation work further and attempt to unearth the artefacts that may provide more evidence of the ancient Indo-Russian trade relations. Such findings will further strengthen the ties between the two countries.

Pictures

- Picture no. 1: The lady of Ukok: frozen in time
<https://archive.org/details/atlasofworldarch00paul/page/128/mode/1up>
- Picture no. 2: Recreation of the image of Burial Place: "Legal bid fails to rebury remains of 2,500-year-old tattooed 'ice princess'". *The Siberian Times*. 2016.
- Picture no. 3: Visit of the authors to the Municipal Corporation of Staraya Maina in 2023
- Picture no. 4: Visit of the authors to the site of the excavation conducted by Ulyanovsk State University under the supervision of Prof. Alexander Kozhevnikov
- Picture no. 5: Statue of God Vishnu found in Staraya Maina in Ulyanovsk Region.
- Picture no. 6: Metal coin found in Staraya Maina in Ulyanovsk Region.
- Picture no. 7: Gold coin found in Staraya Maina in Ulyanovsk Region.
- Picture no. 8: Statue of Devi Tara found in Staraya Maina in Ulyanovsk Region.

References

1. Bahn, Paul G, The atlas of world archaeology
<https://archive.org/details/atlasofworldarch00paul/page/128/mode/1up> (Accessed on 10-09-2025)
2. Polosmak, Natalia (October 1994). "A Mummy Unearthed from the Pastures of Heaven". *National Geographic*: 80–103., p. 97.
3. Ancient Idol of Lord Vishnu found during excavation in an old village in Russia's Volga Region
<https://globalhinduism.wordpress.com/2012/01/20/ancient-idol-of-lord-vishnu-found-during-excavation-in-an-old-village-in-russias-volga-region/> (Accessed on 12-10-2025)
4. Ancient Idol of Lord Vishnu found during excavation in an old village in Russia's Volga Region

<https://globalhinduism.wordpress.com/2012/01/20/ancient-idol-of-lord-vishnu-found-during-excavation-in-an-old-village-in-russias-volga-region/> (Accessed on 14-09-2025)

5. Marudhar Arts 1. <https://marudhararts.com/e-auction/auction-no-3/lot-no-60/coins-of-india/medieval-coins-of-india/turk-and-hindu-shahis-of-kabul-and-gandhara/samanta-deva/billon-coin-of-samatata-deva-of-hindu-shahis-of-kabul-and-gandhara> (Accessed on 19-08-2025)
6. Marudhar Arts 2. <https://marudhararts.com/printed-auction/auction-no-20/lot-no-322/coins-of-india/mughal-coins/03-akbar-jalal-ud-din-muhammad-1556-1605/gold-mohur-coin-of-akbar-of-agara-dar-ul-khilafa-mint> (Accessed on 19-08-2025)
7. Tara Statue - Antique Java Style Majapahit Seated Bronze Devi Tara Statue
<https://www.etsy.com/in-en/listing/1101889215/tara-statue-antique-java-style-majapahit> (Accessed on 10-08-2025)

Other References:

1. India and Russia: Relations in the Modality of “Soft Power”, ed book “India-Russia Cultural Ties: Changing Dimensions ed. By Preeti D. Das, New Delhi, 2021
2. Kozhevin A.E. Place of interest "Historical and archaeological reserve "Staraya Maina" - history of creation and development prospects, *Istoriceckiy nauki i archaeology*, Vestnik Ekaterinskovo instituta, No. 1, (49), 2020. Pp 202-206.
3. V.P. Lebedev (Dzerzhinsk), A.E. Kozhevin (Ulyanovsk), About the finds of the golden dinars of the Samanid dynasty on the monuments of the Volga Bulgaria, *Proceedings of the 15th All-Russian Numismatic Conference*, 2009.

4. Saltykov A.D., Letters from India, the first journey, medieval historical sources of the east and west, [To Prince Peter Saltykov], Malta, February 2(14), 1841
5. Ancient Idol found in a Russian town, Jan 4, 2007
http://timesofindia.indiatimes.com/articleshow/1046928.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst
6. V. D. Chopra, Indo-Russian Relations: Prospects, Problems, and Russia Today, Gyan Publishing House, 2001
7. P. Stobdan, India-Russia Strategic Partnership: Common Perspectives, Institute for Defence Studies and Analyses, 2010
8. Barannikov, Cultural relations between India and Russia, The New-Totalitarianism, India Quarterly, October 1945, Vol. 1, No. 4 (October 1945), pp. 315-320. Published by: Sage Publications, Ltd, 1945
9. Prem K. Budhwar, India-Russia Relations: Past, Present and the Future, India Quarterly, Vol. 63, No. 3 (July-September, 2007), pp. 51-83 (33 pages), 2007
10. R. Menon, E. Rumer, Russia and India: A New Chapter, Carnegie Endowment for International Peace, Washington, 2022
<https://carnegieendowment.org/2022/09/20/russia-and-india-new-chapter-pub-87958>
11. India-Russia Ganga-Volga Dialogue of Civilisations (January 22, 2020), Ministry of External Affairs, Government of India, 2020
https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/32321/IndiaRussia_GangaVolga_Dialogue_of_Civilizations_January_22_2020
12. India-Russia Relations, December 2012, Ministry of External Affairs, Government of India,

<https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/Russia-DEC-2012.pdf>

13. R. Sankrityayan, *Volga Se Ganga*, Kitab Mahal, Delhi, 2018
14. B. Satapathy, "Dynamics of Indo-Russian Relations: Continuity and Change." *The Indian Journal of Political Science* 76, no. 4 (2015): 990–993. <https://www.jstor.org/stable/26575643>.
15. V. Hansen, *The Year 1000: When Explorers Connected the World—and Globalisation Began*, Simon and Schuster, 2020
16. P. Josephson, *The Volga. A History of Russia's Greatest River*, 2023. URL: <http://journals.openedition.org/monderusse/12972>
17. Overview of the Silk Road heritage in the Russian regions and potential for product development. Based on the study "Russian cultural and historic heritage in the framework of the project 'Great Silk Road'", prepared under the supervision of Vladimir Grusman, PhD, Director of the Russian Museum of Ethnography, Ministry of Culture of the Russian Federation, Russian Museum of Ethnography https://webunwto.s3-eu-west-1.amazonaws.com/imported_images/47088/en_overview_of_the_silk_road_heritage_in_the_russian_regions_and_potential_for_product_development_.pdf
18. P. Frankopan, *The Silk Roads: A New History of the World*, Bloomsbury, March 7, 2017
19. Janet M. Hartley, *The Volga: A History of Russia's Greatest River*, Yale University Press, 2022
20. D. Zeisler-Vralsted, *Rivers, Memory, and Nation-Building: A History of the Volga and Mississippi Rivers*, Bibliography, Index, 2014

Biography of Authors

Shraddha Sharma is a seasoned corporate trainer and accomplished academician with over 18 years of multifaceted experience in education, training, and linguistic research. Renowned for her expertise in English communication, soft skills, and Russian language, she has empowered more than 15,000 professionals and students, contributing to over 12,000 successful job placements and career growth.

As the former Dean of Students at TSCFM, Sharma led curriculum innovation and multilingual academic teams, earning industry recognition for excellence in education delivery. A prolific writer and thought leader, she has authored certified training materials and published extensively on communication, linguistics, and socio-cultural learning. Her work has been featured by Shiksha.com, CollegeDunia.com, and PR Newswire, and honoured at the Education Leadership Summit.

Rajkumar Yadav is a Russian Language teacher, based out of New Delhi. He received his Bachelor's, Master's, MPhil and PhD degrees from JNU, New Delhi. He has taught Russian language across multiple Universities of Delhi as well as School of Foreign Language, Ministry of Defence. He specializes in Russian pedagogical lexicography and his research work focuses on word frequency lists as a tool for Russian Language Acquisition. sainikraj05@gmail.com

Chandan Kumar holds a graduation and post-graduation degree in Russian Language, Literature, and Culture, and currently pursuing Ph. D. at the Centre of

Russian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi. His academic journey has been deeply rooted in exploring Russian literature, language, and cultural studies, with a particular focus on fostering cross-cultural understanding. In 2021, he has translated and published a collection of plays by the renowned Russian writer Nikolai Gogol, a project made possible through the financial support of the Institute of Translation, Moscow, Russia.

Chandan Suman is Assistant Professor in Russian in Department of Foreign Languages, Faculty of Arts, Banaras Hindu University, Varanasi. He has completed his education from Jawaharlal Nehru University, New Delhi. dr.chandansuman@gmail.com

Krishna Kumar has completed his PhD from Centre of Russian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi. krishnacrsjnu@gmail.com

Syed Mohammad Tabrez

Syed Mohammad Tabrez is a doctoral student of the Centre of Russian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India. His studies are focused on modern Russian literature, in particular, the works of Viktoria Tokareva, Dina Rubina, and Lyudmila Petrushevskaya. His areas of interest are stylistic analysis, comparative analysis, linguistic discourse and linguistic devices. In addition to his work, he translates Russian prose into Hindi to make contemporary Russian women's voices accessible to a wider Indian readership. He has also presented his work at national and international forums and has been contributing to Russian studies through research and translations. smtabrez4@gmail.com

Saima Parveen is teaching Russian as a Foreign Language, introduction to Russian Literature, History and Culture of Russia at the university level as Guest Faculty for last 14 years at various places (Jamia Millia Islamia, University of Delhi, School of Foreign Languages, Ministry of Defence, Govt. of India and IGNOU). She has been the coordinator of many programmes at JMI. Ten years of working on research in the field of Comparative study of Phraseology of Human Emotions in English, Hindi and Russian. During this period, she obtained and developed well build learning and teaching skills. In addition to my dissertation research, other areas that interest me for my research from my aim of developing improved methodology of teaching Phrases in comparative Studies, comparison in English, Hindi and Russian, and usage of phrases in Translation and Literature for the future students. Currently she is a scholar at University of Delhi and doing my PHD research on Syntax of Russian and Hindi Languages in the field of Mono-Nuclear and Bi-Nuclear sentences. She is currently working on some Translation projects from Russian to Hindi and Urdu. Saima_24pk@yahoo.co.in

Nandani Dixit born and raised in Bihar, India, holds Bachelor's and Master's degrees (2016–2021) in Russian Language, Literature, and Culture Studies from Jawaharlal Nehru University (JNU), New Delhi. She is currently pursuing Ph.D. in Russian at JNU and is a Senior Research Fellow (SRF). With two years of teaching experience at JNU and private institutes, she has also been working as a freelance translator and interpreter for over six years with various private and government organizations, including the Ministry of Information and Broadcasting, Ministry of Textiles,

FICCI, BSF, NSCS, SCO, The Moth (a New York-based NPO), and others. Nandani has presented papers at several international conferences and received awards in cultural, academic, and international competitions. She was selected for the World Youth Festival 2024 held in Sochi, Russia, and the InteRussia Fellowship (May 18–June 15, 2025) held in Moscow, Russia. Passionate about intercultural communication, she is committed to continuous learning and contributing to the field of Russian studies." nandanidixit123@gmail.com

Krishna Kumar has completed his PhD from Centre of Russian Studies, SLL&CS, Jawaharlal Nehru University, New Delhi.

Devarchit Singh, a research scholar at the Centre of Russian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi. He is pursuing a PhD in the field of translation. His areas of interest include innovative methods of teaching Russian as a Foreign Language and translation of works from Russian into Hindi/English. s.devarchit896@gmail.com

Abhai Maurya is the founder Vice-Chancellor of the central University of English and Foreign Languages, Hyderabad. He joined University of Delhi in February 1974 as a Lecturer. Prof. Maurya had been the Head of Department of Modern European Languages and in 1988 he became the founder Head of Department of Slavic Studies. He had been the Dean, Faculty of Applied. Prof. Maurya is the author of 13 books, both scholarly and creative, and more than 50 research papers published in India and abroad. abhai.maurya@gmail.com

Fahmina Naaz was born in Delhi and currently, lives in Noida, Uttar Pradesh. She has completed her Ph.D. in Russian literature from University of Delhi in 2024. Her area of specialization is Contemporary Russian women's prose writing. Over the past several years, she has been actively working as guest faculty in Russian and has been associated with reputed institutions such as the University of Delhi, Jamia Millia Islamia and Russian House. fahminanaaz@gmail.com

Anju Rani completed her Graduation, M.A., and M.Phil. in Russian and currently pursuing her PhD from Jawaharlal Nehru University. Since July 2016, she has been teaching Russian language at the Department of Slavonic and Finno-Ugrian Studies, University of Delhi. Her area of expertise are contemporary Russian literature, Russian women literature and comparative studies. jnu.anju@gmail.com

Anupma Sharma is a research scholar pursuing her Ph.D. from Punjab University in Russian Literature. She has an M.Phil. in Russian Literature with distinction from Delhi University (2019) and received a Gold Medal for obtaining the maximum marks in her M.A. in Russian (2016). anu22247@gmail.com

Rashmi Giri born in 1993, Rashmi Giri hails from Kanpur and has done BA, MA and PhD from the Centre for Russian Studies, Jawaharlal Nehru University (JNU). She is a laureate of Pushkin concourse 2024. She specializes in Russian Literature. She has done a special course of teaching Russian to foreigners under fellowship at the Pushkin Russian Language Institute in Moscow. She is a freelance Translator and Interpreter. She has taught Russian language at Delhi University.

Currently, she is working as Field Investigator in an ICSSR Major project. rashmigiri1993@gmail.com

Deepika Vashist is a researcher in Russian Language and Literature in India. She has completed her Ph.D. on the topic 'Russian Women's writing and evolution of feminist ideas in second half of the XIX century: a study of selected works of women writers' from the University of Delhi. Her research interests include Russian women's writing, gender studies and comparative literature. She has published articles and presented research papers on Russian literature and feminist literary criticism in national and international journals/conferences. Her current work focuses on integrating Russian women writers into the curriculum of Russian language teaching in India. deepikavashist532@gmail.com

Kunwar Kant is a senior lecturer in the Department of Russian Studies at the English and Foreign Languages University, Hyderabad, India, with over 15 years of teaching experience at the undergraduate, graduate, and postgraduate levels. He specializes in Russian literature, translation, and foreign language teaching. In his professional career, he has successfully translated literary works by various Russian poets and writers from Russian into Hindi. kunwarkant@gmail.com

Radha Mohan Meena is an Assistant Professor at the Centre for Russian Studies at Jawaharlal Nehru University. He completed a Master of Philosophy and a PhD degree in Russian. His major areas of interest are the Russian language, translation, and contrastive linguistics. He completed intensive training in translation at the Central Institute of Indian Languages, Mysore. He is a laureate of the International Pushkin

Competition Award (2023). He has published more than a dozen research papers and translations of literary works by prominent Russian authors, including Anton Chekhov, Aleksandr Ivanovich Kuprin, Fyodor Sologub, and Panteleimon Sergeyevich Romanov. mohan1385@gmail.com

Sushma Kumari has completed her PhD in Russian from Centre of Russian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi. At present she is working as the Guest Lecturer in Panjab University. sushma27llj@gmail.com

Indu Shekahr is a teacher of the Russian Language and literature. His area of specialization is Russian Literature. He earned his PhD degree in Russian Literature (on the topic of Representation of Caucasus in Russian Literature) in 2017. He has been teaching as an Assistant Professor (temporary) at The Maharaja Sayajirao University of Baroda since 2019. indu.shekhar-russian@msubaroda.ac.in

Harsha Narang is a research scholar at Centre of Russian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi. She has also studied in University of Delhi. Harsha.narang134@gmail.com

Ranjana Banerjee is former Chairperson, CRS. She is a Professor at the Centre of Russian Studies, School of Language, Literature & Culture Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India. She received a Masters degree in Russian Philology from Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, in 1987. Thereafter, she obtained a Ph.D from the Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences, Moscow, in 1990. Her research work explored the analogous traits

that could be traced in the socio-cultural environment of Russia and Bengal at the crossroad of the 19th and 20th centuries, with a special emphasis on the works of Leo Tolstoy and Saratchandra Chattopadhyay. ranjanab1992@gmail.com

Rohit Raj has completed his PhD in Russian from Centre of Russian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi. At present he is working as the Guest Lecturer in University of Delhi. He also works as an interpreter as freelancer.

Hem Chandra Pande, former Dean of the School of Language, Literature and Culture Studies, Jawaharlal Nehru University. He is well-known scholar of Russian Hem Chandra Pande who has taught Russian for a long period in Hindustan Aeronautics Ltd. (Nashik) and Jawaharlal Nehru University (New Delhi). He has published several books and articles on Russian Language, Russian Indology, Linguistics, Theory of Translation, Russian-Hindi Contrastive Grammar, Language and Thought, Russian Literature etc. He has also translated some of the best writings of contemporary Russian literature into Hindi.

Nagendra Shreeniwas is an Associate Professor at the Centre of Russian Studies, School of Language Literature and Culture Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India. nshreeniwas@gmail.com

Polina Dorozhkina graduated in 2024 with a Bachelor's degree from the Faculty of Philology at the Pushkin State Russian Language Institute. During undergraduate studies, she completed advanced training in Corpus Linguistics and specialized courses on teaching Russian as a foreign language in limited

and non-native language environments. Currently, she is pursuing a Master's degree in Fundamental and Applied Linguistics at the Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics (HSE). Since 2021, Polina Dorozhkina has actively participated in the international volunteer program.

Ambassadors of the Russian Language in the World, contributing to educational and outreach expeditions in Kyrgyzstan, Turkey, India, and Vietnam. Professionally, Polina Dorozhkina has been working at the digital portal Gramota.ru since 2023 and since 2024, has served as an assistant researcher at the Laboratory of Cognitive and Linguistic Research at the Pushkin Institute. polina_dorozhkina02@mail.ru

Suman Kumar Sharma

Suman Kumar Sharma is currently serving as a Guest Faculty in Russian Language at Maulana Azad National Urdu University, Hyderabad. He holds a doctorate in the Russian–Hindi comparative analysis of somatic phraseologisms. He has presented several research papers at national and international conferences and has published his work in reputed journals and conference proceedings. sannik85@gmail.com

Pankaj Kumar Sharma

Pankaj Kumar Sharma is a researcher and translator specializing in the Russian language, literature, and translation studies. He holds a Master's degree in Russian from the Centre of Russian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, with a focus on comparative linguistics, folklore, and cross-cultural translation practices. His academic interests include Russian–English–Hindi translation, intercultural

communication, and the adaptation of folklore and animated films. pankaj66_llj@jnu.ac.in

Subhash Kumar

Subash Kumar has completed M. A., M. Phil. And Ph. D. in Russian from Centre of Russian Studies, JNU. Currently he is working as an assistant professor of Russian in Amity University Haryana (AUH) at Gurgaon. He is the Coordinator of Russian Language at Amity School of Languages (ASL), AUH since 2018. He has nine years of teaching experience and published more than ten research articles and more than seven translated works. He has presented more than 15 research papers in national and international seminars and conferences. subhashjnudelhi@gmail.com

Vikram Chaudhary

The author is a dedicated scholar and teacher of Russian language and literature with academic and professional experience. Currently serving as a Russian Language Teacher at the Russian House, Embassy of the Russian Federation in India, the author has also taught at the Centre of Russian Studies, Jawaharlal Nehru University (JNU), New Delhi, and taught as a visiting faculty at the Department of Russian, University of Mumbai for 3 years. He is actively promoting Russian studies in India. chaudhary.vikram9@gmail.com

Suhail Akhtar is working as an Assistant Professor, Department of Foreign Languages, Aligarh Muslim University, Aligarh, Uttar Pradesh. He has completed his education at Jawaharlal Nehru University.

Archana Kumari

The author has completed her higher education from Centre of Russian Studies, SLL&CS, JNU. Currently she

is working as an Academic Councillor (Temporary) in IGNOU and teaching Russian language there. archujnu@gmail.com

Abhijeet

The author is a Research Scholar at Centre for Inner Asian Studies, School of International Studies, Jawaharlal Nehru University. Prior to this he has done his graduation from the Centre of Russian Studies, SLL&CS, JNU. abhijeetatjnu@gmail.com

Suman Beniwal is an Assistant Professor at Centre of Russian Studies, Jawaharlal Nehru University. Prior to that she has worked in University of Delhi and School of Foreign Language. Her research areas are Modern Russian Language, Comparative Linguistics, Lexicology, Translation & Interpretation sumanbeniwal@mail.jnu.ac.in

Dinamani

Dinamani is an Assistant Professor at the Centre for Japanese Studies, School of Language, Literature and Culture Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi. He received his Doctorate from the Centre for East Asian Studies, School of International Studies, Jawaharlal Nehru University. He has done extensive research in Cultural History of Japan. His sphere of interest extends to Japanese language, literature, politics and philosophy. He is a trusted voice on Indo-Japan relations, Buddhism and Indian influence on Japan. dnmnkmr@gmail.com

Parijat Bhattacharjee is an Assistant Professor in Amity School of Languages, Amity University, Haryana. She has completed her studies in EFLU and JNU. parijatbx@gmail.com

Otabek Khomidov is a Teaching Associate at Amity School of Languages, Amity University, Haryana. khomidovotabek@gmail.com

Neemita Arya

Neemita Arya – Student of the Centre of Russian Studies, SLL&CS, Jawaharlal Nehru University. She has completed her Bachelor's Degree (2022) as well as Master's Degree (2024) in Russian Language and Literature from JNU, New Delhi. She has also assisted as a Russian language expert in Anuvadini - IGNOU Collaboration Project 2025 by the Ministry of Education. She has been shown her keen interest in Russian studies and translation – interpretation. neemita16@gmail.com

Piyush Nikhar completed Graduation, Master's, M. Phil and PhD from Centre of Russian Studies, SLL&CS, Jawaharlal Nehru University, New Delhi. He is working as Interpreter and Translator for BrahMos Aerospace. piyushnikharjnu@gmail.com

Kamala Kumari is an Assistant Professor in Sharda University. She has completed her PhD in Jawaharlal Nehru University. kamala_2003@yahoo.com

Yuri Stanislavovich Nosov

Born on April 26, 1963, in Russia (former USSR). In 1991, he graduated from the Military Institute with a specialization as a translator in English, French, and Persian. In 1993, he completed his studies at the Financial Academy under the Government of the Russian Federation with a degree in Banking and Finance. From 1993, he held various top-management positions at the Ministry of Economic Development of

the Russian Federation, as well as in the banking sector. From 1998 to 2019, he served in a range of senior executive positions at PJSC Gazprom.

Since 2021, he has been employed at the Presidential Library. In September 2022, he was appointed as a Director General of the Presidential Library. In 2024, he was elected Chairman of the St. Petersburg Regional Branch of the All-Russian Public – State Organization Russian Military–Historical Society. State Awards: Medal “For Battle Merit”; Order of Honor; laureate of the Gazprom Prize in the field of science.

Sonu Saini, Translator, Interpreter, Poet, Writer and Associate Professor at JNU’s Centre of Russian Studies, is an award-winning scholar of Russian literature and language pedagogy. He has received honours, including the Pushkin Prize and Rossotrudnichestvo awards for innovative teaching, for making significant contributions to Russian cultural promotion in India and promoting Indian culture in Russia. He has been working as a simultaneous interpreter from Russian to English and Hindi for more than 15 years. He has served as interpreter for the Hon’ble President of India, Hon’ble Prime Minister of India, Hon’ble Minister of External Affairs, NSA, along with other ministers of India and Russia.

sonusaini@jnu.ac.in

Manuradha Chaudhary is a professor at Centre of Russian Studies, SLL&CS, JNU. She is also the Dean of Students in the University. She works in Russian language, culture, comparative linguistics, and folklore, with extensive experience in Indian culture & Sanskrit studies, bridging Russian and Indian traditions through research, cultural events, and teaching, and holds multiple accolades, including the Pushkin Competition Award.

manuradha@jnu.ac.in

Rashmi Giri has completed her PhD from JNU. At present, she is working as a Guest Lecturer in Deen Dayal Upadhyaya College, University of Delhi. She is also working as a Field Investigator in the ICSSR Major Research Project. Her specialisation is literature and culture studies. rashmigiri1993@gmail.com